

В. К. ВОЛКОВ

МЮНХЕНСКИЙ
СГОВОР

И

БАЛКАНСКИЕ
СТРАНЫ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И БАЛКАНИСТИКИ

В. К. ВОЛКОВ

МЮНХЕНСКИЙ
СГОВОР
И
БАЛКАНСКИЕ
СТРАНЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА 1978

Монография освещает события с начала 1938 г. до захвата гитлеровцами Праги в марте 1939 г. На основе новых архивных материалов ряда стран прослеживается воздействие мюнхенского сговора на внешнюю политику и внутреннее положение Югославии, Румынии, Болгарии, Турции и Греции. Анализируется борьба империалистических держав на Балканах, раскрываются их противоречия и методы проникновения в балканские страны. В работе показаны структурные сдвиги в системе международных отношений под влиянием мюнхенского сговора, воздействие этих изменений на внешнеполитические концепции балканских государств, на процесс разложения Балканского пакта.

Ответственный редактор

В. М. ТУРОК-ПОПОВ

ВВЕДЕНИЕ

Мюнхенское соглашение занимает особое место в предыстории второй мировой войны. Список посвященной ему литературы чрезвычайно велик и продолжает непрерывно пополняться все новыми и новыми работами. Актуальность этой проблемы вряд ли вызывает сомнение. Достаточно напомнить, что вопрос о мюнхенском соглашении подвергся обсуждению между правительствами ЧССР и ФРГ в ходе переговоров о нормализации отношений двух стран более чем 25 лет спустя после окончания второй мировой войны. И лишь 11 декабря 1973 г. в заключенном между ними договоре ФРГ окончательно признала его действительным¹. Оценивая значение этого факта, ставшего возможным в результате соединенных усилий социалистических государств, ЦК КПСС в Отчетном докладе XXV съезду отмечал: «Теперь и юридически окончательно перечеркнут мюнхенский диктат»². Насколько глубокий след оставило мюнхенское соглашение в памяти народов, свидетельствуют многие международные научные конференции. Последняя из таких конференций, приуроченная к 35-летию мюнхенского соглашения, состоялась в городе Либереце (Чехословакия) в сентябре 1973 г.

Много сделала для изучения мюнхенского сговора, его причин, целей и последствий советская историческая наука, которая всегда рассматривала это событие в неразрывной связи с проблемой происхождения второй мировой войны³. Советские историки вскрыли классовый характер политики «умиротворения» агрессоров, проводившейся западными державами. Они показали, что мюнхенский сговор был направлен прежде всего против СССР. В основе мюнхенской политики лежали антисоветские

---

¹ Констатация недействительности и международно-правовой несостоятельности мюнхенского соглашения содержится также в других договорных актах, в частности в договорах о дружбе и взаимной помощи между ЧССР и ГДР (1967 г.) и ЧССР и ПНР (1967 г.).

² XXV съезд Коммунистической партии Советского Союза. 24 февраля — 5 марта 1976 г. Стенографический отчет, т. I. М., 1976, с. 30.

³ История дипломатии, т. III. М., 1965; История внешней политики СССР. 1917—1976, т. I. 1917—1945. М., 1976; История международных отношений и внешней политики СССР, т. I. 1917—1939 гг. М., 1967; История второй мировой войны 1939—1945, т. II. Накануне войны. М., 1972.

установки, рассчитанные в конечном счете на то, чтобы столкнуть Германию с Советским Союзом. Подталкивая германский империализм к агрессии на Восток, против СССР, западные державы надеялись, что это приведет к взаимному истощению Германии и Советского Союза и тем самым к упрочению мировых позиций Англии, Франции и США. При этом их не смущало, что одновременно угроза фашистского порабощения нависала над многими другими европейскими народами. Австрия, а затем и Чехословакия стали первыми жертвами нацистской агрессии.

Сознательная сдача Англией и Францией своих позиций в Европе привела в 1938 г. к длительному международному кризису, характеризовавшемуся антисоветским сговором четырех империалистических держав в Мюнхене, ломкой в Европе всей договорной системы, направленной на сдерживание фашистской агрессии, изменением соотношения сил на континенте в пользу фашистских держав. Все это открывало гитлеровской Германии путь к развязыванию второй мировой войны⁴.

Мюнхенский сговор коренным образом изменил международную ситуацию в Центральной и Юго-Восточной Европе. Он начал смертный приговор Чехословакии и покончил с Малой Антантой. Действия западных держав перечеркнули франко-чехословацкий, а также франко-советский договор о взаимной помощи от 1935 г., обесценили франко-польский союз⁵. Сговор империалистических держав явился грубым нарушением Устава Лиги Наций (особенно статей 10, 16, 17 и 20 Устава), а также пакта Бриана—Келлога от 27 августа 1928 г.⁶ Повсеместно была подорвана надежда на союзническую верность западных держав, что особенно затрагивало малые и средние государства Европы и шло на руку гитлеровской Германии.

Являясь, по определению Нюрнбергского международного трибунала, неотъемлемой частью преступного нацистского заговора против мира, мюнхенский сговор выдавал на «милость» агрессора Чехословакию и попирали не только ее международные права, но и грубо вмешивался в ее внутренние дела, так как по

⁴ *Матвеев В. А.* Провал мюнхенской политики (1938—1939). М., 1955; *Поляков В. Г.* Англия и мюнхенский сговор (март—сентябрь 1938 г.). М., 1960; *Батурин М.* США и Мюнхен. (Из истории американской внешней политики 1937—1938 гг.). М., 1961; *Трухановский В. Г.* Внешняя политика Англии (1918—1939 гг.). М., 1962; *Фомин В. Т.* Агрессия фашистской Германии в Европе 1933—1939 гг. М., 1963; *Белусова Э. С.* Французская дипломатия накануне Мюнхена. М., 1964; *Сополс В. Я.* Советский Союз в борьбе за мир и безопасность. 1933—1939. М., 1974; *Овсяный И. Д.* Тайна, в которой война рождалась. М., 1975.

⁵ История внешней политики СССР. 1917—1976, т. I, с. 352.

⁶ *Král V.* Proč je Mnichov neplatný. Praha, 1972.

сути дела приостанавливал действие чехословацкой конституции 1920 г.⁷ Естественно поэтому, что проблемы, связанные с мюнхенским соглашением, стоят в центре внимания чехословацких историков. Опубликованные ими в послевоенные годы работы освещают общий ход событий, приведших к мюнхенскому диктату, ставят вопросы об ответственности чехословацкой буржуазии за предательство национальных интересов, об упущенных возможностях предотвращения мюнхенского сговора при условии создания системы коллективной безопасности, а также рассматривают политику основных участников мюнхенского диктата⁸.

Несколько общих работ о мюнхенском сговоре было издано в других европейских социалистических странах, в частности в ГДР и Польше⁹. Отдельные труды историков-марксистов вышли и в некоторых западных странах¹⁰.

С призывом к историкам всего мира продолжать изучать связанные с мюнхенским сговором проблемы и вскрывать их действительный смысл обратилась в сентябре 1968 г. Комиссия историков СССР и ГДР. Оценка Мюнхена, как подчеркивалось в обращении, стала в исторической науке новейшего времени одним из тех рубежей, который отделяет подлинных ученых-историков от фальсификаторов истории¹¹.

Значительное внимание уделяют историки-марксисты европейских социалистических стран буржуазной историографии мюнхенского соглашения и критике ее основных концепций¹².

⁷ Там же.

⁸ Из многочисленной чехословацкой литературы следует отметить следующие работы: Kdo zavinil Mnichov. Sbornik vědeckého zasedání k 20. výročí Mnichova. Praha, 1959; Kvaček R. Nad Evropou zatazeno (Ceskoslovensko a Evropa. 1933—1937). Praha, 1966; Kokoška J. Plán «Grün». Praha, 1968; Král V. Spojenectví československo-sovětské v evropské politice 1935—1939. Praha, 1970; Idem. Plán «Zet». Praha, 1973.

⁹ Piwarski K. Monachium 1938. Polytika rządów Anglii i Francji wobec faszystowskich Niemiec. Warszawa, 1952; König H. Der Weg nach München. Über die Mai- und Septemberkriese im Jahre 1938 und ihre Vorgeschichte. Berlin, 1958; Batowski H. Zdrada monachijska. Sprawa Czechosłowacji i dyplomacja europejska w roku 1938. Poznań, 1973.

¹⁰ Rothstein A. The Munich conspiracy. London, 1958 (рус. пер.: Ротштейн Э. Мюнхенский сговор. М., 1959).

¹¹ Мюнхенское предательство. Обращение Комиссии историков СССР и ГДР к историкам всех стран.— Правда, 1968, 28 окт.

¹² Schlesinger K. Mnichov vo svetle britskej historiografie.— Historický časopis, 1964, N 2; Hass G. Das Münchener Abkommen und die Annexion der Tschechoslowakei in Spiegel der westdeutschen Publizistik und Geschichtsschreibung.— Zeitschrift für Geschichtswissenschaft, 1969, N 4; Batowski H. Z najnowszej (1959—1967) literatury o konferencji monachijskiej 1938 roku.— Kwartalnik Historyczny, 1968, N 3; Král V. Historická literatura o Mnichově 1938.— Československý časopis historický, 1974, N 1; Brandt E. Die amerikanische Historiographie und Publizistik über die Vorgeschichte des zweiten Weltkrieges in Europa (1936—1939). Berlin, 1968 (Diss.).

В советской исторической литературе эти вопросы рассматриваются, как правило, в общих историографических трудах о происхождении второй мировой войны¹³. К сожалению, специального монографического исследования, посвященного критике буржуазной историографии мюнхенского сговора, пока еще не создано.

В значительной части появившейся на Западе после второй мировой войны литературы буржуазные авторы постарались взять под защиту мюнхенский сговор, прибегая к всевозможной оправдательной аргументации. В многочисленных мемуарах, биографиях и автобиографиях буржуазных политических деятелей предвоенного времени, в подавляющем большинстве активных проводников мюнхенской политики¹⁴, приводится множество доводов — от «теории ошибок» и выдвижения ложных альтернатив до попыток социально-психологического объяснения мотивов мюнхенской политики со ссылками даже на «аморальность» Версальской системы. Для этой литературы, преобладавшей на Западе в послевоенный период (примерно до конца 50-х — начала 60-х годов) и появляющейся до сего времени, характерно желание реабилитировать политику западных держав и заодно попытаться очернить политику Советского Союза, взвалить на него хотя бы часть ответственности за возникновение войны¹⁵.

Обстановка «холодной войны», созданная западными державами в послевоенный период, была питательной почвой для такого рода литературы. Это мешало преодолению выработавшихся в буржуазной историографии идеологических штампов. Но все же критическая струя пробивала себе дорогу, а постепенный

¹³ *Реутов Г. Н.* Правда и вымысел о второй мировой войне. (Английская буржуазная историография о происхождении второй мировой войны, внешней политике Англии и международных отношениях 1939—1945 гг.). М., 1967; 2-е изд. М., 1970; Большая ложь о войне. Критика новейшей буржуазной историографии второй мировой войны. М., 1971; *Звензловский А.* Основные концепции французской буржуазной историографии второй мировой войны. (Критический анализ). М., 1971 (дис.); *Карташов Н. Т.* Основные проблемы второй мировой войны в оценке новейшей английской военно-исторической литературы (1960—1971). М., 1973 (дис.); *Ржешевский О. А.* Война и история. (Буржуазная историография США о второй мировой войне). М., 1976.

¹⁴ *Feiling K.* The Life of Neville Chamberlain. London, 1946; *Bonnet G.* Défense de la paix 1936—1940. De Washington au Quai d'Orsay. Genève, 1946; *Henderson N.* Failure of a Mission. Berlin, 1937—1938. London, 1940; *Francois-Poncet A.* Souvenirs d'une ambassade à Berlin. Septembre 1931 — octobre 1938. Paris, 1946.

¹⁵ Survey of International Affairs, 1938, v. II. Crisis over Czechoslovakia, January to September 1938. Oxford, 1951; *Rönnefarth H. K. G.* Die Sudetenkrise in der internationalen Politik. Entstehung, Verlauf, Auswirkung, Bd. 1—2. Wiesbaden, 1961; *Macleod I.* Neville Chamberlain. London, 1961; *Montigny J.* Le complot contre la paix. 1935—1939. Paris, 1966.

переход от политики «холодной войны» к мирному сосуществованию заставлял подходить по-новому к оценке недавнего прошлого. В силу сложившихся обстоятельств такая переоценка вначале наиболее заметно проявилась в США, где некоторые исследователи выступили с критическим разбором концепции «умиротворения», наиболее полным воплощением которой был мюнхенский сговор¹⁶.

Как реакция на эти новые веяния в буржуазной историографии на Западе и особенно в ФРГ появилась небольшая, но шумливая группа авторов, взявшая под активную защиту не только курс западных держав на «умиротворение» агрессоров, но и саму гитлеровскую Германию с ее линией на развязывание войны. Бросая западным державам упрёки в недостаточности их шагов по пути «умиротворения», эта группа пыталась представить развязанную нацистами войну как «вынужденную»¹⁷. Одновременно были предприняты попытки поставить под сомнение выводы марксистской исторической науки о причинах второй мировой войны и роли мюнхенского сговора в ее развязывании. Эта группа отличалась крайним антисоветизмом и прямо смыкалась с неофашистскими течениями, проявившимися в общественной жизни ФРГ в первой половине 60-х годов. Неудивительно, что такое направление встретило резкую критику со стороны представителей марксистской историографии¹⁸. Антинаучные взгляды этого течения не встретили поддержки и со стороны серьезных представителей буржуазной исторической науки¹⁹.

В последнее время критический подход к мюнхенскому сговору в буржуазной литературе даже усилился²⁰. Здесь, с одной стороны, сыграло свою роль последовательное и доказательное

---

¹⁶ *Furnia A.* The Diplomacy of Appeasement. Washington, 1960; *Rowse A. L.* Appeasement. A Study in Political Decline, 1933—1939. New York, 1961; *Eubank K.* Munich. University of Oklahoma Press, 1963.

¹⁷ Наиболее одиозным представителем этого течения стал американский историк Д. Хогган, находящий издателей главным образом в ФРГ.

¹⁸ *Guz E.* Winni szukają winnych. Katowice, 1972.

¹⁹ *Glaser K.* Der Zweite Weltkrieg und die Kriegsschuldfrage (Die Hoggan — Kontroverse). Würzburg, 1965.

²⁰ *Gilbert M.* The roots of appeasement. New York, 1966; *Wendt B.-J.* München 1938. England zwischen Hitler und Preussen. Frankfurt a. M., 1965; *Tompson L.* The greatest Treason. The untold story of Munich. New York, 1968; *Robbins K.* Munich, 1938. London, 1968; *Werstein I.* Betrayal: The Munich Pact of 1938. Garden City (New York), 1969; *Baumont M.* Les origines de la deuxième guerre mondiale. Paris, 1969; *Lafore L.* The end of glory. An interpretation of the origins of World War II. Philadelphia — New York, 1970; Munich. Blander, plot or tragic necessity? Ed. with an introduction by Dwight E. Lee. Lexington (Mass.), 1970; *Parkinson R.* Peace for our time. Munich to Dunkirk — the inside story. London, 1971; *Teichova A.* An economic background to Munich. International business and Czechoslovakia, 1918—1938. London, 1974.

отстаивание историками-марксистами своих позиций, которых не могли поколебать отдельные наскоки реакционных буржуазных авторов, а с другой — введение в научный оборот многих новых архивных материалов. Например, с 1968 г. были открыты для исследователей архивы британского министерства иностранных дел, позволившие по-новому взглянуть на предысторию второй мировой войны и мюнхенский сговор²¹. Написанные на основе этих материалов книги объективно разоблачали антисоветскую политику западных держав, вскрывали глубокие корни мюнхенского предательства и политики «умиротворения»²².

Несмотря на обилие литературы о Мюнхене, ей все же присущи некоторые общие пробелы. Это объясняется тем, что, во-первых, бурно развивавшаяся в послевоенный период, особенно в минувшее десятилетие, теория международных отношений²³ еще не слилась с конкретно-историческими исследованиями. Между тем и в данной области весьма плодотворным мог бы стать системный анализ, применение которого позволило бы дать основание для более глубокой оценки воздействия мюнхенского сговора на всю систему международных отношений.

Во-вторых, мюнхенский сговор был кульминационным пунктом, но не окончанием того «чехословацкого кризиса», который определял развитие международных отношений в 1938 г. Однако в большинстве общих трудов, даже специально посвященных мюнхенскому соглашению, авторы сосредоточивают все внимание на основных участниках международного конфликта, оставляя вне поля зрения его второстепенных участников, которые играли, однако, в его развитии весьма важную роль. «Чехословацкий кризис» втянул в себя не только все великие державы, но и все страны Центральной и Юго-Восточной Европы. Без учета этих моментов невозможно представить во всем объеме значение мюнхенского сговора, его роль в изменении всей системы международных отношений, показать сферу его не только прямого, но и косвенного влияния.

Задача раскрытия роли государств Центральной и Юго-Восточной Европы в период «чехословацкого кризиса» выпала в основном на долю историографий этих стран.

---

²¹ О характере ставших доступными документов см.: *Панкратова М., Сиполс В.* Подготовка мюнхенского диктата. Путь Англии к Мюнхену. (Документальный обзор). — *Международная жизнь*, 1973, № 3, 5, 6, 9, 10.

²² *Colvin I.* The Chamberlain Cabinet. How the meetings in 10 Downing Street, 1937—1939, led to the Second World War. Told for the first time from the Cabinet Papers. New York, 1971; *Middlemas K.* Diplomacy of Illusion. The British Government and Germany. 1937—1939. London, 1972.

²³ Социологические проблемы международных отношений. М., 1970; *Международные конфликты.* М., 1972; *Бурлацкий Ф. М., Галкин А. А.* Социология. Политика. Международные отношения. М., 1974.

Довольно полно освещена в литературе позиция Польши²⁴ и Венгрии²⁵, принявших активное участие в расчленении Чехословакии. Изучение политики Югославии и Румынии в тот период тесно связывается в литературе с судьбой Малой Антанты²⁶, с их ролью в развале этого внешнеполитического союза. В югославской²⁷ и румынской²⁸ исторической литературе имеются работы по проблемам политики Югославии и Румынии в период «чехословацкого кризиса», причем в румынской историографии большее внимание уделяется изучению реакции общественного мнения страны на внешнеполитические события того периода²⁹. Серьезные исследования, показывающие позиции стран Центральной и Юго-Восточной Европы, в том числе и политику Юго-

²⁴ *Stanislavska S.* Polska a Monachium. Warszawa, 1967; *Batowski H.* Kryzys dyplomatyczny w Europie, jesień 1938—wiosna 1939. Warszawa, 1962; *Kozeński J.* Czechosłowacja w polskiej polityce zagranicznej w latach 1932—1939. Poznań, 1964; *Koźmiński M.* Polska i Węgry przed drugą wojną światową październik 1938—wrzesień 1939. Wrocław, 1970.

²⁵ *Allianz Hitler—Horthy—Mussolini. Dokumente zur ungarischen Aussenpolitik (1933—1944).* Budapest, 1966; *Adám M.* Magyarország és a kisantant a harmincas években. Budapest, 1968; *Zsigmont L.* Ungarn und das Münchener Abkommen.—*Acta Historica* (Budapest), 1959, t. VI. N 3—4; *Adam M.* Из истории венгеро-чехословацких отношений накануне второй мировой войны.—*Вопросы истории*, 1960; № 9; Венгрия и вторая мировая война. Секретные дипломатические документы из истории кануна и периода войны. Пер. с венг. М., 1962.

²⁶ См.: *Язькова А. А.* Малая Антанта и Мюнхен.—*Новая и новейшая история*, 1967, № 4.

²⁷ *Avramovski Z.* Sukob interesa Velike Britanije i Nemačke na Balkanu uoči drugog svetskog rata.—*In: Istorija XX veka. Zbornik radova*, t. II. Beograd, 1961; *Vanku M.* Mala Antanta. 1920—1938. Titovo Užice, 1969.

²⁸ *Campus E.* Mica Înțelegere. București, 1958; *Idem.* Le rôle de la Roumanie dans la désagrégation de la Petite Entente.—*In: Nouvelles études d'histoire. București*, 1955; *Idem.* Aspecte ale politicii externe a României în etapa postmüncheneză (octombrie 1938—aprilie 1939).—*Studii și materiale de istorie contemporană*, t. 1. București, 1956; *Ciobanu El.* În legătură cu poziția României față de Cehoslovacia în perioada «Münchenului».—*Analele Institutului de studii istorice și social politice de pe lângă C. C. al P. C. R.* (București), 1966; N 1; *Moisuc V.* Acțiuni diplomatice desfășurate după Anschluss de România împotriva expansiunii Germaniei hitleriste spre sud-estul Europei.—*Studii. Revista de istorie* (București), 1966, N 4; *Idem.* Actions diplomatiques de la Roumanie au secours de la Tchécoslovaquie à la veille du pacte de Munich.—*Revue roumaine d'histoire*, 1967, N 3; *Moisuc V., Zaharia Gh.* Politică Germaniei naziste de hegemonie în sud-estul Europei și independența economică a României în anii 1938—1939.—*Anale de istorie* (București), 1975, N 6.

²⁹ *Matei Ch.* Solidaritatea poporului român cu poporul cehoslovac împotriva agresiunii hitleriste.—*Analele Institutului de studii istorice și social-politice de pe lângă C. C. al P. C. R.* 1966; *Dan M., Schiopu V.* Opinia publică din România față de acordul de la München și consecințele lui.—*Acta musei Napocensis*, 1968, Cluj, v. 5; *Moisuc V., Matei G.* Concepția Partidului Comunist Român în probleme politicii externe a României (1938—septembrie 1939).—*In: Partidul Comunist Român în viața social-politică a României. 1921—1944.* București, 1971.

славии и Румынии в период Мюнхена, имеются в советской литературе³⁰ и литературе других социалистических стран³¹. В целом позиция Румынии в период «чехословацкого кризиса» оказалась освещенной в историографии гораздо полнее и многостороннее, чем позиция Югославии. Но и политика Румынии еще далеко не полностью исследована, а в оценке отдельных вопросов в литературе имеются существенные расхождения.

В Болгарии появились интересные работы о внешнеполитической ориентации страны накануне второй мировой войны, в которых на основе изучения архивных материалов дается объективная оценка курса болгарской внешней политики и показана неправомочность ее трактовки как исключительно прогерманской³². Отдельные статьи посвящены политике Болгарии накануне мюнхенской конференции и связывают ее с историей заключения Салоникского соглашения летом 1938 г.³³

Несколько работ, посвященных как общим проблемам истории внешней политики Болгарии, так и отдельным вопросам ее

³⁰ История Югославии, т. II. М., 1963; История Румынии. 1918—1970. М., 1971; *Волков В. К.* Германо-югославские отношения и развал Малой Антанты. 1933—1938. М., 1966; *Лебедев Н. И.* «Железная гвардия», Кароль II и Гитлер. (Из истории румынского фашизма, монархии и ее внешнеполитической «игры на двух столах»). М., 1968; *Он же.* Крах фашизма в Румынии. М., 1976; *Колкер Б. М.* Румынское правительство и мюнхенский договор.— В кн.: Балканский исторический сборник, т. I. Кишинев, 1968; *Шевяков А. А.* Внешняя политика Румынии в период Мюнхена.— Вопросы истории, 1970, № 2; *Он же.* Внешняя политика Румынии после Мюнхена (октябрь 1938 — апрель 1939 г.).— Новая и новейшая история, 1968, № 5; *Он же.* Советско-румынские отношения и проблема европейской безопасности. 1932—1939. М., 1977; *Пушкаш А. И.* Венгрия во второй мировой войне. Внешняя политика Венгрии (1938—1944 гг.). М., 1963; *Поп И. И.* Чехословацко-венгерские отношения (1935—1939). М., 1972; *Чемпалов И. Н.* Политика великих держав в Дунайском бассейне и на Балканах в конце 1938 — начале 1939 г.— В кн.: Международные отношения в новейшее время. Сборник статей. Свердловск, 1972.

³¹ *Čitková M.* Nekolík poznámek o boji jugoslávského lidu proti Mnichovu v roce 1938.— In: Československo a Juhoslávia. Z dejín československo-juhoslávských vzťahov. Bratislava, 1968; *Král V.* Rumunsko a průhod Rudé Armády na pomoc Československu v roce 1938.— Slovanský přehled, 1966, N 6; *Lukeš F.* K diplomatickému pozadí vídeňského arbitráže.— Historický časopis (Bratislava), 1962, N 1; *Tejchman M.* Československo a Rumunsko v roce 1938 a Malá Dohoda.— Slovanské štúdie (Bratislava), 1971, t. XII; *Deák L.* Juhoslávská politika v čase Mnichova.— Casopis Matice Moravske (Brno), 1973, N 3—4.

³² *Генчев Н.* Външнополитическата ориентация на България в навечерието на втората световна война (септември 1938 — септември 1939).— Годишник на Софийский университет, Философско-исторически факултет, кн. III. История, 1968, т. 61; *Димитров И.* Буржоазната опозиция в България 1939—1944. София, 1969; *Он же.* Българо-италиански политически отношения 1922—1943. София, 1976.

³³ *Арсов П.* Съперничеството между империалистическите държави на Балканите и Солунското споразумение от 1938 г.— Трудове на висшия икономически институт «Карл Маркс», 1965, т. I.

международных отношений рассматриваемого периода, имеется в советской историографии³⁴.

Если история внешней политики таких балканских стран, как Румыния, Югославия и Болгария, в период «чехословацкого кризиса» и мюнхенского сговора, несмотря на отсутствие монографических работ, получила довольно значительное отражение в литературе, то позиция Турции и Греции в интересующий нас период до сих пор не подвергалась еще специальному рассмотрению. Отдельные замечания в общих трудах³⁵ не раскрывают особенностей политики этих двух стран, хотя события того времени оказали большое влияние на складывание их дальнейшего внешнеполитического курса. Не показывают отношения Турции и Греции к мюнхенскому сговору также и специальные труды, посвященные их внешней политике, в том числе книга турецкого историка А. Эсмера («Политическая история. 1919—1939») и монографии греческих авторов Г. Дафниса («Греция между двумя войнами. 1923—1940») и П. Пипинелиса («Георг II»)³⁶. Даже в монографии греческого историка С. Линардатоса «Внешняя политика режима 4 августа»³⁷ в параграфе о Мюнхене приводятся самые общие сведения об этом сговоре, используемые для характеристики состояния международных отношений в целом. Исключение составляет книга болгарского историка Л. Живковой «Англо-турецкие отношения 1933—1939 гг.», в которой на осно-

³⁴ *Валев Л. Б.* Болгарский народ в борьбе против фашизма (накануне и в начальный период второй мировой войны). М., 1964; *Рябоконе С. И.* Салоникское соглашение 31 июля 1938 г.—Уч. зап. Уральского гос. ун-та им. А. М. Горького (далее—УЗ УГУ), 1968, № 63. Сер. ист., вып. 6. Международные отношения в новейшее время, с. 21—46; *Он же.* Позиция болгарского монархо-фашистского правительства в период мюнхенского сговора.—УЗ УГУ, 1968, № 74. Сер. ист., вып. 12. Балканы и Ближний Восток накануне и в начале второй мировой войны, с. 47—55; *Кирияков Ю. С.* Болгаро-германские дипломатические переговоры (октябрь 1938 — март 1939 г.).—В кн.: Балканы и Ближний Восток в новейшее время, сб. 2. Свердловск, 1973, с. 32—51.

³⁵ *Миллер А. Ф.* Очерки новейшей истории Турции. М., 1948; *Алексеев В., Керимов М.* Внешняя политика Турции. М., 1961; *Тарасов П. К.* Франко-турецкие отношения накануне второй мировой войны. 1936—1939 гг. (краткий обзор источников).—УЗ УГУ, 1968, № 74, с. 3—18; *Новейшая история Турции.* М., 1968; *Брагинский В. М.* Политика Англии в Греции накануне и в первый период второй мировой войны (октябрь 1938 — май 1941 г.). М., 1965 (дис.).

³⁶ *Vere-Hodge E. R.* Turkish Foreign Policy. 1918—1948. Geneve, 1950; *Glasneck J.* Die imperialistischen Grossmächte und die Türkei am Vorabend und während des Zweiten Weltkrieges (Inaug. Diss.). Halle (Saale), 1964; *Ataöv T.* Turkish Foreign Policy. 1939—1945. Ankara, 1965; *Esmer A. S.* Siyasi tarih (1919—1939). Ankara, 1953; *Δαφνη Γρ.* 'Π'Ελλάς μεταξύ δύο πολέμων 1923—1940, τ. 2. ΙΚΑΡΟΣ, 1955; *Πιπινέλη Π. Ν.* Γεωργίος Β: 'Αθήναι, 1951.

³⁷ *Λιναρδάτου Σπ.* 'Η έξωτερική πολιτική τής 4-ης Αυγούστου. 'Αθήνα, 1975.

ве документов Форин оффиса показываются отношения двух стран также и в период мюнхенского сговора³⁸. Отсутствие публикаций турецких и греческих дипломатических документов, а также недоступность для исследователей их архивных фондов крайне затрудняют изучение внешней политики этих двух стран. Их позиция накануне второй мировой войны и особенно во время мюнхенского сговора еще ждет своих исследователей.

Международное положение Албании, которая в исследуемый период не играла самостоятельной роли и выступала фактически как марионетка фашистской Италии, обстоятельно разобрано в трудах Н. Д. Смирновой³⁹.

Отсутствие монографических разработок истории внешней политики отдельных балканских стран накануне второй мировой войны и международных отношений на Балканах в период мюнхенского сговора ощущается в настоящее время как значительный пробел в исторической литературе. Между тем изучение этих проблем будет способствовать не только лучшему пониманию последствий политики «умиротворения» агрессоров и зловещего значения мюнхенского сговора, но и созданию более полной картины международных отношений в Европе того времени.

При написании настоящей монографии была использована существующая литература, а также имеющиеся публикации дипломатических документов, относящиеся к теме. Помимо широко вошедших уже в научный оборот публикаций английских⁴⁰, германских⁴¹ и американских⁴² документов большой интерес представляет многотомная публикация венгерских дипломатических документов⁴³. Огромное значение для освещения послевоенского периода имеют издания документов в СССР, раскрывающие развитие международных отношений того периода⁴⁴.

Значительным дополнением к опубликованным документам служат, несмотря на их подчас апологетический характер, мемуары и дневники государственных деятелей и дипломатов, при-

³⁸ Живкова Л. Англо-турските отношения 1933—1939. София, 1971.

³⁹ Смирнова Н. Д. Из истории итальянской агрессии в Албании (1938—1941). — Новая и новейшая история, 1957, № 3; Она же. Балканская политика фашистской Италии. Очерк дипломатической истории (1936—1941). М., 1969.

⁴⁰ Documents on British Foreign Policy 1919—1939. Third Series. London, 1949 etc (далее — DBFP).

⁴¹ Akten zur Deutschen Auswärtigen Politik 1918—1945. Serie D (1937—1945). Baden-Baden, 1949 etc. (далее — ADAP).

⁴² Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. 1938, v. 1; 1939, v. 1—2. Washington, 1955—1956 (далее — FRUS).

⁴³ Diplomáciai iratok Magyarország külpolitikájához 1936—1945. Köt. III. Magyarország külpolitikája 1938—1939. Budapest, 1970 (далее — DIMK).

⁴⁴ См., например: СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны. (Сентябрь 1938 — август 1939 г.). Документы и материалы. М., 1971.

нимавших активное участие в политических событиях того времени на Балканах⁴⁵.

Однако общие публикации содержат лишь фрагментарные сведения о политических событиях в балканских странах и международных отношениях на Балканах. Основной материал для написания монографии был почерпнут автором в архивах министерств иностранных дел ГДР и ФРГ⁴⁶, Болгарии⁴⁷, Польши⁴⁸, Чехословакии⁴⁹ и Югославии⁵⁰. Сосредоточенное там большое количество взаимодополняющих документов позволяет при сравнительном изучении подвергнуть перекрестной проверке собранные отдельными дипломатическими службами сведения, что дает возможность по-новому взглянуть на, казалось бы, устоявшиеся оценки отдельных событий.

Регион Юго-Восточной Европы представлял собой в межвоенный период своеобразный заповедник реакционных монархофашистских и военно-монархических режимов. Стоявшие у власти в балканских странах реакционные правительства вели между собой нескончаемую борьбу за влияние и предъявляли всевозможные претензии друг к другу. Их соперничеством и борьбой пользовались империалистические державы для усиления своего влияния в этом стратегически важном районе. Особое усердие проявляла в этом отношении гитлеровская Германия, пользовавшаяся различными мерами и средствами для разжигания противоречий между балканскими странами в интересах установления своей гегемонии на Балканах. Она активно использовала все сложные вопросы, проистекавшие из версальского урегулирования в Центральной и Юго-Восточной Европе, и сознательно вела линию на стравливание государств балканского региона между собой, чтобы «ловить рыбу в мутной воде».

Взятый западными державами курс на поощрение агрессоров отразился и на их политике по отношению к балканским госу-

⁴⁵ Ciano's Diary, 1937—1938. London, 1952; *Ciano G. Diaries 1939—1943*. New York, 1946; *Idem. L'Europa verso la catastrofe*. Verona, 1948; *Comnène N. P. Preludi del grande dramma. Ricordi e documenti di un diplomatico*. Roma, 1947; *Stojadinović M. Ni rat, ni pakt. Jugoslavija između dva rata*. Buenos Aires, 1963; *Kroll H. Lebenserinnerungen eines Botschafters*. Köln — Berlin, 1967; *Rendel G. The sword and the olive*. London, 1957.

⁴⁶ Deutsches Zentralarchiv — Potsdam (далее — DZA — Potsdam). Auswärtiges Amt; Politisches Archiv des Auswärtigen Amtes — Bonn (далее — AA — Bonn).

⁴⁷ Централен държавен исторически архив. София (далее — ЦДИА), ф. 176 — архив МИД.

⁴⁸ Автор имел возможность ознакомиться с фотокопиями документов польского МИД, хранящимися в Архиве Историко-дипломатического управления МИД СССР (Историко-дипломатический архив, далее — ИДА).

⁴⁹ Archiv Ministerstva zahraničnůch věcí. Praha (далее — AMZV).

⁵⁰ Дипломатски архив Државног секретаријата за иностране послове. Београд (далее — ДА ДСИП).

дарствам. Фаворизируя одни страны в ущерб другим, Англия и Франция также содействовали созданию здесь обстановки взаимных претензий и всеобщей подозрительности. Можно утверждать, что без вмешательства империалистических держав противоречия между странами Центральной и Юго-Восточной Европы никогда не достигли бы такого уровня, как это имело место в период мюнхенского сговора. Только в таких условиях стала возможна фашистская перекройка политической карты Европы, начавшаяся в период Мюнхена и достигшая своего апогея уже в годы второй мировой войны. События того времени стали историческим фоном, на котором возникло впоследствии, на заключительном этапе войны и сразу же после нее, содружество социалистических стран, на долю которого выпала задача окончательного устранения наследия прошлого. И значение этого прошлого совершенно необходимо для определения поистине громадной работы и исторической заслуги, которая принадлежит социалистическим странам в деле строительства новых отношений между народами Центральной и Юго-Восточной Европы на основах дружбы, братства и сотрудничества.

Активное вмешательство империалистических держав в международные отношения балканских стран межвоенного периода отнюдь не устраняет вопроса об ответственности их собственных реакционных режимов и правительств за мюнхенскую развязку «чехословацкого кризиса». Большинство их в той или иной степени способствовало мюнхенскому предательству, преследуя свои узкие и эгоистичные интересы. Их взаимные претензии не раз позволяли великим империалистическим державам прятаться за спину этих маленьких хищников, маскировать свои действительные цели соображениями учета пожеланий малых стран. И те и другие проводили в мюнхенских условиях единую антисоветскую политику. На этой общей основе разыгрывалась ими «чехословацкая драма», в которой жертвой стали не только народы Чехословакии, но и интересы мира во всем мире.

Исследование в рамках одной монографии политики пяти балканских стран — Югославии, Румынии, Болгарии, Турции и Греции, а также пяти великих держав — СССР, Англии, Франции, Германии и Италии — вызвало значительные трудности, связанные с распределением материала между отдельными главами. Требовалась такая структура работы, которая позволила бы решить ряд проблем. Во-первых, показать внешнюю политику правительств балканских стран в период всего «чехословацкого кризиса» и выяснить их отношение к мюнхенскому сговору и его подготовке. Во-вторых, раскрыть антисоветскую деятельность их дипломатии на всем протяжении исследуемого периода. В-третьих, показать обратное воздействие международных событий на внутривнутриполитическое развитие балканских стран, осве-

тить борьбу прогрессивных сил балканских народов против антинациональной политики своих правительств. В-четвертых, сделать возможным широкий показ политики великих держав на Балканах и раскрыть место и роль этого региона в общей системе международных отношений. В-пятых, нарисовать картину международных отношений в балканском регионе в целом, которая не является лишь простой суммой внешних политик составляющих его стран. Выбранная в конечном счете структура, по мнению автора, позволяет наиболее целесообразно скомпоновать материал, причем если в первых трех главах решаются в значительной мере задачи страноведческие, то проблемы на уровне региона ставятся в основном в двух последних главах.

Наконец, несколько замечаний для удобства пользования книгой со стороны читателя. Чтобы иметь возможность сравнивать позиции отдельных балканских стран на различных этапах «чехословацкого кризиса», материал в первых трех главах разбит на хронологически сопоставимые параграфы. В то же время анализ общих изменений, вызванных мюнхенским сговором на Балканах, автор счел целесообразным сконцентрировать в четвертой главе, а пятую посвятить более поздним последствиям Мюнхена, проявившимся не сразу, а спустя несколько месяцев после него.

В монографии изложение доведено хронологически до 15 марта 1939 г., когда захват нацистской Германией Праги положил начало новому периоду в истории международных отношений — периоду предвоенного политического кризиса в Европе. Это событие подвело логическую черту под всем послевоенным периодом. Вместе с тем оно явилось неизбежным следствием мюнхенского сговора и концом того «чехословацкого кризиса», который возник в результате агрессивных действий германского империализма и политики «умиротворения» со стороны западных держав. Освещение периода со времени мюнхенского сговора и до захвата Праги в рамках монографии позволяет проследить позицию балканских стран в течение всего «чехословацкого кризиса», а также показать воздействие мюнхенского сговора на изменение международной обстановки на Балканах.

«ЧЕХОСЛОВАЦКИЙ КРИЗИС» И ПОЗИЦИЯ ПРАВИТЕЛЬСТВ ЮГОСЛАВИИ И РУМЫНИИ

1. На пути к Мюнхену. Соглашение в Блде

12 марта 1938 г. германские войска вторглись в Австрию, которая стала первой жертвой нацистской агрессии. Только Советский Союз поднял на международной арене голос против агрессивного акта гитлеровской Германии. В заявлении Советского правительства от 17 марта 1938 г. подчеркивалось, что насилие, совершенное в центре Европы, создает несомненную опасность «для всех европейских государств, и не только европейских... В первую очередь возникает угроза Чехословакии, а затем опасность, в силу заразительности агрессии, грозит разрастись в новые международные конфликты...» Советское правительство предлагало принять действенные коллективные меры для пресечения агрессии и усилившейся опасности новой мировой войны¹. Но западные державы отклонили советское предложение.

В событиях, связанных с захватом Австрии, страны Малой Антанты проявили себя прислужнически по отношению к Германии. В официальном заявлении правительства Югославии, опубликованном 14 марта 1938 г., аншлюс объявлялся «чисто внутренним делом немецкого народа», а несколько дней спустя премьер-министр Югославии М. Стоядинович поздравил через германского посланника в Белграде Германию с «возвращением» Австрии в лоно империи². Румынский король Кароль II также поспешил заверить германского посланника в Бухаресте, что он издавна считал аншлюс неизбежным³. Реакция союзников Чехословакии по Малой Антанте на захват Австрии предвещала в какой-то мере и их позицию в назревавшем чехословацко-германском конфликте.

Аншлюс Австрии сразу же поставил вопрос об агрессивных намерениях гитлеровской Германии против Чехословакии. По-

¹ Новые документы из истории Мюнхена. М., 1958, док. № 4, с. 19—22.

² Волков В. К. Германо-югославские отношения и развал Малой Антанты. 1933—1938. М., 1966, с. 216.

³ Лебедев Н. И. «Железная гвардия», Кароль II и Гитлер. (Из истории румынского фашизма, монархии и ее внешнеполитической «игры на двух столах»). М., 1968, с. 186.

следняя была связана союзными договорами о взаимной помощи с Францией и Советским Союзом, а Организационным пактом Малой Антанты — с Югославией и Румынией. Теперь вся эта система договоров и международных обязательств была подвергнута испытанию. Позиция СССР была ясна с самого начала, и Советское правительство неоднократно заявляло о своей решимости строго выполнять свои союзнические обязательства ⁴.

И Югославия, и Румыния получали сведения об истинных намерениях Германии в отношении Чехословакии. Еще в конце марта 1938 г. югославский посланник в Будапеште сообщал со ссылкой на «немецкие круги», что Германия располагает разработанным планом раскола Чехословакии путем активизации подрывной ирредентистской деятельности судетских немцев. Особое внимание посланник обращал на желание германской дипломатии избежать создания ситуации, которая поставила бы Югославию и Румынию перед необходимостью выполнить свои обязательства по отношению к Чехословакии. Югославский дипломат делал вывод, что Германия не будет поддерживать те хортистские захватнические требования, которые сталкивались бы с интересами Югославии и Румынии ⁵. Последующие события предмюнхенского периода показали правильность его сведений.

Обострение международного положения Чехословакии в связи с действиями генлейновской агентуры фашистской Германии побуждало югославское правительство занимать уклончивую позицию, чтобы оказаться в стороне в возможном германо-чехословацком конфликте. 14 апреля 1938 г. Стоядинович послал югославскому посланнику в Праге В. Протичу следующую инструкцию: «Наша позиция в отношении Чехословацкой Республики: точно придерживаться данных обязательств. Ничего сверх них, ничего меньше них». За внешне благозвучными словами скрывался, однако, совсем другой смысл. Точные обязательства стран Малой Антанты ограничивались оказанием взаимной помощи в случае неспровоцированного нападения Венгрии на одну из них. Такая позиция Югославии означала на деле, что она рассматривает поддержку Чехословакии в случае возможного чехословацко-германского конфликта как выходящую за пределы ее обязательств. Вместо помощи М. Стоядинович давал Чехословакии совет наладить отношения «доброго соседства» с гитлеровской Германией ⁶.

⁴ Новые документы из истории Мюнхена, док. № 2, с. 15—17. Запись беседы Потемкина с чехословацким посланником в СССР Фирлингером 15 марта 1938 г.; док. № 3, с. 18. Фирлингер (Москва) — в Прагу 16 марта 1938 г. о заявлении Литвинова.

⁵ ДА ДСИП, ЛП, 1938, пов. бр. 332, 1—10. Стоядинович — миссии в Лондон 28 марта 1938 г. о сообщении из Будапешта.

⁶ ДА ДСИП, ЛП, 1938, пов. бр. не указан, 1—10. Стоядинович — Протичу (Прага) 14 апреля 1938 г.

Стремилось уклониться от определенных обещаний и румынское королевское правительство. Во второй половине марта 1938 г., отвечая на официальный французский запрос о позиции Румынии в случае германо-чехословацкого конфликта и возможного пропуска советских войск через ее территорию на помощь Чехословакии, тогдашний румынский министр иностранных дел Г. Татареску дал подробный и недвусмысленный ответ: «В случае конфликта *только* между Германией и Чехословакией союзные договоры Румынии с Польшей и странами Балканской Антанты обязывают ее остаться нейтральной. Если Франция вмешается в конфликт, Румыния — хотя она не обязана этого делать — тоже была бы расположена вмешаться в него, но поставила бы вопрос о своем вмешательстве в зависимости от предварительного соглашения с Польшей. Румыния *принципиально* отказывается разрешить проход русских войск»⁷. В этом ответе совершенно обходился вопрос об обязательствах Румынии по Малой Антанте, ее союз с Польшей выступал как имеющий преобладание над всеми другими союзными договорами Румынии, а по вопросу открытия «румынского коридора» для оказания помощи Чехословакии со стороны Советского Союза высказывалась резко отрицательная позиция. В таких условиях на большее, чем на благожелательный нейтралитет Румынии, рассчитывать не приходилось.

Связывая в крупных, общеевропейских вопросах свою позицию с позицией Польши, королевская Румыния одновременно давала последней заверения, что в вопросе о ее малоантантовских обязательствах в случае выступления Венгрии против Чехословакии ее позиция будет зависеть от позиции Югославии. В свою очередь министр иностранных дел Польши Ю. Бек поручил польскому посланнику в Белграде Р. Дембицкому выяснить отношение Югославии к возможному выступлению Венгрии против Чехословакии⁸.

16 апреля 1938 г. Дембицкий ответил на запрос из Варшавы. Если бы венгерским действиям против Чехословакии предшествовало германское нападение, которое не обязывало Югославию к оказанию помощи, то югославское правительство, по мнению посланника, выдвинуло бы аргументы, обосновывающие невозможность выполнения обязательств по пакту Малой Антанты в изменившихся условиях. В настоящее же время, писал посланник, у югославского правительства нет нужды занять ясную позицию. Оно ограничивается внимательным наблюдением за собы-

⁷ *Comptène N. P. Preludi del grande dramma. Ricordi e documenti di un diplomatico.* Roma, 1947, p. 37—38.

⁸ ИДА, ф. 2е, оп. 4, ед. хр. 16, л. 162. Бек — Дембицкому (Белград) 12 апреля 1938 г.

тиями, придавая большое значение реакции на них Италии, Польши и Румынии. Вместе с тем польский посланник обращал внимание на секретные инструкции, данные югославской правительственной прессе, публиковать отрицательные материалы о Чехословакии⁹.

Позиция правительств Югославии и Румынии формировалась под сильным влиянием концепций «умиротворения», ставших официальной внешнеполитической линией западных держав. Эта позиция была четко сформулирована на сессии Постоянного совета Малой Антанты в Синае (Румыния) 4—5 мая 1938 г. Охарактеризовав судетонемецкую проблему как вопрос внутренней политики Чехословакии, представители Румынии и Югославии рекомендовали чехословацкому правительству побыстрее решить ее путем уступок фашистскому генлейновскому движению. Тем самым Чехословакии дали ясно понять, что этот вопрос не входит в компетенцию Малой Антанты и что ей не следует рассчитывать на поддержку Югославии и Румынии в случае конфликта с Германией. В отношении же возможных действий Венгрии была сохранена известная солидарность¹⁰. Сессия закрепила, таким образом, уже давно проводившееся дипломатией Югославии и Румынии искусственное разграничение между германскими планами в отношении Чехословакии и возможными хортистскими притязаниями к ней, хотя их связь была для них самих совершенно очевидна. Итоги сессии были с удовлетворением встречены Германией¹¹ как не идущие вразрез с целями нацистской политики.

Сдвиги, вызванные в международной обстановке аншлюсом Австрии и политикой попустительства западных держав, позволили гитлеровской дипломатии развернуть в Центральной и Юго-Восточной Европе активную деятельность с целью изолировать очередную жертву фашистской агрессии — Чехословакию. Ее тактика в этом районе строилась на трех основных элементах: изоляция Чехословакии от союзников по Малой Антанте; концентрация против нее захватнических устремлений хортистской Венгрии и «санационной» Польши; укрепление «польско-румынского антибольшевистского барьера»¹², чтобы не допустить оказания ей поддержки со стороны Советского Союза и сорвать возможность прохода советских войск на помощь Чехословакии.

⁹ ИДА, ф. 2е, оп. 4, ед. хр. 16, л. 22. Дембицкий (Белград) — в Варшаву 16 апреля 1938 г.

¹⁰ *Vanku M. Mala Antanta, 1920—1938. Titovo Užice*, 1969, s. 234.

¹¹ ADAP, Serie D., Bd. V, Dok N 199, S. 231.

¹² Правительства Польши и Румынии были связаны между собой антисоветским договором от июля 1921 г. и военной конвенцией 1926 г. (см.: *Колкер Б. М.* Румынское правительство и мюнхенский сговор. — В кн.: *Балканский исторический сборник*, т. I. Кишинев, 1968, с. 237).

Эти черты нацистской политики проявились уже на ранних фазах развития «чехословацкого кризиса».

Действенным орудием гитлеровской политики в Центральной и Юго-Восточной Европе стало разжигание противоречий между странами этого региона. Подогревая захватнические устремления, существовавшие в хортистских кругах в Венгрии и у «санационного» правительства Польши, нацистская дипломатия рассчитывала обострить их отношения с соседними государствами и превратить их в послушные орудия своей агрессивной политики. Не стесняясь в средствах, гитлеровская дипломатия приступила к решительным действиям. Она рисовала хортистам и пилсудчикам радужные картины близкого осуществления подспудно лелеемых ими захватнических замыслов. Активизация агрессивных устремлений хортистской Венгрии и «санационной» Польши против Чехословакии вызвала цепную реакцию, втягивая в водоворот событий также Румынию и Югославию. В результате уже с весны 1938 г. по мере агрессивных действий гитлеровской Германии против Чехословакии стал скачкообразно возрастать уровень международной напряженности не только в отношениях между великими державами, но и особенно между странами Дунайского бассейна.

Реакционные правительства Польши и Венгрии поддержали планы гитлеровской Германии против Чехословакии. Однако парадоксальность ситуации, сложившейся в Европе в то время, проявилась в том, что именно те страны, которые ориентировались во внешней политике на Германию, обнаружили большое беспокойство в связи с ее резким усилением после аншлюса Австрии. Причины их беспокойства были ясны: стремясь к союзу с Германией, они хотели быть именно союзниками, а не сателлитами, хотели сохранять самостоятельность во внешней политике, а не плестись в хвосте Германии, находясь в ее тени. В наибольшей мере это относилось к Польше, имевшей свои собственные империалистические цели в Центральной и Юго-Восточной Европе, и к Италии, терявшей после аншлюса Австрии и развала «римского треугольника» свои позиции в Дунайском бассейне. Не чужды были подобные мысли и хортистским кругам в Венгрии. Все это создавало предпосылки для известной блокировки между ними с целью отстаивания своей самостоятельности перед лицом Германии, но в рамках фашистской группировки.

В сложившейся после аншлюса обстановке польский министр иностранных дел Ю. Бек стал активно развивать планы создания «третьей Европы», где Польша могла бы играть лидирующую роль¹³. Эта идея встречала понимание и поддержку фашистской

¹³ Bałowski H. Otázka «Třetí Evropy» v polské zahraniční politice roku 1938.— In: Kdo zavinil Mnichov. Praha, 1959, s. 222—228.

Италии, а Чиано дал ей в свойственном ему высокопарном стиле наименование «горизонтальной оси» — как дополнения к «вертикальной оси» Берлин — Рим. Во время визита в Рим 14 марта 1938 г. Ю. Бек вел с ним переговоры по поводу предполагаемого блока. Совпадение планов Польши и Италии придавало им виды на осуществление. Обе страны стояли на антисоветских позициях и мыслили создание блока как новое издание «санитарного кордона» против СССР, обе хотели использовать его как инструмент, обеспечивавший им права равного партнерства с гитлеровской Германией¹⁴.

В период, предшествовавший аншлюсу, и после него фашистская Германия ослабила свой нажим на Польшу. Целью ее новой тактики было использовать стремления «санационной» Польши играть роль великой державы в интересах образования единого античехословацкого фронта, куда бы вошли сама Германия, Польша и Венгрия. Особенно устраивала нацистов антисоветская направленность внешней политики Польши. Поэтому германская дипломатия не реагировала на оживление польских усилий сколотить блок государств, который охватывал бы страны от Балтийского до Черного и Адриатического морей.

Польский правящий «санационный» лагерь видел главное противодействие своим планам в самом факте существования Чехословакии, которая якобы не только препятствовала Польше проявить себя в роли великой державы и сплотить под своим руководством государства Дунайского бассейна, но и являлась союзником СССР, которого в Варшаве рассматривали как «потенциального врага»¹⁵. Отсюда вытекала установка на бескомпромиссную античехословацкую позицию, рассчитанную на уничтожение Чехословакии как государства, поддержку венгерских территориальных притязаний по отношению к ней, а также противодействие как своими действиями, так и нажимом на Румынию всем попыткам СССР оказать помощь Чехословакии под флагом «недопустимости вмешательства Советов в европейские дела»¹⁶. Именно поэтому Польша в «категорической форме» выдвигала свои претензии на Тешинскую область. Сам Бек характеризовал их как «локальные требования»¹⁷, реальное значение которых отступало далеко на задний план по сравнению с приведенными выше общими концепциями.

Правящие хортистские круги Венгрии увидели в начавшейся германской кампании против Чехословакии наступление того

¹⁴ *Bałowski H.* Srodkowoeuropejskie koncepcje w polskiej polityce zagranicznej w latach 1918—1939.— In: *Pamiętnik X Powszechnego Zjazdu Historyków Polskich w Lublinie, 17—21 września 1968.*

¹⁵ Документы и материалы по истории советско-польских отношений, т. VI. 1933—1939 гг. М., 1969. док. № 255, с. 360.

¹⁶ Там же, док. № 256, с. 361—362.

¹⁷ Там же.

долгожданного момента, когда можно было конкретно поставить вопрос о реализации их реваншистских планов реставрации «исторической Великой Венгрии». Поэтому они с самого же начала активно включились в античехословацкую кампанию, нагнетая в стране реваншистские, националистические настроения. Весной 1938 г. в Венгрии прошла волна античехословацких манифестаций, организуемых и подстрекаемых хортистским правительством. Цели хортистского правительства были подробно изложены в меморандуме, направленном 11 апреля 1938 г. германскому МИД¹⁸, а также в документах, направленных польскому МИД. Из последних особенно ясно виден был масштаб венгерских притязаний, охватывавших всю Словакию и Закарпатье, что обосновывалось как «восстановление старых исторических границ»¹⁹. Образованное же в мае 1938 г. правительство Б. Имреди в своем программном заявлении ставило задачи создания «сильной армии» и провозглашало курс на сближение со странами «оси», с Польшей, а также Англией²⁰. Его программа была откровенно рассчитана на пересмотр трианонских границ и присоединение к Венгрии земель соседних государств, которые раньше входили в состав так называемой «короны святого Стефана».

Хортистская Венгрия опасалась противодействия своим планам со стороны Малой Антанты, особенно со стороны Югославии. Позиции последней она уделяла особое внимание и стремилась нейтрализовать ее, обращаясь за поддержкой и к Германии, и к Италии. Ставя перед Германией вопрос о совместных военных действиях против Чехословакии, венгерская дипломатия просила ее выступить посредником в ведении венгеро-югославских переговоров, стать гарантом «эвентуального нейтралитета Югославии»²¹. Ради этого Венгрия готова была пойти на признание существующих границ с Югославией. В отношении же Румынии она на подобные «уступки» идти не собиралась и надеялась сдержать ее с помощью Польши. Но попытки Венгрии отколоть Югославию от Малой Антанты не принесли успеха, что было отмечено и германской дипломатией²².

Югославия и Румыния заняли пассивную позицию в период майского кризиса 1938 г., поставившего «чехословацкий кризис» в повестку дня международной политики как актуальный вопрос. Ссылаясь на то, что эти проблемы касаются прежде всего великих держав, а также заранее оговорив свое «невмешательство»

¹⁸ ADAP, Serie D, Bd. V, Dok. N 190, S. 223—224.

¹⁹ Венгрия и вторая мировая война. Секретные дипломатические документы из истории кануна и периода войны. Пер. с венг. М., 1962, док. № 26, с. 93. ²⁰ Пушкаш А. И. Венгрия в годы второй мировой войны. М., 1966, с. 73—74.

²¹ ADAP, Serie D, Bd. II, Dok. N 114, S. 168—169; Ed. V, Dok. N 190, S. 223—224; Dok. N 191, S. 225; Dok. N 198, S. 230.

²² ADAP, Serie D, Bd. V, Dok. N 194, S. 227—228.

в германо-чехословацкие отношения, они стремились оставаться в стороне от возможного конфликта. Все это служило подтверждением готовности правящих кругов Румынии и Югославии следовать за западными державами в русле их политики «умиротворения» агрессора. Вместе с тем проявленная чехословацким народом в майские дни 1938 г. решимость защищать свою независимость содействовала определенному сплочению государств Малой Антанты против реваншистских планов Венгрии²³.

Позиция Венгрии вызывала их взаимное беспокойство, и проходившие летом 1938 г. переговоры Венгрии с Малой Антантой стали существенным фактором в дипломатической предыстории мюнхенского соглашения и истории «чехословацкого кризиса». На их исход старались воздействовать и западные державы, и страны «оси», и Польша, причем каждая из них хотела найти в переговорах средство для осуществления своих целей.

Позиция Англии и Франции в отношении стран Центральной и Юго-Восточной Европы отличалась сложностью и противоречивостью. Они не собирались ставить каких-либо препятствий гитлеровской экспансии, сознательно подталкивая ее на Восток, и признавали «естественность» германских интересов в данном районе. Однако сдавать свои позиции Германии полностью они тоже не хотели, желая сохранить известное влияние внутри «германской сферы интересов». Но Германия не намерена была идти на разграничение сфер влияния и игнорировала интересы западных держав, что заставляло их прибегать к своего рода периферийной тактике с целью оказать на нее давление. В отношении Венгрии западные державы приняли форму частичной поддержки ее стремлений к пересмотру мирных договоров и получения равноправия в области вооружений. В вопросе существования Малой Антанты они проявляли незаинтересованность, одновременно доводя до сведения Румынии и Югославии, что не допустят создания барьера против «законных» германских интересов в Дунайском бассейне²⁴.

Через правительства Югославии и Румынии английская дипломатия пыталась оказывать давление на Чехословакию. Незадолго до отправки миссии Ренсимена английский посол в Берлине Гендерсон настоятельно советовал югославскому и румынскому посланникам предложить своим правительствам сделать открытое заявление Бенешу, чтобы Чехословакия не рассчитывала на помощь Югославии и Румынии в случае вооруженного столкновения с Германией из-за Судетской области. Такое заявление, по его мнению, могло бы содействовать решению вопроса мирным

²³ *Kvaček R.* Podíl Československa na jednáních Malé dohody a Maďarska v letech 1936—1938.— *Historický časopis* (Bratislava), 1963, N 3, s. 427—428.

²⁴ *Tejchman M.* Československo a Rumunsko v roce 1938 a Malá Dohoda.— *Slovenské štúdie* (Bratislava), 1971, t. XII, s. 93.

путем²⁵. Югославский поверенный в делах в Лондоне сообщал, что «давление Англии на Прагу исключительно сильное»²⁶. Инициатива Гендерсона, предложение которого осталось как бы «частным советом», возымела действие. Польский посол в Берлине сообщил 11 августа 1938 г. в Варшаву, что, по имеющимся у него сведениям, «как Бухарест, так и Белград должны были сделать представления Праге, склоняя чешское правительство к уступкам»²⁷. Что касается румынского демарша, то он документально зафиксирован: 15 августа румынский министр иностранных дел Комнен проинформировал германского посланника Фабрициуса, что по поручению короля Кароля II он дал инструкцию румынскому посланнику довести до сведения Бенеша и Крофты желание румынского правительства, чтобы судетская проблема была разрешена в духе, приемлемом для Германии²⁸.

Поддерживая идею соглашения между Венгрией и Малой Антантой, английская дипломатия рассчитывала не только оказать таким путем дополнительное давление на Чехословакию в интересах достижения сговора с Германией, но и сохранить свое влияние в Дунайском бассейне.

Другая линия политики западных держав заключалась в желании использовать противоречия стран «оси» на Балканах и в Дунайском бассейне. Падение влияния Италии в этих районах после распада «римского треугольника» вызывало у итальянской дипломатии ревнивое отношение к германским успехам²⁹. Заключение 16 апреля англо-итальянского соглашения³⁰ преследовало цель путем ряда уступок Италии (признание захвата Эфиопии, улаживание колониальных споров в Африке и т. д.) оказать через нее давление на Германию. Последующие события показали иллюзорность подобных расчетов, но в тот период они определили благожелательное отношение западных держав к попыткам Италии сколотить новый блок в Дунайском бассейне и играть посредническую роль между Венгрией, с одной стороны, и Югославией и Румынией — с другой. Италия отказывалась дать Венгрии гарантии против Югославии в виде обязательства удерживать ее военными средствами, о чем просила венгерская дипломатия. Вместо этого Чиано и Муссолини советовали ей прийти

²⁵ ДА ДСИП, ЛП, 1938, пов. бр. 685, 1—13. Стоядинович — в Лондон 23 июля 1938 г.

²⁶ ДА ДСИП, ЛП, 1938, пов. бр. не указан. Миланович (Лондон) — в Белград 8 августа 1938 г.

²⁷ Документы и материалы кануна второй мировой войны, т. I. М., 1948, док. № 15, с. 173.

²⁸ ADAP, Serie D, Bd. II, Dok. N 361, S. 455.

²⁹ Шихов В. И. Итало-германское соперничество в странах Дунайского бассейна летом 1938 года.—УЗ УГУ, 1968, № 74. Сер. ист., вып. 12. Балканы и Ближний Восток накануне и в начале второй мировой войны, с. 19—46.

³⁰ История дипломатии, т. III. М., 1965, с. 719—721.

к соглашению с Югославией, намекая на возможность присоединения последней к Римским протоколам³¹. Все это указывало на желание Италии создать свой блок в Юго-Восточной Европе, заменив Югославией выпавшую из «римского треугольника» Австрию, и укрепить это новое дипломатическое сооружение путем сближения с Польшей³².

Все попытки венгерской дипломатии оторвать Югославию от Малой Антанты путем односторонних «уступок» (признание границы, отказ от ирредентистской пропаганды и т. д.) не увенчались успехом. В результате Венгрия вынуждена была более серьезно отнестись к переговорам с Малой Антантой, которые велись в Бухаресте между румынским министром иностранных дел Комненом и венгерским посланником Бардоши. Переговоры проходили с трудом³³. Венгрия, координировавшая свои действия с гитлеровской Германией, проявляла готовность пойти на соглашение по вопросу о национальных меньшинствах с Югославией и Румынией в целях раскола Малой Антанты, но заняла непримиримую позицию в отношении Чехословакии.

В свою очередь правительства Югославии и Румынии вместо выработки единой линии поведения в этом вопросе всех трех стран, входивших в Малую Антанту, пошли по пути согласования действий двух стран в ущерб интересам своего третьего союзника — Чехословакии. В конце июня югославский посланник сообщал из Лондона, что, по мнению находившегося там румынского дипломата Г. Татареску, Венгрия потребует такого же статуса для венгерского национального меньшинства в Чехословакии, какого добьются для себя судетские немцы, а это затронет интересы и Румынии, и Югославии³⁴. Эти соображения заставляли румынскую и югославскую дипломатию спешить с достижением договоренности с Венгрией (которая смотрела на возможное соглашение лишь как на дипломатический ход) по данному вопросу прежде, чем будет решен вопрос о национальных меньшинствах в Чехословакии, оставляя последнюю в одиночестве.

Переговоры Малой Антанты с Венгрией проходили в обстановке интриг и нажима с разных сторон. На их завершение оказали влияние самые разнообразные факторы. Посылка миссии

³¹ *Ciano G. L'Europa verso la catastrofe. Verone, 1948, p. 351—354; Ciano's Diary 1937—1938. London, 1952, p. 138.*

³² *Siebert F. Italiens Weg in den Zweiten Weltkrieg. Frankfurt a. M., 1962, S. 73.*

³³ О ходе этих переговоров см.: *Волков В. К. Германно-югославские отношения...*, с. 230—242; *Поп И. И. Чехословацко-венгерские отношения. 1936—1939. М., 1972, с. 132—146; Kvaček R. Podíl Československa...*, s. 426—429; *Compène N. P. Preludi del grande dramma...*, p. 64—69.

³⁴ ДА ДСИП, ЛП, 1938, пов. бр. 572, 1—16. Касидолац (Лондон) — Стоядиновичу 23 июня 1938.

Ренсимена в Чехословакию в начале августа 1938 г. заставляла Югославию и Румынию торопиться. Венгрия, не верившая в возможность удовлетворения своих территориальных притязаний к Чехословакии без военного конфликта, проявляла колебания. Из Берлина в Будапешт шли вести о неблагоприятной внутренней ситуации в фашистском рейхе, о его неподготовленности к крупному военному конфликту³⁵. Имела воздействие и позиция Советского Союза, проявлявшего твердую решимость оказать союзническую помощь Чехословакии и указывавшего на опасность германской экспансии также и в Венгрию. Советская дипломатия неоднократно обращала внимание Венгрии на желательность урегулирования отношений с соседними странами³⁶. Все это вместе взятое заставляло Венгрию подходить к переговорам с Малой Антантой более серьезно.

Гитлеровская дипломатия видела в переговорах Венгрии с Малой Антантой лишь маневр, рассчитанный на развал этого союза и оказание дополнительного давления на Чехословакию. Появление возможности достижения соглашения вызвало в Берлине известное беспокойство³⁷. В германских предупреждениях хортистской Венгрии сквозило опасение, как бы возможное соглашение с Малой Антантой не нарушило планы изоляции Чехословакии от Югославии и Румынии.

Переговоры между Венгрией и Малой Антантой завершились 23 августа подписанием соглашения в Бледе. Соглашение предусматривало предоставление Венгрии равноправия в области вооружений и пересмотр соответствующих статей Трианонского мирного договора, а также отказ от применения силы во взаимных отношениях в духе пакта Бриана—Келлога. По вопросу же о национальных меньшинствах соглашение было подписано Венгрией только с Югославией и Румынией. Это обстоятельство явилось серьезным нарушением принципа единства действий стран Малой Антанты. Поэтому было решено, что венгеро-чехословацкие переговоры будут продолжены и только после их завершения все документы будут опубликованы и вступят в силу³⁸.

В обнаруженном коммюнике отмечался предварительный характер достигнутых соглашений. Однако на сессии Малой Ан-

³⁵ *Zsigmond L. Ungarn und das Münchener Abkommen.*—Acta Historica (Budapest). 1959, t. VI, N 3—4, S. 227.

³⁶ Венгрия и вторая мировая война..., док. № 20, с. 74—75; док. № 30, с. 95—96; док. № 32, с. 97—98.

³⁷ Так, Риббентроп в беседе с венгерским посланником 17 августа 1938 г. подчеркнул, что «настоящий момент представляется неудачно выбранным для переговоров с Малой Антантой, к которой принадлежит, конечно, и Чехословакия» (ADAP. Serie D, Bd. V, Dok. N 216, S. 248, Fussnote).

³⁸ ДА ДСИП, ЛП, 1938, пов. бр. 787, 1—6. Циркулярное письмо югославского МИД от 24 августа 1938 г. о сессии Постоянного совета Малой Антанты в Бледе и соглашении с Венгрией.

танты 21—22 августа в Бледе, состоявшейся до подписания соглашения, было подтверждено, что обязательства взаимной помощи будут действовать, если какой-либо член Малой Антанты подвергнется нападению со стороны Венгрии. И Стоядинович, и Комнен заявили министру иностранных дел Чехословакии К. Крофте, что в случае прохода немецких войск через Венгрию для нападения на Чехословакию они будут рассматривать ее как соучастника и действовать соответственно, но этот вопрос было решено обсудить дополнительно³⁹. Вместе с тем Комнен еще раз обратил внимание на отсутствие какого-либо соглашения между Румынией и СССР о проходе советских войск через румынскую территорию на помощь Чехословакии⁴⁰.

Для Югославии и Румынии Бледские соглашения были своего рода страховкой от хортистских реваншистских притязаний, но Чехословакии они не принесли облегчения, поскольку основная угроза для нее исходила со стороны Германии, а именно здесь Югославия и Румыния отказывали ей в какой бы то ни было помощи.

Бледские соглашения встретили одобрение западных держав, но были по-разному восприняты странами «оси». Их горячо приветствовала фашистская Италия. Она не без основания увидела в них, особенно в предоставлении Венгрии равноправия в области вооружений, фактическое уничтожение Трианонского договора. Итальянская дипломатия расценила Бледские соглашения как дальнейший и решающий шаг в разрушении Малой Антанты, а вследствие этого — как «полное крушение французской системы союзов в Юго-Восточной Европе»⁴¹.

Но у гитлеровской Германии Бледские соглашения вызвали раздражение. Риббентроп в беседе с венгерским министром иностранных дел Кая охарактеризовал их как трещину в германо-венгерской дружбе и отказ Венгрии от ее политики ревизии границ⁴². Нацисты расценили соглашение как проявление колебаний венгерских правящих кругов и попытку уклониться от военной авантюры против Чехословакии. Гитлеровская дипломатия предприняла ряд шагов, чтобы перечеркнуть содержание этих соглашений. Ее усилия были направлены на то, чтобы не допустить ослабления давления на Чехословакию со стороны Венгрии.

Под нажимом нацистов хортистские круги забили отбой, обещали не ратифицировать Бледские соглашения и принять актив-

³⁹ DBFP, Third Series, v. II, doc. N 690, p. 157.

⁴⁰ Aprilski rat 1941. Zbornik dokumenata, t. I. Beograd, 1969, dok. N 16, 17, s. 46—49. Записи Стоядиновича о сессии Малой Антанты в Бледе 21—22 августа 1938 г.

⁴¹ Ciano's Diary 1937—1938, p. 146.

⁴² ADAP, Serie D, Bd. II, Dok. N 390, S. 497.

ное участие в кампании против Чехословакии. В конце августа 1938 г. венгерский премьер-министр Имреди заявил в интервью нацистскому официозу «Фёлькишер Beobachter», что Бледские соглашения вступят в силу только после того, как будет достигнута полная договоренность о положении венгров в Чехословакии⁴³. В венгерской прессе была развернута кампания, принижающая значение заключенных соглашений.

В свою очередь недоверие и противоречия скрывались и за фасадом официальной дружбы Югославии и Румынии. Правящие круги Румынии ревниво следили за всеми внешнеполитическими шагами Югославии. Им не нравилась ее активная роль в Малой Антанте и Балканском пакте, равно как и в отношениях с фашистскими странами и западными державами. Королевский двор и правительство Румынии опасались, что Югославия может договориться с Венгрией за их спиной. Эти опасения разделялись и румынскими буржуазно-либеральными кругами⁴⁴.

Со стороны Югославии также имелись сомнения относительно общих тенденций румынской внешней политики, а в военных кругах высказывались скептические оценки боеспособности румынской армии⁴⁵.

Атмосфера всеобщей подозрительности в отношениях между государствами Малой Антанты сознательно поддерживалась усилиями дипломатии фашистских держав. Так, в конце августа — начале сентября фашистской дипломатией был пущен слух, будто чехословацкое правительство намерено финансировать югославские оппозиционные партии во время предстоящих в конце года выборах в Югославии, и довели эту информацию до сведения принца Павла и Стоядиновича⁴⁶. Политический расчет этой интриги был очевиден. И хотя 12 сентября К. Крофта поручил посланнику в Белграде Я. Липе категорически опровергнуть эти слухи как совершенно беспочвенный вымысел⁴⁷, опровержение не рассеяло устоявшегося недоверия югославских правящих кругов к «политике Бенеша».

Фактическая неудача Бледского соглашения удерживала еще Малую Антанту как союз, однако общее развитие международной обстановки, характеризовавшейся явной тенденцией запад-

⁴³ Völkischer Beobachter, 27.VIII 1938.

⁴⁴ Aprilski rat 1941. Zbornik dokumenata, t. I, dok. N 15, s. 42—46. Сообщение корреспондента югославского Центрального Прессбюро от 14 августа 1938 г. об отзывах румынской прессы о Югославии.

⁴⁵ ИДА, ф. 2е, оп. 4, ед. хр. 15, л. 22. Дембицкий (Белград) — в Варшаву 16 апреля 1938 г.

⁴⁶ Германская дипломатия неоднократно распускала такого рода слухи (*Reporter J. B. Jugoslavia in crisis, 1934—1941. New York, 1962, p. 111*).

⁴⁷ AMZV, Telegramy došlé, č. 759/1938. Хейдрих (Женева) — в Прагу 11 сентября 1938 г.; AMZV, Telegramy odeslané, č. 940/1938. Крофта—Липе (Белград) 12 сентября 1938 г.

ных держав поддерживать гитлеровские претензии к Чехословакии, обрекало ее на гибель. Малая Антанта разваливалась на глазах. Двое из ее участников — Югославия и Румыния, имевшие общие интересы в защите от венгерского реваншизма, были готовы отстаивать их за счет предательства Чехословакии.

2. Мюнхенское соглашение и распад Малой Антанты

В начале сентября 1938 г. под давлением западных держав, в частности действовавшей в стране миссии Ренсимена, чехословацкое правительство пошло на первый капитулянтский шаг. 4 сентября оно заявило о своем согласии предоставить такую автономию Судетской области, которая учитывала практически все пожелания генлейновцев. Ее осуществление было бы равнозначно созданию немецкого фашистского государства внутри Чехословакии⁴⁸. Несмотря на это, генлейновцы потребовали дальнейших капитулянтских мер со стороны чехословацкого правительства — отказа от союза с СССР и Францией и изменения всей внешней политики Чехословакии, т. е. фактически превращения ее в германского вассала. Они стремились довести дело до открытого конфликта и провоцировали террористическими действиями чехословацкое правительство. 12 сентября Гитлер в погромной речи на съезде нацистской партии в Нюрнберге фактически призвал судетских немцев к мятежу под видом осуществления «права на самоопределение», обещая им вооруженную поддержку Германии⁴⁹. Выступление «фюрера» приблизило германо-чехословацкие отношения к грани войны. Попытка генлейновцев поднять путч была подавлена, их партия запрещена, в Судетской области введено чрезвычайное положение. «Чехословацкий кризис» принял форму открытого конфликта между Чехословакией и Германией, и гитлеровцы продолжали обострять его, угрожая вторгнуться в Чехословакию.

Агрессивные действия гитлеровцев побудили западные державы не к сопротивлению, а к оказанию нового нажима на Чехословакию, чтобы принудить ее к новой, полной капитуляции. Наблюдавший за событиями Ренсимен возложил ответственность за обострение конфликта на Чехословакию и рекомендовал передать Судетскую область Германии⁵⁰.

В начале сентябрьского кризиса Югославия и Румыния заняли выжидательную позицию. Рассматривая варианты возмож-

⁴⁸ Фомин В. Т. Агрессия фашистской Германии в Европе. 1933—1939 гг. М., 1963, с. 355.

⁴⁹ Dokumente der Deutschen Politik, Bd. 6, Teil 1. Grossdeutschland. 1938. Berlin, 1940, Dok. N 61, S. 293—302.

⁵⁰ Документы и материалы кануна второй мировой войны, т. I, док. № 26, с. 234.

ных действий Югославии в связи с нападением Германии на Чехословакию (одной; при косвенной поддержке со стороны Венгрии; при вооруженной поддержке со стороны Венгрии), английский поверенный в делах в Белграде Шоун на основании беседы с принцем-регентом Павлом 7 сентября 1938 г. пришел к выводу, что даже в третьем случае, который включает прямые обязательства Югославии, она, вероятно, уклонится от оказания помощи Чехословакии. Югославия может произвести мобилизацию, говорил принц Павел, но будет не в состоянии помочь Чехословакии, если не сможет рассчитывать на поддержку со стороны Англии и Франции и по меньшей мере на нейтралитет со стороны Италии⁵¹. Таким образом позиция Югославии ставилась им в прямую зависимость от возможных действий западных держав.

Однако истинные намерения Англии и Франции в правящих кругах Югославии сомнений не вызывали. Об оценках этих намерений премьер-министром М. Стоядиновичем подробно рассказал чехословацкому представителю в Женеве 11 сентября югославский дипломат И. Субботич, только что вернувшийся из Белграда. Стоядинович, по его словам, с самого начала видел в посылке миссии Ренсимена стремление Англии обеспечить решение судьбы этих территорий не войной, а мирными средствами⁵².

Обострение кризиса заставляло югославское правительство высказываться более определенно по отдельным вопросам, в частности по вопросу о германских планах в отношении Чехословакии. В беседе с германским посланником 15 сентября, т. е. уже после нюрнбергской речи Гитлера, Стоядинович заявил, что разрешение судетского вопроса возможно, по его мнению, на основе предоставления судетским немцам полного права на самоопределение. «Его отношение к судетонемецкому вопросу такое же, каким оно было и к австрийскому (внутреннее дело немецкого народа)»⁵³. Таким образом, со времени майской сессии Малой Антанты его точка зрения существенно изменилась: тогда он считал этот вопрос внутренним делом самой Чехословакии...

Но в отношении Венгрии позиция Югославии оставалась довольно твердой. Югославская дипломатия охотно делилась с заинтересованными сторонами своими опасениями, как бы действия Венгрии не поставили Румынию и Югославию в такое положение, которое вынудило бы их выполнить свои обязательства по пакту Малой Антанты. Если же Венгрия вмешается в конфликт после германской интервенции, говорил югославский посланник в Риме Б. Христич в беседе с Чиано 13 сентября, Юго-

⁵¹ DBFP, Third Series, v. II, doc. N 795, p. 260—261.

⁵² AMZV, Telegramy došlé, č. 759/1938. Хейдрих (Женева) — в Прагу 11 сентября 1938 г.

⁵³ ADAP, Serie D, Bd. II, Dok. N 492, S. 641.

славия будет считать себя свободной от подобных обязательств⁵⁴. Чиано заверил Христича, что Венгрия не начнет действий первой. 22 сентября Чиано еще раз повторил венгерскому посланнику Виллани свой совет, чтобы Венгрия шла за германской или польской инициативой и не нападала первой, избегая таким образом применения ответных мер со стороны Малой Антанты⁵⁵.

Позиция Румынии была аналогичной. 14 сентября румынский министр иностранных дел Н. Комнен рассказал польскому представителю в Женеве Т. Комарницкому о содержании своей длительной беседы с королем Каролом, который «смотрит на пакт Малой Антанты «ортодоксально», т. е. считает, что он действует только в случае нападения самой Венгрии, но что в случае, если бы вместе с Венгрией действовала и Германия, создалась бы непредвиденная ситуация»⁵⁶. И в этой, и в других беседах Комнен категорически отрицал сообщения прессы, будто Румыния готова выйти за рамки своих ограниченных обязательств по пакту Малой Антанты, и подчеркивал, что в этом вопросе позиция Румынии идентична точке зрения югославского правительства⁵⁷.

На формирование позиции Румынии в предмюнхенские дни все возрастающее влияние оказывал ее союз с Польшей. Разъясняя английскому представителю на сессии ассамблеи Лиги Наций лорду-хранителю печати Де ла Уарру румынскую позицию, Комнен подчеркивал 15 сентября, что «польская поддержка является ключом ко всему положению в Восточной Европе»⁵⁸. Польско-румынское сотрудничество носило как антисоветский, так в известной мере и античехословацкий характер. Румынское правительство заверяло Варшаву, что оно не предпримет никаких шагов без согласования со своим польским союзником. 19 сентября Румыния официально запросила Польшу о ее позиции в связи с чехословацким кризисом и различными возможностями его развития, ибо она хотела бы учесть ее позицию перед принятием окончательных решений⁵⁹. Союз с Польшей, заявил 23 сентября в беседе с Чиано румынский посланник в Риме А. Замфиреску, будет в любом случае иметь для Румынии большее значение, чем обязательства в отношении Праги⁶⁰. Поэтому в случае советско-польских осложнений из-за Чехословакии Румыния будет на стороне Варшавы, а не Праги. О пропуске со-

⁵⁴ *Ciano G. L'Europa verso la catastrofe*, p. 358—359.

⁵⁵ *Ciano G. L'Europa verso la catastrofe*, p. 361—362.

⁵⁶ ИДА, ф. 2е, оп. 1, ед. хр. 2, л. 147. Комарницкий (Женева) — в Варшаву, 14 сентября 1938 г.

⁵⁷ ДА ДСИП, ЛП, 1938, пов. бр. 879, 1/6. Стоядинович — в лондонское посольство 16 сентября 1938 г. о сообщении из Женевы.

⁵⁸ DBFP, Third Series, v. II doc. N 898, p. 354—355.

⁵⁹ ИДА, ф. 2е, оп. 1, ед. хр. 3, л. 128. Рачиньский (Бухарест) — в Варшаву 19 сентября 1938 г.

⁶⁰ *Ciano G. L'Europa verso la catastrofe*, p. 364—365.

ветских войск в Чехословакию через территорию Румынии не может быть и речи. Что же касается венгерских притязаний к Чехословакии, то посланник считал вполне естественным, если к Венгрии отойдут территории с преобладающим венгерским населением. Румынский посланник также просил Италию повлиять на Будапешт, чтобы венгерская сторона не предпринимала таких жестов, которые осложнили бы международное положение Румынии с учетом ее обязательств по пакту Малой Антанты⁶¹.

Но если в целом румынские правящие круги разделяли взгляды польской дипломатии, то по конкретному вопросу о венгеро-польской границе у них имелось другое мнение, и это расхождение явилось причиной возникновения между ними весьма острых противоречий в период подготовки Мюнхена и сразу же после него. Среди правящих кругов Румынии существовало опасение, что в случае установления общей венгеро-польской границы Польша будет в большей степени заинтересована в союзе с Венгрией, чем с Румынией, и последняя окажется в изоляции не только политически, но и географически, а ее военно-стратегическое положение резко ухудшится. Такого рода опасения объясняют сдержанность румынской дипломатии по отношению к попыткам полной ликвидации Чехословакии.

Между тем развитие «чехословацкого кризиса» происходило быстрыми темпами. После встречи 15 сентября Чемберлена с Гитлером в Берхтесгадене правительства Англии и Франции направили 19 сентября Чехословакии ноту с ультимативным требованием передать Германии Судетскую область⁶². В то же время гитлеровская дипломатия, стремясь усилить нажим на Чехословакию, предложила Венгрии и Польше сформулировать и официально выдвинуть свои требования к ней⁶³. Предъявленные 21 сентября 1938 г. хортистским правительством требования создали для Югославии и Румынии новую ситуацию. Выступление Венгрии обязывало их занять определенную позицию. К тому же и чехословацкое правительство обратилось к ним с запросом, что намерены предпринять эти правительства в случае косвенной венгерской военной помощи Германии в виде, например, разрешения или просто молчаливого согласия на проход немецких войск через территорию Венгрии для нападения на Чехословакию, и просило своих союзников по Малой Антанте высказаться по этому вопросу⁶⁴.

Венгерские и польские требования и чехословацкий запрос втягивали Югославию и Румынию в гущу событий против их

⁶¹ *Ciano G. L'Europa verso la catastrofe*, p. 364—365.

⁶² Новые документы из истории Мюнхена, док. № 35, с. 94—97.

⁶³ *Ciano G. L'Europa verso la catastrofe*, p. 360.

⁶⁴ AMZV, Telegramy odeslané, č. 1096—1097/1938. Крофта — в Белград и Бухарест 21 сентября 1938 г.

собственной воли. Первым их желанием было затянуть время и выждать реакцию великих держав. Так, Стоядинович 21 сентября в беседе с чехословацким посланником Я. Липой обещал дать ответ лишь после совещания с югославским генеральным штабом и обмена мнениями с Комненом⁶⁵. В Бухаресте чехословацкий посланник Крупка также не мог получить точного ответа. Заменявший Комнена министр финансов Румынии М. Канчиков заявил, что агрессивное выступление Венгрии не осталось бы без последствий, но ничего более точного сказать не смог⁶⁶.

Правящие круги Югославии и Румынии давно уже понимали, что «чехословацкий кризис» представляет собой не просто международный конфликт, вызванный агрессивными действиями Германии, а крупную перегруппировку сил на международной арене. Так, югославский посланник в Лондоне Д. Касидолац сообщал 19 сентября, что, по мнению французского посольства, после решения территориальных проблем, связанных с Чехословакией, перестанут действовать не только франко-чехословацкий и советско-чехословацкий договоры, но опадут как беспредметные и взаимные обязательства стран Малой Антанты⁶⁷. Подобные сведения заставляли предполагать, что развитие событий ведет к возникновению новой дипломатической конstellации, напоминаящей осуществление замыслов пресловутого «пакта четырех» в 1933 г. с непредвиденными последствиями для судеб малых и средних европейских стран.

Первая реакция Лондона на венгерские и польские требования показала, что он не возражает против этих требований и принимает их к сведению, но торопиться с их осуществлением не намерен. Английские государственные деятели, как сообщал в Белград Д. Касидолац, не желали вносить эти новые вопросы в свои двусторонние переговоры с Гитлером, дабы не затруднить достижения соглашения с Германией, и предлагали решить их путем прямых переговоров Венгрии и Польши с Чехословакией. Кроме того, они хотели бы избежать немецкого посредничества, что могло бы в еще большей степени усилить германское влияние в этих странах. Касидолац сообщал, что польскому послу в Лондоне Галифакс прямо указал на нежелательность выдвижения польских претензий под немецким покровительством⁶⁸.

⁶⁵ AMZV, Telegramy došlé, č. 871/1938. Липа (Белград) — в Прагу 21 сентября 1938 г.

⁶⁶ AMZV, Telegramy došlé, č. 872/1938. Крупка (Бухарест) — в Прагу 21 сентября 1938 г.

⁶⁷ ДА ДСИП, ЛП, 1938, пов. бр. 865, 1/6. Касидолац (Лондон) — в Белград 19 сентября 1938 г.

⁶⁸ ДА ДСИП, ЛП, 1938, пов. бр. 900 и 901, 1—6. Касидолац (Лондон) — в Белград 22 сентября 1938 г.; пов. бр. 904, 1—6, Касидолац — в Белград 23 сентября 1938 г.

Однако югославской дипломатии было ясно, что в случае выдвижения самой Германией этих вопросов западные державы вновь уступят требованиям Гитлера.

В последующие дни, пока посланники Чехословакии пытались получить в Белграде и Бухаресте прямой ответ на поставленный вопрос об их позиции в случае косвенного участия Венгрии в германской агрессии, правительства этих стран старались выиграть время и договориться между собой. Легче всего им было занять определенную позицию в отношении польских требований, поскольку они не затрагивали их непосредственных интересов.

Когда 21 сентября польский посланник в Белграде Дембицкий явился к Стоядиновичу и разъяснил ему позицию Польши в вопросе о Тешинской области, то реакция югославского премьера была, как сообщал посланник, «дружественной и понимающей». Но как только речь зашла о Венгрии и хортистских притязаниях на чехословацкие территории, Стоядинович сразу же заявил, что в случае венгерской агрессии против Чехословакии Югославия выполнит свои обязательства, хотя и отметил, что не предполагает такого развития событий. Если же, продолжал Стоядинович, какая-то часть территории будет передана Венгрии по соглашению с Чехословакией, то тогда югославские обязательства по Малой Антанте вообще отпадут⁶⁹.

Когда же в Белград и Бухарест поступили сообщения о принятии чехословацким правительством ультимативного требования Англии и Франции уступить Германии территории с преобладающим немецким населением⁷⁰, Югославия и Румыния приступили к дальнейшему пересмотру своих обязательств в отношении Чехословакии. 21 сентября румынский поверенный в делах в Югославии Д. Геблеску явился к Стоядиновичу с телеграммой от Комнена, предлагавшего совместный демарш двух стран против венгерских требований перед четырьмя великими державами⁷¹. В беседе с Геблеску Стоядинович поставил встречный вопрос: а существует ли отныне малоантантовский договор? Далее он заявил, что после согласия уступить часть своей территории Чехословакия не является уже той страной, какой она была в момент заключения договора. Поскольку венгерские и польские требования к Чехословакии поддерживаются Германи-

⁶⁹ ИДА, ф. 2А, оп. 1, ед. хр. 3, л. 62. Дембицкий (Белград) — в Варшаву 21 сентября 1938 г.

⁷⁰ См.: Новые документы из истории Мюнхена, док. № 44, с. 118—119.

⁷¹ Телеграмма Комнена была послана 20 сентября, т. е. до получения известий о принятии Чехословакией англо-французского ультиматума, и ставила вопрос о возникновении ситуации *casus foederis* в случае агрессивных действий Венгрии против Чехословакии (*Comnène N. P. Preludi del grande dramma...*, p. 104).

ей и Италией, то выступление Югославии и Румынии против Венгрии привело бы к их конфликту с этими державами, а кроме того, поскольку Польша поддерживает Венгрию, это привело бы также и к конфликту Румынии с ее союзницей Польшей⁷².

Такие же соображения были и у румынской дипломатии. 22 сентября Н. Комнен в беседе с английским представителем на сессии ассамблеи Лиги Наций в Женеве Де ла Уарром отметил, что неизбежно придется произвести ревизию чехословацких границ в пользу Польши и Венгрии, ибо это единственная альтернатива полному разделу Чехословакии⁷³.

Подобно югославским, румынские правящие круги стремились к пересмотру своих обязательств по Малой Антанте. Так, 23 сентября министр двора Э. Урдаряну заявил польскому послу Р. Рачиньскому, что после согласия Чехословакии на добровольную уступку Судетской области король Кароль считает правовое и фактическое положение принципиально изменившимся по сравнению со временем подписания пакта Малой Антанты. Вследствие этого Румыния и Югославия могут чувствовать себя свободными от своих обязательств по пакту. Король принял решение «о невмешательстве в случае вступления венгерских войск на территорию Чехословакии». Что же касается польских претензий к Чехословакии, то король и Урдаряну понимают и одобряют их. Урдаряну отметил, что Румыния должна согласовать свою позицию с Югославией и для обеих стран она будет идентичной⁷⁴.

В последующие дни югославская дипломатия и румынская направили свои усилия не на пресечение венгерских агрессивных намерений против Чехословакии, а на выяснение объема венгерских претензий и их ограничение. Поступавшие сообщения говорили о том, что хортистская Венгрия претендует на захват всей Словакии и Закарпатской Украины, что Польша поддерживает ее требования⁷⁵, а Италия обещает оказать поддержку Польше и Венгрии в вопросе об установлении между ними общей границы⁷⁶. Такой объем хортистских претензий вызывал возражения у Румынии и Югославии и обострял отношения

⁷² Запись беседы, сделанную Геблеску, см.: Архив Југославије, ф. М. Стојадновића, F-24. Texte des declaration faites par S. E. Monsieur Milan Stojadinovic au charge d'affaires de Roumanie M. Dan Geblesco, le merkredi 21 septembre 1938.

⁷³ DBFP, Third Series, v. III, doc. N 27, p. 18—19.

⁷⁴ ИДА, ф. 15, оп. 1, ед. хр. 141, л. 172—173. Письмо Рачиньского (Бухарест) — в Варшаву о беседе с Урдаряну 23 сентября 1938 г.; ИДА, ф. 2а, оп. 1, ед. хр. 4, л. 164. Телеграмма Рачиньского (Бухарест) — в Варшаву 23 сентября 1938 г.

⁷⁵ ДА СИП, ЛП, 1938, пов. бр. 905, 1/6. Стоядинович — мисси в Лондоне 23 сентября 1938 г. о сообщении из Парижа.

⁷⁶ AMZV, Telegramy došlé, č. 880/1938. Хвалковский (Рим) — в Прагу 22 сентября 1938 г.

Румынии с Польшей. Но в данном вопросе и румынская дипломатия и югославская заняли достаточно твердую позицию, возможно располагая сведениями об отрицательном отношении Германии к идее общей венгеро-польской границы. Они явно надеялись сыграть в этом вопросе на германо-итальянских противоречиях. Их позиция заставляла Венгрию маскировать свои намерения и не спешить с определением конкретных притязаний на чехословацкую территорию. Вместе с тем Югославия и Румыния не спешили с ответом на чехословацкий запрос и по-малкивали о своих союзнических обязательствах. Новая встреча Чемберлена с Гитлером в Бад-Годесберге 22 сентября еще более усилила их стремление следовать курсом «умиротворения», по которому шли западные державы.

Неблаговидность действий правительств Югославии и Румынии, увливание от прямого и ясного ответа особенно четко проявилась в сравнении с позицией Советского Союза. Советская дипломатия прекрасно понимала, что принятие Чехословакией ультимативного требования западных держав об уступке Судетской области Германии без предварительной консультации со своим союзником — СССР является серьезным нарушением его условий союзного договора, а в более широком плане перечеркивает как советско-чехословацкий, так и советско-французский договоры. Стремясь прикрыть свою капитулянтскую позицию, чехословацкое правительство не сочло нужным обратиться за помощью к СССР в этом решающем вопросе, хотя оно было информировано, что может рассчитывать на его полную поддержку⁷⁷. Выступая 23 сентября на заседании политической комиссии Лиги Наций, народный комиссар иностранных дел СССР М. М. Литвинов говорил: «...после принятия Чехословакией ультиматума, включающего эвентуально денонсирование советско-чехословацкого пакта, Советское правительство, несомненно, имело моральное право также отказаться от этого пакта. Тем не менее Советское правительство, не ищущее предлогов, чтобы уклониться от выполнения своих обязательств, ответило Праге, что в случае помощи Франции в указанных чехословацким правительством условиях вступит в силу советско-чехословацкий пакт»⁷⁸.

Чехословацкое правительство обратилось к Югославии и Румынии с просьбой оказать помощь в связи с угрожающими действиями Венгрии. Одновременно оно просило Советский Союз воздействовать на Польшу, которая концентрировала войска на всем протяжении чехословацко-польской границы⁷⁹. Советский

⁷⁷ История внешней политики СССР. 1917—1976, т. I. М., 1976, с. 351—352.

⁷⁸ Новые документы из истории Мюнхена, док. № 51, с. 135—136.

⁷⁹ Там же, док. № 9, с. 131.

Союз немедленно откликнулся на эту просьбу. 23 сентября правительство СССР предупредило правительство Польши, что в случае ее агрессии против Чехословакии советско-польский договор о ненападении будет денонсирован без предупреждения⁸⁰. Советский демарш оказал отрезвляющее воздействие на польское правительство, и в течение последующих дней на чехословацко-польской границе было спокойно⁸¹.

Однако аналогичной поддержки со стороны своих союзников по Малой Антанте Чехословакия не встретила. Ее запросы продолжали оставаться без ответа. 24 сентября чехословацкий посланник Я. Липа телеграфировал из Белграда: «Стоядинович, несмотря на три напоминания, оттягивает ответ о позиции Югославии в отношении Венгрии». Сообщая о предстоящей встрече Стоядиновича с Комненом, во время которой должна была быть достигнута договоренность об их совместном ответе, Липа приводил также слова Андрича о том, что Комнен в Женеве решительно отрицал все сообщения о готовности Румынии оказать помощь Чехословакии и особенно о предоставлении права прохода русским войскам⁸². Уклоняясь от прямого ответа Чехословакии, югославское правительство в тот же день, 24 сентября, сообщило Италии, что Югославия останется нейтральной в любом случае⁸³. Позиция Югославии была, таким образом, более откровенной, чем позиция Румынии, которая как бы пряталась за ее спину, а румынская дипломатия из тактических соображений подчеркивала необходимость согласования политики двух стран⁸⁴.

На встрече с Комненом 25 сентября в Суботице Стоядинович вновь повторил свой тезис, что «Малая Антанта прекратила существование». Его рассуждения не встретили возражений со стороны румынского министра иностранных дел. Согласился Комнен и с мнением Стоядиновича, что обе страны должны любой ценой остаться нейтральными, по крайней мере на первом этапе военных действий, если таковые будут иметь место. Судя по мемуарам Комнена, вопрос об ответе на запрос Чехословакии

⁸⁰ Документы и материалы по истории советско-польских отношений, т. VI, док. № 257, с. 363—364.

⁸¹ *Král V. Spojenectví československo-sovětské v evropské politice 1935—1939.* Praha, 1970, s. 417.

⁸² AMZV, Telegramy došlé, č. 903/1938. Липа (Белград) — в Прагу 24 сентября 1938 г.

⁸³ *Ciano's Diary 1937—1938*, p. 161.

⁸⁴ Распространение в таких условиях слухов о якобы имевшем место заверении Югославии и Румынии, будто они выполняют свои союзнические обязательства в отношении Чехословакии, было рассчитано, вероятно, на то, чтобы подтолкнуть их на такой шаг. Есть основания полагать, что такие сведения сознательно распространял чехословацкий МИД (AMZV, Telegramy odeslané, č. 1320/1938. Кофта—в миссию в Москву 24 сентября 1938 г.).

или о каком-либо другом заявлении в ее поддержку на этой встрече так и не обсуждался⁸⁵. Обе стороны сошлись во мнении, что они не должны расширять своих обязательств в отношении Чехословакии и выждут решений, которые будут приняты в Париже и Лондоне⁸⁶.

Однако между Югославией и Румынией не было полного доверия. Румыния подозревала, что Югославия хочет за ее спиной сговориться с Венгрией на двусторонней основе. Новую пищу для подозрений дали полученные в Бухаресте известия о заявлении, сделанном 22 сентября венгерским посланником в Белграде, что Венгрия считает Бледское соглашение окончательным в своих отношениях с Югославией. Стоядинович с удовлетворением принял к сведению это заявление и выразил пожелание, чтобы Венгрия сделала аналогичное заявление и Румынии⁸⁷. Однако на встрече с Комненом Стоядинович ни словом не обмолвился о венгерском демарше, что вызвало у того подозрения⁸⁸.

Особенно опасными представлялись Румынии наметившийся альянс между Польшей и Венгрией, их стремление к установлению совместной границы, и она прилагала усилия, чтобы сорвать эти замыслы. Румынская дипломатия настойчиво пыталась выступить посредником между Варшавой и Прагой с целью добиться скорейшего удовлетворения польских претензий на район Тешина, рассчитывая тем самым уменьшить заинтересованность Польши в поддержке венгерских притязаний. Комнен встретился и с польским послом Р. Рачиньским, сообщив ему о своих неоднократных советах Праге удовлетворить польские претензии на Тешин. Одновременно Комнен снова просил передать его просьбу Ю. Беку, чтобы тот вновь посоветовал Венгрии сохранять хладнокровие и не ставить Румынию и Югославию в трудное положение⁸⁹. Комнен был обеспокоен имевшимися у него сведениями, что Венгрия претендует на всю Словакию и Закарпатье. Он полагал, что эти требования встречают поддержку у Польши и Италии, но не у Германии⁹⁰.

Подметив особую линию Германии в этом вопросе, румынская дипломатия старалась извлечь из нее максимальные выгоды для себя. При этом она старалась заверить Германию, что

⁸⁵ *Comnène N. P. Preludi del grande dramma...*, p. 119—121.

⁸⁶ *Hoptner J. B. Jugoslavia in crisis, 1934—1941*, p. 118.

⁸⁷ ДИМК, кѳт. II, N 375, 633—634 old. Инструкция Князя венгерскому посланнику в Белграде 21 сентября 1938 г.; № 385, с. 642—644. Запись беседы Бешшенъей со Стоядиновичем 22 сентября 1938 г.

⁸⁸ *Comnène N. P. Prelude del grande dramma...*, p. 123—124.

⁸⁹ ИДА, ф. 2а, оп. 1, ед. хр. 4, л. 55. Рачиньский (Бухарест) — в Варшаву о беседе с Комненом 26 сентября 1938 г.

⁹⁰ DBFP, Third Series, v. III, doc. N 65, p. 45—46.

она не допустит прохода советских войск через ее территорию в случае немецкого нападения на Чехословакию, что в случае советско-польского конфликта Румыния будет на стороне Польши, союз с которой получит преобладание над ее обязательствами в отношении Чехословакии⁹¹. Именно свой антисоветизм и выставляла на передний план румынская дипломатия, стремясь заручиться поддержкой фашистской Германии против Венгрии.

26 сентября Комнен поручил румынскому посланнику в Берлине Джуваре выяснить германскую точку зрения относительно венгерских стремлений захватить Словакию и Закарпатье и передать Риббентропу, что их захват Венгрией будет невыгоден и Германии⁹². Не дожидаясь ответа, Комнен встретился на следующий день с германским посланником Фабрициусом. Он напомнил ему, что Румыния не дала никому никаких обещаний пропустить советские войска на помощь Чехословакии, и просил, чтобы Германия удержала Венгрию от односторонних действий⁹³.

Отношение Югославии к венгерским претензиям отличалось лишь нюансами. 26 сентября И. Андрич пригласил к себе венгерского посланника и от имени Стоядиновича прямо поставил ему вопрос, на какие именно чехословацкие территории претендует Венгрия. Если речь идет о пограничных территориях с венгерским населением, то при условии, что Венгрия заявит о своем полном отказе от любых претензий к Югославии и четко определит свои претензии к Чехословакии, Стоядинович согласился бы даже взять на себя посредничество для скорейшего достижения соглашения между Прагой и Будапештом⁹⁴. Однако такое предложение Югославии не встретило положительного отклика со стороны хортистской Венгрии из опасений, что она может столкнуться с такими же требованиями со стороны румынского правительства⁹⁵.

В то же время неурегулированность отношений с Югославией вызывала большое беспокойство в хортистских кругах Венгрии, где к тому же хорошо знали о расположении к Стоядиновичу фашистских держав. Недаром в Будапешт постоянно шли напоминания из Рима, чтобы Венгрия не усложняла положения Стоядиновича, стремившегося освободиться от обязательств по Малой Антанте. Это могло бы дать основание югославской оппозиции упрекнуть его в отказе от этих

⁹¹ ADAP, Serie D, Bd. II, Dok. N 609, S. 749.

⁹² Колкер Б. М. Румынское правительство и мюнхенский договор, с. 241.

⁹³ ADAP, Serie D, Bd. II, Dok. N 650, S. 784—785.

⁹⁴ DIMK, köt II, N 396, 655—656 old. Бешшенъен (Белград) — в Будапешт 26 сентября 1938 г.

⁹⁵ ADAP, Serie D, Bd. II, Dok. N 645, S. 781.

обязательств⁹⁶. Однако Венгрия выдвигала претензии на Словакию и Закарпатье, надеясь добиться их присоединения⁹⁷. Для устранения противоречий с Югославией венгерская дипломатия решила прибегнуть к посредничеству Польши и Германии, обратившись к ним с просьбой довести до сведения югославского правительства венгерскую точку зрения и подчеркнуть, что Венгрия не имеет к Югославии никаких претензий⁹⁸.

Польша выступила в поддержку Венгрии, Германия же заняла более сложную позицию. 28 сентября югославский посланник А. Цинцар-Маркович посетил Геринга и получил заверения, что Германия не желает чрезмерного усиления Венгрии и готова даже дать Югославии и Румынии гарантию против венгерских территориальных притязаний на будущее, если их позиция будет нейтральной и ясной⁹⁹. В тот момент Германия, не желавшая ослабления нажима на Чехословакию, временно и в небольшом для нее вопросе была склонна учитывать интересы Югославии и Румынии.

Румыния и Югославия не смогли оказать помощи Чехословакии и в связи с организацией ее блокады Польшей, Венгрией и Германией. Инициатором блокады выступило реакционное правительство Польши. Оно прервало без уведомления железнодорожную, шоссе и телеграфно-телефонную связь с Чехословакией и призвало 25 сентября Германию и Венгрию последовать его примеру с целью оказания нажима на их общую жертву¹⁰⁰. Германия к тому времени уже фактически проводила такую блокаду, а Венгрия присоединилась к ней 26 сентября¹⁰¹. Единственной сухопутной связью Чехословакии с внешним миром осталась железнодорожная ветка через Закарпатье и Румынию. В таких условиях Югославия и Румыния вынуждены были оказать ей символическую поддержку. По согласованию с генеральным правлением югославских железных дорог чехословацкие вагоны решено было направлять в Югославию через Румынию¹⁰², на что последняя дала согласие. Однако быстротечность событий не дала возможности на деле проверить действенность этих мер.

⁹⁶ ADAP, Serie D, Bd. II, Dok. N 627, S. 764; Dok. N 658, S. 792—793.

⁹⁷ Там же, dok. № 660, S. 794.

⁹⁸ ИДА, ф. 2а, оп. 1, ед. хр. 1, л. 26—27. Запись беседы Лубеньского с венгерским посланником Хори 28 сентября 1938 г.; л. 24—25. Бек — Дембницкому (Белград) 28 сентября 1938 г.

⁹⁹ *Macartney C. A. October Fifteenth. A history of Modern Hungary 1929—1945*, Part. I. Edinburg, 1957, p. 272.

¹⁰⁰ ИДА, ф. 2а, оп. 1, ед. хр. 1, л. 53—54. Бек — посольствам в Берлине и Будапеште 25 сентября 1938 г.; ADAP, Serie D, Bd. II, Dok. N 608.

¹⁰¹ ИДА, ф. 2а, оп. 1, ед. хр. 4, л. 74. Орловский (Будапешт) — в Варшаву 26 сентября 1938 г.

¹⁰² AMZV, Telegramy došlé, č 922/1938. Липа (Белград) — в Прагу 25 сентября 1938 г.

Предмюнхенские события и позиция Венгрии задевали интересы Румынии в гораздо большей степени, чем интересы Югославии. Не удивительно поэтому, что румынская дипломатия проявляла также и большую озабоченность, особенно в выработке совместной с Югославией политической линии в отношении Венгрии. Она побуждала югославскую дипломатию к совместному выступлению в Будапеште с целью получить от Венгрии заверения, что та не вмешается в германо-чехословацкий конфликт в случае его перерастания в вооруженное столкновение¹⁰³. Польский посланник в Белграде Дембицкий, наблюдавший за усилиями румынской дипломатии, отмечал их неэффективность. Он считал, что согласие Франции и Англии на уступку Венгрии части чехословацких территорий делают такой демарш неактуальным. Получение же известий о предстоящей конференции четырех держав в Мюнхене было встречено югославским правительством с облегчением¹⁰⁴. 28 сентября в Белграде заседал Коронный совет¹⁰⁵. Вероятно, его решения дали Стоядиновичу основание вновь уклониться от подтверждения Чехословакии югославских обязательств относительно Венгрии и договориться с Румынией отложить совместный ответ, пока не будут известны результаты мюнхенской конференции¹⁰⁶.

Таким образом, в период, предшествовавший мюнхенской конференции, Чехословакия не получила от своих союзников по Малой Антанте практически никакой поддержки. Они заботились только о своих эгоистических интересах и стремились не допустить чрезмерного усиления Венгрии. Их политика сводилась лишь к тому, чтобы путем частичных уступок воспрепятствовать захвату Венгрией всей Словакии и Закарпатья, что грозило, по их мнению, серьезным изменением соотношения сил в Дунайском бассейне и создавало бы опасность для их государственных интересов.

Позорный смысл мюнхенскогоговора Англии и Франции с фашистскими Германией и Италией давно разоблачен марксистской историографией. Путем уступок за счет государств Центральной и Юго-Восточной Европы западные державы желали заключить сделку со странами «оси», направить гитлеровскую агрессию на Восток, против Советского Союза. Мюнхенское соглашение передавало Германии судетские земли, а также предусматривало территориальные уступки со стороны Чехословакии в пользу хортистской Венгрии и «санационной» Польши.

¹⁰³ *Comnène N. P. Preludi del grande drama...*, p. 135—136.

¹⁰⁴ ИДА, ф. 2а, оп. 1, ед. хр. 5, л. 76. Дембицкий (Белград) — в Варшаву 28 сентября 1938 г.

¹⁰⁵ AMZV, *Telegramy došlé*, č. 981/1938. Липа (Белград) — в Прагу 28 сентября 1938 г.

¹⁰⁶ AMZV, č. 1010/1938. Липа (Белград) — в Прагу 30 сентября 1938 г.

В дополнительной декларации говорилось, что «если в течение ближайших трех месяцев проблема польского и венгерского национальных меньшинств в Чехословакии не будет урегулирована между заинтересованными правительствами путем соглашения, то эта проблема станет предметом дальнейшего обсуждения следующего совещания глав правительств четырех держав»¹⁰⁷. Таким образом, совещание четырех империалистических держав возводилось чуть ли не в ранг постоянно действующего международного органа, в своего рода директорат четырех держав для решения вопросов Центральной и Юго-Восточной Европы. Однако фактически гитлеровская Германия рассматривала отныне весь этот регион как зону исключительно своего влияния.

Мюнхенское соглашение было обнародовано 30 сентября, и уже 1 октября германские войска вступили в Судетскую область Чехословакии.

Идя на мюнхенскую капитуляцию, правящие круги чехословацкой буржуазии попрали волю чехословацкого народа, выражавшего готовность с оружием в руках защищать свою свободу. Отказались они также и от принятия помощи Советского Союза, который готов был выступить в поддержку Чехословакии. В таких условиях чехословацкое правительство не сочло даже необходимым провести предварительную консультацию с правительствами Югославии и Румынии, тем более что они так и не дали ответа, подтверждавшего их союзнические обязательства в отношении Чехословакии. Тем не менее это обстоятельство дало возможность Югославии и Румынии обвинить Чехословакию в нарушении ею статьи 6 Пакта Малой Антанты от 16 февраля 1933 г., предусматривавшей консультацию трех стран по важнейшим вопросам, затрагивавшим их интересы, и единогласное принятие по ним согласованных решений¹⁰⁸. На этом основании 30 сентября румынский король Кароль пришел к заключению, что Малую Антанту следует считать похороненной навсегда, ибо принятие мюнхенского соглашения без согласия Бухареста и Белграда явилось по существу денонсацией в скрытой форме Пакта Малой Антанты со стороны самого чехословацкого правительства. С выводом короля согласился и румынский министр иностранных дел Н. Комнен¹⁰⁹. Югославское правительство еще ранее поставило Румынию в известность, что считает Малую Антанту прекратившей существование из-за изменения международного статуса Чехословакии после принятия ею требования уступить Судетскую область Германии. Теперь

¹⁰⁷ Документы и материалы кануна второй мировой войны, т. I, с. 299.

¹⁰⁸ *Vanku M. Mala Antanta. 1920—1938, s. 362—364.*

¹⁰⁹ *Comnène N. P. Preludi del grande dramma...*, p. 173.

же к прежнему аргументу добавлялись новые. И хотя правительства Румынии и Югославии не выступили с официальным заявлением по этому вопросу, мюнхенское соглашение и по существу, и по форме означало конец Малой Антанты.

3. Послемюнхенская дипломатическая борьба в Дунайском бассейне и Венский арбитраж

Мюнхенское соглашение создало новую международную ситуацию в Центральной и Юго-Восточной Европе, с которой Югославия и Румыния должны были считаться и приспособляться к ней. Наблюдавший за настроениями правящих кругов Румынии польский посол в Бухаресте писал, что «вместе с Чехословакией рушится вся система румынской политики, с которой она связала себя после войны и в постепенном разложении которой она не отдавала себе достаточного отчета». Потребуется определенное время, чтобы в политическом сознании румынского правительства отобразилась новая карта Чехословакии и Центральной Европы в том виде, как она сложилась на конференции в Мюнхене. Пока же было очевидно беспокойство, вызываемое ростом мощи Германии и опасностью оказаться под германской гегемонией. Возможное увеличение Венгрии и прецедент территориальной ревизии за счет Чехословакии единодушно оценивались в Бухаресте как огромный минус¹¹⁰.

Приспособление румынского правительства к новой ситуации началось уже давно. В мюнхенские же дни оно приняло более ясные очертания. Не дожидаясь итогов мюнхенской конференции, король Кароль 29 сентября передал германскому посланнику Фабрициусу свое желание установить с Германией более тесные отношения¹¹¹. На следующий день Кароль сообщил германскому посланнику, что в будущем Румыния «должна поддерживать с Германией по меньшей мере такие же хорошие отношения, как и Венгрия», и что с этим связаны расчеты румынских правящих кругов на сохранение территории страны «в ее нынешних границах»¹¹².

В правящих кругах Югославии, вставших на этот путь несколько раньше, чем Румыния, итоги мюнхенского соглашения лишь укрепили убеждение в правильности их политики. Позиция югославского правительства была ясно выражена в беседе Стоядиновича с германским посланником Гереном 4 октября. Югославия, заверял Стоядинович, проявляла полное понимание

¹¹⁰ ИДА, ф. 15, оп. 1, д. 141, л. 185—140. Рачиньский (Бухарест) — в Варшаву 30 сентября 1938 г.

¹¹¹ ADAP, Serie D, Bd V, Dok. N 227, S. 258—259.

¹¹² Там же, dok. № 228, с. 259—260; dok. № 331, S. 262—264.

с самого начала в отношении германских претензий на судето-немецкую территорию и не считает, что югославские интересы поставлены в результате этого под угрозу¹¹³.

Однако после Мюнхена вопросы, вытекающие из притязаний Польши и Венгрии на чехословацкие территории, не только не снимались для Румынии и Югославии, но и приобрели еще большую остроту. 30 сентября польское правительство, потерпевшее неудачу в замысле стать пятым участником мюнхенского сговора, направило в Прагу ультиматум, требуя на следующий день ответа о согласии Чехословакии уступить Польше район Тешинской Силезии¹¹⁴. Идя на этот шаг, польская дипломатия сочла необходимым запросить Германию о ее позиции в случае польско-чехословацкого вооруженного конфликта¹¹⁵, а также прибегнуть к румынскому посредничеству. 1 октября польский посол сообщил содержание польского ультимативного требования к Чехословакии Н. Комнену, который тут же решил пригласить чехословацкого поверенного в делах, чтобы оказать через него «нажим на Прагу в смысле удовлетворения требований Польши»¹¹⁶. Комнен просил чехословацкое правительство, чтобы оно «сделало все возможное в интересах мира»¹¹⁷. Однако эта деликатная формулировка не оставляла никакого сомнения в истинной позиции Румынии в этом вопросе.

Принятие чехословацким правительством польского ультиматума и вступление 2 октября польских войск в район Тешина сделали еще более актуальными польские политические планы установления общей границы между Польшей и Венгрией. Поэтому вопрос об объеме венгерских территориальных требований, включавших большую часть Словакии и все Закарпатье, выступил в последующие дни на передний план и перерос в гораздо более крупную проблему о направлении дальнейшего развития отношений во всей Центральной и Юго-Восточной Европе.

2 октября Чехословакия ответила согласием на венгерскую ноту, предлагавшую начать переговоры о территориальных вопросах, считая возможным приступить к ним примерно через неделю, т. е. после урегулирования аналогичных проблем с Германией и Польшей, которые занимали тогда все внимание чехословацкого правительства¹¹⁸. Но хортистские круги не намерены были ждать. 3 октября в Праге была вручена новая вен-

¹¹³ ADAP, Serie D, Bd. V, Dok. N 229, S. 260—261.

¹¹⁴ *Kozeński J.* Czechosłowacja w polskiej polityce zagranicznej w latach 1932—1938. Poznań, 1964, s. 285.

¹¹⁵ ADAP, Serie D, Bd. V, Dok. N 54, S. 66—67.

¹¹⁶ ИДА, ф. 2а, оп. 1, ед. хр. 15, л. 1. Рачиньский (Бухарест) — в Варшаву 1 октября 1938 г.

¹¹⁷ AMZV, Telegramy došlé, č. 1923/1938. Крупка (Бухарест) — в Прагу 1 октября 1938 г.

¹¹⁸ DIMK, köt. II, N 443, 696—697 old.; N 445, 698—699 old.

герская нота, требовавшая начать переговоры в Комарно 6 октября и в качестве предварительной уступки передать Венгрии ряд пограничных городов, немедленно освободить политических заключенных-венгров, демобилизовать солдат венгерской национальности, а также создать отряды «самообороны» среди венгерского населения в Чехословакии¹¹⁹.

Поставленное перед фактом венгерских требований, чехословацкое правительство обратилось за поддержкой к Югославии и Румынии. Чехословацкое правительство просило их оказать давление на Будапешт, дабы он вел переговоры без выдвижения ультимативных требований. «Если демарш в Будапеште не будет решительным и твердым, он вряд ли будет иметь успех. А это не в интересах Румынии и Югославии», — заключал Крофта¹²⁰. Тексты телеграмм в Бухарест и Белград были сообщены также чехословацким посольствам в Париже, Лондоне и Риме, которым было предложено действовать в том же духе¹²¹.

Обращение Чехословакии нашло благоприятный отклик в правящих кругах Югославии и Румынии, отношение которых к венгерским требованиям оформилось еще в предмюнхенские дни. Сразу же по получении известий из Праги Стоядинович ответил согласием оказать Чехословакии поддержку, которую она просила от Югославии¹²². 4 октября югославский посланник в Праге В. Протич официально сообщил Крофте, что Югославия использует свои хорошие отношения с Берлином и Римом, чтобы оградить Чехословакию от чрезмерных венгерских претензий¹²³.

В тот же день, 4 октября, Стоядинович заявил немецкому посланнику Герену, что Югославия выступает против тех венгерских требований, которые выходят за рамки территорий с преимущественным венгерским населением. Стоядинович отметил также, что он стоит за немедленное вступление в силу Бледского соглашения Венгрии с Югославией и Румынией¹²⁴.

В состоявшейся 4 октября беседе с Чиано югославский посланник Христич подробно изложил югославскую точку зрения. Однако Чиано стал заверять его, будто венгерское правительство о Словакии не думает и что этот вопрос раздула румынская

¹¹⁹ Венгрия и вторая мировая война..., док. № 46, с. 111.

¹²⁰ AMZV, Telegramy odeslané, č. 1484—1485/1938. Крофта — миссиям в Бухарест и Белград 3 октября 1938 г.

¹²¹ Там же, с. 1486—1488/1938. Крофта — посольствам в Париже, Лондоне и Риме 3 октября 1938 г.

¹²² AMZV, Telegramy došlé, č. 1047/1938. Липа (Белград) — в Прагу 3 октября 1938 г.

¹²³ AMZV, Telegramy odeslané, č. 1535/1938. Крно — миссии в Бухарест 5 октября 1938 г., о заявлении югославского посланника В. Протича 4 октября 1938 г.

¹²⁴ ADAP, Serie D, Bd. V, Dok. N 229, S. 261.

дипломатия. Говоря о политике Италии в Центральной и Юго-Восточной Европе, Чиано развивал идею «создания системы, в которую вошли бы Варшава, Будапешт, Белград и София». Румыния могла бы войти в нее после урегулирования своих отношений с Венгрией. В связи с поднятым вопросом о предполагаемом блоке Чиано коснулся желательности дальнейшего сближения Югославии и Венгрии¹²⁵. Вся беседа показывала существование различных точек зрения у Италии и Германии на дальнейшее развитие ситуации в Центральной и Юго-Восточной Европе после Мюнхена.

Аналогичную югославскую позицию по отношению к Венгрии заняла и румынская дипломатия¹²⁶. 5—6 октября румынские посланники в Лондоне, Риме, Берлине и Варшаве сделали заявление о том, что Румыния не может согласиться с присоединением к Венгрии всей Словакии¹²⁷.

Возросшая активность югославской и румынской дипломатии объяснялась не только их прямой заинтересованностью в решении вопросов венгеро-чехословацких отношений. Поступившие к ним сведения говорили о том, что Германия не поддерживает идею совместной польско-венгерской границы. Обе страны обратились к великим державам, настаивая на ограничении венгерских требований к Чехословакии. Они сделали решительный демарш в Венгрии с целью перенесения начала ее переговоров с Чехословакией на более позднее число, причем Стоядинович предложил найти среднее решение между датой, названной венгерской дипломатией (6 октября), и чехословацкой (15 октября), что в конечном итоге и было принято. Наконец, и Югославия, и Румыния рекомендовали Чехословакии еще до начала переговоров с Венгрией предоставить автономию Словакии и Закарпаты, дабы лишить действительности венгерские притязания на проведение там плебисцита¹²⁸. Вообще в те дни и Югославия, и Румыния в изобилии давали Чехословакии такие советы и предлагали такие действия, которых они сами решительно избегали как в своей внутренней, так и во внешней политике.

Одновременно с выработкой совместной румыно-югославской линии происходили уточнения польско-венгерских планов и ко-

¹²⁵ Aprilski rat 1941. Zbornik dokumenata, t. I, dok. N 22, s. 62—65. Христич. (Рим) — Стоядиновичу 4 октября 1938 г.

¹²⁶ AMZV, Telegramy došlé, č. 1052/1938. Веверка (Бухарест) — в Прагу 4 октября 1938 г.

¹²⁷ Tejchman M. Československo a Rumunsko v roce 1938 a Malá Dohoda.— Slovánské štúdie, 1971, t. XII, s. 105.

¹²⁸ AMZV, Telegramy došlé, č. 1064/1938. Липа (Белград) в Прагу 5 октября 1938 г.; там же, ч. 1065/1938. Веверка (Бухарест) — в Прагу 5 октября 1938 г.; ДА ДСИП, ЛП, 1938, пов. бр. 975 1/6. Стоядинович — миссии в Лондоне 7 октября 1938 г.

ординация их действий. 5—6 октября в Варшаве вел переговоры начальник кабинета министра иностранных дел Венгрии И. Чаки. В беседах с Беком он подробно изложил венгерские территориальные пожелания. Основной замысел заключался в захвате Закарпатья, где должна была возникнуть совместная граница между Польшей и Венгрией. Бек полностью одобрил хортистские цели и планы, обещал им полную дипломатическую поддержку Польши и подчеркивал, что она берет на себя задачу сдерживания Румынии¹²⁹.

9 октября в Комарно начались венгеро-чехословацкие переговоры. Накануне в правительстве Чехословакии произошли крупные перемены. Президент Бенеш ушел в отставку, новым президентом стал Э. Гаха. В реорганизованном кабинете генерала Я. Сыровы министром иностранных дел стал Ф. Хвалковский, бывший до этого посланником в фашистской Италии. Еще до начала переговоров, 6 октября, было образовано автономное правительство Словакии во главе с лидером глинковской клерикальной партии И. Тисо, который и возглавил чехословацкую делегацию для ведения переговоров с Венгрией. Последняя выдвинула на переговорах требования, сформулированные в венгерской ноте Чехословакии 3 октября и уточненные в ходе венгеро-польских консультаций 5—6 октября. Бескомпромиссные хортистские требования сразу же завели переговоры в тупик, и 13 октября они были прерваны¹³⁰.

Во время переговоров в Комарно чехословацкая дипломатия держала Югославию и Румынию в курсе их развития¹³¹. Югославия вновь обратилась в Берлин и Рим с просьбой умерить Венгрию в ее требованиях, а Чехословакии советовала сохранять спокойствие. И Югославия, и Румыния предприняли также демарши в Будапеште, указывавшие на чрезмерность венгерских претензий¹³². Их действия оказались успешными, потому что они в данном вопросе опирались вначале на скрытую, а потом и открытую поддержку со стороны Германии, хотя хортистские круги продолжали думать, что нацистские лидеры поддерживают их планы.

В начале октября 1938 г. нацисты пришли к выводу, что общая польско-венгерская граница будет противоречить интересам рейха¹³³. В разосланном 10 октября циркуляре МИД

¹²⁹ ИДА, ф. 2е, оп. 4, ед. хр. 15, л. 115—118. Записи бесед Бека и Чаки 5—6 октября 1938 г. См. также: DIMK, köt. II, N 463, 721 old.

¹³⁰ Пол И. И. Чехословацко-венгерские отношения..., с. 186—189.

¹³¹ AMZV, Telegramy odeslané, č. 1695—1698/1938. Хвалковский — миссиям в Белград, Бухарест, Париж и Лондон 10 октября 1938 г.

¹³² AMZV, Telegramy došlé č. 1110/1938. Липа (Белград) — в Прагу 10 октября 1938 г.; ч. 1099/1938. Веверка (Бухарест) — в Прагу 10 октября 1938; ч. 1128/1938. Веверка (Бухарест) — в Прагу 12 октября 1938 г.

¹³³ ADAP, Serie D, Bd. IV, Dok. N 39, S. 39; Dok. N 45, S. 45—47.

германским дипломатам предписывалось повсюду отмечать, что Германия не разделяет идеи совместной венгеро-польской границы и поддерживает только венгерские притязания на южные районы Словакии¹³⁴.

В свете приведенных выше фактов действия Югославии и Румынии встретили вполне понятный отклик в Берлине. Комнен вдруг с удивлением для себя обнаружил, что германский посланник в Бухаресте Фабрициус внимательно слушал его сообщения о необходимости сохранить прямую транспортную связь между Чехословакией и Румынией¹³⁵. 10 октября германский посланник был гораздо откровеннее. Он прямо заявил Комнену, что у Германии нет никакого соглашения с Венгрией и что она не может поддерживать все венгерские требования, а сохранение территориальной и транспортной связи Чехословакии и Румынии отвечает интересам Германии¹³⁶. Последовавшая два дня спустя, 12 октября, румыно-югославская нота в Будапешт, говорившая о том, что нарушение транспортной связи с Чехословакией и далее с Германией поставит под угрозу жизненные интересы Румынии и заденет интересы Югославии¹³⁷, уже явно была составлена с учетом определившейся позиции Германии.

Венгерскому посланнику в Бухаресте, явившемуся 14 октября с объяснением причин срыва переговоров в Комарно, Комнен высказал предложение о посредничестве со стороны Румынии и Югославии в деле возобновления переговоров между Венгрией и Чехословакией¹³⁸. Однако хортистская Венгрия не собиралась прибегать к такому посредничеству. Она обратилась за помощью к Италии и Польше с просьбой воздействовать на Югославию и Румынию. Особое значение венгерская дипломатия придавала позиции Италии и Германии. Для переговоров с ними в Рим направился И. Чаки, а в Берлин — бывший премьер-министр К. Дараньи.

Состоявшаяся 14 октября встреча Чаки с Муссолини и Чиаино показала недоверие Италии к политике Германии, которая резко усилила свое влияние в Центральной и Юго-Восточной Европе. Муссолини советовал венгерскому правительству требовать срочного созыва новой конференции великих держав, а также провести мобилизацию в Венгрии. Он брался довести до

¹³⁴ ADAP, Serie D, Bd. IV, Dok. № 50, S. 50—51.

¹³⁵ AMZV, Telegramy došlé, č. 1080/1938. Веверка (Бухарест) — в Прагу 7 октября 1938 г.

¹³⁶ Там же, č. 1109/1938. Веверка (Бухарест) — в Прагу 10 октября 1938.

¹³⁷ Там же, č. 1128/1938. Веверка (Бухарест) — в Прагу 12 октября 1938 г.; č. 1131/1938. Крупка (Бухарест) — в Прагу 13 октября 1938 г. о беседе с югославским посланником Дучичем.

¹³⁸ Там же, č. 1157/1938. Крупка (Бухарест) — в Прагу 14 октября 1938 г.

сведения Югославии и Румынии «мирный» характер венгерских намерений. «Он заметил,— сообщал Чаки в Будапешт,— что главное значение имеет Югославия, а ее поведение будет в основном зависеть от точки зрения Германии»¹³⁹. В его высказываниях чувствовалась неуверенность в возможных действиях Югославии и неинформированность о намерениях Германии.

Гитлер, принявший 14 октября Дараньи, упрекал хортистские круги за пассивность накануне мюнхенского соглашения, запугивал, что они вряд ли могут рассчитывать на удовлетворение своих претензий на конференции четырех держав, и отмечал, что венгерская мобилизация вряд ли принесет успех, если только Венгрия не решится на войну. Дараньи отлично понял смысл позиции Гитлера. От имени венгерского правительства он заверил Гитлера, что Венгрия официально заявит о своей тесной связи с «осью» Берлин — Рим, выйдет из Лиги Наций и присоединится к Антикоминтерновскому пакту¹⁴⁰.

Гитлеровская дипломатия сознательно затемняла свою позицию в вопросе о венгерских территориальных претензиях к Чехословакии. В ее линии начали открыто проявляться и оформляться приемы, направленные на подчинение всех стран Центральной и Юго-Восточной Европы. Одной из форм ее действия становилось постоянное разжигание противоречий между отдельными государствами с целью последующего выступления в качестве арбитра и установления над ними германской «опеки». Прохладное отношение к венгерским претензиям объяснялось также желанием направить теперь хортистские притязания и против Румынии, а также подозрениями, вызывавшимися сотрудничеством Венгрии и Польши. К тому времени в нацистской верхушке уже сложились планы окончательной ликвидации Чехословакии, оккупации Богемии и Моравии и отрыва Словакии, судьбу которой еще предстояло решить. 21 октября эти планы были зафиксированы в директиве Гитлера командованию вермахта¹⁴¹ и накладывали печать на все действия германской дипломатии.

К середине октября оформились позиции всех заинтересованных сторон по отношению к хортистским планам захвата Словакии и Закарпатья. Италия и Польша их поддерживали, Германия, Чехословакия, Румыния и Югославия им противодействовали. Каждая из входивших в эти группы стран преследовала свои цели и интересы, не совпадавшие по замыслам и мотивам. Однако наиболее существенными были здесь германо-итальянские расхождения. Желание Италии сохранить свои

¹³⁹ Венгрия и вторая мировая война..., док. № 52, с. 114.

¹⁴⁰ ADAP, Serie D. Bd. IV, Dok. N 62, S. 68—71.

¹⁴¹ ADAP, Serie D, Bd. IV, Dok. N 81, S. 90—91.

позиции в Дунайском бассейне путем поддержки венгерских ревизионистских претензий, сотрудничества с Польшей и укрепления отношения с Югославией вызывали недовольство у германской дипломатии. Германо-итальянские трения затрагивали отношения внутри фашистской «оси» и могли вызвать неприятные последствия для «союзной политики» гитлеровцев. Поэтому по отношению к Италии Германия решила проявить максимум предупредительности и не допустить ослабления союзных отношений с нею. В целях давления на Венгрию было решено использовать, с одной стороны, Румынию и Югославию, а с другой — словацких клерикалов, становившихся послушным орудием гитлеровцев. Это должно было наглядно продемонстрировать хортистам, что их планы могут быть осуществлены только при поддержке Германии. Наконец, поскольку «санационная» Польша уже сыграла свою роль в осуществлении гитлеровских планов в отношении Чехословакии, весь комплекс германо-польских отношений так или иначе подлежал пересмотру под углом зрения дальнейшего осуществления гитлеровской внешнеполитической программы. Послеミュнхенские события только ускорили этот пересмотр.

В новых послеミュнхенских условиях правящие круги Польши выступили в качестве претендента на «чехословацкое наследство» в Дунайском бассейне, решив взять на себя задачу его «реорганизации». Они посчитали, что пришло время осуществить проект «третьей Европы»¹⁴². Для осуществления планов польской дипломатии в Бухарест выехал с официальным визитом министр иностранных дел Польши Ю. Бек, а в Будапешт — в то же самое время директор его кабинета М. Лубеньский. В составленной 18 октября инструкции Бека польским дипломатам говорилось о «жизненной заинтересованности» Польши обеспечить себе влияние в районах, «лежащих на карте к югу от Карпат». Конкретные задачи по реализации замысла состояли, по мнению Бека, в следующем: а) достижение общей границы с Венгрией и включение в состав последней Закарпатья, дабы его не могли использовать против Польши; б) расширение границы с Румынией за счет передачи ей некоторых районов Закарпатья с целью установления с ней новой линии связи по железной дороге Станислав — Мармарош-Сигет; в) урегулирование венгеро-румынских отношений.

Возможности для реализации отмеченных замыслов Бек видел в своих личных контактах с королем Каролом, что должно было, по мнению Бека, подготовить Румынию к восприятию его «принципиальных целей в связи с декомпозицией Чехослова-

¹⁴² *Batowski H.* Otázka «Třetí Evropy»..., s. 222—228; *Idem.* Kryzys dyplomatyczny w Europie, jesień 1938 — wiosna 1939. Warszawa, 1962, s. 85—87.

нии». Параллельная поездка Лубеньского в Будапешт должна была содействовать координации действий Венгрии и Польши. Бек не предвидел никаких препятствий своим планам со стороны западных держав, которые, считал он, по сути дела проявляют незаинтересованность в дальнейших судьбах этого региона. Остаются, следовательно, Италия и Германия. И он ставил перед польской дипломатией задачу добиваться в Риме максимальной поддержки польских планов, а в Берлине — по крайней мере нейтралитета в отношении венгерских действий по захвату Закарпатья. Польскому послу в Берлине Липскому предлагалось поэтому сообщить Герингу, что польское правительство не собирается создавать какой-либо антигерманский блок и его действия объясняются антисоветскими соображениями и солидарностью с хортистской Венгрией¹⁴³.

Однако визит Бека в Румынию 19—20 октября 1938 г. окончился полным фиаско¹⁴⁴. Румыния не поддержала его идею о создании блока пяти государств¹⁴⁵. Король Кароль и Комнен проявили интерес лишь к возможности польских «добрых услуг» в отношениях между Румынией и Венгрией, но не изменили своей прежней точки зрения на перспективу установления венгеро-польской границы¹⁴⁶.

Румынские опасения захвата Венгрией всего Закарпатья были настолько велики, что румынская дипломатия готова была пойти на любые интриги и сотрудничество с фашистской Германией как против Венгрии, так и против Польши. К этому она привлекала и чехословацкую дипломатию, совершенно деморализованную мюнхенским соглашением и раболепствовавшую перед Германией. 26 октября, встретившись с чехословацким посланником Ф. Веверкой, Комнен попросил его навестить германского посланника Фабрициуса и откровенно поговорить с ним о польских планах¹⁴⁷, что тот и сделал.

Попытки польской дипломатии воздействовать на внешнюю политику хортистской Венгрии также оказались безрезультатными. Еще накануне визита Лубеньского в Будапешт венгерская дипломатия поспешила отмежеваться от польских замыслов создания блока малых и средних государств в Центральной и Юго-Восточной Европе. 15 октября венгерский посланник в Берлине по поручению венгерского правительства сделал

¹⁴³ Инструкции Ю. Бека для прессы, для МИД, Лубеньскому и Липскому см.: ИДА, ф. 2е, оп. 4, ед. хр. 13, ч. 1, лл. 38—39, 40—42, 44—49, 62—65.

¹⁴⁴ *Batowski H.* Rumuńska podróż Becka w październiku 1938 roku.— *Kwartalnik historyczny*, 1958, N 2, s. 423—437.

¹⁴⁵ *Commène N. P.* *Preludi del grande drama...*, p. 289—290.

¹⁴⁶ AMZV, Telegramy došlé, č. 1188/1938. Веверка (Бухарест) — в Прагу 20 октября 1938 г.

¹⁴⁷ AMZV, Telegramy došlé, č. 1221/1938. Веверка (Бухарест) — в Прагу 26 октября 1938 г.

заявление, что Венгрия не имеет ничего общего с планами создания блока в составе Польши, Венгрии и Румынии, сообщения о котором появились в прессе. Венгерская политика, заявил посланник, по-прежнему опирается на «ось» Берлин — Рим¹⁴⁸. Переговоры Лубеньского в Будапеште 19—21 октября показали, что усилия Польши посредничать в деле нормализации отношений между Венгрией и Румынией также обречены на неудачу¹⁴⁹.

Польские планы в Дунайском бассейне были восприняты с крайним раздражением в Германии. Нацистская дипломатия намеренно сгущала краски, отмечая их антигерманский характер. За ее обостренной реакцией скрывалась твердая решимость гитлеровской Германии не терпеть впредь никаких самостоятельных и независимых действий со стороны какого-либо государства в Центральной и Юго-Восточной Европе, которую она считала отныне зоной своего исключительного влияния. Визиты Бека и Лубеньского в Бухарест и Будапешт и последующие шаги польской дипломатии, добивавшейся своего участия в предстоящем арбитраже между Чехословакией и Венгрией, только подлили масла в огонь. Они побудили гитлеровскую Германию сбросить прежнюю маску с выражением дружелюбия и обнажить истинные нацистские планы в отношении Польши.

Используя действия польской дипломатии как повод, 24 октября Риббентроп предложил в качестве компенсации за установление общей польско-венгерской границы пересмотреть польско-германские отношения и выдвинул следующие условия «общего урегулирования»: присоединение Гданьска к рейху, согласие на проведение экстерриториальных автостреды и железной дороги через польский коридор в Восточную Пруссию, присоединение Польши к Антикоминтерновскому пакту, дополнение польско-германского договора от января 1934 г. пунктом о консультации и продление договора на 10—25 лет¹⁵⁰. Фактически это была программа превращения Польши в германского сателлита и ее включения в фашистский блок, складывавшийся под эгидой Германии¹⁵¹. Поэтому Польша отклонила германские предложения. С этого времени польско-германские отношения вначале скрыто, а затем и явно стали развиваться в

¹⁴⁸ Statni Ustředni Archiv (Praha), A. A. 1932—1945. Karton 31, č. 464539 (Фотокопии документов германского МИД. Телеграмма Верманна в германское посольство в Риме 15 октября 1938 г. о заявлении венгерского посланника).

¹⁴⁹ ИДА, ф. 2е, оп. 4, ед. хр. 13, ч. I, л. 84—89. Запись бесед Лубеньского в Будапеште 19—21 октября 1938 г.

¹⁵⁰ СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны. (Сентябрь 1938 — август 1939 г.). Документы и материалы. М., 1971, док. № 36, с. 63.

¹⁵¹ *Batowski H. Kryzys dyplomatyczny w Europie...*, s. 146.

направлении их обострения, что накладывало отпечаток на всю ситуацию в Центральной и Юго-Восточной Европе.

Тем временем прояснилась и позиция западных держав: они пожелали остаться в стороне от решения чехословацко-венгерского спора, а также не проявили заинтересованности в вопросе об установлении совместной венгеро-польской границы¹⁵².

Разгоревшаяся борьба вокруг венгерских территориальных претензий и польских политических планов сказывалась и на положении самой Чехословакии, ставшей фактически марионеткой нацистской Германии. Недостижимым идеалом и целью нового курса чехословацкой политики после Мюнхена было найти такие новые формы отношений с Германией и Италией, которые позволили бы урегулировать отношения со всеми соседними странами и сохранить старых приятелей на Западе. Анализируя эти замыслы, чехословацкий историк В. Крал характеризует их как последние остатки концепций политики «умиротворения», носители которых все еще полагали возможным сохранить позиции западных держав даже внутри сферы германского влияния¹⁵³. Попытки лавировать между фашистскими странами и западными державами заставляли новых руководителей чехословацкой внешней политики обращать взор к стране, которая, по их мнению, уже давно и успешно проводила такой курс — к Югославии.

После Мюнхена югославские правящие круги не скрывали своего удовлетворения уходом Бенеша с политической арены, обвиняя его в плетении «сети интриг» в рамках Малой Антанты против Югославии, в поддержке югославской оппозиции против правительства Стоядиновича и организации антиюгославских кампаний в прессе.

«Моя первая встреча с Хвалковским прошла почти целиком в похвалах нашей внешней политике», — сообщал 10 октября югославский посланник в Праге В. Протич. Рассыпаясь в похвалах Стоядиновичу, Хвалковский просил его передать в Белград: «Я буду постоянно иметь перед глазами пример вашей страны и ее умную внешнюю политику, стараясь добиться хороших отношений со всеми соседями»¹⁵⁴. Аналогичные мотивы звучали и в беседе Хвалковского с Протичем 17 октября 1938 г., когда он вновь возносил хвалу «исключительной пронциательности» югославского премьера Стоядиновича и принца-регента Павла¹⁵⁵.

¹⁵² *Пон И. И.* Чехословацко-венгерские отношения..., с. 184, 203—204.

¹⁵³ *Král V.* Spojenectví československe-sovětské..., s. 451.

¹⁵⁴ Архив Югославии. Фонд М. Стоядиновича. F-24. Протич (Прага)— Стоядиновичу 10 октября 1938 г.

¹⁵⁵ Там же. Протич (Прага)— Стоядиновичу 17 октября 1938 г.

Югославские правители воспринимали заявления Хвалковского с явным удовлетворением. Однако действительное положение Югославии было далеко не блестящим. Не только югославская общественность, но и правящие круги были охвачены глубоким беспокойством. Гитлеровская разведка (2-е отделение абвера), сообщая 26 октября в Берлин о настроениях югославского правительства, отмечала, что оно предвидит дальнейшие потрясения. «Югославская внешнеполитическая линия все еще окончательно не определена. Считают, что будет невозможно остаться в стороне, когда начнется борьба за Дунайский регион. В венгерской политике видят самую серьезную опасность для Румынии и Югославии. Существует боязнь, что Венгрия вновь поднимет хорватский вопрос, и питается надежда, что Германия повлияет на Венгрию в направлении сдержанности»¹⁵⁶.

В дни, последовавшие за срывом венгеро-чехословацких переговоров в Комарно, югославская дипломатия как бы отошла в тень и ничем не проявляла себя, опасаясь испортить отношения с Италией. Напротив, румынская дипломатия отличалась в те дни нервной активностью. Чувствуя растущую поддержку со стороны нацистской Германии в вопросе о совместной венгеро-польской границе, королевская Румыния была преисполнена решимости разыграть эту карту. В ответ на усилия польской дипломатии войти в число стран-арбитров Румыния выдвинула предложение принять участие в переговорах на тех же условиях, что и Польша: либо как арбитр, либо как наблюдатель. 24 октября Комнен сделал такое сообщение посланникам Германии, Франции и Англии¹⁵⁷. 26 октября это предложение было поддержано и Чехословакией, обратившейся с просьбой об арбитраже к Германии и Италии¹⁵⁸. Предложения Румынии и Чехословакии дали в руки германской дипломатии дополнительный аргумент для отклонения пожеланий Польши принять участие в арбитраже.

Выяснив истинные германские намерения, Комнен решил немедленно использовать ситуацию и гальванизировать останки Малой Антанты и вновь вызвать к жизни ее обязательства против Венгрии. Встретившись 26 октября с чехословацким посланником, Комнен выразил озабоченность в связи с возможностью венгерского нападения, которое он не исключает, и предложил Чехословакии в этом случае поставить перед Белградом и Бухарестом вопрос о немедленном применении малоантантовского договора. В случае согласия Югославии, говорил он, Румыния

¹⁵⁶ Aprilski rat 1941. Zbornik dokumenata, t. I, dok. N 24, s. 66.

¹⁵⁷ DBFP, Third Series, v. III, doc. N 221, p. 197.

¹⁵⁸ ADAP, Serie D, Bd. IV, Dok. N 92, S. 101—102; Dok. N 95, S. 104.

готова сразу же выставить четыре корпуса. Он убежден, что Польша при этом не пошевелит и пальцем. Но, разумеется, говорил Комнен, если Югославия отказалась бы, то ситуация была бы гораздо более трудной¹⁵⁹. В момент, когда такое предложение было сделано, возможность подобного развития событий практически отсутствовала.

Однако сразу же вслед за этим выяснилось, что изложенная выше точка зрения отражала не позицию румынского правительства, а личные взгляды Комнена, который уже и сам бил отбой. Во-первых, он просил чехословацкую дипломатию сохранить весь этот эпизод в строжайшем секрете, в том числе и особенно от Югославии. Он опасался, что в Белграде могли бы расценить его шаг как попытку втянуть Югославию в конфликт¹⁶⁰. Далее Комнен особо оговаривал, что его позиция ни в коей мере не направлена против Германии. Он еще раз подчеркнул чехословацкому посланнику, что «Румыния не даст никому и никогда втянуть себя в какую-нибудь антинемецкую комбинацию»¹⁶¹. Особенно же раздосадовало Комнена, что чехословацкая дипломатия сообщила о его предложении румынскому посланнику в Праге Р. Круцеску. Упрекая чехословацких коллег в этом поступке и вновь подчеркивая необходимость соблюдения секретности (на этот раз уже от самой Румынии!), Комнен разъяснял причину своего беспокойства следующим образом: депеши Круцеску получает румынский премьер-министр, и в Бухаресте о Комнене могло бы сложиться впечатление, что он подстрекает к конфликту. Поэтому он, Комнен, сообщил Круцеску, что это был частный разговор¹⁶². Румынский министр иностранных дел вынужден был, таким образом, дезавуировать сам себя, что является редким случаем в истории дипломатии.

Вопрос о хортистских притязаниях к Чехословакии, которые поддерживала Италия, затрагивал отношения внутри фашистской «оси». Для улаживания возникших трений Риббентроп отправился в Рим, где вел переговоры 27—29 октября. Подготовка германо-итальянского арбитража обсуждалась там параллельно с выяснением готовности Италии к заключению союзного договора с Германией¹⁶³. Поэтому германская дипломатия пошла на второстепенные уступки Италии в некоторых конкретных пунктах территориальной перекройки в пользу Венгрии, согласившись отдать ей города Кошице, Ужгород и Мукачево, что

¹⁵⁹ AMZV, Telegramy došlé, č. 1222/1938. Веверка (Бухарест) — в Прагу 26 октября 1938 г.

¹⁶⁰ AMZV, Telegramy došlé, č. 1225/1938. Веверка (Бухарест) — в Прагу 27 октября 1938 г.

¹⁶¹ Там же, с. 1226/1938. Веверка — в Прагу 27 октября 1938 г.

¹⁶² Там же, с. 1229/1939. Веверка — в Прагу 29 октября 1938 г.

¹⁶³ Siebert F. Italiens Weg in den Zweiten Weltkrieg. S. 86—89.

разрывало железнодорожную линию, связывавшую Румынию с Чехословакией. Однако в более важных вопросах она решительно настояла на своей точке зрения, отбросив все попытки Польши принять участие в арбитраже и не допустив образования совместной венгеро-польской границы¹⁶⁴. Переговоры Риббентропа в Риме фактически предопределили решения арбитража, который состоялся через несколько дней в Вене.

2 ноября в Вене фашистские «арбитры» продиктовали новую границу между Чехословакией и Венгрией¹⁶⁵. К последней отходила территория в 12 400 кв. км с населением около 1 млн. человек. Арбитраж явился новым ударом по Чехословакии. Его решения не удовлетворили также и аппетиты Венгрии, а в политическом плане — и пожелания Польши, что оставляло простор для интриг гитлеровской дипломатии.

Решения арбитража нанесли существенный ущерб престижу западных держав, что поспешила подчеркнуть фашистская пресса. Особенно усердствовала здесь итальянская печать, стремившаяся замазать факт отказа Италии от своей прежней линии в Дунайском бассейне и представить сделанные ею уступки Германии как победу совместной политики «оси». «С нынешнего момента арбитражи Европы являются фашистские страны», — писала газета «Пополо ди Рома» на следующий день после арбитража. Англии и Франции приходится «отойти на второй план» и «следовать по линии, устанавливаемой берлино-римской осью». Что же касается Юго-Восточной Европы, то здесь «теперь окончательно ликвидировано вмешательство других великих держав»¹⁶⁶. В подобном тоне были выдержаны и другие сообщения.

Итоги арбитража не устраивали ни Польшу, ни Венгрию. 4 ноября польский МИД разослал своим миссиям инструкцию, в который указывалось, что Польша по-прежнему заинтересована в общей границе с Венгрией¹⁶⁷. Недовольны были решением арбитража и хортистские круги, которые рассматривали итоги арбитража как противоречащие их идеям объединения земель «короны святого Стефана»¹⁶⁸. Поэтому обе стороны решили продолжить усилия для достижения своих целей.

¹⁶⁴ ADAP, Serie D, Bd. IV, Dok. N 400, S. 452—456; *Ciano G. L'Europa verso la catastrofe*, p. 370—372, 373—378.

¹⁶⁵ Текст арбитражного решения см.: Венгрия и вторая мировая война..., док. № 60, с. 118—119.

¹⁶⁶ ЦГАОР, ф. 4459, оп. 28/2, ед. хр. 257, л. 61. ТАСС из Рима 4 ноября 1938 г.

¹⁶⁷ ИДА, ф. 2е, оп. 4, ед. хр. 13, ч. I, л. 150. Телеграмма Шембека 4 ноября 1938 г.

¹⁶⁸ *Пушкаш А. И. Венгрия во второй мировой войне. Внешняя политика Венгрии (1938—1944 гг.)*. М., 1963, с. 56—57.

4. Хортистская попытка нападения на Чехословакию в ноябре 1938 г. и особенности политической тактики Румынии и Югославии

Итоги арбитража вызвали замешательство в правящих кругах Румынии. Особенно беспокоила их возможность венгерского захвата Закарпатья, которое оказалось в транспортном отношении фактически отрезанным от Чехословакии. Мысли румынских правящих кругов были ясно выражены Комненом в беседе с польским послом 4 ноября, когда тот излагал ему содержание только что полученной инструкции из Варшавы о нежизнеспособности оставшейся территории Закарпатья. Чехословакия, говорил румынский министр, перестала быть военным фактором в системе безопасности Румынии, давая тем самым понять, что дело заключается не в защите чехословацких интересов. По словам Комнена, главной и самой актуальной опасностью для Румынии являлся венгерский ревизионизм. Сейчас он не представляет прямой угрозы, но в будущем Венгрия могла бы попытаться реализовать свою программу при поддержке Германии или в случае какого-либо всеобщего конфликта¹⁶⁹. Серьезные расхождения между Польшей и Румынией по вопросу об отношении к Венгрии, ставившие под вопрос польско-румынский союз, были очевидны.

Комментарии румынской прессы были близки по духу умонастроениям румынских правящих кругов. Среди прочих обращала на себя внимание трактовка итогов арбитража газетой «Тимпул», редактируемой Г. Гафенку, который вскоре занял пост министра иностранных дел Румынии. В передовой статье 6 ноября газета отмечала, что арбитраж принес Румынии известное удовлетворение: сохранен принцип совместной чехословацко-румынской границы; в Братиславе «сохранено дружественное государство на Дунае»; лояльность Румынии признана Прагой. Однако в Закарпатье, отмечалось в статье, борются различные интересы, «и здесь мог бы вспыхнуть огонь, который угрожал бы безопасности соседних стран»¹⁷⁰.

Югославская пресса, находившаяся под строгим надзором цензуры, практически безмолвствовала и не выражала общественных настроений даже в той мере, в какой это имело место в Румынии. Более глубоким был также в Югославии разрыв

¹⁶⁹ ИДА, ф. 2е, оп. 4, ед. хр. 113, ч. I, л. 181—183. Рачиньский (Бухарест) — в Варшаву 7 ноября 1938 г. о беседе с Комненом 4 ноября.

¹⁷⁰ AMZV, Vyslanectvi v Bukurešti, P. Z., č. j. 1095/dův, г. 1938, z. b. č. 20/I. Крупка (Бухарест) — в Прагу 11 ноября 1938 г. Обзор откликов румынской печати на решения Венского арбитража.

между общественным мнением и официальной позицией правительства. Однако и в правящих кругах возрастала тревога за будущее страны, усиливавшаяся явно наблюдавшимися параллелями между методами, применявшимися нацистами и их пособниками для раздробления и расчленения Чехословакии, и состоянием национальных отношений в самой Югославии. «Итоги Мюнхенской и Венской конференций оказали глубокое воздействие на политические взгляды всей югославской общественности,— сообщал в ноябре из Белграда чехословацкий посланник Липа.— Как в правительственных, так и в оппозиционных кругах царит всеобщее убеждение, что это только начало большого европейского брожения, которое могло бы сопровождаться и изменением границ. Слышатся голоса: «Теперь очередь за нами» или «Мы первые на очереди...»¹⁷¹

Правильность наблюдений чехословацкого посланника в Белграде в целом подтверждается другими югославскими документами. Ряд изложенных им соображений прямо перекликался с докладом, представленным 20 ноября югославским Генеральным штабом военному министру. После «чехословацкого кризиса», отмечалось в докладе, Югославия оказалась в чрезвычайно тяжелом военно-политическом положении. Германия вышла практически на все протяжение северных границ Югославии, поскольку Венгрия в создавшихся условиях представляет на деле германский авангард и базу для дальнейшей экспансии в юго-восточном направлении. Все признаки говорят о том, что мюнхенское соглашение не устранило войну, а только отложило ее. «Мы стоим перед новыми и, вероятно, роковыми событиями в ближайшем будущем». Югославские военные круги ясно видели и источник опасности в экспансионистской политике нацистской Германии. Доклад завершался выводом, что подготовка армии и страны к обороне «выдвигается сейчас на первое место среди других проблем государственной политики»¹⁷².

Рост антигерманских настроений в Югославии призывал не игнорировать еще раньше и немецкий посланник. Однако он отмечал, что если эти настроения в какой-то мере и скажутся на политике правительства, то лишь в той степени, в какой общественное мнение принимается им в расчет¹⁷³. Последнее замечание отражало настроения правящих кругов. После мюнхенского соглашения и Венского арбитража пражского курса югославского правительства усилился, что вызывало полное одобрение со стороны гитлеровцев. Геринг, например, прямо

¹⁷¹ AMZV, Vyslanectví v Bělehradě, P. Z., č. j. 1236/dův., r. 1938, z. b. c. 78/I. Липа (Белград) — в Прагу 21 ноября 1938 г.

¹⁷² Aprilski rat 1941. Zbornik dokumenata, t. I, dok. N 25, s. 68—69, 78—80.

¹⁷³ ADAP, Serie D, Bd. V, Dok. N 232, S. 264.

ставил Югославию в пример чешским политикам и называл имя Стоядиновича в одном ряду с Франко и Муссолини¹⁷⁴.

Итоги Венского арбитража побудили правящие круги Румынии и Югославии провести консультацию между собой. Она состоялась 4—5 ноября, когда принц-регент Павел посетил Румынию и вел переговоры с королем Каролом и министром иностранных дел Комненом. Обе стороны давали о ней скупые и противоречивые сведения. О ней мало писали в печати. Не уделили ей должного внимания и историки. В беседе с немецким посланником в Белграде Стоядинович утверждал, что поездка принца Павла в Румынию не имела политических мотивов и состоялась по просьбе короля Кароля, чтобы создать в общественном мнении впечатление югославо-румынской солидарности¹⁷⁵. Черпавший сведения из тех же источников польский посланник в Белграде сообщал в Варшаву, что «встреча регента с румынским королем состоялась по инициативе Румынии, преследовала главным образом цель ослабить впечатление изоляции Румынии и дать доказательство дальнейшей политической солидарности на основе династических связей»¹⁷⁶. Утаил содержание имевших место бесед от чехословацкого посланника в Бухаресте и Комнен, мемуары которого дают достаточное представление о круге обсуждавшихся проблем и общем итоге переговоров.

И король Кароль, и принц Павел находились под впечатлением итогов арбитража и в ожидании своих поездок на Запад, куда в скором времени по маршруту Лондон — Париж — Берлин собирался выехать Кароль, а вслед за ним и Павел, решивший ограничиться одним только Лондоном. Обоих волновал один и тот же вопрос: какова будет в дальнейшем политика западных держав в Центральной и Юго-Восточной Европе? Является ли их отсутствие на Венском арбитраже окончательным доказательством потери ими интереса к этому региону? Павел говорил, что он был неприятно удивлен отсутствием западных держав в Вене, и задавал вопрос, почему они не протестовали, когда их исключили из числа арбитров. «Западные державы, кажется, хотят оставить все свои позиции в этой части Европы», — заключал он. Ему вторил Кароль, говоривший, что он прямо спросит в Лондоне, «интересуют ли их еще наши страны: да или нет?»¹⁷⁷. В зависимости от ответов на эти вопросы оба они намеревались строить свою дальнейшую политику.

¹⁷⁴ Архив Југославије, фонд М. Стојадиновића, F-24. Протич (Прага) — в Белград 14 ноября 1938 г.

¹⁷⁵ ADAP, Serie D, Bd V, Dok. N 245, S. 275.

¹⁷⁶ ИДА, ф. 2, оп. 4, ед. хр. 13, ч. II, л. 565. Дембицкий (Белград) — в Варшаву 21 ноября 1938 г.

¹⁷⁷ *Comène N. P. Preludi del grande dramma...*, p. 362—363.

Если судить по мемуарам Комнена, обсуждение отношений обеих стран с Германией заняло немного места в переговорах. Король Кароль выражал опасения, что, если они будут оставлены своими друзьями на Западе, обеим странам придется одним улаживать отношения с Германией. Особенно беспокоило его, что в вопросах вооружения Румыния будет зависеть от милости Германии¹⁷⁸. Принц Павел также отметил необходимость уточнения позиции Югославии в отношении Германии. Их сдержанные высказывания показывали, что оба они ставили решение этих проблем в прямую зависимость от предстоящих поездок на Запад и их итогов. «Король ничем не хочет связывать себя перед поездкой в Англию», — сообщал чехословацкий посланник из Бухареста после очередной беседы с Комненом о результатах визита принца Павла¹⁷⁹.

Принц Павел, наоборот, вынес из этого визита впечатление, что в Румынии растет желание политического сближения с Германией, чему король Кароль придает все большее и большее значение¹⁸⁰. Двойственная позиция правящих кругов Румынии и Югославии, пытавшихся определить возможности маневрирования между западными державами и странами «оси», на чем строилась вся их политика в то время, не подлежит сомнению. Готовясь к поездке на Запад, король Кароль одновременно зондировал позицию Германии, где 2—12 ноября с «частным» визитом находились Г. Братиану и А. КонстантINESКУ¹⁸¹. Во время пребывания принца Павла в Бухаресте немецкий посланник получил 5 ноября официальное указание передать Каролю, что Гитлер будет рад принять его во время посещения им Германии¹⁸². «Здесь хотят, — сообщал чехословацкий посланник из Бухареста, — любой ценой избежать того, чтобы оказаться на позициях, противостоящих Германии, но также не хотят оказаться в ситуации, когда Германия могла бы стать арбитром в эвентуальных конфликтах Румынии с соседями»¹⁸³. Аналогичные настроения были присущи и югославским правящим кругам.

Общность интересов и известная солидарность в ряде вопросов не влекли за собой, однако, укрепления сотрудничества

¹⁷⁸ *Comnène N. P. Preludi del grande drama...*, p. 362—363.

¹⁷⁹ AMZV, Telegramy došlé, č. 1259/1938. Веверка (Бухарест) — В Прагу 9 ноября 1938 г.

¹⁸⁰ ADAP, Serie D, Bd. V, Dok. N 245, S. 275.

¹⁸¹ См.: *Шевяков А. А.* Внешняя политика Румынии после Мюнхена (октябрь 1938 — апрель 1939 г.). — Новая и новейшая история, 1968, № 5, с. 26—27.

¹⁸² *Hillgruber A.* Hitler, König Carol und Marschal Antonescu. Wiesbaden, 1954, S. 25.

¹⁸³ AMZV, Telegramy došlé, č. 1253/1938. Веверка (Бухарест) — в Прагу 5 ноября 1938 г.

Югославии и Румынии. Это сразу же обнаружилось в ходе переговоров принца Павла с Каролом и Комненом, как только они перешли от обсуждения общих проблем к рассмотрению конкретных вопросов. Обе стороны были недовольны итогами Венского арбитража. Венгрия, считал Павел, получила слишком много. Однако заручиться югославской поддержкой против Венгрии румынской стороне не удалось. Когда Комнен задал Павлу вопрос о его взглядах на Малую Антанту, его мнение было категорично: «Малой Антанты больше не существует! Если бы даже после Мюнхена можно было иметь еще какие-то иллюзии о ее существовании, то после Вены становится ясно, что новая Чехословакия является «клиентом» Германии и ничем больше»¹⁸⁴. Таким образом, Павел подтвердил точку зрения, высказывавшуюся ранее Стоядиновичем.

Но в позиции Югославии появилась и новая черта. 14 ноября истек срок ее союзного договора с Румынией, на который ссылался Стоядинович в конце сентября 1938 г. как на основу сотрудничества обеих стран против Венгрии взамен рассыпавшейся Малой Антанты. Но когда теперь Кароль и Комнен предложили продлить его на 10 лет, они встретились с уклончивой реакцией принца Павла, который вычеркнул всякое упоминание об этом вопросе из заключительного коммюнике о его пребывании в Румынии¹⁸⁵. Между Павлом и Стоядиновичем в данном случае было полное единодушие. Мнение же Стоядиновича, которое он сообщил немецкому посланнику в Белграде, сводилось к тому, что положение в Румынии нестабильно и задача Югославии — держаться в стороне и постараться отдельно урегулировать отношения с Венгрией, для чего существуют хорошие перспективы¹⁸⁶.

Отбрасывая прежние обязательства и порывая старые связи, Югославия не теряла, естественно, интереса к решению затрагивавших ее проблем. Вопрос о возможности нарушения Венгрией условий Венского арбитража и попытке оккупации сию Словакии и Закарпатья, поднятый на переговорах в Бухаресте, показал известную общность позиций Румынии и Югославии. В случае вступления венгерских войск в эти районы, заявил король Кароль, Румыния немедленно направит в Будапешт ультиматум с требованием вывести их в кратчайший срок. Югославия же в этом случае, сказал принц Павел, произведет мобилизацию на венгерской границе¹⁸⁷.

В лаконичном коммюнике по поводу переговоров принца Павла с королем Каролом, выпущенном 5 ноября румынским

¹⁸⁴ *Comnène N. P. Preludi del grande dramma...*, p. 359.

¹⁸⁵ Там же, с. 359—360, 364.

¹⁸⁶ ADAP, Serie D, Bd. V, Dok. N 245, S. 275.

¹⁸⁷ *Comnène N. P. Preludi del grande dramma...*, p. 360—361.

МИД, говорилось лишь о том, что встреча глав двух государств показала «полное совпадение точек зрения по всем вопросам» и что «дружба и сотрудничество между двумя государствами теснее и крепче, чем когда бы то ни было раньше»¹⁸⁸. На деле же встреча свидетельствовала о прогрессирующем разложении старых союзов под влиянием мюнхенской политики западных держав и расшатывании установившихся ранее связей между странами Центральной и Юго-Восточной Европы, что облегчало политическую и экономическую экспансию гитлеровской Германии в этом регионе.

Венский арбитраж не стал, однако, заключительным этапом международного кризиса, вызванного гитлеровской Германией при пособничестве западных держав, поскольку Венгрия, открыто поддерживаемая Польшей и исподтишка поощряемая Италией, попыталась после него вооруженным путем довести до конца свои захватнические планы в отношении Чехословакии. 6 ноября на совещании в Будапеште под председательством Хорти было принято решение об оккупации Закарпатья¹⁸⁹. Во внешнеполитическом плане это должен был быть неожиданный удар, который поставил бы все стороны перед свершившимся фактом. Дипломатическая его подготовка велась Венгрией совместно с Польшей. Обе решили вначале ничего не сообщать в Берлин и прозондировать почву в Риме¹⁹⁰. Вместе с тем хортистские круги опасались возможных действий чехословацких войск из района Братиславы в направлении Будапешта, а также отрицательной реакции Румынии и Югославии.

В целях нейтрализации румынского противодействия хортистские круги первоначально думали привлечь польские вооруженные силы для оккупации Закарпатья, что поставило бы Румынию перед необходимостью действовать против своего союзника. Однако польская сторона отклонила это предложение под предлогом, что «военное вмешательство Польши в большей мере повредило бы делу, нежели принесло бы ему пользу»¹⁹¹.

Наряду с этим польская дипломатия предпринимала попытки изменить точку зрения Румынии на судьбу Закарпатья и перспективу установления венгеро-польской границы. Но румынское правительство постоянно имело в виду венгерские претензии на воссоединение земель «короны св. Стефана». В беседе

¹⁸⁸ *Comptène N. P.* Preludi del grande drama..., p. 364. См. также сообщение М. Крупки (Бухарест) в Прагу 12 ноября 1938 г. о визите принца Павла в Румынию: AMZV, Vyslanectví v Bukurešti, P. Z., č. 1142/dův., r. 1938, z. b. č. 21.

¹⁸⁹ *Лушкаш А. И.* Венгрия в годы второй мировой войны, с. 59—60; *Поп И. И.* Чехословацко-венгерские отношения..., с. 209—210.

¹⁹⁰ ИДА, ф. 2е, оп. 4, ед. хр. 13, ч. 1, л. 200. Орловский (Будапешт) — в Варшаву 10 ноября 1938 г. о беседе с Кая.

¹⁹¹ Венгрия и вторая мировая война..., док. № 66, с. 134.

с польским послом 11 ноября 1938 г. Комнен показал Рачиньскому целые груды сваленных в его кабинете хортистских пропагандистских материалов и документов ирредентистских организаций в Трансильвании. Такая деятельность, подчеркнул Комнен, не создает необходимой для переговоров атмосферы, и просил польскую дипломатию обратить на это внимание в Будапеште¹⁹².

В отношении Югославии венгерская дипломатия заняла иную позицию, показателем которой было выступление 12 ноября в венгерском парламенте министра иностранных дел Кани. Выразив благодарность Германии, Италии и Польше за поддержку венгерских претензий к Чехословакии, он отметил также «спокойное и корректное отношение к конфликту Югославии». По его мнению, это обстоятельство будет содействовать дальнейшему развитию отношений двух стран. «Между нами,— сказал Кани,— почти нет никаких противоречий в более важных вопросах, и я убежден в том, что базирующиеся на взаимном уважении и общности интересов венгеро-югославские добрососедские отношения будут развиваться благоприятным образом и в дальнейшем».

Отклик югославского правительства не заставил себя долго ждать. Выступая на следующий день на большом предвыборном митинге в Нови-Саде, Стоядинович выразил надежду на благоприятное развитие венгеро-югославских взаимоотношений, что было отмечено всей венгерской прессой. Однако Стоядинович тут же сделал угрожающую оговорку, подчеркнув, что Югославия не является государством, созданным за столом совещаний, и поэтому границы ее могут быть изменены лишь при помощи оружия. Последнее замечание свидетельствовало о том, что в югославских правящих кругах продолжало сохраняться недоверие к целям внешней политики Венгрии.

Несмотря на дружественные жесты в отношении Югославии и благоприятный отклик на них, венгерские правящие круги проявляли нервозность и неуверенность по поводу возможных югославских действий в связи с подготовкой оккупации Закарпатья. Не снимали их беспокойства и неоднократные заверения со стороны Италии, что Югославия не объявит мобилизации и что Италия в любом случае удержит ее от такого шага¹⁹³.

Югославия была информирована о подрывных действиях Венгрии в Закарпатья, которыми руководили бывший министр М. Козма, полковник Хейяш и другие лица. «Весь этот вопрос,—

¹⁹² ИДА, ф. 2е, оп. 4, ед. хр. 13, ч. I, л. 202. Рачиньский (Бухарест) — в Варшаву 11 ноября 1938 г. См. также: *Comnène N. P. Preludi del grande drama...*, p. 368—369.

¹⁹³ ИДА, ф. 2е, оп. 4, ед. хр. 13, ч. I, л. 223. Орловский (Будапешт) — в Варшаву 18 ноября 1938 г. о беседе с итальянским посланником Винчи.

сообщал югославский посланник в Будапеште Рашич,— таит в себе зародыши новых международных затруднений. Венгерские стремления в этом вопросе имеют и ту подоплеку, что способны вызвать дальнейший сдвиг в пользу принципа ревизии границ»¹⁹⁴. К последнему югославская дипломатия спокойно относиться не могла, видя в нем угрозу своим собственным интересам. Настораживало Югославию и то, что в составе венгерских террористических отрядов, действовавших в Закарпатье, были усташские элементы¹⁹⁵.

Подготовка к оккупации Закарпатья велась венгерским правительством быстрыми темпами, но в определении срока ее проведения в хортистских кругах имелись колебания. Их причины заключались и в неясности позиции Германии. Венгерское правительство толковало германские предупреждения как проявление незаинтересованности Германии в этом вопросе и старалось убедить в том же итальянскую фашистскую верхушку, которая устами Муссолини пообещала в последний момент оказать Венгрии помощь авиацией и прислать для проведения операции 100 самолетов¹⁹⁶.

Сведения о готовящейся Венгрией операции вызвали у гитлеровцев приступ гнева. В канун венгерского выступления, назначенного после неоднократного перенесения сроков на 21 ноября, Германия направила венгерскому правительству ноту, к которой под немецким нажимом присоединилась и Италия. Напомнив о том, что Венгрия обязалась не предпринимать «никаких мер без согласия имперского правительства», гитлеровская дипломатия указала на недопустимость нарушения решений Венского арбитража, который Венгрия признала как окончательный, ибо это наносит ущерб авторитету двух держав-арбитров. Указав на превосходство сил чехословацкой армии над венгерской, что может при отсутствии германской помощи поставить Венгрию в военном отношении «в тяжелое и, возможно, критическое положение», она возлагала всю ответственность за возможные последствия на Венгрию¹⁹⁷. Получения германской ноты было достаточно, чтобы хортисты немедленно отказались от своих замыслов. На следующий день венгерское правительство заверило Германию в своей преданности «оси» Берлин — Рим, подтвердило свою готовность присоединиться к Антикоминтерновскому пакту и подчеркнуло свое намерение идти на еще

¹⁹⁴ Да ДСИП, ЛП, 1938, пов. бр. 1141, 1—4. Рашич (Будапешт) — в Лондон 20 ноября 1938 г. (В связи с пребыванием тогда в Лондоне принца-регента Павла югославские дипломаты направляли туда все сообщения.)

¹⁹⁵ Там же, пов. бр. 1243, 1—4. Рашич (Будапешт) — в Лондон 3 декабря 1938 г.

¹⁹⁶ Венгрия и вторая мировая война..., док. № 77, с. 145.

¹⁹⁷ Там же, док. № 72, с. 140—141.

более тесное экономическое сотрудничество¹⁹⁸. Таким образом, попытка Венгрии проявить собственную инициативу в осуществлении своих захватнических планов окончилась полным провалом.

Для Германии срыв венгерской попытки оккупации Закарпатья имел принципиальное значение. Под видом отстаивания окончательного характера решений Венского арбитража она боролась за утверждение своей гегемонии в Центральной и Юго-Восточной Европе, ревниво охраняя ее от попыток Италии и Польши играть здесь самостоятельную роль. «Приручение» Венгрии суживало итальянские и польские возможности, а вынужденное согласие Италии присоединиться к германскому протесту свидетельствовало о признании итальянскими фашистами германского приоритета в решении вопросов этого региона в целом.

На последнем этапе «чехословацкого кризиса», связанного с хортистской попыткой оккупации Закарпатья, Югославия и Румыния играли уже незначительную роль, гораздо меньшую, чем в период подготовки Венского арбитража. Обе они прекрасно понимали, что решающим фактором в данном вопросе стала Германия¹⁹⁹. Сама Германия была непрочь погугать хортистов возможностью выступления Югославии и Румынии против действий Венгрии, пуская такие слухи в дипломатических кругах. Так, после разговора с Риббентропом 20 ноября итальянский посол Аттолико, беседуя с польским послом в Берлине, выразил мнение, что «если выступит Югославия, то и Румыния последует за ней»²⁰⁰. Аналогичными данными располагал и югославский посланник в Будапеште. По «сведениям из немецких кругов», сообщал он, последние считают, что «путем сотрудничества с Югославией и Румынией Германия покажет ей (Венгрии.— В. В.), что она должна быть скромнее»²⁰¹. Напряженность в отношениях Венгрии с этими странами была выгодна Германии, ибо ставила все три государства в зависимость от нее. Отмечая особую натянутость в румыно-венгерских отношениях, Риббентроп 24 ноября так сформулировал германскую тактику в этом вопросе: «Основная идея нашей политики в отношении Венгрии и Румынии в настоящий момент должна

¹⁹⁸ Там же, док. № 74, с. 142—143.

¹⁹⁹ См.: ИДА, ф. 2е, оп. 4, ед. хр. 13, ч. I, л. 244. Орловский (Будапешт) — в Варшаву 21 ноября 1938 г. о беседе с румынским посланником; ДА ДСИП, ЛП, 1938, пов. бр. 1162, 1/4. Рашич (Будапешт) — в Лондон 22 ноября 1938 г.

²⁰⁰ ИДА, ф. 2е, оп. 4, ед. хр. 13, ч. I, л. 233—235. Липский (Берлин) — в Варшаву 20 ноября 1938 г.

²⁰¹ ДА ДСИП, ЛП, 1938, пов. бр. 1198, 1/4. Рашич (Будапешт) — в Лондон 28 ноября 1938 г.

состоять в том, чтобы держать оба эти утюга в раскаленном состоянии и решать вопросы в германских интересах в соответствии с развивающейся обстановкой»²⁰².

Югославская и румынская дипломатия реагировали с явным запозданием на события, связанные с подготовкой венгерской оккупации Закарпатья. 22 ноября, т. е. сутки спустя после вручения германской ноты Венгрии, румынское правительство обратилось к Югославии с запросом о ее позиции в случае венгерских действий в Закарпатье. Тактика румынской дипломатии была далека от прямолинейной. Ставя вопрос о возможной позиции Югославии, она в то же время добивалась одностороннего югославского демарша в Будапеште, мотивируя это лучшими отношениями Югославии с Венгрией. Югославская же дипломатия не желала перечеркивать наметившегося улучшения отношений с Венгрией. Поэтому заместитель министра иностранных дел И. Андрич ограничился всего лишь беседой с венгерским посланником и «в дружеской и осторожной форме» просил его об информации, заверив, что Румынии будет передана только та ее часть, на которую даст согласие Будапешт. Польский же посланник из беседы с И. Андричем вынес впечатление, что в позиции югославского правительства по вопросу о Закарпатье четко прослеживается различие между пониманием фактического значения проблемы, особенно если речь идет о стремлениях Польши, которым оно симпатизирует, и не рассеявшимся еще недоверием к Венгрии, которую оно не хочет видеть увеличившейся за рамки недавних приобретений. Польский посланник также считал, что на позицию Югославии накладывают печать ее обязательства по отношению к Румынии²⁰³. Тревога, поднятая 22—23 ноября румынской дипломатией, рассеялась, как только стало известно о полной капитуляции Венгрии перед лицом германского протеста, а также о начавшейся вслед за этим демобилизации венгерской армии. У югославской же дипломатии осталось в связи со всеми этими событиями впечатление, что «румыны нервничали в большей степени, чем это было оправдано»²⁰⁴.

Незначительная роль Югославии и Румынии в событиях, связанных с венгерской попыткой оккупации Закарпатья, подтверждается и действиями чехословацкой дипломатии, которая на этот раз за поддержкой против Венгрии к ним не обращалась. Правда, вскоре после Венского арбитража Чехословакия пыталась выяснить взгляды правящих кругов Югославии и Румынии на возможность дальнейшего общего и экономического сотрудни-

²⁰² ADAP, Serie D, Bd. V, Dok. N 254, S. 285.

²⁰³ ИДА, ф. 2, оп. 4, ед. хр. 13, ч. 1, л. 265. Дембицкий (Белград) — в Варшаву 28 ноября 1938 г.

²⁰⁴ ДА ДСИП, ЛП, 1938, пов. бр. 1184, 1/4. Рашич (Будапешт) — в Лондон 27 ноября 1938 г.

чества в духе Малой Антанты²⁰⁵. Пришедшие ответы из Бухареста и Белграда были почти одинаковы. Комнен заверил чехословацкого посланника в желании Румынии продолжать сотрудничество. Если малоантантовский союз исчезнет, говорил он, то нужно будет подумать об экономических формах продолжения сотрудничества²⁰⁶. О сделанном же в румынских верхах сразу после мюнхенского соглашения выводе, что Малая Антанта прекратила существование, Комнен не обмолвился и на этот раз.

В Югославии, сообщал чехословацкий посланник из Белграда в середине ноября, считают возможным продолжение малоантантовского сотрудничества в отдельных областях, например в области торговли и в дунайских вопросах. Однако даже в последних существует опасение противодействия со стороны Германии. В целом югославское правительство занимает выжидательную позицию, и поэтому югославский МИД откладывает свой ответ до урегулирования положения Чехословакии²⁰⁷. Как видно, и в Белграде чехословацкая дипломатия не получила откровенного ответа, хотя позиция Югославии в вопросе о Малой Антанте сложилась уже давно.

Вопрос о Малой Антанте был затронут и в беседе Стоядиновича с германским посланником Гереном 22 ноября. Малая Антанта, высказал свое мнение Герен, больше не существует. Соглашаясь с ним, Стоядинович отметил, что Югославия не хотела поднимать и рассматривать этот вопрос, принимая во внимание положение Чехословакии. Теперь же, когда Чехословакия «плавает в немецких водах», можно было бы подумать и о том, что Малую Антанту, вероятно, и не следовало бы совсем уничтожать. Но это только предмет для размышлений. Герен ответил, что он не думал об этом, но считает, что в данном случае первостепенное значение имело бы выяснение вопроса о внешней политике Румынии по отношению к Германии. Если Румыния запоздает с определением своей позиции, развитие событий может принять другое направление. Тогда Германия другими глазами смотрела бы и на венгерские претензии к Румынии²⁰⁸.

Высказанное Стоядиновичем соображение можно толковать двояким образом. С одной стороны, в нем проглядывало желание иметь какую-то опору против венгерских территориальных притязаний в форме, которая в известной степени связывала бы и Германию. С другой стороны, даже гипотетически высказанная мысль о возможности превращения гальванизированной Малой

²⁰⁵ AMZV, Telegramy odeslané, č. 1884—1885/1938. Чехословацкий МИД — миссиям в Белград и Бухарест 5 ноября 1938 г.

²⁰⁶ AMZV, Telegramy došlé, č. 1258/1938. Веверка (Бухарест) — в Прагу 9 ноября 1938 г.

²⁰⁷ Там же, č. 1289/1938. Липа (Белград) — в Прагу 17 ноября 1938 г.

²⁰⁸ Aprilski rat 1941. Zbornik dokumenata, t. I, dok. N 26, s. 99. Запись Стоядиновича о беседе с Гереном 22 ноября 1938 г.

Антанты в пронемецкий блок наглядно показывала всю глубину перемен, происшедших в Центральной и Юго-Восточной Европе за короткий период после Мюнхена. Германская дипломатия не воспользовалась этой идеей, потому что у нее были иные планы как в отношении Чехословакии, так и в отношении перспектив развития венгеро-румынских отношений. Но сама идея Стоядиновича как бы символизировала итог политического кризиса и близорукой политики западных держав, игравших на руку гитлеровской Германии.

* * *

Рассматривая развитие всего «чехословацкого кризиса» — от начала первых агрессивных действий гитлеровской Германии в марте 1938 г. до неудачной попытки хортистской Венгрии оккупировать Закарпатье в конце ноября 1938 г., — можно сделать вывод, что мюнхенское соглашение не было его окончанием. Мюнхенский сговор, явившийся кульминационным пунктом этого широкого международного кризиса, разделил его течение на две части, различавшиеся по составу основных участников и тенденциям развития. В период до мюнхенского сговора в центре борьбы стояли великие державы, и именно они определяли ход кризиса. Их цели достаточно освещены в общей литературе. Со стороны западных держав это была сознательная политика «умиротворения» агрессора, сопровождавшаяся ломкой договорно-правовой системы в Европе, созданной с целью сдержать экспансию гитлеровской Германии. При этом они преследовали цель решительно повернуть направление германской экспансии на Восток, против СССР, жертвуя интересами стран Центральной и Юго-Восточной Европы и предавая Чехословакию как первый аванс на этом пути. Осуществив свой «план Зет», западные «миротворцы» постарались уйти в тень и предоставили нацистской Германии самой улаживать «чехословацкий кризис» на его второй, послемюнхенской фазе.

На первом этапе, когда борьба шла на центросиловом уровне системы международных отношений, сами страны Центральной и Юго-Восточной Европы находились на периферии конфликта, причем одни из них (Польша, Венгрия) безуспешно стремились прорваться в первый ряд действующих лиц, тогда как другие (Югославия, Румыния) стремились только к тому, чтобы не быть втянутыми в эпицентр событий, и следом за западными державами оставляли на произвол судьбы своего чехословацкого союзника.

В послемюнхенский период положение радикально изменилось. События стали развиваться далее при определяющем влиянии гитлеровской Германии, взявшей открытый курс на установление гегемонии в Центральной и Юго-Восточной Европе.

Используя и далее «чехословацкий кризис» для разжигания розни и противоречий между государствами этого региона, гитлеровская дипломатия сумела вызвать среди них перегруппировку. Она использовала территориальные притязания хортистской Венгрии к Чехословакии как мощный рычаг воздействия на реакционные правительства Югославии и Румынии и добилась серьезного изменения их внешнеполитических концепций. На первых порах эти изменения проявились в их решимости избегать участия в любых дипломатических комбинациях, направленных против гитлеровской Германии, и в стремлении к сближению с фашистскими державами. Уже в период подготовки Венского арбитража и в ходе последующих событий, связанных с хортистской попыткой оккупации Закарпатья, югославская дипломатия и румынская предприняли усилия установить известное взаимопонимание с гитлеровской Германией в целях противодействия излишнему, с их точки зрения, усилению Венгрии.

В послемиюнхенский период претерпело изменение, хотя и в разных направлениях, отношение Германии к Венгрии и Польше, с которыми она на предмиюнхенской фазе кризиса создавала так называемый античехословацкий фронт. После миюнхенского сговора хортистская Венгрия вступила на путь превращения в гитлеровского сателлита, тогда как отношения Германии с Польшей резко натянулись из-за попыток польской дипломатии играть самостоятельную роль и стали быстро развиваться в направлении к конфликту.

Миюнхенское предательство западных держав открыло путь к установлению германской гегемонии в Центральной и Юго-Восточной Европе, и сдвиги в политике Югославии и Румынии в послемиюнхенский период явились наглядным тому подтверждением.

ГЛАВА ВТОРАЯ

МЮНХЕН И ВОПРОС О ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ ОРИЕНТАЦИИ БОЛГАРИИ

1. Кризис монархо-фашистского режима и внешнеполитические маневры болгарского правительства

Большие политические события в Европе, вызванные агрессивными действиями германского фашизма против Австрии и Чехословакии, совпали с периодом кризиса монархо-фашистского режима в Болгарии, резкого обострения политической борьбы в стране и поисков правящими кругами выхода из создавшегося положения.

Поляризация политических сил в Болгарии в 1936—1937 гг. протекала под сильным воздействием Болгарской коммунистической партии, взявшей курс на создание Народного фронта. Антифашистское движение тесно переплеталось с борьбой за экономические интересы и социальные права трудящихся. Правительство Г. Кьосеиванова вынуждено было вступить на путь политических уступок и маневров. Оно решило прибегнуть к политическому обману масс и использовать популярный лозунг выборов в Народное собрание для прикрытия существующих антинародных порядков ширмой ложного парламентаризма.

В период предвыборной борьбы и в ходе выборов, растянувшихся на весь март 1938 г.¹ (по соображениям безопасности власти проводили их в четыре этапа), полицейский аппарат обрушил репрессии в первую очередь против коммунистов. В стране прошли многочисленные облавы и аресты, было раскрыто несколько партийных подпольных типографий, большое число лиц было интернировано. Всего в стране подверглось репрессиям более 10 тыс. человек. Однако обширный арсенал политических махинаций и репрессивных мер, проводимых правительством Кьосеиванова, не принес монархо-фашистскому режиму желаемого результата — целиком послушного Народного собрания. Получив примерно четверть поданных голосов, правительствен-

---

¹ *Колев С.* Парламентарните избори през март 1938 г. и участието на БКП в тях.— Годишник на Софийския университет. Идеологически катедри, 1961, т. 53, кн. 1, с. 26.

ные депутаты в соответствии с избирательным законом заняли 97 мест в парламенте из 160. Оставшиеся же три четверти избирателей были представлены в Народном собрании 63 депутатами, среди которых было 6 коммунистов, 8 социал-демократов, 32 земледельца и 17 депутатов других буржуазных партий².

Результаты выборов показали не только отсутствие массовой базы у болгарского монархо-фашизма, но и широкое распространение антифашистских настроений среди народа. Выборы усилили грызуню в правящем монархо-фашистском лагере. Правительственное большинство в Народном собрании оказалось в свою очередь неоднородным и расколотым. Внутриполитической раздробленности болгарской буржуазии, и в частности ее правящего монархо-фашистского лагеря, соответствовало отсутствие единства взглядов и по вопросам внешнеполитической ориентации страны.

События, связанные с аншлюсом Австрии, порождали среди всех политических течений болгарской буржуазии убеждение, что в Европе наступает период пересмотра как общих принципов Версальской системы, так и ревизии территориальных положений мирных договоров. Крайне правые фашистские и националистические течения (цанковисты, организации «Отец Паисий», «Ратник», «Легион», ВМРО-михайловисты и др.) с воодушевлением приветствовали аншлюс Австрии. Они видели в открытой ориентации на гитлеровскую Германию прямой путь, выводящий Болгарию из внешнеполитической изоляции, в которой находилась страна на протяжении всего периода после первой мировой войны³, и открывающий перспективу для ревизии Нейского договора и пересмотра границ. Шумливая пропагандистская деятельность этих групп вызывала настороженное отношение к Болгарии соседних государств и порождала у них недоверие к миролюбивым заявлениям правительства Кюсеиванова. Но хотя гитлеровская пропаганда встречала в крайне правых националистических кругах наибольший отклик, они не получали со стороны Германии никаких заверений в поддержке выдвигаемых ими требований.

Германская дипломатия давно уже пришла к выводу, что ее деятельность по подрыву Балканского пакта и завоеванию экономических и политических позиций на Балканах несовместима с поддержкой болгарских стремлений к пересмотру Нейского

² История на БКП. София, 1969, с. 429.

³ Внешнеполитическая изоляция Болгарии, проявлявшаяся, в частности, в отсутствии у нее договоров о взаимной помощи с другими государствами и незаинтересованности последних вступать с нею в союзные отношения, усилилась после заключения 9 февраля 1934 г. направленного против Болгарии Балканского пакта, в который вошли Румыния, Югославия, Греция и Турция.

договора, что способствовало бы только сплочению Балканской Антанты и восстановило бы ее против Германии. Более того, она не считала Болгарию ценным партнером на Балканах. Вплоть до начала второй мировой войны германская дипломатия придерживалась по отношению к ней линии, которая еще в конце 1934 г. была сформулирована внешнеполитическим бюро нацистской партии и затем воспринята МИД: «Дружба Болгарии с Германией является хотя и традиционной, но приносит нам очень мало пользы... Болгария может быть для нас на политической шахматной доске на Юго-Востоке всего лишь фигурой второго ранга, которую мы благодаря ее стесненному экономическому положению можем использовать по собственному усмотрению в соответствии с нашими политическими потребностями»⁴. Поэтому Германия стремилась усилить экономическую зависимость Болгарии, а в политическом плане приветствовала болгаро-югославское сближение и пыталась уменьшить влияние в стране западных держав.

Вместе с тем и правящие круги Болгарии совсем не склонны были к односторонней ориентации на Германию и стремились поддерживать лояльные отношения с западными державами, в первую очередь с Англией. В отношениях же со своими соседями Болгария старалась соблюдать предельную осторожность, а ее пожелания пересмотра отдельных положений Нейского договора сопровождалась ссылками на такие возможности, заложенные в самом договоре, и подчеркиванием желания добиваться этого мирными средствами. В целом ее требования ограничивались стремлением получить экономический выход к Эгейскому морю и защитой прав болгарских национальных меньшинств. Все указанные моменты накладывали на болгарскую внешнюю политику печать пассивности, придавали ей черты сервильности в отношении великих держав и вечные опасения оказаться перед лицом общего фронта соседних балканских стран⁵.

Заклученный в январе 1937 г. болгаро-югославский пакт «о вечной дружбе»⁶ выводил Болгарию из состояния политической изоляции и был в течение двух предвоенных лет краеугольным камнем ее внешней политики. Хотя и Германия, и Италия приветствовали заключение пакта, это обстоятельство не озна-

⁴ Archiv des Instituts für Zeitgeschichte (München), MA-128/I. Streng vertrauliches Niederschrift der Abteilung Süd-Ost «Politik im Süd-Osten» vom. 27. Oktober 1934.

⁵ Ср.: *Генчев Н.* Външнополитическата ориентация на България в навечерието на втората световна война (септември 1938 — септември 1939). — Годишник на Софийския университет. Философско-исторически факултет, 1968, т. 61, кн. 3, История. с. 135.

⁶ См.: *Волков В. К.* Германо-югославские отношения и развал Малой Антанты. 1933—1938. М., 1966, с. 148—167.

чало, что болгаро-югославское сближение происходило лишь под влиянием гитлеровской дипломатии⁷. Обе стороны связывали с ним важные политические расчеты. Для Болгарии он стал отправным пунктом в развитии отношений со странами Балканской Антанты, позволил в серьезных масштабах начать перевооружение болгарской армии и разрывал кольцо ее дипломатического окружения. Югославия же видела в сближении с Болгарией возможность повысить свой удельный вес в балканской политике и стать гегемоном и лидером Балканской Антанты, улучшить позиции в европейской политике, усилить возможности для балансирования не только между фашистскими и западными державами, но и между Германией и Италией. Однако налаженное отношение других балканских стран, в первую очередь Греции и Румынии, к болгаро-югославскому сближению вынуждало обе стороны избегать демонстративных проявлений их дружественных связей и выжидать время для дальнейшего развития взаимных контактов, которые до 1938 г. не выходили за пределы декларативных заявлений.

В начале 1938 г., когда обострились как внутреннее положение в стране в связи с предвыборной борьбой, так и международная обстановка в связи с захватническими намерениями Германии в отношении Австрии, внимание болгарской дипломатии было привлечено к заседанию Балканской Антанты, состоявшемуся 26—27 февраля в Анкаре. Там был поставлен вопрос об отношении к болгарским вооружениям. Его обсуждение показало новые тенденции в политике Балканской Антанты, направленные на сближение с Болгарией путем частичного удовлетворения ее пожеланий. Закулисным инициатором этой линии выступила Англия, а конкретным проводником — турецкая дипломатия. Турецкий министр иностранных дел Рюшту Арас предложил членам Балканской Антанты обсудить вопрос о признании вооружения Болгарии в обмен на соглашение с ней об отказе от агрессии и ликвидацию демилитаризованных зон во Фракии, предусмотренных Лозаннским договором⁸. Обмен мнениями по этому вопросу должен был произойти по дипломатическим каналам в течение весны 1938 г.

Можно высказать предположение, что болгарское правительство было поставлено в известность о новых веяниях среди стран Балканской Антанты югославским премьером Стоядиновичем

⁷ Манчев К. Германия и българо-югославските отношения в навечерието на втората световна война.— В кн.: Българско-германските отношения и връзки. Изследвания и материали, т. I. София, 1972, с. 357.

⁸ *Avramovski Z. Sukob interesa Velike Britanije i Nemačke na Balkanu uoči drugog svetskog rata.*— In: *Istorija XX veka. Zbornik radova, t. II.* Beograd, 1961, s. 38.

чем. На обратном пути из Анкары, проезжая 1 марта через Болгарию, Стоядинович встретился в Пловдиве с Кюсеивановым.

Позиция Болгарии в отношении аншлюса Австрии формировалась не без воздействия Югославии. По-видимому, этот вопрос обсуждался во время встречи Кюсеиванова со Стоядиновичем. Узнав о содержании их беседы от болгарского премьера, германский посланник Рюмелин доносил, что Стоядинович насмешливо отзывался о попытке Франции склонить Югославию к демаршу в Берлине против аншлюса. По словам Рюмелина, Стоядинович не считал нужным скрывать от своего болгарского коллеги ту точку зрения на проблему аншлюса, которую он отстаивал в Анкаре: ждать развития событий, не высказываться раньше времени, присматриваться к позиции Италии, не делать ничего, что ускорило бы аншлюс, касающийся прежде всего великих держав⁹.

Аргументация югославской дипломатии, равно как и позиция Югославии во время захвата Австрии Германией, была, несомненно, учтена болгарскими правящими кругами. Более того, рост политической мощи Германии, как считал немецкий посланник в Софии, вызывал в Болгарии большие надежды, по сравнению с которыми отступали на второй план все остальные чувства даже у скептиков¹⁰.

Одним из первых практических выводов болгарских правящих кругов после аншлюса Австрии было их решение продолжать и усиливать политику сотрудничества с Югославией. Болгарское правительство немедленно и положительно откликнулось на предложение Стоядиновича в середине марта оживить отношения двух стран. В результате последовавших переговоров была быстро согласована и в начале мая подписана конвенция об открытии воздушной линии София — Белград¹¹. Были предложены также другие соглашения (о сотрудничестве в области почтовой и телеграфной связи, о правовой защите и административной помощи в фискальных вопросах, о предотвращении двойного налогового обложения и т. д.), подписание которых должно было произойти во время планировавшегося визита Стоядиновича в Софию. Тема болгаро-югославского сотрудничества не сходилась со страниц прессы обеих стран, а курс на взаимное сближение находил одобрение в выступлениях как правительственных, так и оппозиционных депутатов их парламентов.

Наиболее характерными для правящих кругов Болгарии в течение всего 1938 г. были усилия поддерживать дозированное

⁹ AA (Bonn), Pol. Abt. IV, Po 4 Balkan, Bd. 1, Pol IV 1510/38. Рюмелин (София) — в Берлин 7 марта 1938 г.

¹⁰ ADAP, Serie D, Bd. V, Dok. № 206, S. 237. Рюмелин (София) — в Берлин 31 мая 1938 г.

¹¹ Манчев К. Германия и българо-югославските отношения..., с. 364.

равновесие между странами «оси» и западными державами, в особенности между Германией и Англией.

С начала 1938 г. Болгария вела переговоры с Германией о заключении соглашения о кредите и продаже оружия. Первоначальные запросы болгарской стороны (кредит в 100 млн. марок сроком на 10—15 лет) были расценены немецкой стороной как чрезмерные. Обсуждение этого вопроса в германском МИД показало малую заинтересованность Германии в заключении такого соглашения. Попытки болгарских представителей в Берлине вести переговоры в обход МИД с Герингом также не принесли успеха. В конце концов победила точка зрения экономического эксперта германского МИД К. Клодиуса, считавшего, что по политическим соображениям нельзя оставлять у болгар впечатление, будто Германия бросила их на произвол судьбы¹². По окончательным условиям соглашения объем кредита был сильно урезан — до 30 млн. марок, поставки оружия растягивались на 2 года, а их оплата должна была производиться с 1942 г. из расчета погашения кредита с выплатой 6% годовых. По стечению обстоятельств секретный протокол между Германией и Болгарией о поставках оружия¹³ был подписан 12 марта, в день, когда германские войска вошли в Вену.

Соглашение о поставках оружия усиливало зависимость Болгарии от Германии. Оценивая позицию Болгарии на международной арене весной 1938 г., германский посланник в Софии считал, что ее дружественный нейтралитет в отношении Германии в случае военных осложнений в Европе, «пожалуй, уже обеспечен»¹⁴. Эта констатация, сделанная в период майского кризиса в связи с германской угрозой Чехословакии, в целом была реалистична, но содержащийся в ней элемент условности показывал, что германская дипломатия не была так уж твердо убеждена в окончательной позиции Болгарии.

Основная причина заключалась в отсутствии единства среди правящих кругов и борьбе в них не только по вопросам внутренней, но и внешней политики. Сторонники прозападной ориентации (значительная часть правительственного большинства в Народном собрании во главе с С. Мошановым, часть государственного аппарата и дипломатической службы, которые могли в этом вопросе опереться на поддержку почти всей буржуазной оппозиции) оказывали серьезное давление на правительство, которое проявляло колебания и обнаруживало далеко идущую склонность путем внешнеполитических маневров и достижения

¹² ADAP, Serie D, Bd. V, Dok. N 167, S. 196—197; Dok. N 175, S. 204—205.

¹³ Там же, док. № 181, с. 214—215.

¹⁴ Там же, док. № 206, с. 237—238. Рюмелин (София) — в Берлин 31 мая 1938 г.

хотя бы небольших успехов на международной арене укрепить свое положение.

С другой стороны, даже сторонники прогерманской ориентации понимали, что прямолинейный курс на страны «оси» с их лозунгами немедленной ревизии всех договоров сразу же поставит Болгарию в состояние конфликта со странами Балканской Антанты и перечеркнет все прежние усилия болгарской дипломатии выйти из международной изоляции. В этом случае надежды на пересмотр условий Нейского договора и территориальные изменения могли бы быть связаны в будущем только с перспективой войны, причем конечно, не войны Болгарии против своих соседей, а общеевропейской войны, из которой победителем вышла бы Германия. Но даже в этом случае поддержка Германии была бы проблематичной, ибо ее интересы в тот период могли бы не совпадать с пожеланиями Болгарии. Однако самое важное заключалось в том, что правящие круги Болгарии, в которых симпатии к Германии были достаточно широко распространены, не верили в возможность решительной победы Германии в европейской (мировой) войне. В этом случае новое послевоенное урегулирование было бы катастрофическим для Болгарии, окажись она вновь на стороне побежденных. Таким путем круг замыкался. И правящие круги Болгарии, все ее буржуазные политические партии и течения были преисполнены решимости избежать повторения уроков второй балканской и первой мировой войн.

Но они не хотели также упускать и тех возможностей, которые открывались, по их мнению, перед Болгарией в связи с изменением положения в Европе после аншлюса Австрии. В политике Германии они видели предпосылки для создания условий, необходимых для пересмотра Нейского договора. Об этом болгарский посланник в Москве Н. Антонов откровенно говорил в беседе с Литвиновым 29 мая, заверяя одновременно его, что Болгария ни в малейшей степени не связана с Германией. Советский нарком осторожно зондировал отношение Болгарии к турецкому предложению, о котором министр иностранных дел Турции Р. Арас сообщил в Москву, а именно о желании соседей Болгарии достичь соглашения с ней и привлечь ее к себе в целях создания блока для совместной защиты Балкан, — разумеется, от Германии. Болгарский посланник, не имевший, по-видимому, информации из Софии, заподозрил за всем этим планом советскую инициативу. Он развил поэтому обычную аргументацию, что Балканский пакт создан против Болгарии и последняя не может присоединиться к нему без соответствующих уступок территориального характера со стороны соседних государств. На замечание Литвинова, что надо больше видеть то, что их объединяет, чем то, что их разъединяет, поскольку на карту постав-

лена независимость балканских государств, а следовательно и Болгарии, Антонов ответил, что это относится к обоим сторонам¹⁵.

Еще более откровенно изложил Антонов на следующий день, 30 мая, тактику болгарской дипломатии французскому послу в Москве Р. Кулондру. Повторив ему, что болгарское правительство ничем не связано в своих действиях, он говорил: «Болгария может вести переговоры со всяким, у нее нет причин спешить с определением своей позиции, но... если кто-нибудь желает ее сотрудничества, он должен предложить ей что-то удовлетворительное...» (Это условие, по мнению Антонова, было хорошо усвоено Кулондром.) «Мы при самых трудных обстоятельствах,— продолжал Антонов,— сохранили свою свободу действий именно в предвидении момента, когда благодаря этой свободе наши соседи будут вынуждены, нуждаясь в нас и чтобы обеспечить свою собственную безопасность, сделать нам минимум уступок, необходимых в интересах будущего и для благоденствия всего Балканского полуострова»¹⁶.

Такой момент, по мнению правящих кругов Болгарии, наступал, и они были преисполнены желанием как можно лучше использовать его в своих интересах.

2. Ориентация Болгарии на мирный пересмотр Нейиского договора. Салоникское соглашение

С начала 1938 г. болгарское правительство стало получать от своих миссий в Анкаре, Женеве и Лондоне сообщения об усилении интереса Англии к балканским делам и о желании сблизить Болгарию со странами Балканской Антанты, в первую очередь с Турцией и Грецией, с целью создать достаточную глубину стратегической обороны черноморских проливов в случае обострения положения в Европе. Отсюда болгарская дипломатия делала вывод, что в новых условиях отношения с Турцией становятся «невралгической точкой в нашем внешнеполитическом положении»¹⁷. При этом в Софии прекрасно понимали, что, хотя Турция будет находиться на авансцене событий, действительным болгарским контрагентом останется Англия.

Английская дипломатия не собиралась, однако, предоставлять всю инициативу Турции. Ее представители нанесли

¹⁵ ЦДИА, ф. 176, оп. 7, а. е. 932, л. 33—42. Антонов (Москва)— в Софию 30 мая 1938 г. о беседе с Литвиновым 29 мая 1938 г.

¹⁶ Там же.

¹⁷ *Рябоконе С. И.* Салоникское соглашение 31 июля 1938 г.— Уч. зап. Уральского гос. ун-та, 1968, № 63. Сер. ист., вып. 6, с. 29.

несколько визитов в Болгарию, чтобы ознакомиться с положением и расстановкой политических сил на месте. Помимо визитов в Софию английского посла в Турции Перси Лорэна, ответственного секретаря Международного союза ветеранов войны Дж. Кросфилда и других особое внимание обратил на себя визит в Болгарию в конце апреля известного политического деятеля, члена английского парламента Гарольда Никольсона, совершавшего «лекционное турне» по балканским столицам. Главной целью его поездки было «неофициальное» поручение Форин оффиса «поддержать моральное состояние на Балканах» против нажима Гитлера на Юго-Восток¹⁸.

Пребывание Г. Никольсона в Софии, широко освещавшееся прессой, стало заметным пропагандистским и политическим актом. Помимо ряда интервью журналистам, доклада о «принципах британской внешней политики», в котором подчеркивание им влияния общественного мнения на внешнюю политику страны было воспринято как намек на неизбежность усиления буржуазной оппозиции в Болгарии с ее прозападной ориентацией, и выступления по радио Г. Никольсон имел многочисленные встречи с различными политическими деятелями, включая даже представителей левого крыла БЗНС-«Пладне» и ВМРО-михайловистов. Он был принят премьер-министром Г. Кьосеивановым и царем Борисом¹⁹.

Личность царя Бориса как главы монархо-фашистского режима, направлявшего как его внутреннюю, так и внешнюю политику, неизменно привлекала внимание всех исследователей истории Болгарии того периода. «Лучший актер на болгарской сцене», — охарактеризовал его один политический деятель, близко знавший Бориса²⁰. Хитрый и изворотливый политик, умело носивший личину демократа, он был склонен к демагогическим жестам и не упускал случая проявить показное народолюбие. На иностранных посетителей он умел произвести нужное ему впечатление, подчас сбивая их с толку рассчитанной откровенностью, степень которой всегда точно соответствовала рангу собеседника. Однако «очаровывать» ему удавалось в основном западноевропейских политиков, а доверием политических деятелей соседних балканских стран он не пользовался, и они относились к нему с большим или меньшим подозрением. Хорошо знавший его английский посланник в Софии Дж. Рендель отмечал, что свойств настоящего лидера страны у него не было, и

¹⁸ *Nicolson H. Diaries and Letters. 1930—1939. London, 1971, p. 328.*

¹⁹ ДА ДСИП, ЛП, 1938, 1—3, пов. бр. 502. Юришич (София)—в Белград 28 апреля 1938 г., о визите Г. Никольсона в Болгарию.

²⁰ *Вознесенский В. Д. Царь Борис, Гитлер и легионеры.—Новая и новейшая история, 1971, № 1, с. 84.* В работе дается подробная характеристика царя Бориса как политического деятеля и человека.

поэтому он всегда опасался появления такого политического деятеля, который мог бы стать его соперником в вопросе власти²¹. Отличительной чертой его характера как политического деятеля была осторожность, а забота о сохранении и упрочении своей власти и трона — неизменной двигательной пружиной всех его поступков и расчетов. Постоянно вникая во все дела государственного управления, следя за малейшими изменениями политического положения как внутри страны, так и за рубежом, царь Борис старался маскировать свое решающее влияние на основные направления деятельности государственного аппарата, предпочитал оставаться в тени и выдвигал на передний план, на авансцену событий таких лиц, в послушности которых он не сомневался. Он был окончательной инстанцией в процессе принятия решений правящими кругами страны, особенно в области внешней политики.

С 1935 г. пост премьер-министра Болгарии занимал Георгий Къосеиванов, одновременно являвшийся и министром иностранных дел. Такое сочетание было частым явлением в политической практике государств в 30-х годах. С внешней стороны оно было логичным, ибо как дипломат он был последовательно посланником в Афинах, Бухаресте и Белграде, а также исполнял в разное время обязанности поверенного в делах Болгарии в Париже, Берлине и Риме. Но на успех его карьеры оказало влияние не это. Путь Къосеиванова на верх государственной иерархии начался во время его пребывания на посту начальника личной канцелярии царя. Став премьером и министром иностранных дел, он по сути дела продолжал играть эту роль, не проявив заметной самостоятельности ни в одном из своих качеств. Тем не менее в определенных рамках, которые он четко знал и соблюдал, Къосеиванов был неглупым, а временами и инициативным исполнителем. «Хитрый и по своему мудрый», — отзывался о нем английский посланник Рендель²². Немало он потрудился и на внешнеполитическом поприще.

Весной 1938 г. отношения с Англией и странами Балканской Антанты были в центре внимания болгарской дипломатии. 13 мая, возвращаясь после официального визита в Югославию, в Софии на день задержались премьер-министр Турции Джелаль Баяр и министр иностранных дел Болгарии со странами Балканской Антанты. От имени всех входивших в нее стран турецкие государственные деятели предложили Болгарии заключить соглашение о признании за ней равноправия в вопросах вооружений взамен на декларацию о ненападении с ее стороны и согла-

²¹ Rendel G. The Sword and the Olive. London, 1957, p. 151.

²² Rendel G. The Sword and the Olive, p. 161.

сие на ликвидацию демилитаризованных зон во Фракии²³. Болгарская сторона приняла это предложение, и страны Балканской Антанты приступили к согласованию между собой текста соглашения, которое должен был предложить Болгарии от их имени греческий премьер Метаксас, исполнявший тогда обязанности председателя Постоянного совета Балканской Антанты.

В свете многочисленных фактов, говоривших об усилении английской активности весной и летом 1938 г. на Балканах, правящие круги и буржуазная общественность Болгарии встретили как событие особой важности назначение нового английского посланника в Софию Джорджа Ренделя. Большие надежды с его назначением связывали, по свидетельству югославского посланника, ревизионистские круги, которые полагали, что он будет играть не роль наблюдателя, как предшествовавшие английские посланники, а станет активным исполнителем специальной миссии, возложенной на него. Согласно сведениям, дошедшим в Софию из Балканского комитета в Лондоне, перед Ренделем была поставлена задача вырвать Болгарию из-под германского экономического влияния, увеличив ее торговлю с Англией, а также поднять вопрос о болгарских национальных меньшинствах (особенно в Румынии). Ему якобы было, кроме того, поручено способствовать достижению соглашения между Болгарией, Турцией и Грецией, а также образованию «оси» Белград — София — Анкара²⁴. Прибытие Ренделя в Софию было широко отмечено всей болгарской печатью.

Сведения о «специальной миссии» Ренделя были если и не совсем точны, то во всяком случае близки к действительности. В известной степени их подтверждает в своих мемуарах и сам Рендель. Данные ему инструкции предписывали «наблюдать и стараться сдержать» германское проникновение в Болгарию, что было частью общей экспансии Германии на Балканах²⁵. Одна сторона этой задачи касалась области экономики и была достаточно ясна, хотя и трудна для выполнения. Действительно, Германия почти монополизировала болгарский рынок: в 1937 г. на ее долю приходилось 54% импорта и 43% экспорта Болгарии, а в 1938 г. — соответственно 52 и 58%²⁶. Но внимание английской дипломатии привлекла решимость правящих кругов Болгарии избежать односторонней ориентации, а тем более необратимой связи с внешнеполитической линией Германии, и она вознамерилась использовать эти настроения в своих интересах.

²³ ДА ДСИП, ЛП, 1938, пов. бр. 579, л. 1—3. Стоядинович — миссии в Лондоне 22 июня 1938 г. о начале переговоров стран Балканского пакта с Болгарией и позиции Англии.

²⁴ Там же, пов. бр. 614, 1—3. Юришич (София) — в Белград 1 июня 1938 г.

²⁵ *Rendel G. The Sword and the Olive*, p. 142.

²⁶ *Генчев Н. Външнополитическата ориентация...*, с. 136.

В исторической литературе довольно прочно утвердилось мнение, будто английская дипломатия поставила перед собой задачу добиться присоединения Болгарии к Балканской Антанте²⁷. Сам Рендель о политической стороне стоявших перед ним задач писал в своих мемуарах мало, в расплывчатых тонах, говоря об усилиях создать «нечто вроде Балканской конфедерации»²⁸ и отмечая лишь трудности, стоявшие на этом пути. Эти трудности сводились к двум вопросам: согласится ли Болгария рассматривать такое предложение без какого-либо урегулирования и удовлетворения хотя бы частично ее территориальных требований? И, поскольку отрицательный ответ на этот вопрос был очевиден, ставился второй: согласятся ли соседи Болгарии на такое решение? И здесь Рендель проводил резкую разграничительную черту между отдельными странами, к которым относились эти претензии. Он считал наиболее обоснованными и легче поддающимися решению претензии Болгарии на Южную Добруджу. Было бы также полезно, полагал он, если бы Югославия была склонна согласиться на небольшие территориальные изменения, особенно в районе Драгомана и Кюстендила. Вопрос же выхода в Эгейское море казался ему гораздо более трудным, и он фактически отбрасывал его, ссылаясь на то, будто бы и «болгары были теперь склонны выбросить его из головы»²⁹. Он даже был готов попытаться уговорить Югославию и Румынию встретить болгарские требования «на полпути», убеждая их, что они больше выиграли бы, чем проиграли, отказавшись от «маленьких спорных районов». Иными словами, он был готов поддержать ту активность Болгарии, которая вводила ее интересы подальше от района проливов, в сторону от средиземноморских проблем, и не затрагивала бы интересов Турции и Греции, которые явно попадали под особую опеку английской дипломатии. Отношения в треугольнике Болгария — Турция — Греция подлежали, таким образом, полному урегулированию и окончательной стабилизации, тогда как отношения в треугольнике Болгария — Румыния — Югославия могли бы подвергнуться пересмотру и явно интересовали английскую дипломатию в гораздо меньшей степени.

Разный подход к отдельным балканским странам показывал, что английская дипломатия на деле мало стремилась к укреплению балканского единства и была больше заинтересована в разговорах об этом единстве, чем в его осуществлении. Отсутствие у Англии действительных намерений укреплять Балканскую Антанту и создавать некую Балканскую конфедерацию вытекало

²⁷ *Рябконов С. И.* Салоникское соглашение..., с. 38; *Avramovski Z.* Sukob interesa..., s. 34—35, 104.

²⁸ *Rendel G.* The Sword and the Olive, p. 158.

²⁹ *Rendel G.* The Sword and the Olive..., p. 158.

также и из ее политики по отношению к Италии: такая задача была бы несовместима с замыслом постепенного отвода Италии от тесного сотрудничества с Германией, используя противоречия двух партнеров по «оси» и их соперничество в Юго-Восточной Европе, к чему стремилась Англия. Наоборот, такой замысел предполагал определенные уступки Италии со стороны Англии, в частности известное признание ее политических и экономических интересов на Балканах. Данные расчеты лежали в основе англо-итальянского соглашения от 16 апреля 1938 г., которое преследовало цели сделать Германию более уступчивой в переговорах с западными державами³⁰. Не случайно также проводить английскую политику в Болгарии был послан Дж. Рендель, который был в курсе истинных целей Форин оффиса как на Балканах, так и в отношении Италии: именно он немало потрудился весной 1938 г., подготавливая англо-итальянское соглашение. Ему, несомненно, должны были быть известны выводы английской дипломатии о несовместимости попыток создания проанглийского блока на Балканах, в какой бы форме он ни возник, с попыткой отрыва Италии от Германии³¹. Назначение Ренделя на пост в Софию нельзя в свете приведенных фактов считать случайным стечением обстоятельств: необходимость координировать политику на Балканах с политикой в отношении Италии требовала именно такого диспетчера. Его функции выходили, таким образом, за пределы страны, где он был аккредитован, и распространялись на весь район Юго-Восточной Европы. Тесные контакты Ренделя с английским посланником в Белграде и послом в Анкаре были одним из проявлений предоставленных ему полномочий.

Прибыв в Софию, Рендель не тратил времени на ознакомление с обстановкой и с места в карьер приступил к осуществлению плана, уже разработанного английской дипломатией. Его шаги поддерживались хорошо продуманными действиями Форин оффиса. В первых числах июня 1938 г. английская дипломатия довела до сведения балканских стран решение английского правительства дать согласие на покупку Болгарией в Англии нескольких торпедных катеров. Позднее, говорилось в сообщении, будут, вероятно, проданы и самолеты. Английский посланник в

³⁰ История дипломатии, т. III. М., 1965, с. 719.

³¹ В начале 1939 г., когда английский Комитет начальников штабов оценивал обстановку в Европе и выработывал английскую стратегию на случай войны с Германией, МИД выступил с предупреждением «о невозможности совместить политику, направленную на то, чтобы Италия оставалась нейтральной, с политикой вовлечения балканских стран в войну против Германии» (*Батлер Д.* Большая стратегия. Сентябрь 1939 — июнь 1941. Пер. с англ. М., 1959, с. 80). Такая констатация была всего лишь модификацией в новых условиях сложившегося ранее курса, который летом 1938 г. уже полностью оформился.

Белграде мотивировал эти действия улучшением отношений между Болгарией и остальными балканскими странами, ссылаясь на начавшиеся переговоры о предоставлении Болгарии равноправия в вопросе вооружений, а сам факт сообщения о поставках оружия представляя как акт лояльности Англии по отношению к балканским странам³². Как бы для того, чтобы избежать любой возможности неправильного толкования этого сообщения, английское правительство сделало специальное заявление болгарскому правительству о том удовлетворении, которое вызвали у него известия о контактах между Болгарией и Балканской Антантой и о благоприятных перспективах на достижение соглашения между ними. Это заявление было доведено до сведения всех балканских стран. Сообщая о нем 20 июня в Белграде, английский посланник подчеркивал желание английского правительства, чтобы переговоры привели к быстрому и искреннему сближению между их участниками. «Если бы возникли какие-либо затруднения, правительство его величества предоставляет в распоряжение обеих сторон свои услуги»³³.

Общие заявления английского правительства конкретизировались в словах и делах Ренделя в Софии. Предлагая свои услуги и посредничество в урегулировании отношений на Балканах представителям всех балканских стран, он умалчивал о причинах английской инициативы. Югославскому посланнику в Софии Юришичу (вероятно, и другим) он говорил в общих словах о том, что «английские имперские интересы требуют, чтобы балканские страны как можно быстрее пришли к соглашению между собой и на деле выступали по отношению к Европе как единое целое». Англия, добавлял он, конечно же, не желает оказывать какого-то политического давления на Балканах, но не может также допустить, чтобы это делали другие. Рендель весьма похвально отзывался о Турции за ее переориентацию на Англию и отход от сотрудничества с Советским Союзом, создав у югославского посланника впечатление, что Турция целиком находится под английским влиянием. Вместе с тем его деятельность вызвала у Юришича опасения, что английская активность может уменьшить в Софии заинтересованность в Югославии, а возможно, даже и вызвать по отношению к ней «старую ревность» и болезненные амбиции у известных политических деятелей в Болгарии³⁴. Интересно отметить, что Рендель в своих беседах тогда ни о какой Балканской конфедерации не упоминал. Не исключе-

³² ДА ДСИП, ЛП, 1938, пов. бр. 554, 1—3. Стоядинович — миссии в Лондоне 9 июня 1938 г.

³³ Там же, пов. бр. 698, 1—3. Стоядинович — миссии в Лондоне 30 июня 1938 г. (текст английского заявления и ответ югославского правительства).

³⁴ ДА ДСИП, ЛП, 1938, пов. бр. 699, 1—3. Стоядинович — миссии в Лондоне 4 июля 1938 г. о беседе Ренделя с Юришичем.

но, что этот термин появился в его лексиконе много позднее, уже в послевоенный период, когда он писал свои мемуары. Летом 1938 г. он выражался гораздо скромнее.

В сближении с Англией болгарская дипломатия видела реальное средство улучшить международное положение страны и укрепить свою внешнеполитическую линию. По свидетельству английского посланника, царь Борис «систематически старался улучшить англо-болгарские отношения», и у Ренделя не было сомнений, что он делал это искренне. «Вероятно, он надеялся, что это может по крайней мере дать Болгарии возможность поднять ряд вопросов, которые до того находились в состоянии спячки»³⁵. Такими вопросами были, как видно из дальнейшего текста мемуаров, территориальные, а условная форма изложения как бы подчеркивала, что сам Рендель не сомневался в преувеличенности надежд болгарского монарха, зная действительные намерения английской дипломатии.

Последняя, являясь негласным дополнительным участником переговоров Болгарии с Балканской Антантой, заботилась не столько о поддержке болгарских пожеланий, сколько об успокоении Италии, подозрительно и ревниво следившей за событиями на Балканах. В начале июля Рендель поведал югославскому посланнику в Софии, что в Лондоне размышляют о необходимости вынести предстоящее соглашение на суд великих держав, подпись которых стояла под Нейским и Лозаннским договорами, т. е. поступить так, как это имело место при решении вопроса о черноморских проливах. Тогда «нарушение» договоров о мире со стороны Балканской Антанты и Болгарии приобрело бы «легальную» форму, а балканские страны оказались бы до конца корректными, резюмировал Рендель³⁶. О чьей же чувствительности проявлял такую трогательную заботу английский посланник? Англия и Франция не шли в счет, поскольку переговоры отвечали их общей согласованной линии. Германия не являлась участником этих договоров и вместе с Японией, подпись которой под ними стояла, занимала позицию полной незаинтересованности в поддержании мирных договоров вообще, тем более что сами эти две державы, по его же словам, нарушали их. Оставалась, следовательно, одна Италия. И хотя принципиальных возражений с ее стороны не ожидалось («она первой начала ставить вопрос о ревизии мирных договоров»), в Лондоне, сообщал Рендель, изучают форму, в которой лучше было бы поставить этот вопрос, а также кто его должен поднять: Балканская Антанта или же Болгария, а может быть и обе стороны вместе?³⁷

³⁵ *Rendel G. The Sword and the Olive*, p. 146.

³⁶ ДА ДСИП, ЛП, 1938, пов. бр. 697, 1—3. МИД (Белград) — миссии в Лондон 13 июля 1938 г. о беседах Ренделя с Юришичем.

³⁷ Там же.

Как видно из последующих событий, выбор пал на Болгарию, и в начале июля она запросила Рим о его согласии на пересмотр военных статей Нейского договора в обмен на ликвидацию демилитаризованных зон во Фракии. Сообщая об этом статс-секретарю германского МИД Э. Вайцекеру в Берлине, итальянский посол Аттолико выражал обеспокоенность активностью политики Турции на Балканах, усматривая за ней руку Англии. Формальное согласие итальянского правительства здесь вряд ли было необходимо, и оно не высказало возражений против предполагаемого соглашения, говорил Аттолико, хотя, как кажется, за ним скрывается намерение сблизить Болгарию с Балканской Антантой³⁸. В целом данный шаг болгарской дипломатии, подсказанный Англией, оказался удачным: несмотря на сохранявшиеся подозрения, Италия не собиралась чинить препятствия намечавшемуся соглашению, что создавало необходимые внешние предпосылки для его заключения.

Тем временем болгарское правительство начало подготовку болгарского общественного мнения к предстоящим событиям, развернув планомерную кампанию в прессе. Болгарская печать резко изменила тон высказываний об Англии, особенно в связи с ее политикой вообще и на Балканах в частности, а в некоторых статьях выражались пожелания установления более тесных отношений между двумя странами. Высказывалось мнение, что Болгария стала теперь главным объектом английского внимания на Балканах, отмечалось, что Англия не желает дальнейшего экономического проникновения Германии на Балканы. Среди аргументов, говоривших в пользу этого предположения, приводились предоставление Англией займа Турции в мае 1938 г., а также некоторые факты политики Румынии и Греции³⁹.

Начавшиеся переговоры Болгарии с Балканской Антантой проходили в обстановке большой секретности. Только 3 июня Кьосеиванов доверительно сообщил германскому посланнику, что он получил от Рюшту Араса во время его визита в Софию предложение опубликовать заявление о признании болгарских вооружений и что он, Кьосеиванов, дал на это согласие, но без всяких условий. С тех пор он якобы больше ничего не слышал об этом деле⁴⁰. Умолчание Кьосеиванова о полном объеме турецких предложений можно объяснить только желанием постепенно подготовить германскую дипломатию к предстоящему соглашению, не вызывая у нее нежелательной и преждевременной

³⁸ ADAP, Serie D, Bd. V, Dok. N 211, S. 242. Запись беседы Вайцекера с Аттолико 14 июля 1938 г.

³⁹ ДА ДСИП, ЛП, 1938, пов. бр. 694, 1—3. Юришич (София) — в Белград 6 июля 1938 г. о линии болгарской прессы.

⁴⁰ AA (Bonn). Pol. Abt. IV, Po 4 Balkan, Bd. 1, Pol IV 3908. Рюмелин (София) — в Берлин 3 июня 1938 г.

реакции. Несколько подробнее говорил о начавшихся переговорах болгарский посланник в Анкаре Т. Христов в беседе с немецким послом Кроллем. Он отверг как лишние основания появившиеся в прессе слухи о том, будто Болгария меняет свою прежнюю позицию в вопросе о присоединении к Балканской Антанте. Болгарское правительство, говорил он, готово идти вместе с другими балканскими странами в вопросах общей политики, если они не затрагивают особых интересов Болгарии, но принципиально отклоняет присоединение к Балканской Антанте, как и вообще идею коллективных пактов, и остается приверженцем двусторонних методов. Христов сообщил также, что Турция хотела воспользоваться югославским посредничеством, дабы получить болгарское согласие на ликвидацию демилитаризованных зон на болгаро-турецкой границе, поскольку она желает укрепить Адрианополь. Но Стоядинович будто бы заявил турецким государственным деятелям во время их визита в Белград, что он не может вмешиваться в этот вопрос, ибо дело касается исключительно болгаро-турецких отношений. В Софии турецкие министры якобы не касались этого вопроса⁴¹. Германская дипломатия заняла в отношении начавшихся переговоров выжидательную позицию, ограничившись ролью наблюдателя.

Гораздо активнее вела себя итальянская дипломатия. 3 июня 1938 г. германское посольство в Риме узнало от «надежного доверенного лица» о содержании беседы итальянского посланника в Софии Таламо с царем Борисом. Итальянского дипломата интересовал вопрос об отношении Болгарии к фашистским державам. Посланник заметил, что связи Софии с Римом и Берлином стали ослабевать, что Болгарии следовало бы все же теснее примкнуть к державам «оси». На это Борис будто бы ответил, что это соответствует также и его намерениям, но вначале он должен выждать урегулирования испанского и чехословацкого вопросов, которые в данный момент полностью поглощают внимание политики Италии и Германии⁴². Вернувшийся в Софию в конце июня после краткого пребывания в Риме Таламо обратил внимание германского посланника Рюмелина на поездку румынского короля в Турцию, которая, по его мнению, преследует цель включить Болгарию в новую «систему Балканской Антанты». В ходе беседы у германского посланника сложилось впечатление, что Таламо желал бы отвлечь территориальные претензии Болгарии в будущем в сторону от Фракии, направив их на Добруджу. «Я ограничился по существу ролью слушателя,— сообщал он

⁴¹ AA (Bonn), Pol. Abt. IV, Po 4 Balkan, Bd. 1, Pol IV 4270 Кролль (Анкара)—в Берлин 9 июня 1938 г.

⁴² AA (Bonn), Pol. Abt. IV, Po 3 Bulgarien—Jugoslawien, Bl. 161, Pol IV 3923/38. Германское посольство в Риме—в Берлин 3 июня 1938 г.

потом в Берлин, — но сказал ему, что здесь нужно терпеливо вести политическую работу, с чем он, впрочем, согласился»⁴³.

Однако в своей деятельности Таламо не проявил ни терпения, ни, главное, такта. Давая ему приведенный выше совет, Рюмелин знал об отрицательной оценке его поведения правящими кругами Болгарии. За два дня до их беседы, 21 июня 1938 г., он имел продолжительный разговор с царем Борисом, в ходе которого тот в резких тонах отзывался о поведении Таламо. Коснувшись их беседы в конце мая, когда Таламо при вручении своих верительных грамот говорил о необходимости для Болгарии примкнуть к «оси», Борис сказал немецкому посланнику, что Болгария желает проводить свою внешнюю политику, не связывая ее какими-либо зафиксированными политическими обязательствами. Такая независимая политика, добавил он, будет отвечать также и «правильно понятым интересам оси»⁴⁴.

В беседе с Рюмелином царь выражал особое беспокойство по поводу того, что чехословацкий посланник в Софии П. Макса («опасный человек») тесно связан с болгарской парламентской оппозицией и является инициатором ряда ее шагов. Он располагает огромными суммами — около 40 млн. левов (т. е. примерно 3 млн. марок) и якобы использует их для подкупа и подрывной политической деятельности. Возможно, добавлял Борис, давая волю своей фантазии, он делает это частично по поручению советского посольства в Софии. Вообще, считал он, целесообразно повсюду внимательно наблюдать за действиями чехословацких дипломатов. Политику же чехословацких лидеров в отношении Германии он характеризовал как «провокационную» и ставил ее в связь с «политикой Москвы»⁴⁵.

В заключение Борис сообщил Рюмелину, что визит Стоядиновича в Софию ожидается осенью, т. е. после «неприятных» дебатов в Народном собрании во время летней сессии⁴⁶.

Народное собрание открылось 22 мая. Первые три недели его работы были посвящены внутренним проблемам страны, причем оппозиционные буржуазные депутаты выдвигали требования восстановления Тырновской конституции, отмены цензуры печати и защиты политических свобод. В знак протеста против аннулирования мандатов депутатов-коммунистов большинство оппозиционных представителей демонстративно покинуло Народное

⁴³ Там же, Po 4 Balkan, Bd. 1, Pol IV 4381. Рюмелин (София) — в Берлин 23 июня 1938 г.

⁴⁴ ADAP, Serie D, Bd. V, Dok. N 210, S. 240—241. Рюмелин (София) — в Берлин 22 июня 1938 г.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Там же, см. также: AA (Bonn), Pol. Abt. IV, Po 3 Bulgarien — Jugoslawien, Pol IV 4334. Телеграмма Рюмелина (София) — в Берлин 22 июня 1938 г. о беседе с царем Борисом 21 июня 1938 г.

собрание в день начала обсуждения проекта ответа на тронную речь царя, дебаты по которому начались 17 июня. Однако в последующие дни почти все они возвратились и приняли участие в этом обсуждении.

Составленный правительственным большинством и зачитанный Г. Кьосеивановым проект ответа являлся по сути дела перефразировкой тронной речи царя Бориса⁴⁷. Югославская миссия в Софии, внимательно изучавшая его текст, обратила внимание на некоторые нюансы формулировок. Так, в проекте ответа⁴⁸ отмечались «великие несправедливости Нейсского мирного договора», о чем не упоминалось в тронной речи. Югославия была там названа «братской», тогда как в речи о ней говорилось как о «близкой». В остальном был сохранен тот же тон прославления успехов монархо-фашистского режима и откровенной саморекламы. Народное собрание «с удовлетворением констатировало» укрепление международного положения и «очевидный рост престижа» Болгарии. Цели ее внешней политики определялись как поддержание сердечных и лояльных отношений со *всеми великими державами* (курсив мой.— В. В.) и следование курсом «сотрудничества и дружественных связей со всеми нашими соседями». Среди последних особо выделялась Югославия, отмечалась «соседняя Турция», а относительно Румынии и Греции говорилось лишь о «взаимных усилиях в деле дружественного урегулирования всех существующих вопросов». Формула отношения с этими последними странами отражала наличие у Болгарии к ним некоторых претензий.

Иные оценки содержались в проекте ответа оппозиции, зачитанном в Народном собрании 7 июля. Подвергнув критике внутриполитическое и экономическое положение страны, оппозиция во внешнеполитической части своего проекта констатировала: «Болгарский народ с большим беспокойством следит за тревожными событиями, которые переживает человечество». Болгарский народ сочувствует усилиям сохранить мир и отрицает политику изоляции, но правительство «бездействует и молчит». Пакт о вечной дружбе с братской Югославией отвечает настроениям народа в двух странах, но его тесные рамки не дают возможности решить многочисленные политические, экономические и культурные вопросы, разрешение которых упрочило бы «параллельное развитие» обеих стран и отвечало бы их жизненным интересам на Балканах. В решении существующих вопросов и искреннего сближения с остальными соседними странами правительство проявило в течение последних четырех лет «необъясни-

⁴⁷ См.: Стенографски дневници на XXIV Обикновено Народно събрание (далее — ОНС), I извънредна сесия. София, 1938, с. 4.

⁴⁸ Там же, с. 352; ДА ДСИП, ЛП, 1938, пов. бр. 692, 1—14. Месечни извештај МИП-а за јуни 1938 г. (Бугарска).

мую беззаботность и бездействие». «Главной целью болгарской внешней политики,— говорилось далее в проекте оппозиции,— должно быть *сохранение независимости Болгарии* (курсив мой.— В. В.), всесторонняя защита болгарских меньшинств и жизненных интересов болгарской нации». Напоминая о национальных катастрофах 1913 г. и 1918 г., оппозиция полагала, что необходимо облегчить тяжелое бремя Нейиского договора, и выражала надежду, что лояльность и приверженность болгарского народа идее мира будут должным образом оценены и соответственно вознаграждены великими державами⁴⁹.

Содержание проектов ответа на тронную речь и дебаты в Народном собрании свидетельствовали о том, что если в вопросах внутренней политики правительственное большинство и оппозиция стояли на принципиально разных позициях, то в области внешней политики между ними имелось значительное совпадение в целях, а разногласия касались в основном тактических вопросов и подогревались конкурентными соображениями в борьбе за власть. Один из основных ораторов оппозиции по этим вопросам, бывший болгарский посланник в Париже проф. П. Стайнов, прямо говорил о необходимости пересмотреть *методы* внешней политики страны, а не ее цели. И хотя Кюсеиванов сделал шаг по пути активизации политики Болгарии, по его мнению, следовало бы решительнее двигаться в этом направлении, придать болгарской политике черты динамизма, настойчиво искать себе новых друзей, наполнить политику сближения с Югославией реальным содержанием, учитывая, что болгаро-югославский пакт «сыграет решающую, историческую роль во внешней политике страны». Необходимости поисков союзников П. Стайнов уделил особое внимание, указывая на складывание в мире таких условий, при которых нейтралитет, особенно малых государств, все более становится фикцией⁵⁰.

В отдельных речах звучали призывы выступить в защиту болгар, проживающих в Румынии (Южная Добруджа), а один из депутатов назвал потерю Болгарией побережья Эгейского моря страшным событием в болгарской истории, результатом «преступной и глупой внешней политики»⁵¹.

7 июля с большой речью в Народном собрании выступил Г. Кюсеиванов. Подробно остановившись на внешней политике страны, он говорил о создании атмосферы доверия вокруг Болгарии, что дало возможность заключить пакт «со славянской и близкой нам Югославией». Об отношениях с Турцией, Румынией и Грецией он не сказал чего-либо нового. Коснувшись Балкан-

⁴⁹ Стенографски дневници на XXIV ОНС. 1 извънредна сесия, с. 583.

⁵⁰ Там же, с. 600—602.

⁵¹ Там же, с. 685.

ской Антанты, он отметил, что в свое время руководители внешней политики страны объяснили причины, по которым Болгария не присоединилась к ней. «Эти причины продолжают существовать», но болгарское правительство установило с Балканской Антантой как группой стран взаимопонимание и сотрудничество по всем вопросам, которые не противоречат болгарским интересам. «Можно сказать, что Болгария проводит ту же политику Балканской Антанты, не входя в нее». Кьосеванов далее особо подчеркнул, что Болгария поддерживает хорошие дружеские отношения со всеми без исключения великими державами. Он назвал «злонамеренными» упорно распространяемые слухи, будто «очень большой торговый обмен Болгарии с некоей державой» (имелась в виду Германия.— В. В.) связан с политическими приглашениями. «Мы с возмущением отвергаем такие подозрения, которые только вредят Болгарии»,— сказал он. Внешняя политика Болгарии совершенно самостоятельна. «Болгария не связана политически ни с какой державой, большой или малой»,— добавил он под аплодисменты зала. Может быть, отсутствие обязательств внешне похоже на изоляцию и представляет известные неудобства, но одновременно дает болгарскому правительству и большие преимущества, поскольку оно располагает возможностью спокойно наблюдать за развитием событий и свободно принимать свои решения⁵².

Дебаты в Народном собрании довольно полно отразили ту внутривластную атмосферу в Болгарии, которая служила фоном для ее переговоров с Балканской Антантой. Поскольку эти переговоры затрагивали интересы разных балканских стран, эти страны по-разному на них реагировали. По сути дела беспокойство проявила лишь одна Румыния. Поездка короля Кароля в Турцию в конце июня была одним из проявлений ее тревоги⁵³. Основанием для нее служило отсутствие реальных сдвигов в румыно-болгарских отношениях. Об их отсутствии весьма откровенно говорил в начале июля болгарский посланник в Бухаресте С. Киров в беседе с германским посланником Фабрициусом. Он отмечал, что за два с половиной года его пребывания в Румынии ничего не было сделано. Все пункты разногласий продолжают существовать. Условия для болгарских меньшинств остаются прежними, а положение с болгарскими школами даже ухудшилось. За словами об улучшении «атмосферы» не стоят дела, что находится в контрасте с отношениями между Болгарией и другими балканскими странами⁵⁴.

⁵² Стенографски дневници на XXIV ОНС, I извънредна сесия, с. 581—582.

⁵³ Да ДСИП, ЛП, 1938, пов. бр. 604, 1—6. Югославский МИД — миссиям в Лондон, Софию и Анкару 24 июня 1938 г. о сообщении из Бухареста.

⁵⁴ АА (Вопн), Pol. Abt. IV, Po 4 Balkan, Bd. 1, Pol IV 4811. Фабрициус (Бухарест) — в Берлин 11 июля 1938 г.

Между тем переговоры со странами Балканской Антанты быстро продвигались вперед. После того как эти страны согласовали между собой и при несомненном участии английской дипломатии текст предложения, он был передан 29 июня болгарскому посланнику в Афинах⁵⁵, где переговоры продолжались между ним и И. Метаксасом как представителем Постоянного совета Балканской Антанты. Согласие Италии на изменение мирных договоров сняло последнее препятствие на пути к соглашению, и переговоры вступили в заключительную фазу. К предложенному Балканской Антантой тексту соглашения Болгария сделала небольшие поправки, которые были приняты⁵⁶. Серьезнее было предложение Румынии о том, чтобы содержащееся в соглашении положение о ненападении было не только провозглашено, но и гарантировано⁵⁷. Но оно не было поддержано другими участниками переговоров. К концу июля текст соглашения был полностью подготовлен для подписания. Последний акт также не замедлил последовать.

30 июля Кьосеиванов сообщил германскому посланнику, что подписание соглашения состоится на следующий день в Салониках. Он выразил удовлетворение, что оно будет заключено в городе, где в 1918 г. начались переговоры о прекращении военных действий, и вновь подчеркнул независимость болгарской внешней политики в отношении Балканской Антанты⁵⁸.

31 июля в Салониках Кьосеиванов и Метаксас, действовавший от имени всех стран Балканской Антанты, подписали Соглашение между Болгарией и государствами Балканского пакта, по которому они брали на себя «обязательство воздерживаться в их взаимных отношениях от всякого применения силы в соответствии с договорами, которые каждое из этих государств подписало в области ненападения, и что они договариваются, что касаясь их самих, отказаться от применения постановлений, содержащихся в части IV (военные, морские и воздушные положения) Договора в Нейи, а также от применения постановлений, содержащихся в Конвенции касательно границ Фракии, подписанной в Лозанне 24 июля 1923 г.»⁵⁹

Подписание Салоникского соглашения было отмечено всеми участниками как событие первостепенной важности. Особую помпезность старались придать ему в Болгарии. Уже вечером

⁵⁵ *Avramovski Z. Sukob interesa...*, s 37.

⁵⁶ AA (Bonn), Pol. Abt. IV, Po 4 Balkan, Bd. 1, Pol IV 5006. Герен (Белград) — в Берлин 26 июля 1938 г.

⁵⁷ Там же, Pol IV 4973. Фабрициус (Бухарест) — в Берлин 25 июля 1938 г.

⁵⁸ Там же, Pol IV 5050. Рюмелин (София) — в Берлин 30 июля 1938 г.

⁵⁹ Държавен вестник, 10.XI 1938. Содержание упомянутых в тексте договоров см.: *Ключников Ю. В., Сабанин А. В.* Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях, ч. II. М., 1926, док. № 204, с. 399—419; ч. III, вып. II. М., 1929, док. № 125, с. 223.

31 июля, как только были получены известия о его подписании, софийское радио прервало обычные передачи и сообщило об этом событии⁶⁰. На следующий день более 20 самолетов сбрасывали над болгарской столицей листовки, в которых подчеркивалась отмена военных ограничений, накладывавшихся на страну Нейским договором, и славилась дела царя Бориса. Состоялся парад войск, на котором военный министр зачитал приказ, подчеркнув в нем значение соглашения для болгарской армии. Улицы всех болгарских городов по распоряжению властей украсили национальными флагами, в ряде мест прошли манифестации⁶¹.

Болгарская буржуазная общественность единодушно восприняла заключение Салоникского соглашения как начало мирной ревизии договоров, а правительственная газета «Днес» недвусмысленно выражала надежды, что со временем будут изменены и другие положения Нейского договора. Цитируя отклики из-за рубежа, болгарская пресса особенно выделяла те голоса, которые отмечали, что Болгария не отказывается от своих территориальных претензий. Все болгарские газеты опубликовали тексты приветственных телеграмм, которыми обменялись царь Борис, югославский принц-регент Павел, румынский король Кароль, греческий король Георг II и президент Турецкой республики К. Ататюрк⁶².

Широкий резонанс вызвало Салоникское соглашение и в мировой печати. Органы буржуазной печати западных стран приветствовали его как шаг по пути к миру. Подчеркивая, что оно находится в резком контрасте с развитием событий в Центральной Европе (нарастание «чехословацкого кризиса»), они расценивали его как стремление балканских стран защитить свои общие интересы в условиях обострения международных отношений. Чехословацкая пресса усмотрела в нем даже тенденцию к росту влияния Балканской Антанты в мировой политике. Близкая к чехословацкому МИД газета «Прагер прессе» указала на Салоникское соглашение как на «разительный пример для Венгрии»⁶³, которая вела в тот момент аналогичные переговоры с Малой Антантой. В Будапеште же увидели «мало приятного» в этом соглашении, и хотя венгерские газеты привели его на своих страницах и много писали о нем, по мнению германской дипломатии, их позиция была не больше чем «хорошей миной при плохой игре»⁶⁴. Соглашение вызывало в венгерских правящих кругах

⁶⁰ AA (Bonn), Pol. Abt. IV, Po 4 Balkan, Bd. 1, Pol IV 5159. Рюмелин (София) — в Берлин 1 августа 1938 г.

⁶¹ ДА ДСИП, ЛП, 1938, пов. бр. 784, 1—4. Месечни извештај МИП-а за јули 1938 г. (Бугарска).

⁶² Там же.

⁶³ Prager Presse, I.VIII 1938.

⁶⁴ AA (Bonn), Pol. Abt. IV, Po 4 Balkan, Bd. 1, Pol IV 5157/38.

чувство подавленности от сознания факта, что Венгрия является теперь последней страной, над которой формально все еще тяготеют военные ограничения мирных договоров. Это сознание порождало у них неудовлетворенность застоём переговоров с Малой Антантой⁶⁵. Приветствовала его и итальянская печать, а официоз МИД «Информационе дипломатика» подчеркивал при этом многообразные интересы, связывающие Италию с Дунайским бассейном и Балканами⁶⁶.

Германская печать подавала известия о соглашении под углом зрения дальнейшего разрушения Версальской системы и выражала удовлетворение, что теперь и Болгария сбросила с себя «позорные ограничения», налагавшиеся на нее Нейским договором. Вообще германская дипломатия в связи с Салоникским соглашением явно старалась избежать таких шагов, которые могли бы создать для нее трудности в сложных и запутанных балканских делах. Внешне она заняла позицию благожелательства в отношении усилий Болгарии сдвинуть с места вопрос о ревизии мирных договоров⁶⁷.

Внимательно изучала германская дипломатия реакцию на заключение Салоникского соглашения в столицах балканских стран, стараясь выявить нюансы отношения к нему для последующего практического использования. По ее сведениям, в Белграде рассматривали соглашение как доказательство оправданности югославской политики по отношению к Болгарии в последние годы⁶⁸. Немецкий посланник в Бухаресте Фабрициус полагал, что оно втягивает Болгарию в круг государств Балканской Антанты, и отмечал, что в Румынии выражают особое удовлетворение содержащимися в нем обязательствами о ненападении, которые дают ей только одни преимущества. Однако Фабрициус подозревал, что державшиеся в тайне переговоры и быстрое заключение соглашения могли «иметь другие мотивы»⁶⁹.

В Анкаре, по сообщению германского посольства, царило «неприкрытое удовлетворение» в связи с успешным завершением турецкой инициативы. Однако здесь вряд ли существовали иллюзии, что Салоникское соглашение повлечет за собой присоеди-

⁶⁵ Там же, Bd. 2, Pol IV 5364/38. Циркуляр германского МИД о Салоникском соглашении.

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ Сразу же после заключения соглашения германский посланник в Софии направил царю Борису личное письмо, поздравляя его «в сердечных словах» с крупным успехом. 2 августа тот ответил ему телеграммой: «От всего сердца благодарю за Ваши столь дружественные пожелания. Старая пословица «медленно, но верно», по-видимому, всегда оправдывает себя». — Там же, Bd. 1, Pol IV 5161. Рюмелин (София) — в Берлин 3 августа 1938 г.

⁶⁸ Там же, Pol IV 5106. Гесс (Белград) — в Берлин 1 августа 1938 г. о беседе с И. Андричем.

⁶⁹ Там же, Pol IV 5163. Фабрициус (Бухарест) — в Берлин 3 августа 1938 г.

ние Болгарии к Балканской Антанте. В дипломатических кругах в Турции, доносило германское посольство, распространяется мнение, что заключение соглашения является успехом английской политики, которая стремится к сплочению Балканской Антанты, где после болгаро-югославского пакта 1937 г. возникла опасность раскола на две группы, могущие отойти одна от другой: греко-турецкую на юге и югославо-болгарскую на севере. Английский же посол в Турции П. Лорэн, по мнению германского посольства, выставляет себя в последнее время чуть ли не как борец против «мнимого» германского «Дранг нах Остен» и стремится настраивать общественное мнение к такой интерпретации соглашения⁷⁰.

В Афинах соглашение рассматривалось, по сообщениям германского посольства, как акт примирения с Болгарией, чего раньше не удавалось достичь путем двустороннего соглашения. В беседе с германским дипломатом государственный секретарь Маврудис подчеркнул, что при двустороннем договоре нельзя было бы обойти деликатных вопросов, существующих между двумя странами. Это же подтвердил германскому дипломату и болгарский посланник в Афинах. Со стороны Болгарии, сказал он, дело выглядит действительно так, как будто хотят «положить на лед» известные вопросы, обсуждение которых сейчас и в ближайшие годы не сулит успеха, не забывая, однако, о них. Германская миссия подметила также, что Болгария, несмотря на заключение соглашения, не была приглашена на военные переговоры балканских стран в Афинах, касавшиеся морских вооружений. Это указывало, по ее мнению, на «временный характер нынешнего положения. Его дальнейшее развитие будет, вероятно, зависеть от факторов, лежащих за пределами Балкан»⁷¹.

Обобщив полученные сведения, германский МИД разослал 15 августа своим представителям циркуляр, содержащий оценку Салоникского соглашения и определявший позицию германской дипломатии. В нем отмечался как не подлежащий сомнению факт, что сближение между Югославией и Болгарией вызывало большое беспокойство в Турции и Греции. Вместе с озабоченностью, порождаемой стремлением Болгарии к пересмотру Нейского договора, это явилось исходным пунктом усилий достичь обязательного для всех балканских государств соглашения с Болгарией. Хотя Англия, по-видимому, участвовала в этой игре, об успехе ее политики можно будет говорить только в том случае, если будет достигнуто действительное сближение Болгарии с Балканской Антантой. Но об этом, насколько позво-

⁷⁰ АА (Bonn), Pol. Abt. IV, Po 4 Balkan, Bd. 1, Pol IV 5347. Келлер (Анкара) — в Берлин 8 августа 1938 г.

⁷¹ Там же, Bd. 2, Pol IV 5497. Гревениш (Афины) — в Берлин 12 августа 1938 г.

ляют судить факты, не может быть и речи. Само соглашение, легализируя давно проводимое вооружение Болгарии и признавая существующее положение, «означает в конечном счете не более чем исходный пункт для нового развития». Следует выждать прежде всего, удастся ли очистить отношения Болгарии с Грецией и Румынией от отягчающих их трудных вопросов (выход в Эгейское море, Добруджа). Подводя итог, германский МИД считал, что с немецкой точки зрения можно приветствовать освобождение дружественной Болгарии, союзницы Германии в мировой войне, от военных ограничений мирных договоров⁷².

Несмотря на некоторые верные наблюдения, германский МИД дал в целом заниженную оценку Салоникского соглашения, неправильно расценил мотивы и цели английской дипломатии в этом вопросе и не провел анализа вызывавшихся им изменений в балканской политике.

Что же реально дало Салоникское соглашение всем его участникам — гласным и негласным?

Для английской дипломатии, явившейся главной двигательной пружиной этого международного акта, соглашение было продолжением ее прежней линии, начатой еще в Монтре и направленной на ликвидацию демилитаризованных зон. Английская позиция в этих вопросах всегда диктовалась прежде всего военными соображениями и подвергалась корректировке в зависимости от состояния англо-турецких отношений⁷³. Развитие англо-турецких отношений в 1937—1938 гг. привело к превращению Турции в основную опору Англии на Балканах и в проводника такой внешнеполитической линии в этом районе, которая бы отвечала ее интересам. Ликвидация демилитаризованных зон во Фракии была *единственным конкретным* результатом Салоникского соглашения, и этот результат был основной целью английских усилий. Остальные его последствия играли для нее второстепенную роль. Ликвидация демилитаризованных зон вдоль границ с Болгарией была желанным результатом также и для Турции и Греции. Совпадение английских интересов с турецкими и греческими и их взаимодействие в этом вопросе лежало в основе покровительства со стороны Англии турецко-греческой группе в рамках Балканской Антанты.

Два других положения Салоникского соглашения касались всех балканских государств. Первое из них — признание за Болгарией равноправия в области вооружений — не представляло для этих государств серьезной уступки. Болгария все равно

⁷² АА (Вопн), Pol. Abt. IV, Po 4 Balkan, Bd. 2, Pol. IV 5364. Циркуляр германского МИД от 15 августа 1938 г. «О Салоникском соглашении 31 июля 1938 г.».

⁷³ Живкова Л. Англо-турецките отношения. 1933—1939. София, 1971, с. 44—46.

«тайно» проводила перевооружение армии, к тому же все участницы прекрасно понимали, что ее возможности весьма ограничены: в стране не имелось почти никакой военной промышленности, экономический потенциал ее оставался слабым, финансовые возможности чрезвычайно скромны, а людские ресурсы были более чем вдвое меньшими в сравнении с каждым из соседних государств. Сказанное выше относилось также и к перспективам ремилитаризации болгарских границ с Турцией и Грецией. Поэтому судьба дальнейших болгарских вооружений зависела в большой мере от получения специальных кредитов из-за рубежа. Получение же их было сопряжено со значительными трудностями политического и экономического характера.

Наконец, последнее положение — обязательство о ненападении, сформулированное в духе пакта Бриана — Келлога, приветствовалось всеми странами Балканской Антанты. Особенно выгодным для себя расценили его Румыния и Греция. Они восприняли это обязательство как согласие Болгарии на долгий срок отложить свои требования. Однако поскольку Болгария находилась в числе стран, подписавших в свое время пакт Бриана — Келлога⁷⁴, она не рассматривала данное обязательство как что-то принципиально новое с ее стороны и постаралась довести свое толкование этого пункта соглашения до других договаривающихся сторон. 16 августа болгарский МИД разослал своим представительствам следующую директиву: «Сообщается для сведения и руководства, что в Салоникском соглашении Болгария не взяла на себя никаких новых обязательств о ненападении, а только подтвердила те заключенные, в которых она является договаривающейся стороной. Из этого соглашения не следует, что Болгария входит в Балканский пакт, по отношению к которому позиция нашей страны остается неизменной. За пределами опубликованного текста Салоникского соглашения не существует ничего секретного»⁷⁵. Помимо пакта Бриана — Келлога, такими уже заключенными договорами являлись договоры Болгарии с Турцией и Югославией.

Что же побудило болгарское правительство пойти на заключение Салоникского соглашения? Рассмотрение этого вопроса не только под углом зрения внешнеполитического положения Болгарии, но и с учетом ее внутреннего положения показывает, что для такого шага у него были достаточно веские основания. Соглашение явилось серьезным фактором во внутривнутриполитической борьбе в стране. Оно было использовано правительством

⁷⁴ Григоров Б. Борбата на БКП против външната политика на Ляпчевото правителство (1926—1931 гг.).—Известия на Института по история на БКП, 1972, т. 27, с. 104.

⁷⁵ ЦДИА, ф. 176, оп. 7, а. е. 877, л. 6. Политический директор МИД Алтынов — всем болгарским миссиям 16 августа 1938 г.—«Директива № 6».

для укрепления своих позиций, послужило как бы конкретным ответом на упреки оппозиции в пассивности на дипломатической арене. Само правительство воспринимало соглашение (и использовало эту трактовку в пропаганде) как начало ревизии Нейского договора, как признание за Болгарией справедливости ее требований относительно необходимости пересмотра некоторых положений этого договора, как доказательство, что вслед за отменой военных ограничений последуют и территориальные изменения, достигнутые мирным путем.

В число расчетов, связанных с Салоникским соглашением, входило также желание улучшить международное положение Болгарии. Помимо стремления покончить с внешнеполитической изоляцией страны и пробить новые бреши в кольце окружавших ее государств, существовали соображения, связанные с усилиями поддерживать известное равновесие в отношениях с двумя группировками на международной арене — странами «оси» и западными державами. Заключение соглашения было несомненным реверансом болгарского правительства в сторону Англии. С ним связывалась надежда на получение поддержки с ее стороны при пересмотре территориальных положений Нейского договора, и английская дипломатия возбуждала в болгарских правящих кругах такие иллюзии.

Наконец, большое значение имели возможности, которые открывало Салоникское соглашение для перевооружения болгарской армии. Отныне перевооружение могло проводиться открыто, без опасений вызвать осложнение отношений с соседними государствами или даже санкции с их стороны. Соглашение создавало необходимые условия для введения всеобщей воинской повинности, и с 1 сентября начала работу специальная комиссия по подготовке соответствующих мероприятий и рекомендаций⁷⁶. Облегчался также провоз закупленного за рубежом оружия, что раньше было сопряжено с трудностями, вызываемыми необходимостью соблюдения секретности.

В прямой связи с подписанием Салоникского соглашения находилось получение Болгарией 8 августа займа от Франции в размере 375 млн. франков (примерно 25 млн. марок) для закупок на французском рынке железнодорожного оборудования и оружия⁷⁷ и согласие Форин оффиса разместить болгарские заказы на военные самолеты в Англии⁷⁸.

⁷⁶ ДА ДСИП, ЛП, 1938, пов. бр. 946, 1—4. Месечни извештај МИП-а за август 1938 г. (Бугарска).

⁷⁷ Survey of International Affairs, 1938, v. III. London 1953, p. 417; ДА ДСИП, ЛП, 1938, пов. бр. 950, 1—3. МИД (Белград) — миссии в Лондон об условиях французского займа Болгарии и английских предложениях кредитов; см. также: ADAP. Serie D, Bd. V. Dok. N 250, S. 278—279.

⁷⁸ *Рябоконе С. И.* Салоникское соглашение..., с. 44.

Эти предложения западных держав, явно нацеленные на усиление их влияния в Болгарии, вызвали противодействие германской дипломатии. Последовал нажим на Болгарию. Объяснения болгарского посланника в Берлине о случайности совпадения во времени предоставления французского кредита с подписанием Салоникского соглашения отметались как неубедительные⁷⁹. Германия временно приостановила прием болгарских сельскохозяйственных продуктов, которые портились в железнодорожных вагонах⁸⁰. Этими и другими мерами ей удалось фактически сорвать реализацию предоставленного Болгарии французского кредита, а английские самолеты так и не появились на вооружении болгарской армии.

Одним из ближайших следствий Салоникского соглашения явилось усиление пропаганды за ревизию Нейского договора, оживление деятельности правых организаций вроде Всеболгарского союза «Отец Паисий». Внимание болгарской общественности все больше переключалось с внутренних проблем на внешнеполитические вопросы⁸¹. В военных кругах Болгарии, как обратила внимание германская дипломатия, Салоникское соглашение было принято весьма сдержанно. Здесь полагали, что ликвидация военных ограничений была куплена Болгарией слишком дорого. Хотя подобная критика является, естественно, односторонне военной, отмечал германский посланник, она ведется весьма энергично и направлена прямо против премьер-министра Кьосеиванова⁸².

Большинство буржуазных оппозиционных партий, не выступая против положений Салоникского соглашения, постарались отмежеваться от правительственной пропаганды, славившей его как огромный дипломатический успех. Оппозиция критиковала методы «тайной дипломатии» правительства, отстранившего Народное собрание (имелся в виду его роспуск летом 1938 г., за несколько дней до заключения соглашения) от решения вопросов внешней политики страны⁸³. Вместе с тем и из рядов буржуазной оппозиции начали раздаваться голоса, критиковавшие соглашение и политику правительства с националистических позиций. Дальше других зашла в этом направлении демократическая партия. Ее лидер Н. Мушанов расценил Салоникское сог-

⁷⁹ ADAP, Serie D, Bd. V, Dok. N 217, S. 249—250. Запись беседы Клоднуса с болгарским посланником Драгановым 10 августа 1938 г.; Dok. N 222, S. 253. Запись беседы Вайцекера с Драгановым 31 августа 1938 г.

⁸⁰ Rendel G. The Sword and the Olive, p. 143.

⁸¹ ДА ДСИП, ЛП, 1938, пов. бр. 946, л—14. Месечни извештај МИП-а за август 1938 г. (Бугарска).

⁸² AA (Bonn), Pol. Abt. IV, Po 4 Balkan, Bd. 2, Pol IV 5514. Рюмелин (София) — в Берлин 17 августа 1938 г.

⁸³ Георгиев В. Буржуазните и дребнобуржуазните партии в България. 1934—1939. София, 1971, с. 434.

лашение как дипломатическое и военное поражение, как «политическое и национальное отречение» и возлагал ответственность за этот очередной, по его мнению, неудачный шаг болгарской дипломатии лично на царя Бориса⁸⁴.

Позиция БКП, последовательно отстаивавшей идею общевосточного сотрудничества, определялась разделявшимися также компартиями других восточных стран взглядами, что такое сотрудничество при известных условиях может быть достигнуто на базе Восточного пакта. В последнем же были заложены две противоположные возможности развития. С одной стороны, он мог под руководством миролюбивых прогрессивных сил превратиться в инструмент коллективной безопасности на Балканах и в составную часть системы безопасности в Европе. С другой стороны, поскольку в правящих кругах входивших в него стран преобладали реакционные силы и антисоветские взгляды, это создавало условия для его превращения в орудие международной реакции и антисоветской политики. Отстаивая первую тенденцию, борясь за нее, БКП выступала за вхождение Болгарии в Восточную Антанту, но не в ее нынешнем виде, а после ее реорганизации, в рамках которой Болгария заняла бы место равноправного члена, а не увековечивала бы своим вхождением несправедливости Нейского договора⁸⁵.

В напряженных условиях международного положения летом 1938 г., когда исход «чехословацкого кризиса» еще не был предрешен, БКП, расценивая Салоникское соглашение с точки зрения его возможного воздействия на положение в Болгарии, видела в нем попытку правящих кругов расколоть оппозиционные антифашистские силы, которые она стремилась сплотить в Народный фронт. БКП видела в нем попытку посеять иллюзии относительно проведения Болгарией «независимой» внешней политики⁸⁶. Эти факторы и определили позицию БКП по отношению к Салоникскому соглашению. Последующие события показали, что это соглашение не способствовало достижению общевосточного единства, к которому стремились болгарские коммунисты.

Заключение Салоникского соглашения вызвало известное перемещение направления болгарских территориальных требований. Так, если до его заключения претензии к Греции и Румынии рассматривались как стоящие на одной плоскости, то с лета 1938 г. стало преобладать внимание к проблеме Южной Доб-

⁸⁴ Там же, с. 433.

⁸⁵ Арсов П. Борбата на БКП за общевосточно сътрудничество, против въвличането на Балканите във втората световна война. 1934—1940.— Годишник на катедрите по марксизъм-ленинизъм при висшите учебни заведения, 1962, година втора, кн. 3, с. 145—146.

⁸⁶ Там же.

руджи, а вопрос о выходе к Эгейскому морю отошел на второй план. Такая переориентация, сопровождавшаяся оживлением культурных и экономических связей с Грецией, слишком отвечала интересам Англии, чтобы не заподозрить в этом ее участия. Об этом же свидетельствует и внезапное усиление внимания Форин оффиса к деятельности македонских организаций. В этой связи вряд ли явилось случайностью разрешение турецких властей во второй половине августа 1938 г. выехать из Турции И. Михайлову, где он жил под надзором полиции с конца 1934 г.⁸⁷ Его отъезд произвел среди правящих кругов Югославии впечатление разорвавшейся бомбы⁸⁸. Было серьезно обеспокоено и болгарское правительство, ожидавшее осенью 1938 г. визита в Софию М. Стоядиновича и связывавшее с его визитом надежды на дальнейшее болгаро-югославское сближение. Помимо высылки И. Михайлова набрасывали тень на болгаро-югославские отношения появившиеся в Софии толки, подхваченные затем английской печатью, о необходимости уступки Югославией в пользу Болгарии пограничных районов около Драгомана и Кюстендила. Встревоженная слухами югославская миссия постаралась выяснить их источник и к немалому для себя удивлению осенью 1938 г. обнаружила, что все нити ведут к английскому военному атташе в Болгарии и Турции подполковнику Россу⁸⁹.

Приведенные выше факты показывали наличие определенной тенденции у английской дипломатии «подмочить» отношения Болгарии с Югославией, ослабить их связи, вызвать подозрения среди югославских правящих кругов относительно действительных болгарских намерений. Такая линия была нацелена на лишение Болгарии югославской поддержки. Нацеливание болгарских притязаний в сторону Румынии и Югославии вело бы к консолидации этих двух стран, которые уже были связаны между собой общей задачей сдерживания хорстиских реваншистских планов, направленных против Словакии. Теперь же была сделана попытка как бы переложить на них также и задачу сдерживания Болгарии. Целью такой тактики мог быть только замысел сделать Болгарию более уступчивой в отношении Турции и Греции, что было конкретным проявлением стрем-

⁸⁷ И. Михайлов—лидер террористической организации ВМРО, бежал из Болгарии, где находился в тюремном заключении, в Турцию осенью 1934 г., один из организаторов покушения на югославского короля Александра и французского министра иностранных дел Л. Барту (см.: Волков В. К. Операция «Гевтонский меч», М., 1966).

⁸⁸ Подробное об этом см. в гл. III настоящей книги.

⁸⁹ ДА ДСИП, ЛП, 1938, пов. бр. 1049, 1—III. Стоядинович — миссии в Лондон 2 ноября 1938 г.; там же, пов. бр. 1216, 1—II. МИД (Белград) — миссии в Лондон 17 ноября 1938 г. о сообщениях из Софии.

ления английской дипломатии к усилению турецко-греческой группы в рамках Балканской Антанты за счет Румынии и Югославии.

В Салоникском соглашении отразились, как в капле воды, не только вся сложность политических отношений на Балканах, но и политика империалистических держав, которые своими интригами усиливали взаимное недоверие и отравляли обстановку в этом районе.

3. Внешняя политика Болгарии накануне и в период мюнхенского сговора

Стремясь извлечь из Салоникского соглашения внутривнутриполитические и внешнеполитические выгоды, болгарское правительство в конце августа организовало несколько выступлений своих членов (например, выступление министра Николаева в Варне 29 августа перед 50 тыс. крестьян на слете сельских хозяев) и самого премьера Кьосеиванова с похвальными словами в собственный адрес. Лейтмотивом речей Кьосеиванова было подчеркивание, что никогда еще за весь период после первой мировой войны международный престиж Болгарии не стоял на такой высоте, как теперь⁹⁰. Однако реальных сдвигов в отношениях с соседними государствами не наблюдалось. Попытки румынской дипломатии достичь ограниченной договоренности с Болгарией, пойдя на мелкие уступки в улучшении положения болгарских меньшинств в Румынии (Южная Добруджа), не встретили отклика в Софии⁹¹. Болгарская дипломатия выжидала более благоприятной обстановки для кардинального решения проблем, видя его в территориальных изменениях, а не в мелких уступках по второстепенным вопросам.

Обострение международной обстановки вызывало у болгарского правительства желание занять по возможности более осторожную позицию нейтралитета и лавирования между блоками. Об этом свидетельствуют, в частности, записи бесед Кьосеиванова с чехословацким посланником П. Максой. В середине сентября он говорил П. Максе, что он не думает, что Германия хочет войны, к которой она недостаточно подготовлена и в которой против нее выступила бы чрезвычайно мощная коалиция. Германия, полагал он, будет усиливать нажим и нагнетать международную напряженность с чисто «вымогательскими целями для того, чтобы получить колонии как отступную цену за

⁹⁰ ДА ДСИП, ЛП, 1938, пов. бр. 946, 1—14. Месечни извештај МИП-а за август 1938 г. (Бугарска).

⁹¹ AMZV, Vyslanectví v Sofii, č. j. 632/dův., г. 1938, z. b. č. 43/1. Макса (София) — в Прагу 13 сентября 1938 г. о беседе с румынским посланником Аурелиану.

Чехословакию». Кьосеиванов не исключал возможности, что в конце концов будет принят предложенный в одной из статей А. Идена проект урегулирования вопроса национальных меньшинств в Европе на международной конференции, в рамках существующих держав. Не в интересах западных держав, говорил он, дать Германии и Гитлеру повод к успеху, что произошло бы, если бы они уступили ему в чехословацких делах⁹². В последующие дни он очень определенно говорил всем посланникам в Софии, что в случае европейской войны Болгария будет всеми силами стараться сохранить простой нейтралитет⁹³.

Аналогичными были и сообщения германской миссии в Софии. У Рюмелина также сложилось впечатление, что в случае возникновения мировой войны Болгария не примет в ней участия, тем более, добавлял он, в войне против Германии. С другой стороны, подчеркивал он вновь, повторяя не раз уже делавшиеся им предупреждения, болгарская политика будет избегать любого действия, которое могло бы противопоставить ее Великобритании. Болгарский премьер, отмечал Рюмелин, все еще высоко оценивает британскую мировую державу, которая, опираясь на американскую поддержку, сыграет, по его мнению, решающую роль в любой будущей войне. Царь Борис разделяет такую оценку и откровенно говорил об этом Рюмелину. По убеждению Бориса, в случае ослабления англо-германских противоречий Германия сможет решить мирным путем и в свою пользу любую интересующую ее проблему. И в этом пункте суждения монарха полностью разделялись его премьером, который еще до того высказывал Рюмелину предположение, что чехословацкий кризис, если он будет назреть и дальше, может получить такое же разрешение, какое нашел ранее «австрийский вопрос»⁹⁴.

Состояние болгарского общественного мнения также оказывало влияние на позицию болгарского правительства. Под влиянием мировых событий в стране бурно росли антифашистские настроения и чувства солидарности с Чехословакией. 21 сентября Союз славянской молодежи и студенческий болгаро-чехословацкий комитет устроили вечер памяти Масарика, используя этот повод для выражения симпатий чехословацкому народу. В Болгарском комитете Союза славянских женщин обсуждалась идея создания комитета содействия чехословацким детям: в случае возникновения военных действий предполагалось устроить в Болгарии детей из семей, которые пострадали бы от

⁹² AMZV, Vyslancetvii v Sofii, P. Z., č. j. 645/dův., r. 1938, z. b. č. 45/1. Макса (София) — в Прагу 19 сентября 1938 г.

⁹³ Там же, č. j. 666/dův., r. 1938, z. b. č. 46/1. Макса — в Прагу 30 сентября 1938 г.

⁹⁴ ADAP, Serie D, Bd. II, Dok. N 360, S. 454—455. Рюмелин (София) — в Берлине 15 августа 1938 г.

войны. В чехословацкое посольство приходили ежедневно многочисленные письма с выражением симпатий Чехословакии как от отдельных лиц, так и от организаций, в них осуждалась позиция Англии, а также Польши, говорилось о симпатиях к России. Многие лица посетили посольство, например В. Димов от имени БЗНС и Мацанкиев от левых земледельцев⁹⁵. В числе посетителей было несколько десятков человек, заявивших о своем желании вступить добровольцами в чехословацкую армию, хотя по болгарским законам служба в иностранной армии наказывалась лишением гражданских прав, а для военных — отдачей под военный трибунал⁹⁶. Симпатии к Чехословакии были и среди православного духовенства. В момент наивысшего обострения «чехословацкого кризиса» софийский митрополит Стефан отслужил даже богослужение за Чехословакию и говорил в проповеди о ее тяжелой судьбе и глубоких симпатиях к ней болгарского народа. Позднее Стефан жаловался П. Максе, что власти упрекали его за это как за нарушение нейтральной позиции Болгарии⁹⁷.

Ревизионистские и националистические организации также активизировали свою деятельность в стране. Отражавшие их взгляды печатные органы (газеты «Зора», «Слово», «Утро», «Дневник»), финансировавшиеся гитлеровцами, писали о победе на международной арене идеи ревизии мирных договоров, отмечая, что основная заслуга в этом принадлежит Германии⁹⁸. Большую активность проявляли фашистские организации, устраивавшие шумные националистические демонстрации. По поводу одной из них югославский посланник Юришич имел 24 сентября беседу с Кьосевановым, обратив его внимание на то, что, если подобные действия не прекратятся, он официально заявит протест. Чехословацкому посланнику Юришич сказал даже, что продолжение таких демонстраций может поставить под вопрос предстоящий визит Стоядиновича в Софию⁹⁹. Значительно

⁹⁵ AMZV, Vyslanectví v Sofii, P. Z., č. j. 666/dův., г. 1938, z. b. č. 46/1. Макса (София) — в Прагу 30 сентября 1938 г.

⁹⁶ Там же.

⁹⁷ Там же, č. j. 689/dův., г. 1938, z. b. č. 48/1. Макса (София) — в Прагу 11 октября 1938 г.

⁹⁸ Там же, č. j. 666/dův., г. 1938, z. b. č. 46/1. Макса (София) — в Прагу 30 сентября 1938 г. По свидетельству К. Тодорова, одного из лидеров БЗНС, с этой целью был создан особый фонд, в который все германские фирмы, торговавшие с Болгарией, вносили 10% своих доходов в болгарской валюте. Основная часть денег тратилась на разведку, но и на пропаганду выделялись значительные средства. Общее руководство германской пропагандой на Балканах осуществлял некий Фрич, бывший министр образования в Баварии, работавший тогда в министерстве Геббельса (*Todorov K. Balkan Firebrand. Chicago — New York, 1943, p. 276*).

⁹⁹ AMZV, Vyslanectví v Sofii, P. Z., č. j. 666/dův., г. 1938, z. b. č. 46/1. Макса (София) — в Прагу 30 сентября 1938 г.

оживились также и действия македонских организаций, которые искали поддержку за рубежом¹⁰⁰.

В конце августа в большое турне по Европе отправился царь Борис. Его поездка, обставленная внешне как частное путешествие любознательного монарха, стала крупным актом болгарской дипломатии, связывавшей с ней большие надежды. В течение сентября, во время наибольшего обострения отношений в связи с «чехословацким кризисом», Борис посетил Рим, Лондон, Париж, Берлин, Цюрих и Белград, ведя переговоры с государственными деятелями соответствующих стран. Особенный интерес представляют его встречи и беседы с Чемберленом и Гитлером. Пользуясь своими связями в политических верхах европейских стран, необыкновенно широкими для главы маленького государства, он охотно играл посредническую роль между ними. Видимо, не случайно Муссолини выбрал именно его для передачи специального послания Галифаксу, в котором выражал пожелания дальнейшего улучшения отношений с Англией и поднимал конкретные вопросы, касавшиеся Ближнего Востока, Африки и Испании. Обсуждение этих вопросов царем с А. Кадоганом 7 сентября и некоторые замечания последнего, высказанные в адрес Муссолини и явно ему предназначенные, показывали, что английские правящие круги серьезно относились к посредническим функциям Бориса¹⁰¹.

Идея использовать Бориса как неофициального посредника между правящими кругами Англии и Германии для подготовки сделки двух стран зародилась, по-видимому, в Форин оффисе, а некоторые исследователи¹⁰² считают ее автором Дж. Ренделя, находившегося тогда вместе с царем в Англии и всюду сопровождавшего его там¹⁰³. Прямого документа о встрече царя Бориса с Чемберленом в распоряжении исследователей нет, и главным источником по этому вопросу остаются пока мемуары Ренделя, в которых отсутствуют многие детали и подробности, не названа даже точная дата встречи. Их беседа состоялась перед самым отъездом Бориса из Англии во Францию (он прибыл в Париж 15 сентября) и, следовательно, непосредственно перед поездкой Чемберлена к Гитлеру в Берхтесгаден, куда тот прибыл также 15 сентября. Встреча состоялась в резиденции английского премьера на Даунинг-стрит, 10, и была, по свидетельству Ренделя, «окружена атмосферой таинственности». Последнее будет понятно только с учетом готовившейся встречи Чемберле-

¹⁰⁰ ДА ДСИП, ЛП, 1938, пов. бр. 958, 1—3. Юришич (София) — в Белград 8 сентября 1938 г.

¹⁰¹ DBFP, Third Series, v. III, doc. N 326, Annex II, p. 318—319. Отрывок записи беседы А. Кадогана с царем Борисом 7 сентября 1938 г.

¹⁰² Вознесенский В. Д. Царь Борис, Гитлер и легионеры, с. 89.

¹⁰³ Rendel G. The Sword and the Olive, p. 146.

на с Гитлером. О самой беседе Рендель сообщает лишь, что она «прошла хорошо» и что впоследствии Борис в высшей степени одобрительно отзывался об оказанном ему приеме. Сам Рендель, по его словам, в последующих разговорах с царем постарался усилить то, что сказал ему Чемберлен, а царь был преисполнен решимости «помочь предотвратить войну», для чего и отправился с «обещанным визитом в Германию»¹⁰⁴.

О пребывании царя в Германии и исполнении им возложенной на него посреднической миссии имеется обширный документ — подробная запись рассказа Бориса, сделанная Ренделем во время их беседы 6 октября, т. е. неделю спустя после мюнхенского соглашения и менее двух недель после имевших место встреч в Берлине. Анализ содержащихся в нем взглядов Бориса и его аргументация в беседах с фашистскими главарями раскрывают многие стороны не только его позиции, но и той оценки стратегической обстановки и соотношения сил в мире, которой руководствовалась Болгария во внешней политике в то время.

Первая встреча в Германии состоялась у Бориса с Герингом 22 сентября¹⁰⁵. Царь застал фашистского бонзу в воинственном расположении духа, уверенного в том, что военное столкновение с Чехословакией удастся локализовать. Именно против этого убеждения был направлен весь пыл Бориса. Это значило бы, доказывал он, подыгрывать Бенешу, и в случае конфликта Англия была бы втянута в него. Если же Англия вступит в войну, она будет вести ее до конца и получит поддержку со стороны своих доминионов, а последующее вступление в войну США будет только вопросом времени. Для Германии идти на конфликт было бы крайним безрассудством, ибо это восстановило бы против нее весь мир с теми же катастрофическими последствиями, какие имели место в 1918 г.¹⁰⁶

Те же мысли развивал Борис и в беседе с Гитлером 25 сентября, который был «неожиданно настроен слушать». Как «ста-

¹⁰⁴ Там же, с. 156.

¹⁰⁵ По поводу даты этой встречи английский документ не отличается точностью и относит ее к 20 или 21 сентября. Известно, однако, что Борис прибыл в Берлин через Швейцарию 22 сентября и оттуда отправился на встречу с Герингом в Восточную Пруссию. Следовательно, его беседа с Герингом могла состояться не раньше вечера 22 сентября и была продолжена на следующее утро. Затем Борис вернулся в Берлин, где 25 сентября был принят Гитлером, только что вернувшимся из Бад-Годесберга после встречи с Чемберленом, а затем Риббентропом. В тот же день, 25 сентября, царь Борис выехал из Германии (AMZV, Vyslanectví v Sofii, P. Z., č. j. 716/dův., г. 1938, z. b. č. не указано. Макса (София) — в Прагу 15 октября 1938 г. Квартальный отчет о положении в Болгарии с 1 июля по 30 сентября 1938 г.).

¹⁰⁶ DBEP, Third Series, v. III, doc. N 173, p. 142—143. Рендель (София) — в Лондон 8 октября 1938 г. о беседе с Борисом 6 октября.

рый друг Германии, который служил вместе с германскими солдатами в Великой войне», он заклинал Гитлера не повторять старых ошибок. Кайзер объединил весь мир против Германии, и нынешняя политика Берлина приведет к тем же результатам. «Я не Бетман-Гольвег», — с возмущением ответил Гитлер. Но царь упорно настаивал на своем, убеждая его, что позиция Англии продиктована не ее слабостью, а лишь «пониманием катастрофы», которую принесла бы война «мировой цивилизации». Ссылаясь на свой только что состоявшийся визит в Англию, Борис заверял его в правильности своих впечатлений. Англия, высказывая он свое убеждение, «никогда еще не была бита в большой войне и, безусловно, не будет разбита, если вступит в войну сейчас». Следует также, подчеркивал он, считаться с Россией. Будет прискорбной ошибкой думать, как это делает фюрер, что ее можно сбросить со счетов. Россия, заявил Борис, «может быть загадкой, но она никогда не может быть нулем». Ее ресурсы могут оказаться в конце концов сокрушительными. При этих словах, рассказывал Борис, Гитлеру, казалось, стало не по себе. В целом же, заключал Борис, Гитлер хотя и не отверг прямо его советы, ибо чувствовал, что они даны со всей искренностью, но показал ему, что они противоречат его взглядам¹⁰⁷.

Повторил Борис свои аргументы и Риббентропу, с которым встретился вечером 25 сентября. Но тот отвечал, что, если Англия вмешается в войну, Германия легко разобьет все державы, которые выступают против нее. Предположение, что США тоже вступят в войну, Риббентроп расценил как смехотворное: японская угроза эффективно удержит их от этого шага. Но Борис не согласился с ним: Япония увязла в Китае, как в свое время Наполеон в России, и не сможет держать США «в состоянии шаха». Риббентроп произвел на него впечатление человека, недоступного аргументам¹⁰⁸.

Судя по содержанию бесед царя Бориса с нацистскими главарями, цель его миссии состояла в усилиях удержать их от крайних шагов, которых опасались в Лондоне. Выбор же его для выполнения этого поручения объяснялся, видимо, не только его отлаженными контактами в Берлине, но и его личной позицией и взглядами на желательное развитие событий в Европе в направлении соглашения между основными империалистическими державами, в первую очередь между Англией и Германией, что полностью соответствовало намерениям английских правящих кругов. Для достижения этой цели своей миссии Борис не постеснялся пустить в ход даже «русский козырь», прозрачно намекая на возможность создания антифашистской коалиции с участием СССР в случае вооруженного конфликта в Европе. Решитель-

¹⁰⁷ DBFP, Third Series. v. III, doc. N 173, p. 143.

¹⁰⁸ Там же, с. 143—144.

ная позиция Советского Союза, выступавшего в поддержку Чехословакии, была слишком хорошо известна, чтобы нацисты пропустили такой аргумент мимо ушей. Борис совершил визит в Германию непосредственно после встречи Чемберлена с Гитлером в Бад-Годесберге 22—23 сентября, и то, что нацистские лидеры нашли время для бесед с ним в те критические дни, свидетельствует о том, что они не рассматривали эти встречи как нечто второстепенное, мало затрагивавшее их, и серьезно отнеслись к его посредничеству.

Свое впечатление от бесед с фашистскими лидерами Борис немедленно сообщил в Лондон, сразу же направив Чемберлену со своим секретарем Ханджиевым личное письмо, которое содержало заключение: «Следует пожертвовать Судетской областью, чтобы спасти чехословацкое государство и мир в Европе»¹⁰⁹. Собственно, Чемберлен уже давно сам пришел к такому заключению. Письмо Бориса могло служить ему только дополнительным аргументом в пользу проводившегося им «плана Зет» — замысла, направленного на сговор с гитлеровской Германией. Тем не менее он направил царю благодарственное письмо и поручил английскому посланнику сказать Борису, что он действовал как «великий европеец»¹¹⁰. Сам Борис весьма гордился своей ролью, был склонен рассматривать ее через увеличительное стекло и в кругу близких ему людей позднее хвастался даже, что именно его миссия привела «к встрече в Мюнхене»¹¹¹. Он полагал, что ему удалось убедить Геринга и отчасти Гитлера в справедливости своих аргументов¹¹². Английские документы оценивают результаты его миссии хоть и гораздо скромнее, но тем не менее достаточно высоко. По мнению Ренделя, царь не преувеличивал степени воздействия его аргументов на Гитлера и Геринга. Поэтому его роль в подготовке мюнхенского соглашения, считал Рендель, была «хотя и не бросающейся в глаза, но ни в коем случае не незначительной», а потому Англия обязана ему большой благодарностью¹¹³.

«Мюнхенский эпизод» болгарской дипломатии и деятельности царя Бориса показывает расчеты и ставку болгарских монархофашистских кругов на сговор империалистических держав на антисоветской основе, на их желание избежать столкновения в империалистическом лагере. Такое столкновение, как подсказывал им классовый инстинкт, может только нанести ущерб их

¹⁰⁹ Генчев Н. Външнополитическата ориентация..., с. 144.

¹¹⁰ Там же; Rendel G. The Sword and the Olive, p. 157.

¹¹¹ Петров С. БКП в борьбе против монархо-фашизма (1941—1944). М., 1978, с. 22.

¹¹² Rendel G. The Sword and the Olive, p. 157.

¹¹³ DBFP, Third Series, v. III, doc. N 173, p. 145. Рендель (София) — в Лондон 8 октября 1938 г.

интересам. Наоборот, сговор империалистических держав укрепил бы их внутреннее положение, а во внешнеполитическом плане они надеялись при таких обстоятельствах поставить Болгарию в положение «ласкового тельца», сосущего одновременно двух маток — и фашистские страны «оси», и западные державы, — и добиться с их помощью удовлетворения своих территориальных требований.

Мюнхенский сговор оказал чрезвычайно сильное воздействие на внутрисполитическую жизнь Болгарии. Сделка империалистических держав и отрыв от Чехословакии Судетской области была в еще большей степени, чем Салоницкое соглашение, воспринята националистическими и монархо-фашистскими кругами как начало широкой ревизии мирных договоров в Европе. Настроения этих кругов нашли отражение в приветственной телеграмме, отправленной на второй день после заключения мюнхенского соглашения главам четырех подписавших его государств группой политических деятелей, в которой объединились как откровенные реакционеры (лидер фашистской группы А. Цанков, председатель св. синода Неофит, председатель Пенклуба проф. Б. Филов), так и представители буржуазной оппозиции (лидер демократической партии Н. Мушанов, лидер бывшей «народной» партии А. Буров). В телеграмме восхвалялись «сверхчеловеческие усилия, приложенные ими для спасения мира от новой катастрофы», и выражалась надежда, что их «благородные усилия по сохранению мира» будут продолжены и по отношению к балканским народам¹¹⁴. Намек на ревизию Нейского договора был слишком прозрачен.

В правящих кругах Болгарии мюнхенское соглашение вызвало сложную гамму чувств. С одной стороны, давая оценку этому соглашению в беседе с английским посланником Ренделем 5 октября Кьосеиванов подчеркивал, что симпатии Болгарии всегда были на стороне национальных меньшинств, желающих воссоединиться со своим отечеством. С этой точки зрения он расценивал отделение судетских земель от Чехословакии¹¹⁵.

С другой стороны, во время продолжительной беседы Кьосеиванова с чехословацким посланником П. Максой 7 октября болгарский премьер, как свидетельствовал Макса, был очень взволнован результатом мюнхенского совещания четырех держав и выражал серьезные опасения относительно будущей судьбы малых и особенно славянских народов. Как бы ни развивались дальше события, говорил Кьосеиванов, он убежден, что

¹¹⁴ *Генчев Н. Външнополитическата ориентация...*, с. 145; Стенографски дневници на XXIV ОНС, 1 ред. сесия, кн. II. София, 1940, с. 127 (запись заседания 27.1.1939 г.).

¹¹⁵ DBFP, Third Series, v. III, doc. N 173, p. 145—146. Рендель (София) — в Лондон 8 октября 1938 г.

мюнхенское соглашение будет иметь для Европы крайне неблагоприятные последствия. И хотя многие болгары могли бы видеть в нем начало ревизии мирных договоров, которые причинили им несправедливость, все же сильнее, чем это чувство, является сознание, что «вновь был изнасилован славянский народ и что мощь и сила одержала победу над справедливостью», закончил Кьосеиванов¹¹⁶.

Такие слова не были, конечно, случайной обмолвкой (даже с поправкой на дипломатический этикет по отношению к лицу, с которым шла беседа), как не были они и его личным мнением. Вопрос о судьбе малых стран, о их роли в новых послевоенных условиях, их положении в обстановке существования «директории» четырех империалистических держав, присвоивших себе в Мюнхене право решать чужие судьбы, волновал многих. Такие раздумья были широко распространены во всех малых европейских странах, и в первую очередь в балканских.

Опасение за собственную судьбу заставляло болгарские правящие круги особенно внимательно всматриваться в позицию единственной великой европейской державы, не принявшей участия в мюнхенском сговоре. Что предпримет Советский Союз? Этот вопрос волновал Кьосеиванова, и он обсуждал его с П. Максой, но кроме общих соображений, что СССР собирает свои силы и готовится к какому-то решительному действию, высказывал лишь банальные домыслы¹¹⁷. Не шли далее и мысли царя Бориса, говорившего Ренделю 6 октября о своих страхах по поводу «реакции Москвы» на мюнхенскую сделку. «Советскому правительству, — полагал он, — нелегко забыть или простить его исключение из мюнхенской конференции»¹¹⁸. И хотя логические рассуждения должны были подсказать им, что Советский Союз мог бы оказать поддержку малым странам перед лицом германской угрозы, отношение болгарских правящих кругов к СССР определялось их классовыми позициями. Так, говоря о взглядах царя Бориса, Рендель подчеркивал его враждебное отношение к СССР и нисколько не сомневался, что именно это чувство «оказывало в конечном счете решающее влияние на его политику»¹¹⁹. Но это была не только ненависть по отношению к первому в мире социалистическому государству, но и страх, испытываемый болгарскими монархо-фашистами перед революционным движением самих болгарских трудящихся, перед влия-

¹¹⁶ MZV, Vyslanectví v Sofii, P. Z., č. j. 689/dův., г. 1938, z. b. č. 48/1. Макса (София) — в Прагу 11 октября 1938 г. о беседе с Кьосеивановым 7 октября 1938 г.

¹¹⁷ Там же.

¹¹⁸ DBFP, Third Series, v. III, doc. N 173, p. 144. Рендель (София) — в Лондон 8 октября 1938 г.

¹¹⁹ *Rendel G. The Sword and the Olive*, p. 154.

нием БКП в массах, силу которого они знали лучше, чем кто бы то ни было другой.

Если в канун мюнхенскогоговора болгарское общественное мнение было угнетено широко распространенными в стране опасениями новой войны, которая могла бы втянуть в свою сферу и Болгарию, то сразу же после Мюнхена буржуазные и националистические круги охватило лихорадочное возбуждение. Эти круги не внимали многочисленным трезвым голосам, обращавшим внимание на усилившееся германское проникновение в Юго-Восточную Европу, в том числе и в Болгарию, на угрозу самостоятельности малых европейских стран. Их больше волновал вопрос, какова будет позиция Германии по отношению к болгарским территориальным претензиям.

Поветрие Мюнхена охватило и буржуазную оппозицию. Ее парламентские лидеры провели 8—9 октября несколько встреч в Софии, обсудив на них вопросы как внутренней, так и внешней политики. Лидеры буржуазных партий считали необходимым поставить в повестку дня «проблему забытых болгарских меньшинств» и связанные с этим территориальные вопросы. «Только такой политикой и взаимными уступками во имя великих общих интересов можно достичь соглашения с соседними нам народами для обеспечения нашей общей независимости и для сохранения Балкан для балканских народов», — говорилось в принятой ими резолюции¹²⁰.

Но особенно активизировались националистические и профашистские организации. В этих кругах открыто говорили о необходимости территориальных изменений на Балканах в пользу Болгарии. Выражавшая их настроения газета «Дневник» прямо писала в те дни, что после получения Германией Судетской области должен «прийти черед других обесправленных народов — Венгрии и Болгарии»¹²¹. Резко усиливавшаяся пропаганда этих кругов в пользу ревизии Нейского договора стала перерастать в целенаправленную политическую кампанию против политики правительства — как внешней, так и внутренней.

Проявлением деятельности реакционных сил стало убийство 10 октября начальника болгарского Генерального штаба генерала И. Пеева¹²². Покушение вызвало огромный резонанс в

¹²⁰ ДА ДСИП, ЛП, 1938, пов. бр. 1209, 1—14. Месечни извештај МИП-а за октомбар 1938 г. (Бугарска).

¹²¹ Генчев Н. Външнополитическата ориентация..., с. 146.

¹²² Болгарский историк Г. Попцвятков высказал мнение, что в убийстве генерала Пеева были замешаны реакционные фашистские течения во главе с генералом Луковым и лидером офицерской «Военной лиги» принцем Кириллом, действия которых замалчивались дворцом. Г. Попцвятков считает, что в его убийстве была заинтересована гитлеровская агентура в Болгарии, видевшая в нем помеху на пути усиления германского влияния в стра-

стране и драконовские меры со стороны правительства, считавшего, что за ним скрывается попытка государственного переворота. Энергично проведенное следствие не выявило прямой связи убийцы (террорист С. Киров покончил с собой) с какой-либо политической организацией¹²³. Тем не менее правительство ввело в Софии осадное положение и установило комендантский час. Аналогичные меры были предприняты и в ряде периферийных городов и районов. В стране прошли массовые облавы и обыски. Только в Софии было арестовано примерно 1500 человек. Репрессии обрушились главным образом на левые оппозиционные силы: левое крыло БЗНС-«Пладне», на земледельческих оппозиционных депутатов (были арестованы Мацанкиев, Н. Петков, Николов), редакторов оппозиционной газеты «Нова камбана», группу земледельческих деятелей, ориентировавшихся на К. Тодорова, а также приверженцев политического течения «Звено», среди которых был арестован и бывший премьер Кимон Георгиев. Ходили даже слухи о возможном введении в стране военной диктатуры. Однако через день осадное положение было отменено, а вскоре отпущено и большинство арестованных¹²⁴. Эти необычные в нормальных условиях действия отражали крайнюю нервозность в правящих кругах и в свою очередь способствовали накаливанию обстановки в стране.

Таким образом, мюнхенское соглашение сразу же отразилось на внутривнутриполитическом положении Болгарии, активизировало фашистские и националистические организации, наэлектризовало общественное мнение. По оценке болгарского историка Н. Генчева, «спокойное еще вчера болгарское общество сразу же превратилось в растревоженный улей»¹²⁵. В создавшейся обстановке наиболее благоприятные условия сложились для деятельности тех течений в фашистском лагере, которые призывали к сотрудничеству с гитлеровской Германией.

не, в частности в болгарской армии (см.: *Попцвятков Г. Убийството на генерал Пеев.*— Военно-исторически сборник, 1966, № 2, с. 66—70).

¹²³ Общественное мнение считало наиболее вероятным принадлежность убийцы к ВМРО-михайловистам. Такой же точки зрения, по сообщению югославского посланника в Турции, придерживалась и английская разведка, видевшая здесь руку Македонского комитета (ДА ДСИП, ЛП, 1938, пов. бр. 127, F-29. Аджемович (Анкара) — в Белград 7 ноября 1938 г.).

¹²⁴ Об убийстве генерала Пеева и последовавших в связи с этим событиях см.: ДА ДСИП, ЛП, 1938, пов. бр. 1209, 1—14. Месечни извештај МИП-а за октобар 1938 г. (Бугарска); AA (Bonn), Pol. Abt. IV, Po 3 Bulgarien — Jugoslawien, Bl. 168, Pol. IV 7313. Рюмелин (София) — в Берлин 13 октября 1938 г.; AMZV, Vyslanectvi v Sofii, P. Z., č. j. 696/dúv., г. 1938, z. b. č. 49/1. Макса (София) — в Прагу 14 октября 1938 г. о событиях в Софии.

¹²⁵ *Генчев Н. Външнополитическата ориентация...*, с. 146.

4. Обострение политической борьбы в Болгарии по вопросам внешнеполитической ориентации

Сразу же после мюнхенского сговора Болгария, как и другие балканские страны, превратилась в объект усиленной обработки со стороны как германской, так и английской пропаганды. Особенно активной была германская пропаганда, использовавшая самые разнообразные формы и методы. 9 октября в Софии открылась откровенно пропагандистская выставка «труд и радость», восхвалявшая достижения третьего рейха. На открытие выставки из Германии прибыл глава нацистских профсоюзов Лей, торжественно встреченный в Софии. Выставка получила широкое освещение в печати, на ее открытие приехали делегации из Греции, Румынии и Югославии. Лей был принят царем Борисом, вручившим ему орден св. Александра первой степени ¹²⁶.

12 октября проездом из Турции в Софии остановился министр экономики нацистской Германии д-р Функ. Он был принят царем Борисом, также вручившим ему орден св. Александра первой степени, имел беседы с Кюсеивановым и министрами болгарского правительства, присутствовал на устроенных в его честь приемах, на которые представители других стран не были приглашены. На встрече с журналистами Функ подчеркнул, что после мюнхенского соглашения Германия стала обладательницей той части чехословацкой промышленности, которая давала основную долю чехословацкого экспорта на Балканы. Эту долю теперь унаследует Германия, которая соответственно расширит свои связи с балканскими странами ¹²⁷. Хотя никакого соглашения или договора во время пребывания Функа в Софии не было заключено, его визит рассматривался как свидетельство усиления экономической активности Германии на болгарском рынке. Вытекавшие отсюда внешнеполитические последствия вызывали, по отзыву чехословацкого посланника П. Макссы, большую озабоченность среди болгарской общественности, что находило выражение в тайно распространявшихся листовках и открытых письмах, в доверительных беседах с политическими деятелями различных направлений, которые, однако, не видели реальной альтернативы сложившемуся положению, поскольку надежды на получение экономической помощи со стороны Англии и Франции не оправдались ¹²⁸.

¹²⁶ ДА ДСИП, ЛП, 1938, пов. бр. 1209, 1—14. Месечни извештај МИП-а за октобар 1938 г. (Бугарска).

¹²⁷ AMZV, Vyslancství v Sofii, P. Z., č. j. 703/dův., г. 1938, z. b. č. 50. Макса (София) — в Прагу 19 октября 1938 г. о визите Функа в Болгарию.

¹²⁸ Там же.

Отсутствие экономической поддержки Болгарии со стороны западных держав являлось частью политики «умиротворения» и довольно ясно прослеживалось в высказываниях английского посланника в Софии Ренделя. По его мнению, центральноевропейские страны сами были повинны в возникновении тяжелого экономического положения. Увлеченные «экономическим национализмом», они не осознали необходимости создания какой-либо экономической организации для защиты своих интересов. Что же касается помощи, говорил Рендель, то английский заем Болгарии может быть дан только на чисто коммерческой основе. Вместе с тем Рендель в своих беседах старался оправдать мюнхенский стовор обычным набором аргументов английских «умиротворителей»: хотя война, несомненно, и окончилась бы победой Англии и ее союзников, убеждал он своих слушателей, она не обязательно привела бы к крушению нацистского режима в Германии. Война длилась бы не менее трех лет и поставила бы задачу освобождения Центральной Европы от германского нажима под вопрос, ибо после военных разрушений некого и нечего было бы освобождать. Нацистский режим, полагал Рендель, рухнет сам собой¹²⁹. Подобные рассуждения могли вызвать только пессимизм даже у тех его слушателей из числа болгарских политических деятелей, которые ориентировались на западные державы.

Между тем во внутривнутриполитической жизни Болгарии продолжали происходить серьезные перемены. Менялась расстановка классовых и политических сил в стране. Национальный вопрос, вышедший на первый план, оттеснил все другие проблемы и привел к изменению конкретных политических установок различных буржуазных политических партий и групп. В таких условиях вопрос о дальнейшей внешнеполитической ориентации страны в интересах удовлетворения «национальных чаяний» приобрел доминирующую роль и превратился в объект политической борьбы. Вместе с тем он стал также и основным рычагом в борьбе за власть между конкурирующими группировками в монархофашистском лагере, ибо дальнейший внешнеполитический курс в немалой степени зависел от того, кто возьмет руководство им в свои руки.

Были сделаны попытки объединения правых сил на единой платформе. Начало им положили стремления генерала Лукова установить контакт с А. Цанковым для образования нового политического центра¹³⁰, который мог бы реально претендовать

¹²⁹ Там же, с. j. 685/dûv., г. 1938, z. b. с. 47/1. Макса (София) — в Прагу 8 октября 1938 г.

¹³⁰ *Генчев Н.* Външнополитическата ориентация..., с. 148—149.

на власть. Политическая деятельность экстремистских сил была направлена на разжигание национализма и шовинизма, сопровождалась проповедью установления гегемонии Болгарии на Балканском полуострове. Они резко выступали против правительства, обвиняя его в неспособности использовать благоприятную обстановку для реализации «национальных идеалов», требовали передачи власти в руки лиц, способных повести решительную борьбу для достижения внешнеполитических целей. Они выступали за ясную ориентацию на гитлеровскую Германию и поддерживали тесные связи с германским посольством в Софии. Характерно, что в документах последнего начинают все более явно проскальзывать оценки, навеянные этими контактами. Особенно сильно это сказалось в составленном в январе 1939 г. поверенным в делах германской миссии фон Бюловым «Политическом докладе о внутреннем и международном положении Болгарии». В нем отмечалось, что «правительство Кьосеиванова слишком дорого заплатило» за Салоникское соглашение, а его усилия укрепить болгаро-югославский пакт привели к падению престижа правительства в стране. В докладе восхвалялся «великий патриот Луков» и его желание стать «обновителем своей страны», способным в один прекрасный день вывести Болгарию «из состояния застоя в ее внутреннем и международном положении». Отсюда делался вывод, что Германия не должна быть заинтересована в судьбе «нынешнего бюрократического режима», и давалась крайне не лестная оценка Кьосеиванову. Пока он будет стоять во главе правительства, полагал немецкий дипломат, «у нас, немцев, нет причин оставлять нашу нынешнюю сдержанность относительно болгарских ревизионистских пожеланий»¹³¹. Этот редкий в дипломатической практике документ полностью отражал взгляды болгарских экстремистов. Как бы для того, чтобы снять последние сомнения в этом отношении, гитлеровский дипломат сам ссылаясь на виденное им анонимное письмо царю Борису, написанное в том же самом «патриотическом» духе¹³².

27 октября все оппозиционные депутаты Народного собрания вместе с правительственным большинством проголосовали

---

¹³¹ ADAP, Serie D, Bd. V, Dok. N 274, S. 309—310. Бюлов (София) — в Берлин 17 января 1939 г.

¹³² Германское посольство в Софии представляло собой к тому времени гнездо нацистской пропаганды в Болгарии. Посланник Рюелин, занимавший свой пост с 1923 г. и за 15 лет успевший хорошо узнать страну, не являлся членом нацистской партии и не пользовался доверием гитлеровцев. Практически все дела миссии были сосредоточены в руках атташе по делам печати Лауфера, руководителя местной национал-социалистической организации, который являлся одновременно и уполномоченным гестапо в Софии.

за предоставление правительству военных кредитов в сумме 4 млрд. 250 млн. левов на трехлетний срок¹³³. Сомкнувшись с правящим монархо-фашистским лагерем в принципиальных вопросах внешней политики (отношение к перевооружению армии, желательность территориальных изменений, необходимость укрепления болгаро-югославских отношений), буржуазная оппозиция расходилась с ним в данной области в тактических вопросах.

В выступлениях оппозиционных депутатов в Народном собрании звучали призывы к правительству действовать энергичнее, прямо поставить в повестку дня решение проблем болгарских национальных меньшинств. Буржуазная оппозиция также возлагала большие надежды на помощь извне. Однако в отличие от экстремистских правых групп, требовавших ориентации на Германию, она рассчитывала на поддержку англо-французского блока и не скрывала своих симпатий к нему¹³⁴. Некоторые политические течения («Звено», отдельные группы и лидеры БЗНС-«Пладне», Демократического сговора, социал-демократов) призывали к более тесному сотрудничеству с Советским Союзом, видя в нем самую большую силу, противостоящую германской экспансии, что не мешало многим из них оставаться на позициях антикоммунизма. В целом, по оценке болгарской историографии, буржуазная оппозиция в послемюнхенский период оторвалась от почвы политического реализма и дала увлечь себя националистическому поветрию, что в тогдашних условиях поставило ее в противоречие с прокламируемым ею же тезисом о необходимости общевосточного сотрудничества для отпора германской экспансии на Балканах¹³⁵.

Вместе с тем буржуазная оппозиция подвергала острой критике применявшиеся правительством методы ведения внешней политики, обвиняла его в «тайной дипломатии». Она с подозрением относилась к внешнеполитическим шагам правительства. Турне царя Бориса по европейским столицам дало оппозиционным лидерам пищу для предположений, что правящие круги намерены окончательно связать Болгарию с гитлеровской Германией. Свои подозрения они не скрывали и обсуждали их не только между собой, но и делились ими с посланниками ряда стран. Однако посланники Чехословакии, Югославии и Румынии, взвесив их, пришли к общему выводу, что обвинения в адрес Бориса необоснованы: даже из чисто династических интересов царь поостережется сделать шаг, который стоил трона его отцу,

¹³³ См.: Стенографски дневници на XXIV ОНС, II извънредна сесия (23—27 октябрия 1938 г.). София, 1939.

¹³⁴ Георгиев В. Буржуазните и дребнобуржуазните партии..., с. 444—445.

¹³⁵ Там же, с. 442.

не говоря уже о том, что сейчас это невозможно из-за общего положения на Балканах¹³⁶.

Буржуазная оппозиция старалась использовать имеющиеся у нее возможности для воздействия на политику правящих кругов. Критические выступления в Народном собрании были только одной формой ее деятельности — шумной, доставлявшей известные неприятности правительству, но в целом малоэффективной. Попытки установить прямой контакт с царем оканчивались неудачно. Так, 2 ноября лидеры оппозиционной «пятерки» (Кр. Пастухов, Д. Гичев, Б. Смилов, проф. Г. Данаилов) вместе с Н. Мушановым и А. Цанковым направили Борису письмо с просьбой принять их, что бы изложить ему свои взгляды «на положение страны и направление государственной политики»¹³⁷. Царь отказал им в приеме, что еще раз показало беспочвенность надежд оппозиции и иллюзий восстановления конституционных порядков мирным путем. Общая платформа оппозиции была изложена в выступлении в Народном собрании 17 ноября депутата Ат. Москова. В целом она повторяла взгляды оппозиции, изложенные летом 1938 г. в проекте ответа на тронную речь царя. Новым элементом была резкая критика внешнеполитического курса правительства, обвинения его в пассивности и даже в «пораженческих настроениях». В новой обстановке, сложившейся в мире и на Балканах, говорилось в общем заявлении оппозиции, Болгарии нужна «активная политика мира и взаимопонимания со своими соседями и с географически отдаленными народами, основанная на взаимном сотрудничестве и общей воле, с целью оберегать экономическую и политическую независимость народа и защитить общebolгарские интересы»¹³⁸. Выступления оппозиции, ее требования поставить вопрос о болгарских меньшинствах в соседних государствах вызывали в балканских странах серьезные подозрения и расценивались как опасные для дела мира на Балканах, в то время как сдержанная позиция болгарского правительства, наоборот, находила одобрение за рубежом. Для самого же монархо-фашистского режима такая критика не представляла серьезной опасности и даже позволяла ему рядиться в тогу поборника общеполитического сотрудничества, носить маску проводника «реального» и «умеренного» курса.

Единственной партией в Болгарии, правильно понявшей смысл мюнхенской сделки империалистических держав и оценившей ее значение для страны, была БКП. «Сегодняшняя судь-

¹³⁶ AMZV, Vyslanectví v Sofii, P. Z., č. j. 666/dův., г. 1938, z. b. č. 46/1. Макса (София) — в Прагу 30 сентября 1938 г.

¹³⁷ Георгиев В. Буржуазните и дребнобуржуазните партии..., с. 386.

¹³⁸ Стенографски дневници на XXIV ОНС, I ред. сесия, 17.XI 1938 г., кн. I. София, 1939, с. 88.

ба Чехословакии, — отмечалось в одном из ее призывов, — это завтрашняя судьба всех балканских народов, включая и Болгарию, если эти народы не найдут в себе силы, мужество и умение создать блок против общей опасности»¹³⁹. Болгарские коммунисты с тревогой наблюдали за действиями буржуазных оппозиционных партий, которые своей критикой с националистических позиций фактически оправдывали правительство, как бы снимали с него обвинения в безответственности и авантюризме. «В кругах оппозиции преобладает мнение любой ценой именно сейчас получить обратно территории, захваченные соседними государствами во время войны, — констатировалось в документе ЦК БКП по международному положению. — Они забывают, что при нынешнем положении в Европе самым важным для Болгарии является не вопрос о ревизии Нейского договора, а вопрос защиты и сохранения независимости самой Болгарии»¹⁴⁰. Клейма мюнхенский сговор как предательство Чехословакии и заговор против мира¹⁴¹, болгарские коммунисты отмечали его крайне отрицательное воздействие на положение дел в самой Болгарии.

Мюнхенское соглашение и вызванные им изменения в мире сказались и на положении внутри правящего монархо-фашистского лагеря, сблизили между собой его конкурирующие группировки, превратили расхождения между ними по вопросам внутреннего управления страной во второстепенные, создали условия для его консолидации на националистической основе. Правящие круги получили возможность расширить свою политическую базу, привлечь к сотрудничеству фрондировавшие до того времени элементы в Народном собрании. Эти возможности были реализованы 14 ноября во время реорганизации кабинета Кюсеиванова. В новый состав правительства, по-прежнему возглавляемого Г. Кюсеивановым, вошли такие лица, как И. Багрянов (министр сельского хозяйства), проф. Б. Филов (министр просвещения), генерал Т. Даскалов (военный министр) и др. Оппозиционная группа во главе с С. Мошановым была тем самым расколота, ослаблена, а ее разногласия с правительством свелись к беспринципной борьбе за власть и некоторым тактическим нюансам в области внешней политики.

Окрепли, однако, не только позиции правительства. Национализм послужил базой для известной консолидации всех буржуазных сил в стране, позволил переключить основное содержание политической борьбы с внутренних на международные пробле-

¹³⁹ Арсов П. Борбата на БКП..., с. 157.

¹⁴⁰ Там же, с. 156.

¹⁴¹ Penkov S. Georgi Dimitroff über das Münchener Abkommen von 1938.— Etudes balkaniques, 1973, N 2, S. 17—27.

мы. На этой основе болгарский монархо-фашизм начал выходить из того кризисного состояния, в которое он был повергнут развитием классовой и политической борьбы в стране на рубеже 1937—1938 гг. В этом также заключалось одно из последствий мюнхенского сговора для Болгарии.

Парадоксальность сложившейся после Мюнхена обстановки проявлялась и в том, что в конкретных болгарских условиях проводником наиболее умеренного курса внешней политики стало именно правительство Кьосеиванова. Сам глава правительства не прочь был пожаловаться своим собеседникам на трудности, с которыми ему приходилось сталкиваться. Он не скрывал, что его осторожность продиктована боязнью нарушить отношения с соседями, на регулирование которых ушло так много трудов. Он сетовал на то, что Мюнхен разбудил неоправданные надежды, которыми питается недобросовестная агитация. «А я, — говорил Кьосеиванов немного позднее, в январе 1939 г., чехословацкому посланнику, — день ото дня становлюсь все более непопулярным, ибо не могу говорить откровенно, чтобы не разрушить все отношения, которые я создал. Забывают, что существует Балканский пакт и что Болгария в случае конфликта совершенно изолирована»¹⁴².

На самом же деле намерения правящих кругов не отличались от желаний его критиков. Правительство лишь проявляло крайнюю осторожность. До поры до времени оно стремилось не раскрывать болгарские внешнеполитические aspirations. Немецкий МИД считал, что Болгария не в состоянии поднять интересующие ее вопросы в конкретной форме без поддержки какой-либо великой державы. Под последней, согласно немецким сведениям, болгарская сторона подразумевала Италию¹⁴³.

Однако в первый послемюнхенский период основные надежды болгарские правящие круги возлагали на Англию. По свидетельству английского посланника Ренделя, царь Борис неоднократно обращался в то время к нему с просьбами поставить на обсуждение хотя бы вопрос о Добрудже, но Рендель неизменно отвечал ему, что данный момент неблагоприятен для идеи ревизии договоров и что невозможно рекомендовать «хирургическую операцию, пусть даже речь шла бы о самой незначительной территориальной трансплантации, в то время как европейский пациент находился в жестокой лихорадке»¹⁴⁴. Не заручившись же поддержкой Англии или хотя бы ее молчаливым согласи-

¹⁴² AMZV, Vyslanectví v Sofii, P. Z., č. j. 47/dův., r. 1939, z. b. č. 2/1. Макса (София) — в Прагу 24 января 1939 г.

¹⁴³ AA (Bonn), Pol. Abt. IV, Po 3 Bulgarien — Jugoslawien, Bd. 169—170, Pol IV 7427/38. МИД (Берлин) — посольствам в Анкаре и Риме, миссиям в Софии и Бухаресте 17 октября 1938 г.

¹⁴⁴ Rendel G. The Sword and the Olive, p. 159.

ем, болгарские верхи не решались поставить открыто вопрос о территориальной ревизии, опасаясь вновь попасть в изоляцию и оказаться перед силовым фронтом балканских держав. Поэтому на словах они продолжали призывать к спокойствию, к укреплению отношений с соседями, а за кулисами стремились заручиться поддержкой великих держав и создать благоприятные условия для решения интересующих их проблем.

Указанные причины объясняют отрицательное отношение правящих кругов Болгарии к тем выступлениям оппозиционных деятелей, которые своими требованиями немедленно поставить вопрос о болгарских меньшинствах только путали им карты и мешали, как они полагали, вести верную игру. На закрытом заседании Внешнеполитической комиссии Народного собрания 24 октября Кьосеиванов всячески предостерегал депутатов от преувеличенных надежд, вызванных мюнхенским соглашением, и публично заявил, что в Мюнхене победил не какой-то принцип, а «сила и страх перед войной». Исходя из этого он настоятельно рекомендовал депутатам в своих выступлениях соблюдать максимальную сдержанность и осмотрительность в вопросах, касающихся отношений с соседними странами, ибо иначе пострадают болгарские интересы¹⁴⁵.

Помимо поисков «покровителя» среди великих держав, правящие круги Болгарии придавали первостепенное значение достижению взаимопонимания с Югославией, рассчитывая на ее поддержку в отношениях с другими балканскими странами. Поскольку долгожданный визит Стоядиновича в Софию все время откладывался (югославская сторона мотивировала это теперь начавшейся предвыборной кампанией в стране), Кьосеиванов согласился встретиться с ним на югославской территории, в Нише. Окончательно дата встречи была установлена 29 октября, когда югославский посланник Юришич посетил Кьосеиванова¹⁴⁶.

На этой встрече, состоявшейся 31 октября, были подвергнуты обсуждению как вопросы общего международного положения, так и особенно подробно все балканские проблемы. Наибольшее внимание, судя по сохранившимся документам, было уделено отношениям Болгарии со всеми ее соседями¹⁴⁷.

¹⁴⁵ AMZV, Vyslanectví v Sofii, P. Z., č. j. 714/dův., r. 1938, z. b. č. 51/1. Макса (София) — в Прагу 26 октября 1938 г.

¹⁴⁶ Сразу же после этого Юришич посетил чехословацкого посланника, информировав его о предстоящей встрече.— AMZV, Vyslanectví v Sofii, P. Z., č. j. 724/dův., r. 1938, z. b. č. 52/1. Макса (София) — в Прагу 2 ноября 1938 г.

¹⁴⁷ О Нишской встрече Кьосеиванова и Стоядиновича имеется только один документ — собственноручные заметки Стоядиновича о круге вопросов, подвергнутых обсуждению, с краткими записями по отдельным моментам. Поэтому сведения о результатах встречи неполны. Другие же дипломатиче-

Как и следовало ожидать, оба премьера обсудили отношения обеих стран, согласились активизировать их путем заключения новых экономических конвенций. Были подвергнуты рассмотрению и аспекты их внешнеполитического сотрудничества. Кьосеиванов отметил, что германский посланник весьма одобряет развитие дружеских связей двух стран и возлагает на них большие надежды, поскольку они отвечают общему направлению политики Германии. Сам Кьосеиванов считал, что «только дружба Болгарии с Югославией может гарантировать известные испарвления болгарских границ (Добруджа и Эгейское море)»¹⁴⁸. Судя по заметкам Стоядиновича, между ними был подробнее других обсужден вопрос о выходе Болгарии в Эгейское море. «Кьосеиванов сказал мне, — записал Стоядинович, — что Болгария не имела бы ничего против того, чтобы Югославия вошла в Салоники, когда они выйдут к Эгейскому морю. Салоники — естественная гавань для Югославии»¹⁴⁹. В документе отсутствует констатация практического вывода, к которому пришли оба премьера. Скорее всего, они достигли договоренности на упомянутых условиях. Нет никаких сведений о том, как они намеревались реализовать достигнутую договоренность. По-видимому, они не рассматривали этот вопрос как актуальный, учитывая к тому же отрицательную позицию Англии, которая была им известна. Однако сам факт обсуждения этого вопроса и его решение в полном противоречии с английскими рекомендациями явно свидетельствовали о падении престижа Англии в их глазах. Несомненно, такой поворот в их умонастроениях был прямым последствием Мюнхена.

Насколько можно судить по документам, повышенное внимание Кьосеиванова и Стоядиновича к вопросу о болгарском выходе в Эгейское море отодвинуло на второй план (если вообще не сняло) обсуждение вопроса о болгарских претензиях к Румынии. В таком повороте хода переговоров сказалась, по-видимому, позиция Югославии, заинтересованной в сотрудничестве с Румынией в Дунайском бассейне. С известной долей осторожности можно сделать вывод, что югославская сторона заняла нейтральную позицию в румыно-болгарском споре и не собиралась брать здесь на себя никаких посреднических функций. Позиция Стоядиновича свидетельствовала по меньшей мере о нежелательном отношении к союзническим обязательствам по Балканскому пакту (Греция) и содержала зерно возможных противоречий не только с Англией, но и с Турцией.

ские документы не проливают на нее дополнительного света (см.: Архив Југославије, фонд М. Стојадновића, F-24. Рукописне заметки Стојадновића о встрече с Кьосеивановим в Нише 31 октября 1938 г.).

¹⁴⁸ Там же.

¹⁴⁹ Там же.

Встреча Кьосеиванова со Стоядиновичем вызвала огромный интерес как среди болгарской общественности, так и за рубежом. Однако обе стороны сохранили ее реальное содержание в секрете. В официальном коммюнике подчеркивалась только солидарность обеих стран, а в прессе лишь развивались вариации на эту тему. Неожиданный характер встречи удивил всех наблюдателей. В среде болгарской оппозиции Кьосеиванова упрекали в подыгрывании в предвыборной кампании Стоядиновичу и ставили ему в вину, что он без всякой необходимости решил на встречу на югославской территории, вместо того чтобы дожидаться официального ответного визита Стоядиновича в Софию¹⁵⁰. Встреча вновь привела к вспышке слухов о возможном пересмотре болгаро-югославских границ, после чего якобы будет заключен военный договор между обеими странами. На возражения, что Стоядинович вряд ли решится на такой шаг в ходе предвыборной кампании, отвечали, по свидетельству чехословацкого посланника, что после выборов Стоядинович провозгласит в Югославии диктатуру и затем легко сможет все уладить¹⁵¹.

Новая волна слухов вызвала беспокойство югославской дипломатии и побудила ее предпринять шаги к их пресечению. Посетивший П. Макс 2 ноября югославский посланник М. Юришич подчеркнуто сообщил ему, что связанные со встречей комбинации слухов ложны: ни царь Борис, ни Кьосеиванов никогда в беседах со Стоядиновичем не касались вопроса ревизии границ. Болгария решила опираться в своей внешней политике на Югославию и не будет ничем омрачать эти отношения. Со своей стороны Югославия хорошо понимает, что если бы она начала добровольный пересмотр своих границ с одной страной, она побудила бы ревизионистские надежды и других, например Венгрии¹⁵².

Стоядинович, приняв 2 ноября германского посланника Герена, выразил ему свое удовлетворение встречей с Кьосеивановым. По его словам, она показала, что оттяжка его визита в Софию не означает охлаждения дружеских отношений двух стран. Вместе с тем Стоядинович сделал упрек в адрес германского агентства ДНБ, которое сообщило об имевших якобы место переговорах по поводу уступки югославских пограничных областей. Договор о дружбе с Болгарией включает в себя окончательное признание границ, сказал он. Все сообщения о их воз-

¹⁵⁰ AA (Bonn), Pol. Abt. IV, Po 3 Bulgarien — Jugoslawien, Bl. 179, Pol. IV 7928/38. Рюмелин (София) — в Берлин 2 ноября 1938 г.

¹⁵¹ AMZV, Vyslancetví v Sofii, P. Z., č. j. 724/dův., г. 1938, z. b. č. 52/1. Макса (София) — в Прагу 2 ноября 1938 г.

¹⁵² Там же.

можном пересмотре только дают югославской оппозиции материал для нападков на правительство¹⁵³.

В телеграмме югославской миссии в Лондоне 2 ноября Стоядинович также поручил категорически опровергать все слухи о возможном исправлении болгаро-югославской границы. Там подчеркивалось, что «как ранее, так и теперь в Нише по отношению к Югославии вообще не выдвигается вопрос ни о меньшинствах, ни о каких-либо других болгарских территориальных претензиях»¹⁵⁴. Чтобы окончательно перечеркнуть возможные слухи, Стоядинович уделил в своей предвыборной речи 13 ноября в Нови-Саде особое внимание вопросу о неприкосновенности границ Югославии.

Встреча в Нише вызвала в югославских правящих кругах далеко не однозначные чувства и оценивалась противоречиво. Документы позволяют предполагать о наличии разногласий в ее оценке между принцем-регентом Павлом и Стоядиновичем. Принц Павел, излагая свое толкование ее итогов, говорил 4 ноября английскому посланнику в Белграде Р. Кэмпбеллу, будто Стоядинович вернулся из Ниша изумленный. Предложение занять Салоники Павел охарактеризовал как очевидную попытку купить поддержку Югославии в пользу ревизионистских целей Болгарии за счет югославских союзников. Павел жаловался на вероломство болгар и политику Англии, которая морально и материально поддерживает Болгарию. Со своей стороны Кэмпбелл приложил много усилий, чтобы разуверить Павла и убедить его, что Англия не оказывает никакой поддержки болгарскому ревизионизму¹⁵⁵.

В беседе с Кэмпбеллом принц Павел резко высказался против предоставления Болгарии выхода в Эгейское море. Если она получит такой выход, убеждал он английского посланника, она установит прямую связь по морю с Италией, т. е. с другой страной, с которой Югославия поддерживает дружественные отношения, но которой никогда не может полностью доверять. Болгария, считал Павел, пытается внести сомнения и замешательство в отношения между странами Балканской Антанты¹⁵⁶. Трудно определить, в какой степени Павел, всегда крайне откровенный с английским посланником, поделился своими мыслями со своим премьер-министром. Стоядинович придерживался других взглядов и оценок по всему этому комплексу вопросов, что позднее стоило ему поста премьера.

¹⁵³ АА (Bonn), Pol. Abt. IV, Po 3 Bulgarien — Jugoslawien, Bl. 181, Pol IV 7934/38. Герен (Белград) — в Берлин 2 ноября 1938 г.

¹⁵⁴ ДА ДСИП, ЛП, 1938, пов. бр. 1049, 1—II. Стоядинович — миссии в Лондон 2 ноября 1938 г.

¹⁵⁵ *Бибер Д.* Краљевина Југославија на раскришћу 1939 године, вып. 41.— Политика (Београд), 9.X 1971.

¹⁵⁶ Там же.

Между тем события развивались в направлении, дававшем новую пищу для усиления националистических настроений болгарской буржуазии. Состоявшийся 2 ноября Венский арбитраж и передача Венгрии ряда словацких областей сказались на настроениях как болгарского общественного мнения, так и правящих кругов. Последние немедленно воспользовались случаем, чтобы поставить вопрос о болгарских территориальных претензиях перед Германией. 3 ноября болгарский посланник Драганов посетил государственного секретаря германского МИД Вайцзеккера и подробно изложил взгляды на проблему Добруджи и претензии к Греции. Выдвигая свои претензии, сказал посланник, Болгария ожидает, когда пробьет час для их осуществления. На замечание Вайцзеккера, что сезон для войны уже прошел, Драганов ответил, что Болгария понимает заинтересованность великих держав в мире, не намерена форсировать решение своих проблем и обсуждает их только со своими друзьями, а не с противниками¹⁵⁷.

Одновременно болгарское правительство вновь поставило перед Германией вопрос о предоставлении ей дополнительного кредита на вооружение объемом в 45 млн. марок. Германская сторона оценивала его как «по существу политический вопрос», решение которого улучшит экономические позиции рейха на Балканах, удержит Болгарию от попыток добиваться получения кредитов со стороны западных держав, исключит участие других стран в перевооружении болгарской армии. Все это рассматривалось как желательные моменты с точки зрения внешней политики Германии¹⁵⁸.

Несмотря на отсутствие каких-либо обещаний со стороны Германии и ее сдержанную позицию в отношении болгарских территориальных претензий, болгарская дипломатия продолжала добиваться от нее хотя бы ограниченных, но все же обязывающих заявлений. Используя как предлог слухи, будто во время предстоящего визита румынского короля Кароля в Берлин тот хочет поставить перед Гитлером вопрос о германской гарантии существующих границ Румынии, Кьосеиванов по предложению царя Бориса пригласил к себе 20 ноября германского посланника Рюмелина и еще раз сообщил ему о глубокой заинтересованности Болгарии в Южной Добрудже. Последний сделал вывод, что болгарский премьер был заинтересован именно в том, чтобы довести до сведения фюрера эти претензии¹⁵⁹.

¹⁵⁷ ADAP, Serie D, Bd. V, Dok. N 240, S. 271—272. Запись беседы Вайцзеккера с Драгановым 3 ноября 1938 г.

¹⁵⁸ Там же, док. № 250, с. 278—279. Меморандум «Кредит на вооружение для Болгарии», 15 ноября 1938 г.

¹⁵⁹ Там же, док. № 251, с. 279—280. Рюмелин (София) — в Берлин 20 ноября 1938 г.

Усилия болгарской дипломатии заручиться германской поддержкой продолжались и далее, но Германия не торопилась занять определенную позицию. В начале декабря в ответ на неоднократные попытки Драганова обсудить в Берлине территориальные претензии к Румынии и Греции, удалось добиться лишь уклончивых заверений в «понимании» Германией болгарских пожеланий, сопровождаемых, однако, оговорками, что они не могут рассматриваться как «изолированная проблема»¹⁶⁰. Учет же всего «комплекса» германских интересов на Балканах приводил болгарскую дипломатию к неутешительному выводу, что отношения Германии с другими балканскими странами, в первую очередь с Турцией, Югославией и Румынией, имели в ее глазах большую цену, чем отношения с Болгарией, которую она и так держала в экономической узде.

Предпринимая попытки сдвинуть с места вопрос о пересмотре границ и не встречая нигде поддержки, болгарское правительство проявляло осторожность в официальных заявлениях. Однако и в них внимательные наблюдатели видели новые тактические нюансы. Обратила на себя внимание речь Кьосеиванова в Народном собрании 17 ноября, в которой он впервые разделил страны Балканской Антанты на две группы: Югославию и Турцию, с одной стороны, и Румынию и Грецию — с другой, оговорив, что с ними Болгария «продолжит усилия для удовлетворительного решения спорных проблем»¹⁶¹. Такое разделение особенно не понравилось греческому и румынскому посланникам в Софии, которые подметили также, что Кьосеиванов в своей речи вообще не упомянул о Салоникском соглашении и его значении для Болгарии¹⁶². На заседании Комиссии по внешнеполитическим делам Народного собрания 25 ноября Кьосеиванов вновь повторил, что нерешенные вопросы с Румынией и Грецией будут регулироваться «по этапам, в атмосфере искреннего уважения и взаимного доверия»¹⁶³. Не удивительно, что такие заявления крайне нервозно встречались в этих странах, вызывая в них глубокое недоверие к Болгарии.

С другой стороны, после Венского арбитража националистическая пропаганда в Болгарии усилилась еще больше. Особенно активными были националистические круги, группировавшиеся вокруг газеты «Зора», организаций типа «Отец Паи-

¹⁶⁰ ADAP, Serie D, Bd V, Dok. N 263, S. 293—294. Запись беседы Гейнбурга с Драгановым 8 декабря 1938 г.

¹⁶¹ Стенографски дневници на XXIV ОНС, I ред. сесия, 17.XI 1938 г., кн. I. София, 1939, с. 77.

¹⁶² AMZV, Vyslanectví v Sofii, P. Z., č. j. 760/dův., г. 1938, z. b. č. 51/1. Макса (София) — в Прагу 22 ноября 1938 г.

¹⁶³ ДА ДСИП, ЛП, 1939, пов. бр. 42, 1—14. Извештај МИП-а за новембар 1938 г. (Бугарска).

сий», «ратники» и «легионеры» и др. С многочисленными лекциями выступал один из идеологов болгарского ревизионизма, проф. Г. П. Генов, дававший в них оценку мюнхенского сговора с точки зрения болгарских «национальных чаяний»¹⁶⁴. Волну националистических манифестаций вызвала приближавшаяся 19-я годовщина подписания Нейского договора (27 ноября 1919 г.), которую экстремистские круги решили использовать для разжигания шовинизма и давления на правящий лагерь. К этой дате организация «Отец Паисий» выпустила специальное «воззвание», широко распространявшееся в стране. В 20-х числах ноября демонстрации с требованием ревизии границ прошли в Русе и Шумене, а с утра 25 ноября подобные манифестации начались в Софии¹⁶⁵. В своих листовках экстремистские круги, создавшие специальный Центральный комитет действия, призывали объявить дни 25, 26 и 27 ноября «днями бунта против несправедливостей, нанесенных болгарскому народу», а 27 ноября провести в Софии массовый митинг и шествие по городу¹⁶⁶.

Уже вечером 25 ноября демонстрации в Софии приняли особенно бурный характер. Около здания Народного собрания, где как раз в то время заседала Комиссия по внешнеполитическим делам, демонстранты скандировали фашистские лозунги и протестовали против политики правительства Кюсеиванова. Группы демонстрантов пытались проникнуть к зданиям румынского и югославского посольств, раздавались возгласы протеста и перед немецким посольством. Для разгона демонстраций была мобилизована полиция. На следующий день демонстрации возобновились и правительство было вынуждено по всей стране запретить собрания и митинги, а Софию объявить на осадном положении. В столице 27 ноября с 6 часов утра до полуночи было запрещено всякое движение и выключена телефонная сеть. Улицы контролировались военными патрулями. У зданий посольств расположились усиленные наряды. Полицейские меры были продолжены также 28 и 29 ноября. Софийский университет был закрыт все эти дни¹⁶⁷.

¹⁶⁴ Примерное представление о его лекциях дает опубликованная им несколько позднее книга (*Genoff G. P. Das Schicksal Bulgariens. Sein Kampf gegen das Friedensdiktat von Neuilly. Berlin, 1940*).

¹⁶⁵ AMZV, Vyslanectví v Sofii, P. Z., č. j. 767/dův., г. 1938, z. b. č. 57/1. Макса (София) — в Прагу 26 ноября 1938 г.

¹⁶⁶ Там же, č. j. 774/dův., г. 1938, z. b. č. 58/1. Макса (София) — в Прагу 29 ноября 1938 г.

¹⁶⁷ Там же. См. также: Да ДСИП, ЛП, 1939, пов. бр. 42, 1—14. Извештај МИП-а за новембар 1938 г. (Бугарска); AA (Bonn), Pol. Abt. IV, Po 3 Bulgarien — Jugoslawien, Bl. 186—187, Pol IV 9195/38. Миссия в Софии — в Берлин 9 декабря 1938 г. См. также: *Генчев Н. Външнополитическата ориентация...*, с. 149.

Меры болгарских властей, впервые за 19 лет со времени подписания Нейнского договора запретивших направленные против него демонстрации, были вызваны убежденностью правящих кругов, что экстремистские организации постараются использовать демонстрации против самого правительства. И хотя правительство поясняло иностранным дипломатам в Софии, что оно не допустит, чтобы «улица диктовала внешнюю политику», события в Болгарии получили широкий международный резонанс. Особенно беспокойство они вызвали в Афинах и Анкаре, в то время как в самой Софии посланники Югославии, Греции и Румынии находились в постоянном контакте между собой и пристально наблюдали за развитием обстановки¹⁶⁸. Некоторые наблюдатели пришли к выводу, что за демонстрациями экстремистских кругов стояла гитлеровская Германия. В Париже на Ке д'Орсэ считали, что Германия вызвала демонстрации против Кюсеиванова, чтобы заставить царя Бориса поручить формирование правительства какому-нибудь другому лицу прогерманской ориентации, и ставили их в связь с якобы имевшим место отклонением Болгарией каких-то германских экономических предложений¹⁶⁹.

События в Болгарии побудили английскую дипломатию сделать успокоительный жест в адрес стран Балканской Антанты. В начале декабря правительства Великобритании и ее доминионов сообщили правительствам Болгарии и Греции (которая выступала от имени всей Балканской Антанты) о своем удовлетворении по поводу заключения Салоникского соглашения и заявляли, что впредь не будут считать действительными военные ограничения Нейнского договора и Конвенцию о границах во Фракии¹⁷⁰. Подчеркнуто торжественная форма этих заверений и высокая оценка соглашения в целом как бы напоминали болгарскому правительству о взятых им на себя обязательствах. Время такой нотификации было выбрано не случайно.

Новым моментом в политике Болгарии в конце 1938 г. было усиление внимания к развитию отношений с Советским Союзом. 30 октября в Софии в актовом зале университета была открыта большая выставка советской книги, организованная ВОКС¹⁷¹.

¹⁶⁸ Да ДСИП, ЛП, 1938, пов. бр. 1194, 1—3. Юришич (София) — Античу (Лондон) 28 ноября 1938 г.

¹⁶⁹ Там же, пов. бр. 1207, 1—3. Пурич (Париж) — Античу (Лондон) 1 декабря 1938 г.

¹⁷⁰ Там же, 1939, пов. бр. 20, 1—5. МИД (Белград) — миссии в Лондон 13 декабря 1938 г.; пов. бр. 40, 1—5. МИД (Белград) — миссии в Лондон 22 декабря 1938 г. (копия сообщения из Софии от 7 декабря 1938 г.).

¹⁷¹ Советско-болгарские отношения и связи. Документы и материалы, т. I. Ноябрь 1917 — сентябрь 1944. М., 1976, док. № 480, с. 444—446. После окончания выставки все экспонировавшиеся на ней книги были переданы в дар библиотеке Софийского университета.

На открытии присутствовали премьер Кюсеиванов, министры и дипломаты. Выставка привлекла большое внимание болгарской общественности. Ежедневно ее посещали 2—2,5 тыс. человек. Присутствие на открытии выставки членов правительства в дипломатических кругах было расценено как подчеркивание интереса к Советскому Союзу, что должно было послужить предупреждением Берлину, усилившему нажим на Болгарию после визита Функа в страну¹⁷².

Проводя зондажи в Лондоне, Берлине, Риме и Вашингтоне об отношении великих держав к болгарским стремлениям мирным путем пересмотреть территориальные положения Нейиского договора¹⁷³, болгарская дипломатия не обошла вниманием и Москву. 7 ноября болгарский посланник Антонов задал народному комиссару иностранных дел М. М. Литвинову вопрос, будет ли Советский Союз противодействовать Болгарии, если она поставит вопрос о своих территориальных претензиях. По сообщению Антонова, советский нарком в шуточной форме дал понять, что не видит для этого причин¹⁷⁴. Форма ответа на лобовой вопрос посланника не связывала СССР никакими обязательствами, но и не закрывала пути для его дальнейшего обсуждения.

В условиях усиливавшейся внешнеторговой зависимости страны от Германии многие общественные и экономические круги в Болгарии начали уделять большее внимание перспективам развития экономических отношений с Советским Союзом. Размышляли об этом и в правящих кругах. В конце декабря вопрос о развитии торговли между двумя странами поставил перед советским временным поверенным в делах новый министр земледелия И. Багрянов. Он говорил советскому дипломату, что в широких кругах населения и среди части торговых фирм проявляются явные настроения в пользу разветывания торговли с СССР. Болгарскому правительству хорошо было известно, что развитие экономических отношений двух стран стояло в прямой связи с заключением торгового договора с СССР. Но пойти на его заключение оно не решалось из опасения экономических санкций со стороны Германии и продолжало занимать колеблющуюся позицию в этом вопросе. В целом оно не выходило за пределы платонических пожеланий и не подкрепляло их конкретными шагами.

Между тем среди общественности вопрос об отношениях с СССР вызывал большой интерес. Проявлением этого интереса было желание, выраженное в конце 1938 г. большой группой по-

¹⁷² AMZV, Vyslanectví v Sofii, P. Z., č. j. 727/dáv., г. 1938, z. b. č. 53/1. Макса (София) — в Прагу 4 ноября 1938 г.

¹⁷³ Генчев Н. Външнополитическата ориентация..., с. 156.

¹⁷⁴ Там же, с. 155.

литических, общественных и торгово-промышленных деятелей, организовать поездку в СССР для ознакомления с его политической, хозяйственной и культурной жизнью¹⁷⁵. Советские власти дали согласие на организацию такой поездки, понимая, что она приведет к укреплению связей с Болгарией.

К концу 1938 г. усилилось внимание болгарского правительства к отношениям с Турцией, со стороны которой оно надеялось встретить поддержку своим внешнеполитическим целям. Основанием для таких надежд служили происходившая смена политического руководства в Турции после смерти Ататюрка и некоторые высказывания турецких дипломатов, делавших неопределенные авансы. В Болгарии предполагали, что в новых условиях именно к Турции перейдет дипломатическая инициатива на Балканах. За ее действиями продолжали видеть руку Англии и полагали, что именно она станет проводником английского курса, учитывавшего болгарские пожелания. Но английская дипломатия ограничивалась многозначительными, но на деле мало что означавшими действиями. В декабре 1938 г. болгарский премьер принял решение посетить Анкару, куда его уже давно приглашали. Официальной целью визита должно было стать продление болгаро-турецкого договора о дружбе, неофициальной — обсудить проблемы болгарской внешней политики¹⁷⁶.

Вместе с тем позиция самого болгарского правительства становилась все более сложной. Недоверие к целям его политики за рубежом усиливалось параллельно со все возрастающей критикой его курса внутри страны. Правящие круги, болезненно воспринимая эту критику, не решались трогать правые фашистские течения, связанные с Германией, и обрушивали репрессии на левое крыло оппозиции и революционное движение, возглавлявшееся БРП. Одним из примеров этих репрессий могло служить лишение в декабре 1938 г. депутатских мандатов шести представителей левого крыла БЗНС — группы «Пладне» в Народном собрании и обвинение их в действиях, затравивших «прерогативы и престиж главы государства»¹⁷⁷.

Вспышка националистических настроений в буржуазных слоях в Болгарии после мюнхенского сговора, обострение борьбы за власть внутри буржуазного лагеря, перемещение центра тяжести борьбы с вопросов внутренней на вопросы внешней политики — все это показывало, что в маленьком по европейским масштабам болгарском котле кипели бурные страсти.

¹⁷⁵ Советско-болгарские отношения и связи, т. I, док. № 482, с. 447.

¹⁷⁶ AMZV, Vyslanectví v Sofii, P. Z., č. j. 818/dův., г. 1938, z. b. č. 61/1. Макса (София) — в Прагу 22 декабря 1938 г.

¹⁷⁷ Петрова Д. В. БЗНС и Народният фронт (1934—1939 гг.). София, 1967, с. 111.

ПРОБЛЕМЫ БАЛКАНСКОЙ ПОЛИТИКИ ТУРЦИИ И ГРЕЦИИ И МЮНХЕНСКОЕ СОГЛАШЕНИЕ

1. Турция и Греция в системе международных отношений на Балканах в первой половине 1938 г.

Неделю спустя после аншлюса Австрии внимание дипломатических служб всех европейских стран было привлечено одной из новых газетных сенсаций, которыми столь богата была мировая пресса в 1938 г. Как по команде, страницы печати запестрели сообщениями, будто оставшийся не у дел после исчезновения австрийского государства германский посол в Вене фон Папен получает новое назначение в Анкару. Эти слухи, как сообщал из Стамбула корреспондент английской газеты «Дейли телеграф энд морнинг пост» в конце марта 1938 г., вызвали в Турции большой интерес и были расценены как несомненный признак того, что Германия намеревается усилить свою экономическую и политическую экспансию на Балканы и Ближний Восток. Полагали, что Папен делает «все от него зависящее для оказания противодействия английскому и советскому влиянию в Турции»¹.

Однако сдержанная реакция турецких правящих кругов на выступления печати привела к тому, что имя Папена скоро сошло на время со страниц газет. В дипломатических кругах Турции этот эпизод был расценен как зондаж германской дипломатии. Югославский посланник Б. Аджемович отмечал крупные изменения в турецкой политике за последние годы. В Берлине, полагал он, вероятно, сочли, что наступило время протянуть руку Турции, и германская дипломатия ищет способы воздействия на турецкую политику, а также подходящее лицо, которое стало бы проводником нового курса. Пока что, считал Аджемович, «все еще находится в зачаточном состоянии, но ближайшие шаги Турции покажут ее отношение к Германии»².

Уже в течение нескольких лет турецкая политика под влиянием различных факторов подвергалась изменениям. Страх

¹ ЦГАОР, ф. 4459, оп. 28/2, ед. хр. 232, л. 14. Сообщение ТАСС из Лондона 28 марта 1938 г.

² ДА ДСИП, ПТ, 1938, F-29, пов. бр. 60. Аджемович (Анкара) — в Белград 28 апреля 1938 г.

национальной буржуазии перед возможностью идеологического воздействия Советского Союза, особенно после победы народных фронтов во Франции и Испании, сказался на отношениях Турции с СССР, с которым она была связана рядом договоров. Происходил постепенный отход Турции от дружественных отношений с Советским Союзом, сопровождавшийся сближением с империалистическими державами. В то же время во внешней политике Турции усилилась напряженность в отношениях с Италией. Воинственные заявления Муссолини и итальянские военные приготовления на Додеканезских островах вблизи турецких берегов только усиливали эту напряженность³. Под влиянием указанных причин началось сближение Турции с Англией, ставшее заметным уже с середины 30-х годов. Оно довольно ясно проявилось во время конференции в Монтрё, пересмотревшей режим черноморских проливов.

В течение 1937—1938 гг. внешнеполитическое сотрудничество Англии и Турции продолжало укрепляться и расширяться, строясь, по словам английского посла в Анкаре П. Лорэна, на основе «взаимного, но недокументированного признания широкой общности интересов»⁴. И хотя правящие круги Турции стремились в тот период лавировать между СССР, с которым намеревались поддерживать внешне дружественные отношения, и Англией, на которую они все больше ориентировались, их линия неизбежно вела к усилению антисоветских тенденций во внешней политике. Многочисленные заявления государственных деятелей Турции (И. Иненю, Р. Араса, Д. Баяра и др.) о неизменном дружественном характере отношений с СССР только внешне прикрывали происходившие изменения. По доверительным словам Р. Араса английскому послу, в советско-турецких отношениях образовалась «коварная трещина»⁵.

В то же время усилилось проникновение Германии в Турцию. К 1938 г. она вышла на первое место в турецкой внешней торговле⁶. Характерно, что в тот период Англия не препятствовала германской экономической экспансии, рассчитывая, что она будет содействовать дальнейшему ослаблению отношений Турции с СССР. По расчетам английской дипломатии, это могло углубить советско-германские противоречия. Положение стало меняться только в 1938 г., когда германская экспансия приобрела такие размеры, что стала угрожать английским позициям.

³ *Avramovski Ž.* Balkanske zemle i velike sile 1935—1937. Beograd, 1968, s. 42—46.

⁴ *Живкова Л.* Англо-турските отношения, 1933—1939. София, 1971, с. 191—193.

⁵ Цит. по: *Живкова Л.* Англо-турските отношения..., с. 95.

⁶ *Krecker L.* Deutschland und die Türkei im Zweiten Weltkrieg. Frankfurt a. M., 1964, S. 23.

Наибольшую опасность представляли в этом плане новые тенденции внешней политики Турции, которые создавали предпосылки для усиления политического влияния Германии: воспользовавшись усилением противоречий между западными державами и странами «оси», Турция поставила вопрос об Александретском санджаке, находившемся под французским мандатом. В выдвижении этих требований она встречала поощрение со стороны Германии и Италии. Чтобы не потерять своих позиций в Турции, Франции не без английских увещеваний пришлось пойти на уступки. Однако отторжение санджака от Сирии и его конституирование летом 1937 г. под эгидой Лиги Наций не удовлетворило правящие круги Турции, желавшие его присоединения, и они продолжали добиваться своих целей⁷.

Особое место во внешней политике Турции занимали балканские проблемы. Балканский пакт был единственным соглашением в системе ее международных договоров, по которому она несла определенные обязательства, выходящие за рамки сохранения нейтралитета. В Балканской Антанте Турция проводила линию, обнаруживавшую далеко идущее совпадение ее интересов с политикой Греции.

Отношения между Турцией и Грецией в XX в. развивались крайне неравно: были периоды вражды и войн (например, греко-турецкая война 1920—1922 гг.) и периоды сближений. Такое сближение началось с конца 20-х годов и привело к заключению между ними 31 октября 1930 г. Договора о нейтралитете, добром соседстве и арбитраже, а также военно-морского протокола и торговой конвенции. Они подвели черту под недавним прошлым и урегулировали некоторые стоявшие перед ними острые вопросы (проблема беженцев и переселенцев, признание границ и т. д.)⁸. Продолжавшееся улучшение взаимных отношений, за которым стояли интересы буржуазии и правящих кругов обеих стран, было зафиксировано в Пакте сердечного сотрудничества (сентябрь 1933 г.), по которому Турция и Греция взаимно гарантировали свои балканские границы, обязались консультироваться по внешнеполитическим вопросам и оказывать друг другу взаимную поддержку на международной арене. После образования 9 февраля 1934 г. Балканского пакта обе страны стремились проводить совместную политику в этой региональной группировке, в которую кроме Турции и Греции вошли также Румыния и Югославия.

К концу 30-х годов внешнеполитическое сотрудничество Турции и Греции достигло своего наивысшего уровня. Обе стра-

⁷ *Миллер А. Ф.* Очерки новейшей истории Турции. М., 1948, с. 186—190.

⁸ *Psomiades H. J.* The Eastern Question: the Last Phase. A Study in Greek-Turkish Diplomacy. Thessaloniki, 1968, p. 81—82, 104.

ны испытывали глубокое беспокойство в связи с агрессивной политикой Италии, обе чувствовали угрозу с ее стороны и стремились найти поддержку против нее как путем укрепления взаимного сотрудничества, так и путем сближения с Англией. Обе были обеспокоены югославо-болгарским сотрудничеством и одинаково оценивали его как идущее вразрез с их общими интересами. Поэтому развитие отношений Турции и Греции и их согласованная линия являлись существенным элементом международной ситуации, сложившейся в Восточном Средиземноморье и на Балканах накануне второй мировой войны.

Внутреннее положение Греции имело много общего с положением других балканских стран. Военно-монархическая диктатура, установленная 4 августа 1936 г. генералом И. Метаксасом, была ответом правящих верхов на обострение политической борьбы, угрожавшей существованию монархии, и на усиление классовой борьбы, в которой проявлялось сильное влияние Коммунистической партии Греции. Роспуск всех политических партий и ликвидация буржуазно-демократических свобод не привели, однако, к ослаблению внутривнутриполитической напряженности. Опираясь на армию и полицию, правительство Метаксаса широко прибегало к репрессиям, особенно против рабочего движения и его коммунистического авангарда. Одновременно оно демагогически заигрывало с трудящимися массами, желая создать себе социальную опору. В течение 1937 г. были изданы законы об установлении твердого минимума заработной платы и введении социального страхования для рабочих, закон о ликвидации сельскохозяйственных долгов для крестьян, предприняты усилия стабилизировать цены на внутреннем рынке и т. д.⁹ Однако попытки добиться улучшения экономического положения страны не увенчались успехом. Государственный бюджет 1937—38 г. был дефицитным. Растущие расходы на вооружение армии требовали изыскания дополнительных средств, которые стремились получить путем увеличения таможенного обложения. При большой зависимости греческого народного хозяйства от импорта сырья предпринятые меры привели к повышению стоимости жизни за год более чем на 30%¹⁰. Рост дороговизны ухудшил положение трудящихся, особенно городских слоев. Активизировалось рабочее движение. Несмотря на репрессии, не прекращалась деятельность коммунистов, находившихся в подполье.

В начале 1938 г. буржуазная оппозиция организовала пропагандистскую кампанию против правительства Метаксаса. В нелегально распространявшихся листовках, подписанных ли-

⁹ АА (Bonn), Pol. Abt. IV, Po 5 Griechenland, Bl. 142—145, Pol. IV 976/38. Миссия в Афинах — в Берлин 8 февраля 1938 г. (Сообщение о внутривнутриполитическом положении в Греции).

¹⁰ Там же.

дерами распушенных партий, резко критиковалась как внутренняя, так и внешняя политика правительства. Ему ставилось в вину, в частности, что оно не сумело предотвратить заключения болгаро-югославского пакта о вечной дружбе, который оценивался как представлявший огромную опасность для Греции¹¹. Репрессиями, массовыми арестами и интернированием буржуазных оппозиционных деятелей властям удалось довольно быстро подавить их выступления. Раздоры в среде оппозиции, старые счеты между роялистами и венизелитами, отсутствие согласованности и решительности в их действиях привели к разрозненным выступлениям отдельных групп, которые не представляли серьезной опасности для правительства.

Во внутренней политике правительства Метаксаса проявлялись все более усиливавшиеся тенденции к фашизации общественно-политической и экономической жизни по итальянскому образцу.

Во внешней политике Греция шла в фарватере Великобритании, и принципом ее внешнеполитического курса было никогда не противопоставлять свои интересы английским¹². В то же время она поддерживала оживленную торговлю с Германией, игравшей крупную роль в экономике страны. Противоречия с Италией оставались наиболее крупной проблемой в ее политике.

Как и для Турции, Балканский пакт был единственным обязывающим Грецию международным договором, однако сделанные в свое время греческой дипломатией оговорки превращали его в страховку только со стороны Болгарии¹³. Как и Турция, Греция с беспокойством восприняла заключение болгаро-югославского «пакта о вечной дружбе». Под влиянием широкой общности греко-турецких интересов и при поддержке английской дипломатии сотрудничество обеих стран развивалось и укреплялось, приведя к концу 1937 — началу 1938 г. к образованию греко-турецкого тандема в Балканской Антанте, в котором Турция играла ведущую роль, часто выступая рупором и выразителем общей линии обоих государств.

В начале февраля 1938 г. министр иностранных дел Турции Р. Арас во время своего визита в Будапешт обратил внимание венгерских государственных деятелей на то, что в усиливающейся болгаро-югославской дружбе заключена угроза для Греции¹⁴.

¹¹ ДА ДСИП, ЛП, 1938, пов. бр. 251, 1—14. Месечни извештај МИП-а за јануар 1938 г. (Грчка).

¹² *Schramm von Thadden E.* Griechenland und die Grossmächte im Zweiten Weltkrieg. Wiesbaden, 1955, S. 10.

¹³ *Волков В. К.* Германо-югославские отношения и развал Малой Антанты. 1933—1938. М., 1966, с. 123—124.

¹⁴ АА (Вонн), Pol. Abt. IV, Po 4 Balkan, Bd. I, Pol. VII 203/38. Эрдмансдорф (Будапешт) — в Берлин 9 февраля 1938 г. о визите Р. Араса в Будапешт.

Эта точка зрения оставалась неизменной и впоследствии, дополняясь лишь новыми аргументами. Опасения, как бы выход Болгарии к Эгейскому морю не привел к территориальному разьединению Турции и Греции, породил твердую решимость противостоять ему, укреплять греко-турецкие отношения как барьер на пути болгарских стремлений.

Обратной стороной такой линии было желание обеих стран подорвать болгаро-югославское сотрудничество, и турецкая дипломатия решила прибегнуть к такому средству, как попытка обострения македонского вопроса. Конкретным шагом на этом пути стал вопрос об отъезде лидера ВМРО Ивана Михайлова из Турции, где он был интернирован с конца 1934 г. Р. Арас сообщил югославскому посланнику Аджемовичу, что турецкое правительство по юридическим причинам не может далее его задерживать¹⁵. Югославский дипломат увидел в этом намерении проявление недоброжелательного отношения Турции к сотрудничеству между славянскими государствами на Балканах. Аджемович сделал вывод, что Турция хочет разбить солидарность славянских государств на Балканах и сама имеет серьезные планы относительно усиления своей роли в балканских делах¹⁶.

Активизация турецко-греческой политики на Балканах проявилась, в частности, в работе Постоянного совета Балканской Антанты, собравшегося в Анкаре 25—28 февраля 1938 г. Помимо высказанного Р. Арасом предложения признать болгарские вооружения в обмен на ликвидацию демилитаризованных зон во Фракии вдоль болгаро-турецкой и болгаро-греческой границ, что было одобрено конференцией, последняя дала согласие на заключение дополнительного договора между Турцией и Грецией. Этот договор, парафированный в Анкаре 28 февраля, конкретизировал и расширял обязательства двух стран по Договору о нейтралитете (от 31 октября 1930 г.) и Пакту сердечного сотрудничества (от 14 сентября 1933 г.). Вместо прежнего обязательства сохранять нейтралитет в случае неспровоцированного нападения третьего государства на одну из договаривающихся сторон Турция и Греция обязывались теперь соблюдать вооруженный нейтралитет, а в случае, если третье государство попыталось бы превратить территорию одной из них в плацдарм или опорный пункт для военных действий против другой, должны были предотвратить это, при необходимости, даже вооруженным путем (ст. 1). Содержавшийся в договоре 1933 г. пункт о консультациях расширялся, и обе стороны брали на себя обязательство, если одна из них вступит в войну, согласовывать свои по-

¹⁵ ДА ДСИП, ПТ, 1938, пов. бр. 20. Аджемович (Анкара)—в Белград 19 января 1938 г.

¹⁶ Там же.

зиции с целью нахождения соответствующего решения, учитывавшего их общие интересы (ст. 2). Наконец, стороны обязались не допускать на своей территории деятельности, направленной против другого партнера, и высылать нежелательных эмигрантов¹⁷.

Смысл нового греко-турецкого договора заключался в усилении сотрудничества обеих стран как в случае осложнений в районе Средиземного моря, так и на Балканах, где он был направлен в первую очередь против Болгарии. Его положения расширяли обязательства Турции и Греции вплоть до ограниченной взаимной помощи, а с учетом обязательств по Балканскому пакту содержали в завуалированном виде обоюдную гарантию границ обоих государств против Болгарии. Поясняя значение договора, Метаксас по возвращении из Анкары говорил германскому посланнику в Афинах Эрбаху, что отныне следует знать, что любое государство, которое напало бы на одного из партнеров, будет иметь дело сразу с двумя¹⁸. Метаксас выражал полное удовлетворение итогами своего визита в Анкару и полагал, что теперь наступил момент, когда и Болгария могла бы присоединиться к Балканской Антанте. Со своей стороны Греция была бы готова предоставить Болгарии в одном из своих портов свободную зону на условиях, сходных с правами Югославии в Салониках. Но территориальную уступку ей одного из портов на Эгейском море Метаксас считал невозможной «по соображениям престижа», как сказал он немецкому посланнику¹⁹.

Парафирование греко-турецкого договора и объявление о его предстоящем подписании в конце апреля 1938 г. в Афинах было признанием со стороны других стран Балканской Антанты особых отношений Турции и Греции в рамках этого блока, наличие у них особых интересов.

Усиление интереса к балканским проблемам в политике Турции и Греции шло параллельно с их заигрыванием со странами «оси» в условиях, когда в воздухе уже носился дух «умиротворения», когда между Англией и Италией велись переговоры об урегулировании их отношений в районе Средиземного моря и в Африке. Идя в фарватере английской политики, Турция по согласованию с Грецией выступила инициатором предложения признать итальянский захват Эфиопии со стороны Балканской Антанты²⁰, что и было принято на конференции в Анкаре наряду

¹⁷ Текст греко-турецкого договора см.: Documents on International Affairs, 1938, v. I. London, 1942, p. 286—287.

¹⁸ АА (Вопн), Pol. Abt. IV, Po 4 Balkan, Bd. I, Pol. IV 2109/38. Эрбах (Афины) — в Берлин 22 марта 1938 г.

¹⁹ Там же.

²⁰ АА (Вопн), Pol. Abt. IV, Po 4 Balkan, Bd. I, Pol. IV 900/38. Келлер (Анкара) — в Берлин 11 февраля 1938 г.

с решением относительно установления дипломатических контактов с правительством Франко²¹. В коммюнике конференции Балканской Антанты была подчеркнута связь между признанием итальянской империи и вопросом о присоединении Италии к конвенции в Монтрё о режиме черноморских проливов, чему турецкая дипломатия придавала большое значение.

Одновременно Турция и Греция проявляли готовность к развитию отношений с Германией. 2 марта в Берлине состоялась первая встреча турецкого посла Хамди Арпага с Риббентропом, незадолго перед тем получившим пост министра иностранных дел. Арпак выразил удовлетворение, что он может заявить министру о желании турецкого правительства развивать дружеские отношения с Германией. Турция, говорил он, стремится к установлению далеко идущего сотрудничества, у нее нет никаких политических обязательств, направленных против Германии. Риббентроп тут же заверил турецкого посла, что между двумя странами не существует никаких политических расхождений и что он надеется на их дальнейшее сближение²². Беседа, затронувшая также и торговые отношения Турции и Германии, была зондажем с обеих сторон.

Близкую к турецкой позицию занимала также и Греция. В беседе с германским посланником Эрбахом в начале марта Метаксас, выразив надежду на достижение соглашения между четырьмя «великими европейскими державами», отмечал стремление Греции избегать односторонней ориентации и желание в соответствии с этим определять свои обязательства в отношениях с соседними государствами. Он не скрывал, что в целом это была политика выжидания²³.

Захват Австрии не вызвал никакой внешней реакции со стороны правительств и официальных кругов Турции и Греции. В прессе обеих стран это событие обсуждалось главным образом под углом зрения его воздействия на международные отношения в будущем. Однако правящие круги, следуя за курсом английской политики, сделали для себя выводы о необходимости упрочения своих отношений со странами «оси» исходя из предположения, что события развиваются в направлении достижения соглашения фашистских стран с западными державами в духе «пакта четырех», идея которого продолжала жить в течение всего предвоенного периода.

²¹ AA (Bonn), Pol. Abt. IV, Po 4 Balkan, Bd. I, Pol. IV 1437/38. Келлер — в Берлин 2 марта 1938 г.

²² AA (Bonn), Pol. Abt. VII, Po 2 Türkei, Bl. 49—50, Pol. VII 323/38. Запись беседы Риббентрона с Х. Арпагом 2 марта 1938 г.

²³ AA (Bonn), Pol. Abt. IV, Po 4 Balkan, Bd. I, Pol. IV 2109/38. Эрбах (Афины) — в Берлин 22 марта 1938 г.

Первой решила сделать соответствующие шаги турецкая дипломатия. Посол Арпаг нанес 5 апреля новый визит Риббентропу, во время которого он развивал мысли о дружественных отношениях между Германией и Турцией, говорил о заинтересованности Турции поддерживать дружбу со всеми странами. Турция, говорил он, стремится к нейтралитету и избегает любых коалиций, в частности она отклонила предложение о заключении пакта о взаимной помощи с Советским Союзом. На замечание Риббентропа, что советско-турецкие отношения стали в последнее время значительно холоднее, Арпаг ответил, что англо-турецкие отношения, наоборот, стали теснее. Вообще турецкая политика, заверял посол, избегает любых шагов, которые могли бы быть направлены против ее друзей. Риббентроп немедленно подхватил эту нить, уверяя посла в огромном значении, которое придает Германия хорошим отношениям с Турцией. Вместе с тем он пожаловался на отдельные выступления турецкой прессы, в ответ на это посол пообещал принять соответствующие меры. Арпаг сообщил Риббентропу о намечавшемся визите Чиано в Турцию и намекнул на желательность визита в Анкару также германского министра. Риббентроп дал принципиальное согласие, оговорив, что время такой поездки следует обсудить особо и позднее²⁴. В целом беседа была своеобразным откликом Турции на аншлюс Австрии, хотя эта тема и не была прямо затронута, и сопровождалась обоюдными заверениями, открывавшими путь к политическому сближению двух стран.

В новых условиях Турция и Греция продолжали укреплять свои связи. 26 апреля в Афины прибыл турецкий премьер Д. Баяр в сопровождении министра иностранных дел Р. Араса для подписания турецко-греческого «дополнительного договора». В канун прибытия в Грецию Арас в интервью корреспонденту Афинского телеграфного агентства отметил, что «греко-турецкой дружбе предопределено развиваться в моральную унию двух стран». Те же мысли высказывал и в речи по поводу подписания договора 27 апреля премьер-министр Турции Д. Баяр. Подчеркивая совпадение коренных интересов двух стран, он характеризовал значение нового договора как «братскую турецко-греческую унию»²⁵. По сведениям югославской дипломатии, наряду с опубликованным текстом договора существовало также и секретное соглашение между Турцией и Грецией, которое, если

²⁴ ADAP, Serie D, Bd. V, Dok. N 542, S. 604—605. Запись беседы Риббентропа с Х. Арпагом 5 апреля 1938 г.

²⁵ ДА ДСИП, ЛП, 1938, пов. бр. 494, 11—14. Месечни извештај МИП-а за април 1938 г. (Грчка).

и не являлось по форме военной конвенцией, содержало тем не менее детально разработанные их генштабами и адмиралтействами взаимные обязательства на случай осложнений в районе Средиземного моря²⁶.

Визит турецкой правительственной делегации в Грецию проходил в обстановке назревания «чехословацкого кризиса» в Европе. Отражая общую точку зрения турецких и греческих государственных деятелей, Арас в беседе с югославским посланником в Афинах высказал мнение, что огромное возбуждение в Праге преувеличено, и, ссылаясь на только что прошедшие англо-французские переговоры в Париже, считал, что Англия и Франция посоветуют Чехословакии вновь пойти на уступки. В создавшихся условиях, по мнению Араса, в интересах Балканской Антанты было бы поддерживать по возможности более тесные отношения с Германией, а также учитывать чрезвычайную чувствительность Италии. Главную же задачу Балканской Антанты Арас видел в завоевании все большего доверия и благосклонности Англии. В случае возобновления германского «Дранг нах Остен», о котором вновь начинают говорить с возрастающим страхом, «Балканская Антанта станет форпостом на его пути»²⁷.

Сходные мысли развивал и Метаксас, соглашавшийся с необходимостью улучшить отношения с Германией при главной цели — добиваться расположения Англии. И Метаксас, и Арас критиковали французскую политику за отсутствие твердого курса и за то, что она якобы часто подхватывает идеи и планы, идущие из Москвы.

Югославский посланник в Афинах М. Лазаревич обратил внимание на продолжительные беседы Баяра, Араса и Метаксаса с английским посланником в Афинах Уотерлоу, который, по его мнению, хотя и занимал подчеркнуто сдержанную позицию в полемике, ведшейся в дипломатических кругах о действительном содержании и значении дополнительного греко-турецкого договора, представлялся ему «единственным хорошо информированным лицом во всем этом деле»²⁸. Действительно, не подлежало сомнению участие английской дипломатии в заключении греко-турецкого договора, который как бы вплетался в англо-итальянское соглашение от 16 апреля 1938 г. и являлся необходимой предпосылкой для осуществления английских планов на Балканах вообще и в отношении Болгарии в частности. Последовавшее сразу же вслед за этим — 2 мая 1938 г. — присо-

²⁶ Архив Југославије. Фонд М. Стојадиновића, F-24. Письмо М. Лазаревича (Афины) — Стојадиновичу от 1 мая 1938 г. о визите турецкой правительственной делегации в Грецию.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же.

единение Италии к конвенции в Монтрё²⁹ не было простым стечением обстоятельств. Это было логическим следствием англо-итальянского соглашения, а формальное обоснование итальянскому шагу было создано признанием Турцией итальянского захвата Эфиопии. Вместе с тем такой шаг показывал разногласия между политикой Италии и Германии по отношению к Турции и шире — ко всему балканскому региону.

По отношению к конвенции в Монтрё Германия занимала провокационную позицию, утверждая, будто эта конвенция дает Советскому Союзу односторонние преимущества, деля недосыаемым советское Черноморское побережье, и в то же время предоставляет советскому флоту право свободного выхода в Средиземное море. В связи с этим Германия еще в январе 1937 г. заявила турецкому правительству, что она отвергает ограничения передвижения своих судов в силу договора, участником которого она не является³⁰. Позиция Германии явилась средством нажима на Турцию и способом завязывания с нею политического торга. После отказа Турции вести по этому вопросу двусторонние переговоры с Германией, которая не была участницей Лозаннской конвенции, а потому не была приглашена и в Монтрё, германская дипломатия продолжала свои усилия. Она заявляла, что не может оставаться индифферентной в вопросе столь большого значения как для общих торговых интересов, так и с точки зрения военно-морской политики. Выдвинув требование «равных прав» в вопросе о проливах, Германия стала добиваться дискриминации прав Советского Союза и ограничения возможностей прохода его судов через проливы. Предлагавшийся ей Турции проект двустороннего соглашения был нацелен фактически на пересмотр условий конвенции в Монтрё³¹.

Первоначально Италия солидаризировалась с германской точкой зрения, которая, как ясно видела турецкая дипломатия, должна была привести к новому туру переговоров по вопросу о проливах с обязательным участием в них Германии³². Однако в начале 1938 г. Италия стала отходить от нее; она не пошла навстречу германским пожеланиям, чтобы итало-турецкие переговоры шли параллельно с германо-турецкими переговорами по вопросу о черноморских проливах³³. В конечном счете германская дипломатия, не желая обострять отношения с Италией, дала

²⁹ *Krecker L. Deutschland und die Türkei...*, S. 21.

³⁰ ADAP. Serie D, Bd. V, Dok. N 535, S. 595. Fussnote 2. Инструкция германского МИД от 5 января 1937 г.

³¹ Там же, док. № 535, с. 593—596. Вайцзеккер — посольству в Турции 16 июля 1937 г.

³² Там же, док. № 540, с. 601—602. Келлер (Анкара) — в Берлин 23 февраля 1938 г.

³³ Там же, док. № 541, с. 603—604. Вайцзеккер — посольству в Рим 23 марта 1938 г.

согласие на ее присоединение к конвенции в Монтрё, сохранив, однако, свою позицию в этом вопросе³⁴.

Присоединение Италии к конвенции в Монтрё было высоко оценено правящими кругами Турции. Выступая перед партийной фракцией Великого национального собрания 4 мая, премьер-министр Д. Баяр специально остановился на этом событии, назвав его «новой демонстрацией турецко-итальянской дружбы»³⁵. В том же духе комментировала его и турецкая пресса. Газета «Улус» писала, например, что оно создало «необходимые предпосылки для плодотворного сотрудничества средиземноморских стран»³⁶.

Усиление германского влияния начало беспокоить английскую дипломатию. 31 марта Галифакс запросил посольство в Анкаре, какие меры могут быть предприняты для того, чтобы уменьшить в Турции впечатление от аншлюса Австрии³⁷. Из некоторых предложенных посольством мер английское правительство решило прибегнуть только к предоставлению Турции кредита. Переговоры о нем, начатые еще раньше, активизировались, и в конце апреля была достигнута договоренность о предоставлении займа на общую сумму в 16 млн. ф. ст., из которых 10 млн. шло на закупку в Англии машин, железнодорожного и промышленного оборудования и т. д., а остальная сумма предназначалась для приобретения военных материалов и покупку военных кораблей. В политических кругах Турции заем был расценен как проявление английской заинтересованности повысить военный потенциал страны, учитывая ее стратегическое положение и роль, которую она может сыграть в случае обострения обстановки в Восточном Средиземноморье³⁸. Английская печать ставила заем в прямую связь с усилением германского проникновения в Турцию, на Балканы и Ближний Восток³⁹.

Усилившееся весной 1938 г. англо-турецкое сотрудничество все больше принимало характер согласованных мероприятий по укреплению важных для обеих сторон военно-стратегических и политических позиций в интересовавших их районах Восточного Средиземноморья и на Балканах. Заключение греко-турецкого договора от 27 апреля и присоединение Италии 2 мая к конвенции в Монтрё стали исходными моментами для последующих

³⁴ Там же, dok. N 543, S. 605—606. Верманн — посольству в Рим 29 апреля 1938 г.

³⁵ ЦГАОР, ф. 4459, оп. 28/2, ед. хр. 232, л. 28—29. Сообщение ТАСС из Анкары 6 мая 1938 г.

³⁶ Там же.

³⁷ Живкова Л. Англо-турските отношения..., с. 105.

³⁸ ДА ДСИП, ЛП, 1938, пов. бр. 538, 1—6. Миссия в Анкаре — в Белград 2 мая 1938 г. об английском займе Турции.

³⁹ ЦГАОР, ф. 4459, оп. 28/2, ед. хр. 232, л. 26. Сообщение ТАСС из Лондона 5 мая 1938 г.

совместных шагов турецкой и английской дипломатии на Балканах, стремившихся добиться соглашения Балканской Антанты с Болгарией об отмене демилитаризованных зон во Фракии в обмен на признание болгарских вооружений.

Но Турция не отказывалась и от использования противоречий между западными державами и странами «оси». 10 мая государственный секретарь турецкого МИД Н. Менеменджюглу вновь поставил перед советником германского посольства Г. Кроллем вопрос о желании турецкого правительства обсудить в самом ближайшем времени весь комплекс германо-турецких экономических отношений. Н. Менеменджюглу сообщил, что он возглавит турецкую делегацию и что его назначение определяется не только желанием Турции придать особое значение предстоящим переговорам, но и использовать его пребывание в Берлине, чтобы обсудить состояние и возможности развития политических отношений двух стран⁴⁰. Германская дипломатия расценила турецкую инициативу как желание внести соответствующие поправки в свою нейтральную позицию и в области экономики⁴¹, поэтому она внесла встречное предложение начать переговоры о предоставлении Турции германских кредитов.

В политической области германская дипломатия проявляла желание добиться от Турции обещаний занять нейтральную позицию в отношении Германии в случае обострения положения в Европе. В то же время она полагала, однако, что пока еще рано ставить вопрос о турецком нейтралитете. «Турция,— считал посол в Анкаре Келлер,— не согласится определить свою позицию на случай будущего конфликта», поскольку сохранение свободы действий является одним из основных столпов ее политики. Даже подчеркивая постоянно дружественные отношения с Англией, резюмировал Келлер, Турция стремится сохранить за собой свободу принятия решений⁴². Тем не менее Германия не теряла надежд на возможность добиться благоприятных для себя сдвигов в позиции Турции и намеревалась использовать для этого свой самый сильный рычаг — экономическое давление.

Но пока что все это оставалось лишь в области пожеланий, а действительная позиция и политика Турции и тесно связанной с нею Греции говорили о том, что обе страны в конкретной международной обстановке весной 1938 г. были проводниками английских интересов на Балканах и шли в фарватере общей политики Англии.

⁴⁰ AA (Bonn), Pol. Abt. VII, Po 2 Türkei, Bl. 61, Pol VII (№ не указан). Келлер (Анкара) — в Берлин 11 мая 1938 г.

⁴¹ Kroll H. Lebenserinnerungen eines Botschafters. Köln — Berlin, 1967, S. 102.

⁴² ADAP, Serie D, Bd. V, Dok. N 544, S. 606—607. Келлер (Анкара) — Вайцеккеру 17 мая 1938 г.

2. Особенности политической линии турецкой и греческой дипломатии в связи с обострением положения в Европе летом 1938 г.

В период усиления напряженности в Европе после майского кризиса, вызванного агрессивными действиями Германии против Чехословакии, Турция и Греция развили оживленную дипломатическую деятельность. Турция постаралась использовать сложившуюся ситуацию для решения в свою пользу вопроса об Александреттском санджаке и вместе с Грецией провести переговоры с Болгарией.

17 мая турецкий крейсер «Хамидие» посетил болгарский порт Варну с дружеским визитом — первым за весь период после мировой войны. Оказанный ему прием свидетельствовал об усилениях обеих сторон укреплять свои отношения⁴³. Турецкая дипломатия стремилась успокоить Румынию в связи с начавшимися переговорами с Болгарией. В середине июня состоялся «неофициальный» визит в Стамбул румынского короля Кароля и его встреча с Ататюрком, во время которой были затронуты вопросы укрепления Балканской Антанты, отношения между Румынией и Болгарией, а также обсуждалось предложение Кароля поднять взаимное представительство стран Балканской Антанты до уровня послов⁴⁴. Со своей стороны Греция сделала в адрес Болгарии ряд небольших дружественных жестов. Развивалась болгаро-греческая торговля на основе клирингового соглашения, заключенного в начале 1938 г. Весной этого года Греция впервые приняла участие в международной выставке сельскохозяйственных орудий в Пловдиве и в свою очередь пригласила Болгарию принять участие в международной ярмарке в Салониках⁴⁵. Греческая печать поместила обширные комментарии в связи с тронной речью царя Бориса при открытии Народного собрания 22 мая, подчеркивая значение его слов о желании Болгарии укреплять отношения с соседними государствами, и много писала об улучшении болгаро-греческих отношений. За фасадом дружеских жестов и благожелательных слов в глубокой тайне начались переговоры между Метаксасом и болгарским посланником в Афинах, с которыми обе стороны связывали свои особые интересы⁴⁶.

⁴³ ДА ДСИП, ЛП, 1938, пов. бр. 611, 1—14. Месечни извештај МИП-а за мај 1938 г. (Турска).

⁴⁴ Там же, пов. бр. 692, 1—14. Месечни извештај МИП-а за јуни 1938 г. (Грчка).

⁴⁵ Там же, пов. бр. 611, 1—14. Месечни извештај МИП-а за мај 1938 г. (Грчка).

⁴⁶ См. гл. II настоящей работы, с. 79—91.

В то время как развитие событий на Балканах приняло желательное для Турции и Греции направление, обострился вопрос об Александреттском санджаке и связанные с ним турецко-французские отношения. К весне 1938 г. положение в санджаке с его смешанным населением, состоявшим из турок, арабов и значительного числа лиц христианского вероисповедания, достигло крайнего напряжения. Участвовавшие там вооруженные столкновения стали принимать такие размеры, которые граничили с состоянием гражданской войны⁴⁷. Турецкая пресса наполнилась сообщениями о насилиях, чинимых над турецким населением в санджаке при попустительстве французских властей и комиссии Лиги Наций, что разжигало в стране националистические настроения⁴⁸. Подготовка выборов в сейм санджака еще более усилила напряженность. Произошли кровавые инциденты на границе с Сирией и территории самого санджака. В мае — июне турецкая печать развернула настоящую антифранцузскую кампанию, в адрес Франции посыпались угрозы и оскорбления. Газета «Улус» поставила даже вопрос о пересмотре отношения Турции к Лиге Наций и ее членстве там⁴⁹.

«По мнению обычно хорошо осведомленных парижских кругов, — сообщал ТАСС, — турецкое правительство использует создавшуюся международную ситуацию для нажима на французское правительство. В указанных кругах циркулируют слухи о возможной военной оккупации санджака турками»⁵⁰. Кризис на Ближнем Востоке оказывал существенное влияние на положение Франции в Европе, открывал возможности для новых происков гитлеровской дипломатии. Под давлением обстоятельств Франция пошла на уступки, понуждаемая к тому и Англией. В связи со сложившимся положением французский министр иностранных дел Ж. Боннэ принял 2 июня турецкого посла Суада Давиза. В середине июня открылись переговоры представителей генштабов Турции и Франции в Антиохии о допуске турецких войск в санджак, а по дипломатическим каналам — переговоры о заключении франко-турецкого договора о дружбе и ненападении.

Обострение положения на Ближнем Востоке и в Европе и формирование линии и тактики турецкой дипломатии проходили в условиях усиления политической борьбы внутри правящей кемалистской партии. Помимо противоречий между отдельными

⁴⁷ Миллер А. Ф. Очерки новейшей истории Турции, с. 190.

⁴⁸ Да ДСИП, ЛП, 1938, пов. бр. 611, 1—14. Месечни извештај МИП-а за мај 1938 г. (Турска).

⁴⁹ ЦГАОР, ф. 4459, оп. 28/2, ед. хр. 232, л. 44. Сообщение ТАСС из Анкары 16 июня 1938 г.

⁵⁰ Там же, л. 39. Сообщение ТАСС из Парижа 2 июня 1938 г.

группами по вопросам внешней и внутренней политики на нее оказывало все возрастающее влияние болезнь Ататюрка, в связи с чем вставал вопрос о его преемнике и, следовательно, о руководстве страной.

Борьба за Александреттский санджак накладывала отпечаток на отношение Турции к событиям в Европе, в частности на ее отношение к чехословацко-германскому конфликту. Желание оказать давление на Францию вылилось в готовность вести переговоры с Германией, выходящие далеко за рамки экономических отношений двух стран. Без учета этого обстоятельства нельзя правильно оценить турецко-германские переговоры в Берлине летом 1938 г., которые велись одновременно с турецко-французскими и преследовали цель, помимо прочего, оказать на них влияние.

Переговоры проходили в Берлине с 30 июня по 25 июля. На следующий день после их начала Н. Менеменджюглу в сопровождении посла Х. Арпага был принят Риббентропом и изложил ему принципы турецкой внешней политики, смысл которой заключался, по его словам, в «абсолютном нейтралитете». С Советским Союзом, говорил он, Турция стремится поддерживать нормальные отношения, а с Англией — дружественные, хотя никаких письменных соглашений с нею нет. С Италией у нее — «дружественные отношения», а с Францией — «менее сердечные» из-за вопроса об Александреттском санджаке. Особенно тесные и дружественные отношения существуют у Турции с Грецией. «Параллельность интересов» обоих государств привела к полному согласию между ними. Впрочем, Турция желает также, чтобы у нее были хорошие отношения с Болгарией, «но не может одобрять ее территориальных стремлений во Фракии». Перейдя к турецко-германским отношениям, Н. Менеменджюглу подчеркнул желание Турции сделать их особенно хорошими и дружественными. Между двумя государствами не существует противоположных интересов. Лучше всего их отношения строить на базе благожелательного нейтралитета. Турция не примет участия ни в какой комбинации, которая была бы направлена против Германии. На этой основе в будущем будет возможно более тесное сотрудничество⁵¹.

Риббентроп, давая в свою очередь обзор германской политики, обратил внимание Н. Менеменджюглу на необходимость взаимной дипломатической поддержки государств, которым был нанесен ущерб мирными договорами, чтобы противостоять державам, выступающим за сохранение статус-кво, и добиваться необходимой ревизии договоров. Сделав таким путем намек на

⁵¹ АА (Bonn), Büro des Staatssekretärs, Türkei, Bd. I, RM-244.— Запись беседы Риббентропа с Н. Менеменджюглу 1 июля 1938 г.

вопрос о санджаке и франко-турецкие отношения, он заявил, что политика благожелательного нейтралитета представляется ему подходящей основой для дальнейшего развития более тесных отношений двух стран⁵².

Однако в многообещающее для Германии начало переговоров существенные коррективы внесло достижение Турцией и Францией соглашения об Александреттском санджаке. Оно было подписано 3 июля в Антиохии, и турецкие войска вступили в санджак, «независимость» которого превращалась в чисто фиктивную. На состоявшихся там вскоре — 22 июля — выборах в сейм под формальным надзором Лиги Наций турецкая группа получила 63% голосов и 22 мандата из 40⁵³. 4 июля в Анкаре был парафирован договор о дружбе между Турцией и Францией, по которому стороны обязались не входить с другими странами ни в какие политические и экономические комбинации, направленные против одной из них; не оказывать помощь третьей стороне в случае ее нападения на одну из них; консультироваться друг с другом в случае угрозы всеобщему миру и безопасности в районе Восточного Средиземноморья; сохранять обязательства, вытекающие из Устава Лиги Наций⁵⁴.

Подписание франко-турецкого соглашения о санджаке и договора о дружбе получило широкий отклик в мировой печати, комментировавшей их как удар по немецким проискам на Балканах и Ближнем Востоке. Болгарский посланник Н. Антонов сообщал из Москвы, что там редко показывали так быстро свое полное удовлетворение. И это понятно, добавлял он от себя: сближаясь с Францией и располагая уже благоволением Англии, Турция ослабит или по крайней мере укрепит старые и порядочно ослабевшие советско-турецкие связи. Вместе с тем, рассуждал Антонов, освободившись от забот в Азии, Турция обратит теперь все свое внимание на Европу, на Балканы. Не будет ли это опасно для Болгарии? Такой вопрос Антонов поставил французскому послу в Москве Кулондру. Тот ответил ему, что франко-турецкий договор — часть обширного плана, который совместно проводят в жизнь Англия и Франция в Восточном Средиземноморье и на Балканах. Идеализируя политику Франции и рисуя ее в розовом цвете, Кулондр говорил, что она проводит линию на сближение центральноевропейских и балканских государств с целью создания надежной преграды против возможного расширения Германии. Франция не думает пренебрегать интересами Болгарии, заверял Кулондр, но при условии, что та

⁵² Там же.

⁵³ ДА ДСИП, ЛП, 1938, пов. бр. 946, 1—14. Месечни извештај МИП-а за август 1938 г. (Турска).

⁵⁴ Миллер А. Ф. Очерки новейшей истории Турции, с. 190—191.

покажет себя сговорчивой и постарается облегчить действия западных держав⁵⁵.

Обеспокоенная германская дипломатия поспешила выяснить действительный объем турецких обязательств по договору с Францией. Однако в беседе с послом Келлером в Стамбуле 10 июля Р. Арас отрицал, что договор представляет собой какой-то поворот в политике Турции. Что бы ни писала французская пресса, говорил турецкий министр иностранных дел, он не выходит за рамки обычных договоров подобного рода и повторяет их типичные формулировки. Он заверил посла, что Турция никогда не вступит в направленную против Германии комбинацию⁵⁶. Несмотря на такие заверения, договор с Францией оказал несомненное воздействие на позицию Турции в переговорах с Германией и привел к их затяжке.

Германская дипломатия не упустила случая оказать нажим на Турцию, подняв вновь вопрос о присоединении Германии к конвенции в Монтрё. В беседе с Н. Менеменджиоглу Риббентроп настаивал на старом германском предложении заключить двустороннее соглашение, но турецкий дипломат отвел его, ссылаясь на невозможность для Турции действовать без согласия всех остальных держав, подписавших конвенцию⁵⁷. Он занял также уклончивую позицию относительно исправленного немецкого проекта, который учитывал юридическую сторону вопроса, но сохранял принципиальную позицию Германии, которая добивалась предоставления ей равных прав с державами, подписавшими конвенцию⁵⁸. Турецкая сторона отвергла также немецкое предложение заключить договор о нейтралитете между Германией и Турцией по образцу франко-турецкого договора. Взаимный нейтралитет, заверял Н. Менеменджиоглу Риббентропа, следует принимать как само собой разумеющееся, и германо-турецкие отношения на этой основе лучше строить без всякого письменного соглашения, как это имеет место и в англо-турецких⁵⁹.

В ходе переговоров германская сторона поставила еще один вопрос, имевший политическое значение, — о предоставлении германской авиации права перелета над зоной проливов и над

⁵⁵ ЦДИА, ф. 176, оп. 7, а. е. 866, л. 1—3. Антонов (Москва) — Кьосеванову 9 июля 1938 г.

⁵⁶ AA (Bonn), Büro des Staatssekretärs, Türkei, Bd. I. Келлер (Терапия) — в Берлин 10 июля 1938 г.

⁵⁷ ADAP, Serie D, Bd. V, Dok. N 548, S. 613—614. Запись беседы Риббентропа с Н. Менеменджиоглу 7 июля 1938 г.

⁵⁸ Там же, док. № 550, с. 617—618. Циркуляр германского МИД от 16 августа 1938 г. о политических итогах германо-турецких переговоров; док. № 556, с. 622—623. Запись беседы Вайцеккера с Н. Менеменджиоглу 5 января 1939 г.

⁵⁹ Там же, док. № 548, с. 613—614. Запись беседы Риббентропа с Н. Менеменджиоглу 7 июля 1938 г.; док. № 550, с. 617—618.

турецкой территорией, ссылаясь на существование аналогичных соглашений со скандинавскими странами о перелете через Бельтские проливы. Турецкая сторона отклонила и это предложение, поскольку, по словам Н. Менеменджиоглу, такое право пришлось бы предоставить в таком случае еще четырем странам: Англии, Франции, Италии и Румынии. Однако от имени турецкого правительства он дал согласие на заключение договора с немецкой авиакомпанией «Люфтганза» об установлении авиалинии Берлин — Стамбул⁶⁰. Это было серьезной уступкой, поскольку Турция не имела до этого подобных соглашений.

Обсуждение экономических вопросов в ходе германо-турецких переговоров шло в соответствии с немецкими ожиданиями. Н. Менеменджиоглу неоднократно подчеркивал, что кредитное соглашение с Англией не ставит целей ограничить экономические связи Турции и Германии. Турецкая сторона выражала готовность заключить на таких же условиях кредитное соглашение и с Германией. Подобное соглашение, заявлял Н. Менеменджиоглу, даст возможность Турции подчеркнуть перед внешним миром ее «позицию равновесия между Германией и Англией также и в области получения кредитов»⁶¹. В сферу германо-турецкого экономического соглашения, подписанного 25 июля, была включена также и территория Австрии, что явилось со стороны Турции косвенным признанием ее аншлюса⁶². Прямое признание последовало спустя несколько дней в беседе Р. Араса с германским посланником Фабрициусом в Румынии, куда турецкий министр иностранных дел прибыл на похороны члена королевского дома. Впервые за все время их знакомства, отмечал Фабрициус, он услышал от Араса, как тот говорил о германо-турецком братстве по оружию в годы первой мировой войны. «Мы говорим об этом,— записал Фабрициус его слова,— потому что мы имеем так много одинаковых интересов; мы являемся, и этого мы никогда не забудем, старыми союзниками в мировой войне»⁶³. Турция, объяснял Арас Фабрициусу, не думает вмешиваться в центральноевропейские дела. В отношении аншлюса Австрии она занимает такую же позицию, как и Венгрия, и рассматривает его как «внутригерманское дело»⁶⁴.

Не менее симптоматичной была проведенная Арасом аналогия между положением судетских немцев в Чехословакии и по-

⁶⁰ DZA (Potsdam). AA, Na.-Pol. Abt. (Handakte Clodius), N 68749, Bl. 203—207. Записка Клодиуса от 26 июля 1938 г. об итогах германо-турецких переговоров.

⁶¹ Там же.

⁶² ADAP, Serie D, Bd. V, Dok. N 546, S. 609—611; Dok. N 547, S. 611—612; Dok. N 549, S. 615—616.

⁶³ AA (Bonn), Pol. Abt. VII, Po 2 Türkei, Bl. 84—89, Pol VII 1020/38. Фабрициус (Бухарест) — в Берлин 27 июля 1938 г. о беседе с Р. Арасом 26 июля.

⁶⁴ Там же.

ложением турок в Александреттском санджаке. Фабрициус воспользовался случаем, чтобы разъяснить ему позицию Германии в судетском вопросе и точку зрения Генлейна. В ответ Арас, исходя, по-видимому, из своего опыта в связи с вопросом о санджаке, заявил Фабрициусу о своей уверенности, что Англия найдет способ удовлетворить большую часть требований судетских немцев. Войны ни в коем случае не будет, добавил он, и ручательством тому служит «мирная политика фюрера»⁶⁵.

Сдвиг в турецких оценках европейской ситуации и обязывающие Турцию заявления в отношении Германии были несомненным итогом германо-турецких переговоров. И германская дипломатия решила развивать достигнутый успех, перенося центр тяжести на дальнейшее усиление экономической зависимости Турции от Германии. Сразу же по завершению переговоров встал вопрос о визите министра экономики Функа в Анкару, с которым связывалось окончательное заключение кредитного соглашения. Турецкое правительство дало согласие на этот визит и предложило начать его в конце первой недели октября, поскольку на конец сентября предусматривалось посещение Турции французским министром иностранных дел⁶⁶.

Если в отношениях с великими державами турецкая политика была подвержена существенным колебаниям и изменениям, связанным с непрерывным лавированием, то ее основные линии на Балканах отличались, напротив, значительным постоянством, а в конкретных шагах турецкой дипломатии прослеживались намерения разграничить эти две сферы, а точнее, не дать повода для вмешательства Германии и Италии в балканские дела, которые Турция собиралась решать в тесном сотрудничестве с Англией, связывая с последней вопросы обеспечения собственной безопасности.

Заключение Салоникского соглашения было с большой полнотой отмечено как в турецкой, так и в греческой прессе. Газеты обеих стран единодушно расценивали его как первый шаг на пути эффективного сотрудничества всех балканских стран. Особенно усердствовала греческая пресса, которая представляла его как огромный успех правительства Метаксаса и созданного им режима. Само правительство использовало его для саморекламы и укрепления своего внутреннего положения, которое было далеко не блестящим. Вспыхнувшее 29 июля на острове Крите восстание, хотя оно и было плохо подготовлено и быстро подавлено, показывало слабость режима и отсутствие у него массовой поддержки. Опасаясь, как бы восстание не перекинулось в

⁶⁵ АА (Вопп), Pol. Abt. VI, Po 2 Türkei, Bl. 84—89. Pol. VII 1020/38. Фабрициус (Бухарест) — в Берлин 27 июля 1938 г. о беседе с Р. Арасом 26 июля.

⁶⁶ АА (Вопп), Pol. Abt. VII, Po 2 Türkei, Bl. 97. Келлер (Анкара) — в Берлин 9 августа 1938 г.

другие районы страны, правительство Метаксаса наводнило Афины и Салоники войсками, а также произвело превентивные аресты оппозиционных деятелей, собрав в тюрьмах и полицейских участках более 2500 человек⁶⁷. Но все это не помешало правительству отметить 4 августа вторую годовщину установления диктаторского режима. В организованных правительством торжествах в Афинах значительное место занимало прославление Салоникского соглашения с Болгарией⁶⁸.

В действиях Турции и Греции, связанных с Салоникским соглашением, прослеживался явный параллелизм. Три недели спустя после его заключения, 21 августа, обе страны одновременно объявили о введении своих войск в бывшие демилитаризованные зоны во Фракии в силу снятых теперь соглашением ограничений. Синхронизация передвижений турецких войск, вступивших в Адрианополь, и греческих войск, вступивших в Александрополь, свидетельствовала о предварительной договоренности генштабов обеих стран.

Время после заключения Салоникского соглашения показалось турецкому правительству подходящим для реализации его плана высылки из Турции лидера ВМРО И. Михайлова и актуализации македонского вопроса со всеми связанными с этим последствиями и расчетами. Возня вокруг Михайлова уже давно привлекала внимание югославской и болгарской дипломатии. Она стала особенно заметной после аншлюса Австрии, когда И. Михайлов сделал попытку получить визу в консульстве США в Стамбуле, о чем американский консул сообщил своему болгарскому коллеге⁶⁹. В последующие месяцы не прекращались попытки получить для него въездную визу в другие страны (Англию, Швейцарию, Румынию), которые отвечали, однако, отказом. В течение апреля и мая с болгарским посланником Т. Христовым несколько раз беседовал о И. Михайлове турецкий министр внутренних дел Шюкрю Кая, настаивая на том, чтобы Болгария либо дала ему амнистию, либо добилась для него визы на выезд в США или другую страну⁷⁰. Но болгарская дипломатия отмалчивалась и не желала вступать в обсуждение этого вопроса.

И для Югославии, и для Болгарии было ясно, что эти действия были направлены против них и против их сотрудничества.

⁶⁷ ДА ДСИП, ЛП, 1938, пов. бр. 784, 1—14. Месечни извештај МИП-а за јули 1938 г. (Грчка); пов. бр. 946, 1—14, Месечни извештај МИП-а за август 1938 г. (Грчка).

⁶⁸ Там же. См. также: АА (Вопн), Pol. Abt. IV, Po 5 Griechenland, Bl. 165, Pol. IV 5498/38. Гревениц (Афины) — в Берлин (август 1938 г.).

⁶⁹ ЦДИА, ф. 176, оп. 7, а. е. 582, л. 34. Сливенский (Стамбул) — в Софию 17 марта 1938 г.

⁷⁰ ЦДИА, ф. 176, оп. 7, а. е. 946, л. 83—87. Христов (Анкара) — в Софию 25 мая 1938 г.

Умонастроения их официальных представителей отразились, как в капле воды, в беседе югославского посланника Б. Лазаревича в Брюсселе, переведенного только что сюда из Анкары, с болгарским посланником Симеоном Радевым. 14 июля Лазаревич, хорошо осведомленный в вопросах внешней политики Турции, подробно информировал своего собеседника об отношении турецкой дипломатии к югославо-болгарскому пакту. Он отмечал, что пакт был воспринят в Анкаре как удар по турецким планам такого сотрудничества Югославии с Турцией, которое позволило бы обеим странам установить свою гегемонию на Балканском полуострове. В Турции убеждены, пояснил он в ответ на вопрос С. Радева, что болгаро-югославский пакт не содержит секретных соглашений. «В действительности,— говорил Лазаревич,— они боятся не нынешнего состояния болгаро-югославских отношений, а их возможного развития в будущем. Поэтому они и держат Ванчо (Ивана) Михайлова как козырь против нас»⁷¹.

Летом 1938 г. этот «козырь» был брошен в игру. Единственной страной, которая выразила готовность дать И. Михайлову въездную визу, оказалась Польша. Ее посланник в Софии А. Тарновский, имевший связи с ВМРО и ее представителями, убеждал варшавский МИД, что предоставление Михайлову политического убежища в Польше позволит ей приобрести влияние в Болгарии и среди македонских эмигрантских организаций за границей⁷². Польские правящие круги, начавшие борьбу за «чехословацкое наследство» в Юго-Восточной Европе, ухватились за это предложение, рассчитывая усилить свою роль на Балканах. В начале июля польский МИД дал указание своему консульству в Стамбуле выдать И. Михайлову въездную визу⁷³. Это дело держалось в глубокой тайне, и только в начале августа было решено приступить к его реализации.

Однако первые же шаги показали польской дипломатии, что она втянулась в опасную и чреватую последствиями крупную интригу. Если болгарское правительство не высказало никаких возражений против переезда Михайлова в Польшу⁷⁴, то югославское правительство заняло резко отрицательную позицию. Как только в Белграде стало известно, что Михайлов получил в польском консульстве въездную визу⁷⁵, польскому посланнику

⁷¹ ЦДИА, ф. 176, оп. 7, а. е. 818, л. 1—2. С. Радев (Брюссель) — в Софию 15 июля 1938 г.

⁷² ИДА, ф. 2е, оп. 4, ед. хр. 18, л. 367—368. Тарновский (София) — в Варшаву 23 мая 1938 г.

⁷³ Там же, л. 366. МИД (Варшава) — Тарновскому (София) 8 июля 1938 г.

⁷⁴ Там же, л. 248. Тарновский (София) — в Варшаву 4 августа 1938 г.

⁷⁵ ИДА, ф. 2е, оп. 4, ед. хр. 18, л. 339. Консульство в Стамбуле — в Варшаву 13 августа 1938 г.

Дембицкому было указано на серьезные последствия, которые могло бы иметь для югославо-польских отношений предоставление убежища Михайлову⁷⁶. 16 августа Стоядинович обратился от имени югославского правительства с просьбой к польскому правительству не допускать Михайлова в Польшу⁷⁷.

Польское правительство было заинтересовано в позиции Югославии в связи с развитием чехословацких событий и не могло игнорировать ее просьбу. 18 августа польский МИД отдал распоряжение консульству в Стамбуле аннулировать визу Михайлова и информировал об этом Турцию, Болгарию и Югославию⁷⁸. Но к тому времени Михайлов уже приобрел с помощью турецких властей билет на польский пароход «Левант», совершавший рейсы между Стамбулом и Гдыней. Вечером 19 августа турецкая полиция доставила его с женой на борт корабля и невзирая на протесты консула и капитана принудила 20 августа корабль «Левант» с Михайловым на борту отплыть из Стамбула⁷⁹.

В условиях обострения международной обстановки в Европе и угрозы распространения напряженности на Балканы отъезд Михайлова был расценен югославскими правящими кругами как прямой выпад против их интересов. 21 августа в Блде открылась конференция Постоянного совета Малой Антанты, обсуждавшая соглашение с Венгрией. По свидетельству Дембицкого, на обеде, устроенном в тот день принцем-регентом Павлом в его летней резиденции в честь министров иностранных дел стран Малой Антанты, главной темой разговоров служил отъезд Михайлова из Турции. Сложившуюся в связи с этим вопросом там атмосферу Дембицкий характеризовал в письме в Варшаву как «истерию или психоз, но она является важным фактом, с которым следует считаться»⁸⁰. В последующие дни он непрерывно слал телеграммы в Варшаву и поддерживал связь с МИД по телефону, извещая, что Белград, поставленный перед свершившимся фактом, намерен просить польское правительство установить над Михайловым контроль, исключаяющий возможные политические действия с его стороны, и советовал пойти навстречу югославским пожеланиям. В противном случае, предупреждал Дембицкий, в югославо-польских отношениях могут произойти такие изменения, которые будут означать «потерю партнера, каким является для нас Югославия». Существуют ли в Варшаве другие достаточно веские расчеты, которые могли бы

⁷⁶ Там же, л. 333—334. Дембицкий (Белград) — в Варшаву 14 августа 1938 г.

⁷⁷ Там же, л. 346. Дембицкий (Белград) — в Варшаву 16 августа 1938 г.

⁷⁸ Там же, л. 342. Арцишевский (Варшава) — консульству в Стамбуле 18 августа 1938 г.

⁷⁹ Там же, л. 299—302. Рыхлевич (Стамбул) — в Варшаву 2 сентября 1938 г.

⁸⁰ ИДА, ф. 2е, оп. 4, ед. хр. 18, л. 293—295. Дембицкий (Белград) — в Варшаву 5 сентября 1938 г.

компенсировать такую потерю?— запрашивал посланник и предлагал вызвать его в Варшаву, чтобы самому иметь возможность осветить всю серьезность положения⁸¹. В конце сентября, проделав путь вокруг Европы, Михайлов прибыл в Польшу. Накануне его приезда в Варшаве на совещании представителей министерства иностранных дел, 2-го отдела генштаба и отдела безопасности министерства внутренних дел были согласованы меры по его интернированию и назначено место его поселения в центральной части страны⁸². Последующее пребывание Михайлова в Польше не раз служило предметом запросов с югославской стороны и источником беспокойства для польских властей.

В конкретной обстановке, сложившейся на Балканах в конце лета и осенью 1938 г., эпизод с отъездом Михайлова из Турции в Польшу не был мелким событием. Он показывал сложность национальных отношений в этом районе и привел к серьезным трениям в межгосударственных отношениях, наложив печать, в частности, на турецко-югославские отношения. Недаром он вызвал такую бурную реакцию в Югославии, а также получил освещение в мировой прессе.

В тот же период в правящих кругах Турции наблюдался значительный рост антикоммунистических настроений, ширилась панисламистская и пантюркистская пропаганда, носившая антисоветский характер⁸³. Эти тенденции находили поддержку и одобрение со стороны Англии и других империалистических держав. Обратило на себя внимание собравшееся в Стамбуле 6—10 августа 1938 г. совещание японских дипломатов, аккредитованных в балканских государствах и странах Ближнего и Среднего Востока. В совещании приняли участие советник японского посольства в Москве и японские военные атташе. По мнению югославской дипломатии, опиравшейся также на суждения дипломатических кругов в Турции, это совещание преследовало «прямые антирусские цели» и было рассчитано на оказание нажима на СССР с юга в связи с событиями на Дальнем Востоке⁸⁴. Последующее заявление турецкого МИД с осуждением подоб-

⁸¹ ИДА, ф. 2 е, оп. 4, ед. хр. 18, л. 293—295. Дембицкий (Белград) — в Варшаву 5 сентября 1938 г.

⁸² Там же, л. 288—289. Запись итогов межведомственного совещания в Варшаве 17 сентября 1938 г.; ДА ДСИП, ЛП, 1938, пов. бр. 1070, 1—9. Циркуляр югославского МИД от 24 октября 1938 г. об отъезде И. Михайлова из Турции в Польшу.

⁸³ ДА ДСИП, ЛП, 1938, пов. бр. 505, 1—5. Югославский МИД о советско-турецких отношениях, 5 мая 1938 г.; пов. бр. 792, 1—5. Сообщение корреспондента югославского Центрального Прессбюро из Стамбула 31 июля 1938 г. об англо-турецком политическом сотрудничестве.

⁸⁴ ДА ДСИП, ЛП, 1938, пов. бр. 1096, 1—7. Аджемович (Анкара)—в Белград 22 октября 1938 г.; см. также: AMZV, Vyslanectví v Ankafe, P. Z., č. j. 229/dův., г. 1938.—Отчет о внешней политике Турции за июль—сентябрь 1938 г.

ных действий Японии⁸⁵ носило характер запоздалой реакции с целью отмежеваться от прямых антисоветских замыслов.

Если не считать достаточно определившегося охлаждения отношений Турции к Советскому Союзу, остальные линии в ее политике продолжали казаться наблюдателям весьма неопределенными. Проходившие в течение августа в Анкаре переговоры о предоставлении германских кредитов натолкнулись, по свидетельству советника германского посольства Кролля, на значительные трудности, причем турецкая сторона ему даже заявила о нежелании Турции влезать без нужды в новые долги⁸⁶. Германская дипломатия подозревала, что причины изменения турецкой позиции кроются во влиянии Франции. Вскоре после парафирования 4 июля франко-турецкого договора о дружбе Франция сделала предложение Турции заключить между двумя странами договор о союзе и взаимной помощи. Но турецкое правительство не спешило с ответом и решило провести консультацию с Англией с целью превратить предлагавшийся Францией двусторонний союз в трехсторонний⁸⁷. В конце августа Р. Арас сообщил английскому послу П. Лорэну, уезжавшему в отпуск в Англию, о французском предложении и намерении турецкого правительства не вступать в союз с Францией, если Англия не присоединится к нему⁸⁸. Однако со стороны турецкого правительства это был лишь тактический шаг, позволявший не связывать себе руки при выборе дальнейших путей дипломатической активности.

3. Позиция Турции и Греции в период подготовки и проведения мюнхенской конференции. Усиление германского нажима на них

Обострение международного положения в Европе и нагнетание гитлеровской Германией напряженности в связи с «чехословацким кризисом», а также сомнительная позиция западных держав порождали у турецкой и греческой дипломатии стремление к крайней осторожности. Их позиция отражалась на страницах турецкой и греческой прессы, избегавшей давать четкие оценки ситуации и какие бы то ни было комментарии. Находясь под контролем властей, пресса старалась соблюдать своего рода «нейтралитет» по отношению к втянутым в конфликт сторонам, что на деле вело к обелению агрессивных действий фашистской Германии. Особенно тщательно обходился стороной вопрос о по-

⁸⁵ Черников И. Ф. В интересах мира и добрососедства (О советско-турецких отношениях в 1935—1970 гг.). Киев, 1977, с. 24.

⁸⁶ Kroll H. Lebenserinnerungen..., S. 102.

⁸⁷ Живкова Л. Англо-турские отношения..., с. 110.

⁸⁸ Там же, с. 197—199. Копия письма Галифакса Батлеру (Женева) от 19 сентября 1938 г.

зиции Турции и Греции в случае обострения конфликта и возможного военного столкновения в Европе.

На этом фоне наблюдателям невольно бросилась в глаза опубликованная 7 сентября в греческой газете «Катимерини» статья под заголовком «Греция и международный конфликт», резко контрастировавшая с обычными газетными материалами. По распространившимся в Афинах слухам и по сведениям германского посольства, статья вышла из-под пера самого премьер-министра Метаксаса⁸⁹. В ней утверждалось, что Греция достаточно сильно для того, чтобы остаться в стороне от конфликта. Однако это расходилось, по наблюдениям германского посольства, с преобладавшими среди общественности умонастроениями, согласно которым в случае европейского конфликта Греция, независимо от своего желания и желания своих балканских союзников, станет игрушкой в руках великих средиземноморских держав, в первую очередь Англии, а во вторую — Италии⁹⁰. Такая констатация в гораздо большей мере соответствовала реальному положению вещей, чем показная независимость страны, рисовавшаяся официальной пропагандой.

Напряженность в международных отношениях сказывалась и на внутреннем положении Греции. Деятельность запрещенных буржуазных оппозиционных партий в сентябре 1938 г. заметно ослабла. В то же время власти усилили репрессии против коммунистов. Шла обработка общественного мнения в «патриотическом» духе, для чего правительство использовало сбор добровольных пожертвований на развитие авиации⁹¹. Генштаб подготовил план мобилизации греческой армии, но проведение его в жизнь намечалось лишь в случае мобилизации в Болгарии⁹². Однако греко-болгарские отношения продолжали нормально развиваться, в Салониках состоялась конференция экономических делегаций обеих стран, а также обмен делегациями обществ дружбы. Характерно, что в оппозиционных буржуазных кругах по-прежнему сохранялось недоверие к Болгарии и ее целям, несмотря на признаки официального сближения⁹³.

На позицию Турции, как и раньше, продолжало оказывать сильное влияние положение в Александреттском санджаке. После прошедших там в конце июля выборов было образовано правительство, состоявшее из одних турок, а 2 сентября созданный

⁸⁹ АА (Bonn), Gesandtschaft Athen, Griechenland-Aussenpolitik, Pol. N 1, II GA. Миссия в Афинах — в Берлин 8 сентября 1938 г.

⁹⁰ Там же.

⁹¹ ДА ДСИП, ЛП, 1938, пов. бр. 1078, 11—14. Месечни извештај МИП-а за септембар 1938 г. (Грчка).

⁹² ADAP, Serie D, Bd. V, Dok. N 233, S. 264—266. Эрбах (Афины) — в Берлин 8 октября 1938 г. «О позиции Греции во время судетского конфликта».

⁹³ ДА ДСИП, ЛП, 1938, пов. бр. 1078, 1—14.

после выборов парламент принял официальное название нового государства — Хатай и утвердил 6 сентября его конституцию⁹⁴. Сообщения о событиях в Хатае, превращавшемся в маленькое подобие Турции и готового слиться с ней при первой благоприятной возможности, заполняли страницы турецких газет.

Однако с конца августа — начала сентября 1938 г. внимание турецкой прессы во все возрастающей мере стало переключаться на европейские проблемы. Широко освещался «чехословацкий вопрос». Отрицательную в отношении Чехословакии позицию заняли только газеты «Гумхуриет» и «Ля републик», высказавшиеся после конференции Малой Антанты в Бледе в поддержку хортистских ревизионистских требований к Чехословакии⁹⁵.

Опубликованная в английской газете «Таймс» 7 сентября статья, рекомендовавшая передать судетские земли Германии, произвела среди турецкой общественности, по свидетельству чехословацкой миссии в Анкаре, впечатление разорвавшейся бомбы. В развитие идей реакционных английских консерваторов те же газеты («Гумхуриет» и «Ля републик») поместили статьи, доказывавшие, что война вызвала бы такие жертвы и разрушения, которые грозили бы существованию цивилизации⁹⁶. Полет же Чемберлена в Берхтесгаден встретил у этих газет полное понимание, причем статья в «Гумхуриет» от 16 сентября была озаглавлена «Самолет мира». Позиция Англии оказала чрезвычайно сильное влияние на линию турецкой прессы, в которой во второй половине сентября все настойчивее звучали голоса в пользу «мира любой ценой»⁹⁷.

Во время обострения «чехословацкого кризиса» турецкое правительство шло целиком в фарватере английской политики. Об этом свидетельствуют, в частности, переговоры, проходившие в первой половине сентября в Лондоне с прибывшей туда турецкой военно-морской делегацией. По свидетельству французской газеты «Франс милитер», они касались мероприятий по реорганизации турецких вооруженных сил и укреплению Дарданельского пролива за счет предоставленного Англией кредита. По мнению французской газеты, предпринятые меры были рассчитаны на то, чтобы исключить всякое германское участие в работах по укреплению зоны проливов⁹⁸.

15—16 сентября 1938 г. в Женеве на очередной конференции Постоянного совета Балканской Антанты ее участники стара-

⁹⁴ AMZV, Vyslanectví v Ankaře, P. Z., č. j. 229/dův., г. 1938.— Отчет о внешней политике Турции за июль — сентябрь 1938 г.

⁹⁵ Там же.

⁹⁶ Там же.

⁹⁷ Там же.

⁹⁸ ЦГАОР, ф. 4459, оп. 28/1, ед. хр. 233, л. 8. Сообщение ТАСС из Парижа 17 сентября 1938 г.

лись произвести впечатление крепнущего сотрудничества всех балканских стран, включая Болгарию и Албанию. В опубликованном коммюнике говорилось об обмене мнениями по вопросам международного положения и проблемам, представлявшим особый интерес, и подчеркивалось полное единство взглядов⁹⁹. В Женеве происходил постоянный обмен информацией и многочисленные встречи министров иностранных дел Турции и Румынии (Р. Арас и Н. Комнен) и югославского представителя в Лиге Наций И. Субботича, которые с беспокойством наблюдали за позицией Венгрии, опасаясь ее «безрассудных шагов»¹⁰⁰. Опасались они и «дурного примера», который Венгрия могла подать Болгарии, что сразу перенесло бы напряженность на Балканский полуостров.

В Женеве Р. Арасу был передан ответ английского правительства на турецкое предложение заключить тройственный англо-франко-турецкий союз. Из инструкции Галифакса от 19 сентября английскому представителю в Женеве Батлеру видно, что английское правительство не хотело брать на себя новые обязательства в отношении Турции, выходящие за пределы обязательств по Уставу Лиги Наций, на которых базировались тогдашние отношения двух стран, характеризовавшиеся, по словам Галифакса, «особым доверием и сердечностью». Тройственный же союз в предложенной Арасом форме будет, несомненно, расценен Италией как провокация и затруднит англо-итальянские отношения как раз в то время, когда английская сторона стремится к их «гладкому течению»¹⁰¹. Слова Галифакса вновь подтверждали отсутствие намерений у английской дипломатии создавать блок на Балканах, дабы не оттолкнуть Италию и не перечеркнуть другие расчеты, связанные с ней. Кроме того, развилал далее свои мысли английский министр иностранных дел, такой союз «огорчит греков», которые будут думать, что Англия игнорирует их и не считает ценной их дружбу, тогда как «греческая дружба, в случае европейского пожара, является жизненно важной для нас с военно-морской и военно-воздушной точек зрения». В дополнение к изложенному выше такой союз, по мнению Галифакса, окажет неблагоприятное воздействие на Балканскую и Малую Антанты. Их участники могут опасаться, что вызванный в результате германский и итальянский гнев падет на их головы и Германия и Италия окажут на них дополнительный нажим, чтобы уравновесить действие нового союза¹⁰².

⁹⁹ ДА ДСИП, ЛП, 1938, пов. бр. 1078, 1—14. Месечни извештај МИП-а за септембар 1938 г.

¹⁰⁰ ЦДА, ф. 2а, оп. 1, ед. хр. 2, л. 20. Камарницкий (Женева) — в Варшаву 19 сентября 1938 г.

¹⁰¹ Живкова Л. Англо-турските отношения..., с. 197—199.

¹⁰² Там же.

Рассуждения Галифакса интересны еще и потому, что все его «опасения» были решительно отброшены английской дипломатией полгода спустя, весной 1939 г., когда под угрозой оказались интересы самой Англии, что было следствием проводимой ею же политики попустительства агрессии. Осенью же 1938 г. «деликатность» служила только предлогом для отклонения турецкого предложения, которое могло помешать Англии в ее сговоре с гитлеровской Германией. Показательно также, что инструкция Галифакса была послана Батлеру 19 сентября 1938 г., т. е. в тот же самый день, когда Англия и Франция направили правительству Чехословакии ноту с ультимативным требованием передать Германии судетские земли. Такое совпадение не было случайным: оба шага были звеньями одной цепи, оба протекали из единого замысла.

Идя на сговор с Германией, английская дипломатия отдавала себе отчет в том, что предательство ею Чехословакии будет иметь далеко идущие последствия для балканских стран. «Может оказаться необходимым предпринять специальные меры, чтобы предотвратить переход Турции на сторону немцев», — писал Галифакс, рекомендуя Батлеру именно в этом свете рассмотреть его ответ Арасу. Он поручил Батлеру передать турецкому министру иностранных дел его личное послание, в котором благодарил того за своевременное предоставление информации, рассыпался в заверениях, что он видит в этом проявление духа полного взаимного доверия и высоко оценивает побудительные мотивы турецкого предложения. Галифакс выражал надежду, что Арас хорошо понимает, что нынешнее критическое положение в Центральной Европе не позволяет правительству его величества подвергнуть тщательному изучению в настоящий момент предложение о заключении тройственного договора¹⁰³. Отказ Англии был составлен в такой форме, которая оставляла открытой дверь для дальнейших переговоров.

В беседе с Батлером, передавшим ответ английского правительства, Арас сказал, что он ожидал такой реакции с его стороны. По тем же самым причинам, говорил он, турецкое правительство не примет французское предложение, но будет продолжать развивать с Францией дружеские отношения, чтобы в случае нужды тройственный англо-франко-турецкий союз мог быть сразу же заключен¹⁰⁴.

С оглядкой на Англию формировала свою позицию и Греция, хотя она и не проявляла готовности безоговорочно следовать за западными державами. Размышляя над сложившейся в Европе ситуацией, Метаксас говорил 24 сентября болгарскому посланнику в Афинах: «В настоящий момент центр событий находится

¹⁰³ Там же.

¹⁰⁴ Живкова Л. Англо-турские отношения..., с. 111

ся уже не в Берлине и не в Праге, а в Лондоне». От Англии, полагал он, будет зависеть решение вопроса войны или мира. В войну он не верил, но о цене мира, к которому стремится Англия, догадывался. «Так или иначе,— говорил Метаксас,— я все еще надеюсь, что все завершится благополучно — за счет, разумеется, несчастной Чехословакии, наказанной за свою слишком большую веру в дружбу великих держав»¹⁰⁵. Последнее его замечание раскрывало также одну из причин сдержанности, проявлявшейся греческим правительством в отношениях с западными державами, в частности с Англией, и существовавшие в стране опасения, как бы Греция не пришлось «заплатить» за стремление Англии жить в дружбе с Италией, как Чехословакии приходится платить за желание Англии достичь соглашения с Германией.

Сомнения в верности западных держав своим обязательствам по отношению к малым странам роились не только в головах греческих государственных деятелей. Как бы успокаивая себя, Метаксас рассуждал в беседе с болгарским посланником, что даже в случае войны он не видит нужды для Англии и Италии вовлекать в нее Грецию. Значение греческих портов и островов, несмотря на их привлекательность, значительно снизилось вследствие развития авиации. Какую же ценность имел бы, например, для Италии остров Корфу, если флот, скрывшийся в проливе между ним и материком, все равно будет доступен нападениям английских самолетов, сосредоточенных на Мальте? — задавал он вопрос. Вообще, заключал он, балканским странам лучше держаться в стороне, и даже если вспыхнет война, она может обойти их стороной. Греции будет тяжелее сохранить нейтралитет из-за ее положения в Средиземном море, но она будет всячески защищаться от давления и соблазнов, идущих со стороны как одной, так и другой возможной группировки¹⁰⁶.

Намерения греческого правительства вскоре подверглись испытаниям. Неясность ситуации в Европе и продолжавшийся рост напряженности после встречи Чемберлена с Гитлером в Бад-Годесберге заставили английскую дипломатию наряду с поисками путей сговора с фашистской Германией предпринять меры, чтобы застраховаться на случай неудачи. Но взоры ее обратились не на страны Центральной Европы и не на Советский Союз, сотрудничество с которым могло действительно пресечь германские агрессивные планы по отношению к Чехословакии, а на Турцию и Грецию, от позиции которых зависела защита английских имперских интересов на Ближнем Востоке и английское влияние на Балканах.

¹⁰⁵ ЦДИА, ф. 176, оп. 7, а. е. 587, л. 77—78. Шишманов (Афины) — Кюсеянову 24 сентября 1938 г.

¹⁰⁶ Там же.

На короткий период времени, исчислявшийся днями между бад-годесбергской встречей Чемберлена и Гитлера и мюнхенской сделкой, в политике Англии появились черты, которые позднее, весной 1939 г., стали лейтмотивом ее деятельности, а именно стремление заручиться поддержкой Турции и Греции на случай дальнейших осложнений. 26 сентября 1938 г. Галифакс направил Р. Арасу новое послание, в котором сообщил ему, что развитие международной обстановки может сделать обсуждение турецкого предложения о заключении англо-франко-турецкого союза «вопросом большой важности и спешности», а также выражал удовлетворение по поводу намерений Турции провести предварительную консультацию с Грецией¹⁰⁷.

Одновременно английский посланник в Греции С. Уотерлоу навестил премьер-министра Метаксаса и провел с ним многочасовую беседу. Чехословацкий посланник в Афинах, узнавший об этом некоторое время спустя из «надежного источника», сообщал, что речь шла о позиции Греции в случае конфликта и о просьбе к Метаксасу, чтобы тот сделал ясное заявление, что Греция будет на стороне Англии и Франции. Согласно тому же источнику, Метаксас в ответ подчеркивал, что он является всего лишь премьером, один он не может давать никаких обязательств и уклонился от определенного заявления¹⁰⁸. Позднее заместитель министра иностранных дел Маврудис говорил чехословацкому посланнику, что Греции пришлось выдержать нажим с обеих сторон, но она решительно отвечала, что желает сохранить свой нейтралитет¹⁰⁹.

Желание греческого правительства по возможности дольше сохранять свой нейтралитет объяснялось также и внутренними причинами. Любое открытое присоединение к одной из сторон означало бы, по мнению правящих кругов страны, которое разделялось и иностранными дипломатами, «падение авторитарного режима»¹¹⁰. Так, если бы правительство высказалось в пользу Германии (что германский посланник считал «совершенно невероятным»), это встретило бы сопротивление короля и привело бы к «революции». С другой стороны, если бы Греция под давлением изнутри и извне стала бы на сторону Англии, то в течение короткого времени к власти могла прийти буржуазно-либеральная оппозиция («венизеллисты», как писал посланник)¹¹¹. Отсюда и проистекала «сдержанность» греческого пра-

¹⁰⁷ Живкова Л. Англо-турските отношения..., с. 111.

¹⁰⁸ AMZV, Vyšlanectví v Athénách, P. Z., č. j. 251/dův., г. 1938, z. b. č. 34/1. Паллиер (Афины) — в Прагу 15 октября 1938 г.

¹⁰⁹ Там же.

¹¹⁰ ADAP, Serie D, Bd. V, Dok. N 233, S. 264—266. Эрбах (Афины) — в Берлин 8 октября 1938 г.

¹¹¹ Там же.

вительства, видевшего в сохранении «нейтралитета» форму борьбы за власть и поддержания военно-монархического режима.

Наоборот, настроения греческой общечественности не оставляли сомнений в широком распространении в стране антифашистских взглядов. Германское посольство в Афинах расценивало их как «по меньшей мере разочаровывающие». Буржуазные круги и представлявшая их пресса весьма откровенно высказывали свои симпатии западным державам. Широкие же массы населения, по деликатному выражению германского дипломатического документа, показали в ходе кризиса «мало понимания в отношении немецкой точки зрения»¹¹². В таких условиях итоги мюнхенского сговора произвели, естественно, самое отрицательное впечатление на греческое общественное мнение. И хотя политические хамелеоны вновь замелькали в приемной германского посольства, от последнего не укрылись серьезный перелом настроений в стране, особенно заметный в кругах интеллигенции, и распространение взглядов, которые германский документ характеризовал как проявление «корпоративного духа малых государств против великих держав»¹¹³.

Падение авторитета западных держав среди буржуазных кругов Греции не шло, однако, на пользу Германии, недоверие к которой резко возросло. Такие настроения проникали и в государственный аппарат, в частности в военную среду. Так, в беседе с чехословацким посланником заместитель министра обороны генерал Пападимас отмечал, что теперь (т. е. после Мюнхена) у Германии нет друзей во всем мире. Никто ей не верит. И если бы она решилась в дальнейшем на войну, то в самом начале она, может быть, и добилась бы успехов, но в конечном итоге потерпела бы поражение, тем более что к войне она не готова, особенно не хватает ей офицеров. Англия, продолжал Пападимас, колоний Германии не уступит и восстановит против нее весь мир. Впрочем, добавлял он, если Англия и уступит Германии колонии, то не свои, а колонии какой-нибудь малой страны, ибо «малые народы всегда оплачивают счета, возникающие из-за споров великих держав»¹¹⁴.

В целом же исход кризиса как бы оправдывал политику правительства Метаксаса, реабилитировал его линию и тем самым способствовал укреплению военно-монархической диктатуры. С другой стороны, оппозиционный лагерь получал наглядный урок вероломства западных держав, на которые делали ставку буржуазно-либеральные партии и течения. Но и этот усилив-

¹¹² Там же.

¹¹³ Там же.

¹¹⁴ AMZV, Vyslanectví v Athénách, P. Z., č. j. 255/dův., r. 1938, z. b. č. 34/1. Паллиер (Афины) — в Прагу 19 октября 1938 г.

шийся разброд среди последних также был на руку диктаторскому режиму. Использовал он в своих интересах и рост буржуазного национализма в стране, как и опасения за ее будущее. В связи с этим была продолжена и усилилась фашизация страны, сопровождавшаяся широкой пропагандой выгод авторитарного управления и националистической агитацией.

В дни, предшествовавшие мюнхенской конференции, Турция всячески стремилась поддерживать видимость соблюдения ею строгого нейтралитета. В беседах с германскими дипломатами Р. Арас и другие политические деятели не без кокетства подчеркивали, каких трудов стоило Турции отстаивание независимости своей линии. Поэтому у германской дипломатии сложилось впечатление, что Турция «успешно противостояла оказывавшемуся на нее давлению» и проявила на практике свою решимость ни при каких обстоятельствах не дать втянуть себя в конфликт, не затрагивавший ее непосредственных интересов¹¹⁵.

Тактика турецкой дипломатии дала ей возможность довольно быстро приспособить свою линию к новым условиям, сложившимся после мюнхенскогоговора. В устах турецких представителей громко звучали мотивы, отражавшие желание подалеже держаться в стороне от конфликтов великих держав. При любом развитии событий, пояснял Н. Менеменджиоглу одному из сотрудников германского посольства, «малые и средние государства имели бы только одну перспективу — заплатить в конце за фарфор, разбитый великими державами»¹¹⁶. В приведенных словах звучали также неуверенность и сомнения, которые были порождены в правящих кругах Турции позицией западных держав, особенно Англии, на мюнхенской конференции. Эта позиция подвергалась также серьезной критике в турецкой печати, отражавшей опасения в связи с возможным будущим развитием событий¹¹⁷.

В период до и во время мюнхенскогоговора усилилось проникновение Германии в Грецию и Турцию. Как и прежде, использовались в первую очередь экономические рычаги, служившие политическим целям. 1 октября в Афинах состоялось подписание протокола о торговле и расчетах между Германией (включавшей территорию аннексированной Австрии) и Грецией на очередной период¹¹⁸.

¹¹⁵ AA (Wonn), Pol. Abt. VII, Po 2 Törkei, Bl. 234—236, Pol. VII 1429/38. Келлер (Анкара) — в Берлин 19 октября 1938 г. о позиции Турции в период чехословацкого кризиса.

¹¹⁶ Там же.

¹¹⁷ Живкова Л. Англо-турските отношения..., с. 111.

¹¹⁸ DZA (Potsdam), AA, Na.-Pol. Abt, N 68719, Bl. 90—93. Текст торгового протокола, подписанного в Афинах 1 октября 1938 г.

Но наибольшее внимание привлекла, однако, поездка германского министра экономики В. Функа в Турцию, с которой германская дипломатия связывала далеко идущие планы.

Визит Функа состоялся в момент, когда, по словам германского поверенного в Анкаре Кролля, «германский престиж в связи с мюнхенским соглашением поднялся за границей, в том числе и в Турции»¹¹⁹. Во время этого визита обсуждались не только экономические, но и политические вопросы. Экономические проблемы были улажены в короткий срок и было подписано соглашение о предоставлении Турции германских кредитов в размере 150 млн. золотых марок. Из указанной суммы 90 млн. марок предназначались на военные нужды: строительство военного порта Гельджюк в Измитском заливе, приобретение авиационных моторов и крепостной артиллерии для укрепления обороны Дарданелл, ремонт и модернизация крейсера «Явуз» (бывший «Гебен») и др.¹²⁰ Остальная часть кредитов шла на закупку промышленного оборудования и железнодорожных материалов, а также строительство электростанций и заводов, в том числе азотного, алюминиевого, моторного, трех сахарных, цементного и др.¹²¹ Перед отъездом из Турции Функ сообщил представителям печати, что им было достигнуто с турецкими властями соглашение о культурном сотрудничестве, о приезде в страну на гастроли немецких артистов и т. д.¹²²

По свидетельству Кролля, английская дипломатия реагировала на этот визит Функа с плохо скрытым раздражением¹²³.

Визит Функа был центральным, но не единственным моментом его поездки по странам Юго-Восточной Европы, он посетил также Югославию и Болгарию. Поскольку его турне было первым крупным политическим шагом Германии после мюнхенского соглашения, оно было расценено мировой прессой как указание направления ее дальнейшей экспансии. Германская газета «Берлинер бёрзенцайтунг», комментируя 12 октября в специальной статье итоги поездки Функа, связывала с ней начало создания Германией «новой системы мировой торговли» и формирование «экономического комплекса» Германии со странами Юго-Восточной Европы и Ближнего Востока¹²⁴. Поездка

¹¹⁹ *Kroll H. Lebenserinnerungen...*, S. 103.

¹²⁰ AMZV, Vyslanectví v Ankaře, PZ, č. j. 228/dův., г. 1938, z. b. č. 32/1. Фейчер (Анкара) — в Прагу 14 октября 1938 г. о визите Функа в Турцию.

¹²¹ *Нотович Ф. И.* Немецко-фашистский «Дранг нах Остен» после Мюнхена. — Труды по новой и новейшей истории, т. I. М. — Л., 1948, с. 260.

¹²² ЦГАОР, ф. 4459, оп. 28/2, ед. хр. 233, л. 13. Сообщение ТАСС из Анкары 14 октября 1938 г.

¹²³ *Kroll H. Lebenserinnerungen...*, S. 103.

¹²⁴ ЦГАОР, ф. 4459, оп. 28/2, ед. хр. 233, л. 12—13. Сообщение ТАСС из Берлина 12 октября 1938 г.

Функа стала исходным пунктом нового усиления германской экономической и политической экспансии на Балканах.

Встававший в таких условиях вопрос о внешнеполитической ориентации Турции прямо затрагивал интересы Советского Союза. Неудивительно, что советская дипломатия с большим вниманием наблюдала за положением в этой стране и реакцией турецкого правительства на изменения в мировой политике, вызванные мюнхенским сговором. «Последние европейские события породили в правительственных и деловых кругах Турции как чувство страха за судьбу своей страны, так одновременно и «восхищение смелостью гитлеровской Германии, перед которой спасовали Англия и Франция», — сообщал советский посол. — Помпезная встреча Функа, совершенно отличная от той, какая была в свое время оказана Шахту, со всей ясностью подчеркивает открытый крен в сторону Германии турецких руководителей, которые допускают проникновение сотен фашистских «специалистов» во все поры хозяйственной и культурной жизни страны»¹²⁵.

Одновременно оживились проживавшие в Турции белоэмигрантские элементы, особенно из закавказских и среднеазиатских областей. В обстановке, созданной мюнхенским соглашением, они активизировали свои связи с берлинскими эмигрантскими центрами, находившимися на службе гитлеровской разведки. Оттуда в начале октября в Стамбул прибыл специальный эмиссар, прошедший с ними ряд встреч и совещаний антисоветского характера. Эти факты стали известны в дипломатических кругах и послужили основой представления советского посольства турецким властям, принявшим частичные меры¹²⁶.

О происходивших изменениях в турецкой внешней политике писали газеты всего мира. Появилась статья и в советской газете «Журналь де Моску», в которой отмечались происки гитлеровской Германии в Турции. Написанная в спокойных тонах, она указывала на общеизвестные факты, подчеркивая, что развитие событий в мире представляет угрозу и для турецкой независимости¹²⁷. Однако турецкая газета «Ени сабах», явно инспирированная в своих действиях, расценила выступление московской газеты чуть ли не как вмешательство во внутренние дела Турции¹²⁸. Грубое антисоветское выступление газеты «Ени

¹²⁵ СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны. М., 1971, док. № 23, с. 46—47. Терентьев (Анкара) — в Москву 17 октября 1938 г.

¹²⁶ ДА ДСИП, ЛП, 1938, пов. бр. 1209, 1—14. Месечни извештај МИП-а за октобар 1938 г. (Турска).

¹²⁷ Le Journal de Moscou, 1938, 25 oct., p. 2 (Melnikov A. Quinze ans de la République Turque).

¹²⁸ ЦГАОР, ф. 4459, оп. 28/2, ед. хр. 233, л. 27—30. Сообщение ТАСС из Анкары 16 ноября 1938 г. (перевод текста статьи, опубликованной в газете «Ени сабах» в конце октября 1938 г.).

сабах» свидетельствовало о далеко зашедшем отходе Турции от политики дружбы с Советским Союзом.

Для характеристики изменений во внешней политике Турции и Греции показателен также следующий эпизод, разыгравшийся за дипломатическими кулисами. Хотя поднятый в письме Галифакса от 26 сентября 1938 г. к Р. Арасу вопрос о возможности заключения англо-франко-турецкого союза перестал интересовать Англию после заключения мюнхенского соглашения, предложение провести консультацию с Грецией было использовано турецкой стороной. Греческая дипломатия, прекрасно уловившая исподвольные мотивы английского предложения, решила использовать изменение обстановки после Мюнхена, чтобы закрепить свою позицию. Ее действия отличались лукавством и психологическим расчетом на вероятную английскую реакцию. 20 октября 1938 г. Метаксас, пригласив к себе английского посланника Уотерлоу, сделал ему предложение об участии Греции в планировавшемся союзе на тех же условиях, что и Турция¹²⁹. Как и предполагала греческая дипломатия, английское правительство отклонило это предложение. Более того, оно высказало пожелание, чтобы Греция оставалась нейтральной и впрямь. По этому поводу Метаксас так записал в своем дневнике: «Переговоры с Уотерлоу. Мои предложения. Я уверен, что они не будут приняты. Но я освобождаюсь»¹³⁰. Это краткое резюме раскрывало действительную цель греческой инициативы. Ее смысл обнаружился несколько дней спустя, когда греческое правительство, уже имея возможность сослаться на позицию Англии, провозгласило «абсолютный нейтралитет» в качестве главной линии своей внешней политики¹³¹.

Нейтралитет, о котором говорили и который прокламировали после мюнхенского сговора Турция и Греция, отличался рядом специфических черт. Это не был нейтралитет по типу Швейцарии. На деле он означал желание занять промежуточную позицию между западными державами и фашистскими государствами, с тем чтобы лавировать между двумя империалистическими группировками. Другой отличительной чертой такого нейтралитета была антисоветская установка придерживавшихся подобного курса малых и средних государств. На практике она выражалась в отказе сотрудничать с Советским Союзом, который они были склонны рассматривать как ближайшую возможную жертву фашистской агрессии. Усиление тенденций к такого

¹²⁹ Conkav S. The British Policy of Guarantees and Greece (March—April 1939).—*Studia Balcanica* (Sofia), 1971, N 4, p. 201.

¹³⁰ Μεταξᾶς Ι. Τό προσωπικό του ἡμερολόγιου 1933—1941. ΙΚΑΡΟΣ, 1960, τ. 4, σ. 311.

¹³¹ Цонков С. Об этапах внешней политики Греции накануне и в начале второй мировой войны.—*Studia Balcanica*, 1973, № 7, p. 421.

рода нейтралитету в политике Турции и Греции было частью того влияния, которое оказал на них мюнхенский сговор. Эти тенденции свидетельствовали о крупных сдвигах по отношению к великим державам и были следствием изменения соотношения сил на мировой арене в пользу фашистских государств.

4. Смена политического руководства в Турции. Положение Греции в послемюнхенский период

Утром 10 ноября 1938 г. над Босфором прозвучал пушечный выстрел с крейсера «Явуз», возвещавший, что скончался основатель Турецкой республики и ее первый президент Мустафа Кемаль Ататюрк. Страна оделась в траур.

11 ноября 1938 г. Великое народное собрание избрало нового президента Турции — Исмета Иненю. Новый президент принял отставку правительства и поручил формирование кабинета вновь Д. Баяру. В него вошли те же лица, за исключением министра внутренних дел Шюкрю Кая, которого сменил Рефик Сайдам, доверенное лицо нового президента, и министра иностранных дел Р. Араса, которого сменил Ш. Сараджоглу, занимавший до того пост министра юстиции. Отстранение первого не вызвало удивления, поскольку Кая был известен как противник И. Иненю и демонстративно выступал против его избрания президентом. Однако отстранение Араса, руководившего министерством иностранных дел в течение 13 лет, было крупной неожиданностью и комментировалось в дипломатическом корпусе как проявление недоверия к нему и его политике со стороны нового президента¹³². Впрочем, по всеобщему мнению, новый кабинет носил переходный характер. В заявлениях и речах И. Иненю, Д. Баяра и Ш. Сараджоглу подчеркивалось, что все они будут проводить прежнюю линию и продолжать дело Ататюрка.

Тем временем 21 ноября в Анкаре состоялась церемония погребения Ататюрка. На похороны основателя Турецкой республики прибыли 33 иностранных правительственных делегации. Советскую делегацию возглавлял заместитель наркома иностранных дел В. П. Потемкин.

Приезд многочисленных делегаций, которые в большинстве случаев возглавляли премьеры, министрами иностранных дел и крупными политическими деятелями, превратил Анкару в центр дипломатической активности. Непрерывно шли встречи, приемы, беседы. Но особенное внимание привлекли встречи турецких государственных деятелей с В. П. Потемкиным, который

¹³² Да ДСИП, ЛП, 1939, пов. бр. 42, 1—14. Месечни извештај МИП-а за новембар 1938 г. (Турска).

по их просьбе задержался в Анкаре. Во время этих встреч И. Иненю заверил Потемкина, что он придает исключительное значение советско-турецкой дружбе и считает ее основой внешней политики Турции. В случае военных потрясений в мире «Турция никогда не оказалась бы во враждебном СССР лагере. Если же была бы сделана попытка напасть на СССР, Турция преградила бы путь агрессору со своей стороны и не пропустила бы его к нашим границам», — записал В. П. Потемкин слова турецкого президента, просившего довести его заявление до сведения Советского правительства¹³³.

Выглядевшее с внешней стороны довольно решительным, заявление турецкого президента не выходило за рамки декларированного ранее нейтралитета, поскольку аналогичные заявления были уже сделаны Англии и Германии. Всем им Турция обещала не участвовать в направленных против них коалициях и комбинациях. И. Иненю говорил Потемкину, что «до сих пор ни Англия, ни Германия ни одним словом не пытались вовлечь Турцию в орбиту своей внешней политики или оторвать Турцию от СССР. Они слишком хорошо знают, что это невозможно»¹³⁴. Скрыв характер своих обязывающих заявлений Англии и Германии и их встречных предложений, турецкое правительство дало советской стороне очень скудную информацию, сообщив отдельные факты о переговорах с Англией и представив их как направленные на обеспечение безопасности и борьбы с агрессией, а также о переговорах с Германией о ее присоединении к конвенции в Монтрё. По последнему вопросу турецкое правительство приняло во внимание советскую точку зрения, что нет необходимости ни в присоединении Германии к конвенции о проливах, ни в заключении специального двустороннего германско-турецкого соглашения о проливах¹³⁵, и использовало ее в своей политике.

Этот единственный конкретный итог переговоров наряду с декларативными заявлениями о значении советско-турецких дружественных отношений, о которых И. Иненю говорил, что «они по существу являются союзом СССР с Турцией», были использованы турецкой стороной для доказательства нецелесообразности расширения договорных отношений между СССР и Турцией, и в частности для отхода от выдвигавшихся ею же ранее предложений о сотрудничестве черноморских стран в деле обеспечения их безопасности («Черноморский пакт»¹³⁶). И. Иненю

¹³³ СССР в борьбе за мир..., док. № 50, с. 90—91. Потемкин (Анкара) — в Москву 24 ноября 1938 г.

¹³⁴ Там же.

¹³⁵ История дипломатии, т. III. М., 1965, с. 704.

¹³⁶ О проекте «Черноморского пакта» см.: СССР в борьбе за мир..., док. № 135, с. 217; док. № 273, с. 374.

утверждал также, что экономические соглашения Турции с империалистическими странами не налагают на нее никаких политических обязательств. Тем же целям служило и заявление, специально сделанное 28 ноября Сараджоглу корреспонденту ТАСС в Анкаре. Характерно, что в дипломатических кругах в Анкаре весьма единодушно оценивали заявления турецких государственных деятелей об искренней дружбе к Советскому Союзу как желание загладить впечатление от событий недавнего прошлого. Обращалось внимание и на то, что Турция не взяла на себя никаких обязательств и на деле не проявила какого-либо особого внимания к развиту отношений с СССР¹³⁷.

Пока в Анкаре были заняты траурными церемониями, внимание на Балканах начало переключаться на развивавшуюся в Болгарии кампанию против Нейсского договора и за его ревизию. Особенно большое беспокойство испытывали по этому поводу в Греции. Укрепление греко-болгарских отношений в течение лета и осени 1938 г. быстро пошло на убыль после мюнхенского сговора и Венского арбитража, с которым греческие правящие круги связывали оживление ревизионистских настроений в Болгарии¹³⁸. Беспокойство греческого правительства было усилено сменой руководства в Турции и опасением за дальнейшее развитие курса на тесное турецко-греческое сотрудничество. Поездка Метаксаса в Анкару и его встреча с И. Иненю сняла эти опасения. Греция получила заверения, что она может рассчитывать на поддержку Турции, по крайней мере в отношении возможных болгарских претензий. Такой итог визита Метаксаса был подтвержден германскому посланнику Эрбаху турецким посольством в Афинах¹³⁹.

Не стоит ли за болгарскими желаниями получить выход в Эгейское море какая-либо великая держава, а конкретнее — Англия? Этот второй вопрос волновал не только греческое правительство и общественность, но даже в гораздо большей степени дипломатические круги, среди которых он деятельно обсуждался. На греческий запрос в Лондоне был получен ответ, что Англия не предпринимала никаких подобных шагов. Не подтверждалось и румынское предположение, будто слухи идут из болгарского источника: по свидетельству М. Лазаревича, болгарский посланник в Афинах держался корректно и обсуждения таких вопросов избегал¹⁴⁰. Что же касается английской дипло-

¹³⁷ AMZV, Vyslanectví v Ankaře, PZ, č. j. 267/dův., r. 1938, z. b. č. 38/1. Фейчер (Анкара) — в Прагу 30 октября 1938 г. о советско-турецких отношениях.

¹³⁸ ADAP, Serie D., Bd. V, Dok. N 262, S. 292—293. Эрбах (Афины) — в Берлин 6 декабря 1938 г.

¹³⁹ Там же.

¹⁴⁰ ДА ДСИП, ЛП, 1938, пов. бр. 1183, 1—3. Лазаревич (Афины) — министру двора Античу в Лондон 26 ноября 1938 г.

матии, то она твердо продолжала прежний курс отвода болгарских аспираций в сторону от Греции. В беседе с болгарским посланником в Афинах 23 ноября только что вернувшийся из Лондона английский посланник Уотерлоу настойчиво внушал ему, что Болгария не имеет права выдвигать территориальные претензии к Греции, поскольку произвела с ней обмен меньшинствами. Однако, заявлял он, такие права у Болгарии сохранились в отношении Добруджи и западных пограничных областей, и решить их она может путем соглашений с Румынией и Югославией¹⁴¹. Это была та же линия, которую проводил английский посланник в Софии Рендель.

Наконец, правящие круги Греции не могли не обратить внимание на ту реакцию, которую вызвала ревизионистская кампания в Болгарии внутри страны, и в частности ее воздействие на греческую буржуазно-либеральную оппозицию. В конце ноября 1938 г. в оппозиционных кругах широкое распространение получило письмо генерала Пластираса, находившегося в эмиграции в Париже, в котором подвергалась острой критике внешняя политика правительства, якобы не оказывавшего достаточного противодействия болгарскому стремлению к Эгейскому морю¹⁴².

Поводом к новому обострению внутривнутриполитической борьбы послужили выборы афинского архиепископа, являвшегося главой греческой церковной иерархии. Вмешательство властей и объявление недействительными итогов выборов, давших победу поддерживавшемуся оппозицией коринфскому епископу Дамаскиносу, привело к кризису правительства и отставке министра просвещения и вероисповеданий, пост которого занял сам Метаксас¹⁴³. Широкое недовольство действиями правительства в стране, слухи о его скором падении, критика внешнеполитического курса, что встречало отклик и в армии, — все это заставило правящие круги предпринять меры для стабилизации своего положения и попытаться сыграть на националистических настроениях в стране.

26 ноября по возвращении из Анкары Метаксас сделал заявление журналистам, которое было на следующий день опубликовано всей греческой прессой. Он заявил, что Греция ничего не требует от других и со своей стороны желает, чтобы от нее никто ничего не добивался, кроме дружбы. Любые другие требования рассматривались бы ею как враждебный акт незави-

¹⁴¹ ЦДИА, ф. 176, а. е. 943, л. 26—26об. Шишманов (Афины) — в Софию 24 ноября 1938 г.

¹⁴² АА (Bonn), Pol. Abt. IV, Po 5 Griechenland, Bl. 174—175, Pol. IV 8983. Миссия в Афинах — в Берлин 30 ноября 1938 г.

¹⁴³ ДА ДСИП, ЛП, 1939, пов. бр. 42, 1—14. Месечни извештај МИП-а за новембар 1938 г. (Грчка).

симо от методов, какими их предлагали бы решать. Греческие границы, патетически заявил Метаксас, являются нерушимыми как в случае войны, так и в том случае, если бы их захотели изменить мирными средствами¹⁴⁴.

Заявление Метаксаса было единодушно расценено как ответ на ревизионистскую кампанию в Болгарии и демонстрации, проходившие в Софии 25 и 26 ноября. Вместе с тем его опубликование совпало с открывшейся 27 ноября в Афинах конференцией глав генеральных штабов стран Балканской Антанты и с годовщиной заключения Нейнского договора. Работа конференции вновь дала повод подчеркнуть значение Балканской Антанты и греко-турецкой дружбы. На ужине в честь прибывших участников конференции начальник греческого генерального штаба генерал Папагос говорил: «Лучшей основой безопасности в этой части Европы является тесный союз наших четырех армий, составляющих блок, значение которого очевидно и который представляет собой перворазрядный фактор порядка и мира в Юго-Восточной Европе»¹⁴⁵. Еще яснее высказался выступавший от имени всех других делегаций начальник турецкого генерального штаба маршал Чакмак. Упомянув о фактах, которые свидетельствуют об атмосфере сближения балканских стран, он призвал «не пренебрегать и другими фактами международной политики, которые все больше доказывают необходимость быть готовыми в тот момент, когда делу мира может потребоваться гарантия нашей силы и плотина нашей совместной обороны»¹⁴⁶. Приведенные заявления были расценены дипломатическими кругами как направленные против болгарских желаний мирного пересмотра границ.

На работу конференции начальников генеральных штабов Балканской Антанты большое влияние оказали итоги Венского арбитража стран «оси». Свидетельством желания Греции укреплять свои отношения с Турцией явилось заявление Метаксаса, сделанное германскому посланнику Эрбаху 6 декабря, на следующий день после окончания конференции. Метаксас сказал, что нападение Болгарии на одну из стран Балканской Антанты означало бы для Греции казус белли. По сравнению с положением, созданным Салоникским пактом, прокомментировал посланник в своем отчете его заявление, это является шагом назад¹⁴⁷. Турецко-греческая дружба нерушима, говорил далее

¹⁴⁴ ДА ДСИП, ЛП, 1938, пов. бр. 1189, 1—5. Лазаревич (Афины) — министру двора Античу в Лондон 28 ноября 1938 г.

¹⁴⁵ ДА ДСИП, ЛП, 1939, пов. бр. 42, 1—14. Месечни извештај МИП-а за новембар 1938 г. (Грчка).

¹⁴⁶ Там же.

¹⁴⁷ ADAP, Serie D, Bd. V, Dok. N 262, S. 292—293. Эрбах (Афины) — в Берлин 6 декабря 1938 г.

Метаксас. Он заверил посланника, что в случае необходимости Греция пойдет до конца. «Другими словами,— подытожил Эрбах,— она будет сражаться за Фракию. Остается лишь посмотреть, переживет ли турецко-греческая дружба и режим Метаксаса такое испытание»¹⁴⁸.

И в самом деле, о «непопулярности» режима писали все без исключения наблюдатели. По их сведениям, среди греческого населения, особенно в Афинах, Метаксаса ненавидели. В кабинете один кризис сменялся другим, никто из серьезных политических деятелей не хотел входить в правительство. Не имел Метаксас поддержки и за рубежом. По словам американского посланника его чехословацкому коллеге, лично против Метаксаса был настроен английский посланник в Афинах, не считавший даже нужным скрывать свои чувства. Маршал двора граф Меркати прямо говорил, что Метаксас держится потому, что его некем заменить¹⁴⁹. Однако, опираясь на армию и полицию, играя на национальных чувствах и националистических настроениях, проводя политику фашизации страны и подавления революционного движения, военно-монархическому режиму удалось добиться известной стабилизации своего положения и получить поддержку по крайней мере части греческой буржуазии. Этим и объясняется живучесть правительства Метаксаса, державшегося у власти даже после смерти самого премьера (январь 1941 г.) вплоть до оккупации Греции германскими войсками.

В конце 1938 г. в области внешней политики правительство Метаксаса старалось следовать за Турцией и возлагало надежды на ее помощь и содействие в решении имевшихся и могущих возникнуть проблем. Непоследовательность политики самой Турции не служила при этом помехой, поскольку ясного определения своей линии избегала и Греция. Совпадение же их основных интересов на Балканах и в районе Средиземного моря явилось достаточным основанием для стабильного взаимодействия двух стран в их региональной политике.

После Мюнхена во внешней политике Турции усилились тенденции к выжиданию дальнейшего развития событий, к сохранению возможностей для маневра, к маскировке действительных намерений и симпатий. «Политика Турции по отношению к великим державам основывается и далее на маневрировании и использовании их борьбы за влияние на нее в свою пользу, прежде всего в области экономики»,— отмечала югославская дипломатия. Она обращала особое внимание на то, что «много

¹⁴⁸ ADAP, Serie D, Bd. V, Dok. N 262, S. 292—293. Эрбах (Афины) — в Берлин 6 декабря 1938 г.

¹⁴⁹ AMZV, Vyslanectví v Athénách, PZ, č. j. 25/dův., г. 1939, z. b. č. 2/1. Паллиер (Афины) — в Прагу 21 января 1939 г.

поминавшееся так называемое советофильство Иненю» не подтвердилось ни одним фактом. Наиболее сильным в Турции остается влияние Англии¹⁵⁰.

Английское влияние оставалось не только преобладающим, но и определяющим в отношениях Турции с рядом других стран. Продолжившиеся после Мюнхена франко-турецкие переговоры о заключении союза между двумя странами завершились отрицательно именно из-за позиции Англии. Английская дипломатия вновь повторила свои прежние доводы, что заключение подобного союза повлечет за собой необходимость подписания договора с Грецией и осложнит отношения как с Италией, так и с Германией¹⁵¹.

В двусторонних турецко-французских отношениях главным по-прежнему оставался вопрос о будущем Хатая. Его обсуждение в прессе и критика с французской стороны вызвали недовольство среди турецких правящих кругов. В некоторых французских газетах звучали предложения раздела Хатая на две части, из которых одну следовало окончательно передать Турции, а другую — вновь присоединить к Сирии¹⁵². Турция расценивала такие предложения как проявление недружественного к ней отношения и постоянно оттягивала ратификацию договора о дружбе с Францией, заключенного летом 1938 г. Было очевидно, что турецкое правительство сознательно поддерживало неопределенность в отношениях с Францией, чтобы использовать ситуацию для окончательного решения вопроса о Хатае, т. е. для его присоединения к Турции, при первой благоприятной возможности.

В течение декабря Турция вела также переговоры с Германией об определении окончательных условий предоставления кредита в 150 млн. марок. С этой целью в Берлин была направлена специальная экономическая делегация во главе с Н. Менеменджиоглу. О растущей заинтересованности турецкого правительства в сотрудничестве с Германией во всех областях¹⁵³ свидетельствует заявление, сделанное Н. Менеменджиоглу статс-секретарю германского МИД Вайцеккеру с просьбой передать его содержание Гитлеру. Турецкий президент, сказал Н. Менеменджиоглу, принял его перед отъездом в Берлин и поручил ему выразить свое глубокое восхищение фюре-

¹⁵⁰ ДА ДСИП, ЛП, 1939, пов. бр. 96, 1—14. Месечни извештај МИП-а за децембар 1938 г. (Турска).

¹⁵¹ *D'Hoop J. M.* La politique militaire de la France dans les Balkans de l'accord de Munich au début de la seconde guerre mondiale.— *Studia Balcanica* (Sofia), 1973, N 7, p. 84.

¹⁵² ЦГАОР, ф. 4459, оп. 28/2, ед. хр. 233, л. 35—39. Сообщение ТАСС из Парижа 1 декабря 1938 г.

¹⁵³ *Kroll H.* Lebenserinnerungen..., S. 105.

ром, а также передать свои лучшие пожелания успехов в продолжении мирных усилий фюрера¹⁵⁴. Сделанное от имени И. Иненю заявление было не столько проявлением дипломатического этикета, сколько свидетельствовало о колебаниях и маневрах турецкой политики, находившейся на перепутье.

Между тем позиции пришедшей к власти вместе и во главе с И. Иненю группы в турецком государственном руководстве все больше крепили и стабилизировались. Путем осторожных и поэтапных действий были устранены с государственных постов неугодные лица. Происходили многочисленные перемещения в аппарате государственной власти, в административной, финансовой и экономической сферах. 26 декабря на чрезвычайном съезде республиканской народной партии И. Иненю был избран ее пожизненным председателем. После первой реорганизации правительства из него по разным причинам 5 министров из 11 подали в отставку. В конце января 1939 г. в связи с решением провести в марте новые выборы в Народное собрание, правительство ушло в отставку, а новый кабинет было поручено сформировать Р. Сайдаму. Его состав, как полагали в дипломатических кругах, давал основание считать новое правительство «личным кабинетом президента республики»¹⁵⁵.

Любопытным курьезом в дипломатической практике явилось значительное обновление состава дипломатического корпуса в Анкаре¹⁵⁶. И хотя стечение обстоятельств играло здесь немалую роль, все же нельзя признать случайным, что в основном перемены произошли вскоре после смерти Ататюрка. Видимо, министерства иностранных дел соответствующих стран считали, что происходившие перемены в Турции требуют представительства их интересов новыми лицами, которые лучше приспособятся к обстановке, если не будут связаны многими нитями с деятелями предшествовавшего периода, что подчас может вносить неудоб-

¹⁵⁴ AA (Bonn), Pol. Abt. VII, Po 2 Türkei, Bl. 250, Pol VII 19/39. Запись Вайцеккера 3 января 1939 г. о беседе с Н. Менемеджиоглу.

¹⁵⁵ AMZV, Vyslanectví v Ankaře, PZ, č. j. 28/dív., г. 1939, z. b. č. 2/1. Корец (Анкара) — в Прагу 30 января 1939 г.

¹⁵⁶ В декабре 1938 г. почти одновременно ушли на пенсию германский посол А. Келлер (его заменил временный поверенный в делах Г. Кролл), французский посол А. Понсо (его сменил Р. Массильи) и чехословацкий посланник Р. Фейчер. Английский посол П. Лорэн получил новый пост в Риме, а в Анкару на его место был назначен Х. Натчбулл-Хьюджесен; дуайен дипломатического корпуса посол Афганистана перемещен на пост посла в Москве, а посланник Ирака стал министром иностранных дел своей страны. Наконец, румынский посланник Телемак был отозван в связи с реорганизацией миссии в посольство (ДА ДСИП, ЛП, 1939, пов. бр. 96, 1—14. Месечни извештај МИП-а за децембар 1938 г. Турска). Если учесть, что в начале 1938 г. произошла замена югославского посланника, а в августе 1938 г. — итальянского посла, то в Анкаре сменилось девять глав дипломатических представительств.

ство в отношении с вновь пришедшими к государственному руководству людьми. Обратной стороной таких мыслей было неверие в преемственность внешнеполитической линии Турции, опасение неожиданностей с ее стороны.

Говоря о достижениях в отношениях с Турцией и укреплении германского влияния на Балканах в первый послевоенный период, Г. Кролл писал впоследствии в своих мемуарах: «Германское влияние на Балканах было в то время уже так велико, что при терпеливом попечении (*abwarten*) эта область могла бы превратиться в наш экономический и политический хинтерлянд»¹⁵⁷. Однако германский дипломат не отметил либо не захотел заметить многих других явлений, которых совсем не следовало забывать. Он обошел молчанием огромный рост антифашистских настроений во всех без исключения балканских странах; закрыл глаза на растущее беспокойство в связи с германской экспансией даже среди правящих кругов этих стран; явно недооценил влияния западных держав в этом районе, равно как и сдерживающего воздействия Советского Союза. Правда, Мюнхен принес с собой дезориентацию, повсеместно охватившую как правящие круги, так и оппозиционные буржуазные партии; усиление открытых фашистских течений, прямо ориентировавшихся на гитлеровскую Германию; активизацию деятельности немецких национальных меньшинств, все более превращавшихся в «пятую колонну». Все эти факторы, хотя и они далеко не исчерпывают сферы воздействия мюнхенского сговора на балканские страны, оказались вне поля зрения германского дипломата. Но в одном он все же был прав: послевоенный баланс в отношениях с балканскими странами показывал «дебит» у Германии и «кредит» у западных держав.

---

¹⁵⁷ *Kroll H. Lebenserinnerungen...*, S. 105.

**БАЛКАНСКАЯ ПОЛИТИКА
ЗАПАДНЫХ ДЕРЖАВ И СТРАН «ОСИ»
ПОСЛЕ МЮНХЕНА
И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА ПОЛОЖЕНИЕ
В ЮГОСЛАВИИ И РУМЫНИИ**

**1. Политика западных держав
и борьба гитлеровской Германии
за гегемонию на Балканах**

Мюнхенское соглашение вызвало самые разнообразные и противоречивые оценки в разных странах. За исключением фашистских государств, приветствовавших его, и западных держав, правительства которых пытались представить свою роль в нем как «миротворческую», а само соглашение как «победу» дела мира, оно вызвало во всех других странах глубокую тревогу и беспокойство как в правящих кругах, так и в оппозиционных течениях различных оттенков. Резкой критике подверглось оно и со стороны оппозиционных кругов в самих западных странах. Однако история подтвердила, что сразу же после подписания мюнхенского соглашения единственно правильная и полная оценка его была дана лишь Советским Союзом.

Советское правительство и общественность расценили мюнхенское соглашение как сговор, открывший гитлеровской Германии путь к войне. В выступлениях советских руководителей сразу же после него четко был сформулирован тезис, что вторая мировая война за новый передел мира уже разгорелась¹.

6 ноября 1938 г., обращаясь к событиям, связанным с Чехословакией, Председатель Совета Народных Комиссаров СССР В. М. Молотов в докладе, посвященном 21-й годовщине Октябрьской революции, делал вывод, что мюнхенский сговор на деле не только «не ослабил опасности разжигания второй империалистической войны, а, напротив, подлил масла в огонь... В такой момент не приходится ждать прекращения или затухания второй империалистической войны. Напротив, опасность возникновения новых очагов и дальнейшего расширения ее масштабов налицо»².

¹ См. выступление А. А. Жданова 29 октября 1938 г. на торжественном Пленуме ЦК ВЛКСМ, посвященном XX-летию ВЛКСМ.— Правда, 1938, 4 ноября.

² Правда, 1938, 9 ноября.

Мюнхенский сговор создал совершенно новую ситуацию в Европе, приведя к возникновению предпосылок для образования блока четырех империалистических держав, направленного против СССР. Поскольку такая угроза существовала, советская дипломатия стремилась не допустить развития событий в этом направлении и, наоборот, способствовать возникновению условий для образования антифашистской коалиции.

В беседах с иностранными дипломатами советский нарком иностранных дел М. М. Литвинов, говоря о последствиях Мюнхена, подчеркивал, что «мы считаем случившееся катастрофой для всего мира»³.

Мюнхенский сговор нарушил не только равновесие сил на мировой арене, но и влиял на изменение соотношения классовых сил внутри каждого из государств, оказавшихся прямо или косвенно в сфере его воздействия. Указанное обстоятельство отметили в первую очередь коммунистические партии стран Западной Европы и Северной Америки. В их воззвании, опубликованном 9 октября, наряду с разоблачением империалистических замыслов фашистских агрессоров и организаторов политики попустительства агрессорам содержалась оценка мюнхенского предательства как удара, нанесенного «союзу сил мира во всех странах»⁴.

В своем воззвании по случаю 21-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции Исполком Коминтерна охарактеризовал Мюнхен как контрреволюционный союз империалистических клик Англии и Франции с германским и итальянским фашизмом. В нем отмечалось, что «*мюнхенский сговор — это не только удар по Чехословакии*. Это гораздо более широкий империалистический заговор. Это заговор против малых народов, которых Англия и Франция выдают с головой фашистским захватчикам. Это заговор против Испанской республики, героический народ которой хотят отдать в кабалу германским и итальянским насильникам. Это покушение на французский народ, на шею которого германский и итальянский фашизм все туже стягивает петлю. Это покушение на английский народ, против которого готовит войну его исконный враг — германский империализм. Это предательский удар по немецкому народу, закабаление которого тем сильнее, чем больше уступок делают

³ СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны. (Сентябрь 1938 — август 1939 г.). Документы и материалы. М., 1971, док. № 21, с. 44—45. Запись беседы Литвинова с французским послом Кулондром 16 октября 1938 г.

⁴ Против мюнхенского предательства. Воззвание представителей коммунистических партий Франции, Великобритании, Испании, Чехословакии, США, Германии, Италии, Бельгии, Швейцарии, Швеции, Канады, Голландии.— Коммунистический Интернационал, 1938, № 10, с. 125—128.

палачам трудящихся Германии. В движение народного фронта, в грудь международного пролетариата целит мюнхенский заговор. Против *всеобщего мира* направляют свой удар мюнхенские заговорщики, лицемерно выступая в роли «спасителей мира»⁵.

Последующие события показали, что в результате резкого изменения обстановки под воздействием мюнхенского сговора в европейских странах сложились неблагоприятные и трудные условия для рабочего класса и особенно для коммунистических партий. Мюнхенский сговор подхлестнул и активизировал все реакционные силы, способствовал их сплочению на антипролетарской и антикоммунистической основе. Он явился тяжелым ударом по международному рабочему движению⁶. Изменение обстановки ощутили на себе коммунистические партии балканских стран, решительно выступавшие против политической и экономической экспансии нацистской Германии в этом районе Европы.

Для гитлеровской Германии итоги мюнхенского сговора были сопоставимы с результатами победоносной войны, выигранной без единого выстрела. Нацистская пропаганда изображала его как «мюнхенский мирный договор», пришедший на смену Версальскому мирному договору, вместе с которым были уничтожены последние «несправедливости», нанесенные германской нации⁷, и славил 1938 г. как самый великий и незабываемый год германской истории⁸. Мюнхенский диктат способствовал упрочению господства нацистского режима в Германии.

На страны Юго-Восточной Европы мюнхенский сговор оказал чрезвычайно глубокое и многостороннее воздействие. Общие тенденции и направление этого воздействия были сходными для всех стран этого региона, хотя в каждой из них наблюдались определенные особенности. В области внутренней политики сдвиги в соотношении сил в буржуазном лагере шли на пользу крайне националистическим и открыто фашистским течениям. Повсеместно усилились антинародные, военно-монархические и фашистские режимы за счет буржуазно-демократических оппозиционных течений. Резкий рост национализма и национальных противоречий, захвативших все государства Центральной и Юго-Восточной Европы, особенно сильно сказался на положении многонациональных Югославии и Румынии.

⁵ Воззвание Исполкома Коминтерна.— Коммунистический Интернационал, 1938, № 10, с. 120.

⁶ Коммунистический Интернационал. Краткий исторический очерк. М., 1969, с. 471.

⁷ *Berndt A.-J. Der Marsch ins Grossdeutsche Reich.* Berlin, 1940, S. 251—269, 345.

⁸ Там же, с. 503.

Буржуазно-оппозиционные течения в балканских странах, ориентировавшиеся в основном на западные страны, вслед за западными державами, отказавшимися от сотрудничества с СССР на международной арене в борьбе против фашистских государств, отвергали теперь перспективы сотрудничества с коммунистическими партиями в своих странах в борьбе против монархо-фашистских режимов, в борьбе за изменение их внешнеполитического курса. В этом особенно ясно была видна связь международных и внутренних проблем, их неразрывное взаимодействие в процессе складывания общей политической ориентации. Последствия мюнхенского сговора были диаметрально противоположны долголетним усилиям прогрессивных течений по сплочению всех передовых общественных сил во главе с коммунистическими партиями в рамках народных фронтов.

Наконец, мюнхенский сговор положил начало длительному процессу пересмотра или серьезных модификаций внешнеполитических концепций всех балканских государств. Мюнхен сразу же поставил перед ними во весь рост далеко не теоретический вопрос, какую же роль играют в международных делах малые и средние государства, какая судьба ожидает их в ближайшем будущем. Первые же симптомы воздействия мюнхенского сговора проявились в усилении у них стремлений к нейтралистской позиции, в желании остаться в стороне от конфликтов группировок великих держав, тяге к маневрированию между западными державами и фашистскими государствами. Такая реакция свидетельствовала о том, что правящие круги балканских стран не сделали для себя соответствующих выводов относительно истинного смысла мюнхенского сговора, не поняли того, что он открыл фашистским государствам, в первую очередь гитлеровской Германии, путь к войне, и судили о нем с точки зрения своего эгоистического понимания национально-государственных интересов, не отдавая отчета в том, что на карту поставлен вопрос о независимости и государственном существовании их стран.

Эти круги давали успокоить себя мыслью о том, что острие гитлеровской агрессии повернуто теперь на восток, против Советского Союза, и надеялись, что такое развитие событий позволит им самим остаться в стороне. Это не могло не подрывать их заинтересованности в установлении дружественных отношений с СССР, в создании вместе с ним коллективной обороны против фашистской агрессии. Такая их позиция усиливала внешнеполитическую изоляцию Советского Союза, что в конечном итоге оборачивалось против них самих.

Некоторые последствия мюнхенского сговора для балканских стран проявились немедленно, другие — в более или менее отдаленной перспективе и поэтому не сразу поддавались своевре-

менному учету со стороны политических партий и правительств. Это обстоятельство придавало особую политическую остроту и актуальность неправильным оценкам значения мюнхенского сговора со стороны правящих кругов отдельных балканских стран, вело их в ряде случаев к ошибочным выводам, политическим заблуждениям и крупным просчетам.

* * *

Один из выводов, извлеченных гитлеровской Германией из мюнхенской сделки, состоял в том, что отныне западные державы предоставляли ей полную свободу рук на юго-востоке Европы. Такой вывод не был произвольным. Он основывался на ряде фактов, наблюдений и предварительных обсуждений в течение месяцев, предшествовавших Мюнхену.

После аншлюса Австрии в Англии резко усилился интерес к вопросам политических последствий германского экономического проникновения в Юго-Восточную Европу. При этом правящие круги Англии испытывали опасения, как бы германское проникновение на Балканы не поставило под угрозу интересы Британской империи в районе Восточного Средиземноморья. Видимо, поэтому балканским проблемам было уделено большое внимание во время визита французского премьер-министра Э. Даладье и министра иностранных дел Ж. Боннэ в Лондон 28—29 апреля 1938 г. Даже скудные отрывки протоколов, опубликованные в издании английских дипломатических документов, показывали опасения как английского, так и французского правительств, что в случае расчленения Чехословакии Германии удастся осуществить мечту Вильгельма II о «Срединной Европе» под германским господством. Если Германия получит в свое распоряжение ресурсы Центральной и Юго-Восточной Европы, ей нельзя уже будет противопоставить достаточную военную силу, чтобы остановить ее, говорил Даладье. При таких условиях Германская империя будет неизбежно сильнее, чем империя Наполеона⁹, добавил он, отлично понимая, какую чувствительную струну задевает такое сравнение в сердцах английских политиков.

Как же намеревались западные державы бороться с угрозой такого нарушения равновесия сил в Европе в пользу Германии? Намерены ли были они противопоставить германской экономической экспансии на Балканы что-либо подобное? Английский заем Турции в мае 1938 г. дал почву для размышлений, что продолжение такого курса может привести к усилению эко-

⁹ DBFP, Third Series, v. I, doc. N 164, p. 226. Протоколы англо-французских переговоров 28—29 апреля 1938 г.

номических позиций Англии на Балканах. В июле 1938 г. к голосам о необходимости активизировать английскую экспортную торговлю в этом районе присоединилась Федерация британской промышленности, направившая соответствующий меморандум в английское министерство торговли. Однако близкий правительству журнал «Экономист» расценил это предложение как способное вызвать экономическую войну с Германией, тогда как следует прилагать усилия для урегулирования международной торговли¹⁰. Отвергая предложения принять действенные меры против германского экономического проникновения на Балканы, английское правительство старалось только сохранить свои позиции в отдельных странах Юго-Восточной Европы, чтобы не быть окончательно вытесненной из этого района и продолжать, по распространённому тогда газетному выражению, «держат ногу в дверной щели».

В преддверии Мюнхена английские правящие круги рассматривали урегулирование «чехословацкого кризиса» и решение «судетской проблемы» как своего рода предварительное условие для последующих переговоров с Германией по широкому кругу вопросов. Ближайший советник Чемберлена Г. Вильсон в беседе с советником германского посольства в Лондоне Т. Кордтом 23 августа говорил, что Великобритания и Германия — два столпа европейской цивилизации и они должны сомкнуться в величественную арку. Недвусмысленно выразив свое убеждение, что их общий враг — большевизм, Вильсон перешел затем к политике Германии в Юго-Восточной Европе. Конструктивное решение «чехословацкого вопроса» откроет Германии путь для проведения широкой политики на Балканах. Он заверил своего собеседника, что не принадлежит к числу лиц, подозревающих Германию в желании объединить Юго-Восточную Европу и ее ресурсы для уничтожения Британской империи. Наоборот, он считает балканские страны естественным рынком сбыта германской продукции и источником сырья для Германии. Англия желает лишь, чтобы у нее оставалась известная доля в торговле с балканскими странами. Английские же инвестиции в этом районе не направлены против германских интересов. В качестве примера Вильсон провел аналогию с положением в Китае, где Япония взяла на себя 80% внешней торговли, а Англия сохранила за собой 20%¹¹. Прозрачная аналогия давала понять, что сходного положения Англия хотела бы добиться и на Балканах, уступая здесь Германии пальму первенства.

¹⁰ *Wendt B.-J. Appeasement 1938. Wirtschaftliche Rezession und Mitteleuropa.* Frankfurt a. M., 1966, S. 57—59.

¹¹ ADAP, Serie D, Bd. II, Dok. N 382, S. 483—486. Запись Т. Кордта о беседе с Г. Вильсоном 23 августа 1938 г.

Германская экономическая экспансия на Юго-Востоке Европы обосновывалась теорией «экономики большого пространства», пришедшей на смену теории «Срединной Европы». В нацистском варианте эта теория базировалась на концепции необходимости дополнения германской экономики рядом подчиненных ей национальных хозяйств других стран. Главенствующее положение Германии в этой системе должно было основываться на позиции силы и строиться на ее руководящей роли с привлечением таких экономических рычагов, как регулируемые цены, известная плановость поставок сырья, а также регулирующее воздействие нацистского государства в области экономических связей и определения направления экономического развития отдельных стран¹². Германская пресса прямо писала о странах Дунайского бассейна и Балкан как районах, входивших в «экономику большого пространства», и без стеснения заявляла, не обращая внимания на национальные чувства народов соответствующих стран, что они являются германским эквивалентом колоний.

Страны Юго-Восточной Европы занимали во внешней торговле Германии сравнительно небольшое место. В 1937—1938 гг. на них приходилось примерно 10% германского экспорта и импорта, но их значение расценивалось нацистской верхушкой с точки зрения военной экономики и определялось такими факторами, как возможность получения оттуда сырья и продовольствия в случае войны и экономической блокады. Поэтому гитлеровская Германия не склонна была делить здесь сферы влияния с западными державами и стремилась к полной гегемонии в этом районе. И если она накануне войны вынуждена была камуфлировать свои действительные цели и говорить только о своих экономических интересах на Балканах, то причиной ее сдержанности были не оглядки на западные державы, а желание не ослаблять союзные связи с фашистской Италией. Но и в отношении последней Германия соблюдала главным образом форму, существо же ее политики оставалось прежним.

С лета 1938 г. гитлеровская Германия взяла открытый курс на установление своей гегемонии на Балканах, используя усиление своих позиций после аншлюса Австрии. 21 августа, готовясь к поездке на Балканы, министр экономики В. Функ выступил в Кенигсберге на открытии 26-й Германской Восточной ярмарки с программной речью. Германия, сказал он, создает «новую систему мировой торговли», в рамках которой Германия в обмен на товары своего промышленного производства будет закупать сырье и продовольственные товары в объеме, превы-

¹² *Hodorowski J.* Niemiecka doktryna gospodarki wielkiego obszaru (Grossraumwirtschaft) 1800—1945. Wrocław, 1972, s. 252—368

шающем ее собственные потребности, с целью последующего их сбыта на рынках третьих стран, главным образом европейских промышленных государств, получая оттуда взамен необходимые ее народному хозяйству полуфабрикаты и готовую продукцию. Поскольку поставщиками сырья и продовольствия должны были стать страны Юго-Восточной Европы, Функ попытался нарисовать заманчивую для них картину стабильных и высоких цен на их товары, твердых экспортных квот, возможность развития тех отраслей промышленности, которые будут выступать как «дополнения» к германской экономике, перспектив повышения зажиточности и жизненного уровня и т. д.¹³

Совпадение в датах речи Функа (21 августа 1938 г.) и беседы Г. Вильсона с Т. Кордтом (23 августа 1938 г.) не было случайностью. К тому времени уже было объявлено о предстоящем турне Функа по Балканам, и заявление Вильсона было своего рода полуофициальным английским ответом на его кенигсбергскую речь. Видимо, в английских правящих кругах тешили себя мыслью, что экспансия на юго-восток наполнит «пустой желудок» Германии и сделает ее спокойнее. Эту мысль Вильсон высказывал еще весной 1938 г. советскому послу в Лондоне. «С образованием «Срединной Европы» вступят в силу «смягчающие влияния» и агрессивность германского зверя «должна значительно ослабеть», записал И. Майский тогда его слова¹⁴.

27 сентября в беседе с Гитлером Г. Вильсон вновь отметил желание английского правительства после урегулирования «чехословацкого вопроса» обсудить в двустороннем порядке с Германией все остальные проблемы, представлявшие интерес для обоих государств. Результатом должен быть экономический подъем во всем мире, и Англия выражает настоятельное пожелание прийти к соглашению с Германией на этой основе¹⁵, говорил он, подразумевая при этом балканский регион.

Чемберлен в беседе с Гитлером 30 сентября в Мюнхене явно относил к числу важнейших вопросов, подлежащих первоочередному обсуждению между Германией и Англией, дальнейшие судьбы стран Юго-Восточной Европы. Он уверял Гитлера, что германские подозрения, будто Англия желает окружить Германию не военными средствами, а экономическими, лишены основания. Напротив, у Англии нет намерений мешать развитию германской торговли с балканскими странами. Только что

¹³ *Meiss K.-D.* Die deutsch-jugoslawischen Beziehungen von Hitlers Regierungsantritt bis zum Ausbruch des 2. Weltkrieges (Diss.). Göttingen, 1956, S. 207—208.

¹⁴ СССР в борьбе за мир..., док. № 35, с. 63. Майский (Лондон) — в Москву 25 октября 1938 г.

¹⁵ ADAP, Serie D, Bd. II, Dok. N 634, S. 771. Запись беседы Гитлера с Г. Вильсоном 27 сентября 1938 г. Запись этой беседы на английском языке см.: DBFP. Third Series, v. II, doc. N 1129, p. 564—567.

достигнутое мюнхенское соглашение будет содействовать успокоению политических страстей и окажет воздействие на ослабление ограничений в области внешней торговли¹⁶.

В ответ на слова английского премьера Фишер сказал, что в экономическом отношении балканские страны являются естественными партнерами Германии, которая нуждается в сырье и продовольствии. Платить же за них она может только готовыми промышленными изделиями¹⁷. Другими словами, Гитлер дал понять, что Германия не намерена отказываться от таких своих методов экономической экспансии, как клиринговые соглашения и тесно связанная с ними система расчетов, определение экспортных квот и т. д., что превращало рынки этих стран в район, недоступный для английской внешней торговли, не опиравшейся на систему государственных поощрений. Более того, Гитлер охарактеризовал в той же беседе используемые Англией в торговых отношениях со странами Юго-Восточной Европы (правда, не называя их) тарифы режима наибольшего благоприятствования и займы как искусственные меры, которые не могут содействовать длительному улучшению международной торговли. Понимая, однако, что его собеседник придает балканскому региону очень большое значение, Гитлер сослался на недостаток времени для обсуждения этого вопроса и пообещал Чемберлену впоследствии уделить ему достаточное внимание. Характерно, что Чемберлен, согласившись с общим ходом рассуждений Гитлера, добавил, однако, что предоставление займов из-за рубежа не будет противоречить развивавшимся Гитлером теориям, поскольку увеличит объем товаров для обмена между двумя группами производителей¹⁸.

Беседа Чемберлена с Гитлером была симптоматична во многих отношениях. Прежде всего, хотя оба говорили, казалось бы, только о торговых отношениях Германии с балканскими странами, в действительности главной для них была политическая сторона проблемы. Далее, оба превосходно понимали огромное военно-стратегическое значение факта установления германской гегемонии на Балканах, значение которого выходило далеко за рамки данного региона. Для Германии тем самым открывался путь к утверждению доминирующего влияния в Европе, и Англия испытывала беспокойство, как бы дверь на континент не была захлопнута перед ее носом. С последним она не могла согласиться и изыскивала средства к тому, чтобы, по замечанию западногерманского историка Б.-Ю. Вендта, «приспосо-

¹⁶ ADAP, Serie D, Bd. IV, Dok. N 247, S. 254; DBFP. Third Series, v. II, doc. N 1228, p. 639.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

биться к роли младшего германского партнера на континенте»¹⁹. Наконец, камуфлирование политических проблем словами об экономической заинтересованности объяснялось со стороны Германии нежеланием вызывать излишнее раздражение у Италии, имевшей виды на Балканы, а со стороны Англии — стремлением замаскировать свои другие цели. В области «большой политики» они заключались в двояком замысле: предоставление Германии возможности продолжать свою экономическую и политическую экспансию в Юго-Восточной Европе неизбежно должно было, по расчетам английской дипломатии, оказать негативное воздействие на взаимоотношения Берлина и Рима и вызвать трещину в «оси», а главное — осложнить отношения Германии с СССР и подвести их к грани войны.

Последний замысел имел основополагающее значение в концепции английской политики «умиротворения». Раскрывая его, видный деятель консервативной партии Бивербрук 19 октября 1938 г. прямо говорил советскому послу в Лондоне о том, что Чемберлен «и не помышляет о каком-либо сопротивлении германской экспансии в Юго-Восточной Европе и Турции. Наоборот, он рассчитывает, что создание «Срединной Европы» толкнет Германию на конфликт с СССР»²⁰. Но этим расчеты английских правящих кругов не исчерпывались. Как сообщал из Лондона болгарский посланник Н. Момчилов, во внешнеполитической программе правительства Чемберлена предоставление Германии свободы экономической экспансии в Юго-Восточной Европе должно было служить известной компенсацией за ее отказ от колоний, хотя Чемберлен был готов рассмотреть вопрос о предоставлении Германии «символических» уступок и в этом пункте за счет третьих стран и в районах, где английские колониальные интересы не были бы затронуты. По мнению Момчилова, Англия все же хотела бы получить от Германии известные гарантии, которые состояли бы в выполнении двух условий. Во-первых, Германия должна была бы проявить сдержанность и отказаться от проникновения в район Средиземного моря и в направлении Стамбул — Багдад, сосредоточив свое внимание на Дунайском бассейне и в районах к северу от Дуная. Во-вторых, Англия желала прийти к соглашению с Германией, к которому присоединились бы также Франция и Италия, относительно темпов вооружения, особенно в области военной авиации²¹.

Таким образом, английские правящие круги откровенно и цинично рассматривали Юго-Восточную Европу как магнит,

¹⁹ *Wendt B.-J. Appeasement 1938...*, S. 50.

²⁰ СССР в борьбе за мир..., док. № 25, с. 51. Майский (Лондон) — в Москву 19 октября 1938 г.

²¹ ЦДИА, ф. 176, оп. 7, а. е. 645, л. 32—36. Момчилов (Лондон) — в Софию 6 октября 1938 г. о военно-политическом положении Англии после Мюнхена.

который отвлечет внимание Германии от Запада и втянет ее в конфликт прежде всего с СССР, а также осложнит ее отношения с Италией. Их умонастроения проявились в беседе Галифакса с американским послом в Лондоне Дж. Кеннеди 12 октября 1938 г. Пока Германия не будет трогать Англию и ее доминионы, повествовал Галифакс у камина с чашкой чая в руках, нет оснований идти на войну с ней. Что касается Центральной Европы, Гитлер может делать там что угодно. Если он вздумает получить Данциг или Мемель или даже вторгнуться в Румынию, то Англии следует продолжать заниматься своими делами, считал Галифакс. Будущность Англии будет зависеть от ее позиций на Средиземном море, и она будет укреплять отношения с Португалией, Испанией, Грецией, Турцией, Египтом и Палестиной, а также оберегать коммуникации с доминионами по Красному морю. «И если бы не Франция,— сожалел Галифакс,— Англия вообще никогда не впуталась бы и в чехословацкую ситуацию»²². И хотя налет спокойствия в изложении Галифакса был явно напускным, основная его мысль — дать Германии свободу рук на Востоке и Юго-Востоке Европы — была выражена им предельно ясно.

Но английские расчеты строились на предположении, что Германия проявит склонность и готовность к достижению соглашения с Англией и, следовательно, будет стараться не нарушать ее интересов. Однако гитлеровская Германия отнюдь не собиралась разыгрывать свою политическую партию по либретто, составленному в Лондоне. Сразу же после Мюнхена она предприняла шаги, которые должны были усилить ее экономические и политические позиции в Дунайском бассейне и на Балканах. Первым и наиболее демонстративным из них была поездка министра экономики Функа на Балканы и его переговоры в Белграде, Софии и особенно в Анкаре, вызвавшие огромное беспокойство в Лондоне. Визит Функа на Балканы был расценен как новое крупное германское экономическое наступление на Юго-Восток Европы, которое ставило вопрос и о политической судьбе расположенных там стран. Как сообщала болгарская миссия из Лондона, этот визит нанес удар по утешительной мысли, что оборонительная линия против германской экономической и политической экспансии должна проходить через район проливов. Появились сомнения в искренности Турции, заговорили о желании Германии монополизировать балканский рынок и вытеснить оттуда другие державы. Установление здесь полного германского преобладания ставило в повестку дня вопрос о гегемонии нацистского рейха в Европе, и к такой

²² Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers (далее — FRUS), 1938, v. 1, p. 85—86. Кеннеди (Лондон) — в Вашингтон 12 октября 1938 г.

перспективе Англия уже не могла относиться равнодушно²³.

В середине октября, спустя немногим более двух недель после Мюнхена, правительство Чемберлена решило, что пришло время начать с Германией переговоры о широком урегулировании в двустороннем порядке некоторых крупных международных проблем. Их урегулирование, по мнению английского правительства, должно было привести к тесному англо-германскому сотрудничеству, создать перспективу дальнейшего развития содружества четырех держав, подписавших мюнхенское соглашение, и укрепить их взаимосвязи на антисоветской основе.

В беседах с германским послом в Лондоне Г. Дирксеном во второй половине октября ведущие политические деятели Англии, в том числе министр внутренних дел С. Хор, весьма четко обрисовали программу тех переговоров, которые английское правительство хотело бы начать с Германией. В политическом плане они строились на продолжении мюнхенского курса и должны были наполнить реальным содержанием принятую 30 сентября в Мюнхене англо-германскую декларацию о ненападении²⁴, а в экономическом плане проводить далее намеченную ранее линию. В этой связи в середине октября экономический советник английского правительства Ф. Лейт-Росс и руководитель экономического отдела Форин оффиса Ф. Эштон-Гуэткин в переговорах с германскими официальными лицами пытались заинтересовать германскую сторону планом создания международного внешнеторгового «треугольника» Англия — Германия — Балканы. Раскрывая детали замысла, Лейт-Росс считал, что главной трудностью в развитии германской торговли является отсутствие платежных средств. Эти средства могут быть получены Германией путем торговли с Англией, Францией и Голландией, которые могут пойти на то, чтобы оплачивать в свободных девидах помимо той части германского экспорта, о которой уже существует договоренность, дополнительно 25% стоимости товарообмена. Образовавшийся запас свободной валюты Германия должна будет пустить на оплату своего импорта из балканских стран, а те в свою очередь употребить эти девизные резервы на закупку необходимых им колониальных товаров. Такой многосторонний товарообмен способствовал бы оживлению мировой торговли, и Лейт-Росс предлагал начать переговоры с целью осуществления очерченного им плана²⁵.

²³ ЦДИА, ф. 176, оп. 7, а. е. 656, л. 197—199. Болгарская миссия в Лондоне — в Софию 23 октября 1938 г. о поездке Функа на Балканы.

²⁴ ADAP, Serie D, Bd. IV, Dok. N 260, S. 278. Дирксен (Лондон) — в Берлин 31 октября 1938 г.

²⁵ ADAP, Serie D, Bd. IV, Dok. N 257, S. 273—275. Запись беседы Рютера и Зюскинда с Лейт-Россом 18 октября 1938 г.

6 ноября Эштон-Гуэткин вновь говорил находившемуся в Лондоне представителю Рейхсбанка Винке о том значении, которое придадут в Англии предложению, сделанному Лейт-Россом²⁶. Спустя два дня в беседе с принцем Максом Гогенлое он заявил о своем желании поехать неофициально в Германию и встретиться с Герингом как уполномоченным по делам четырехлетнего плана. Сообщая об этом в Берлин, германский посол Дирксен характеризовал Эштон-Гуэткина не только как бывшего члена миссии лорда Ренсимена в Чехословакии, но и как человека, «полностью понимающего» германские экономические интересы на Балканах. Дирксен сообщил, что такая поездка состоится с ведома А. Кадогана, Галифакса и, возможно, самого Чемберлена и что Эштон-Гуэткин сделает в Берлине «чрезвычайно интересные предложения»²⁷.

Прилагая усилия для проведения в жизнь своих планов, Англия рассчитывала с их помощью убить, по замечанию западногерманского историка Б.-Ю. Вендта, сразу трех зайцев. Во-первых, «треугольник мировой торговли» сближал бы в экономическом отношении балканские страны со стерлинговым блоком и до известной степени ослаблял бы их зависимость от «империи рейхсмарки». Во-вторых, повышалась бы покупательная способность экспортеров в Британской империи за счет получения нового рынка на Балканах. В-третьих, оживилась бы торговля самой Англии со своими колониями, что должно было бы оказать положительное воздействие на занятость в стране²⁸. В целом же Юго-Восточная Европа превращалась как бы в своего рода трансмиссию в механизме экономического сотрудничества между Германией и Англией. Но такое положение подразумевало признание в этом районе со стороны Германии английских интересов по крайней мере в области экономики, что наряду с ее политическим влиянием на Балканах выводило бы расположенные там страны из-под германской гегемонии.

Германия не собиралась отступать от своих позиций в Юго-Восточной Европе и не рассматривала ее как подходящий объект для возможных переговоров с Англией. В то же время германская дипломатия не отказывалась использовать английскую заинтересованность в достижении соглашения для укрепления своих политических позиций на Балканах и без зазрения совести эксплуатировала почти полное отсутствие со стороны Англии инициативы в отношениях с балканскими странами в первый послеюнхенский период.

²⁶ ADAP, Serie D, Bd. IV, Dok. N 252, S. 280—281. Запись беседы Эштон-Гуэткина с Винке 6 ноября 1938 г.

²⁷ Там же, док. № 265, с. 284—285. Дирксен (Лондон) — Вайцеккеру 9 ноября 1938 г.

²⁸ *Wendt B.-J. Appeasement 1938...*, S. 91.

Весь характер деятельности германской дипломатии в связи с Венским арбитражем служил цели утвердить роль Германии как вершительницы судеб стран Центральной и Юго-Восточной Европы. Разжигая национальные и межгосударственные противоречия между ними, ведя линию на обострение венгеро-чехословацких, венгеро-румынских, венгеро-югославских отношений, подогревая болгарские претензии к Румынии и не препятствуя их развитию в других направлениях, Германия активно навязывала им убежденность, что только от ее воли будет зависеть дальнейшее развитие конфликтных ситуаций на Балканах и их возможное решение, не делая секрета из того, что ее будущая позиция во всех этих вопросах будет стоять в прямой зависимости от отношений правящих кругов соответствующих стран к германским требованиям и пожеланиям. При этом в своем проникновении в страны Центральной и Юго-Восточной Европы нацистская Германия не брезговала никакими возможностями. Одним из наиболее действенных рычагов, который немецкая дипломатия использовала в этих странах, было наличие там значительных немецких национальных меньшинств²⁹. Мюнхенский сговор положил начало организации немецких меньшинств по образцу и подобию генлейновского движения в Чехословакии во всех странах Центральной и Юго-Восточной Европы. Нацистские политические течения среди немецких национальных меньшинств в этих странах строили свои программы прямо опираясь на генлейновскую Карловарскую программу³⁰. Выдвигавшиеся ими требования служили источником постоянных трений в отношениях с правительствами соответствующих стран и господствовавшими в них режимами. Тем не менее эти режимы вынуждены были идти на уступки как под влиянием политических событий, так и прямого давления со стороны гитлеровской Германии.

В послемюнхенский период нацистская дипломатия начала прямо связывать отношение к немецким национальным меньшинствам со стороны соответствующих правительств с их отношением к самой Германии и объединяла оба момента в неразрывное целое. Отступая под нажимом Германии, правительства стран Юго-Восточной Европы были вынуждены давать согласие на создание единых политических организаций, охватывающих все немецкое меньшинство в их странах, образованию которых

²⁹ В конце 30-х годов в Югославии и Венгрии проживало примерно по 500 тыс., а в Румынии — 770 тыс. немцев.

³⁰ *Enemy within. German Minorities as a weapon of German Policy.* London, s. a., p. 63; *Tilkowski L. Irredenta niemiecka a Węgrzy. Droga rozwoju ruchu niemieckiej mniejszości narodowej w Węgrzech.* — In: *Irredenta niemiecka w Europie środkowej i południowo-wschodniej przed II wojną światową.* Katowice — Kraków, 1971, s. 186.

они долго сопротивлялись. В Югославии такой организацией в послемюнхенский период стал «Культурбунд», объединивший все политические течения немецкого меньшинства под прямым руководством соответствующих нацистских организаций из Берлина. В Венгрии под прямым диктатом гитлеровской Германии вскоре после Венского арбитража правительство дало согласие на образование Национального союза немцев (Фольксбунд). В Румынии Национальное объединение немцев (Фольксгемайншафт) было признано властями как официальная организация, охватывавшая все немецкое меньшинство, после его присоединения к Фронту национального возрождения — официальной правительственной партии — в феврале 1939 г.³¹

В этих новых единых организациях немецких меньшинств сразу же после Мюнхена нацистские элементы стали захватывать руководство, что положило начало превращению этих организаций в гитлеровскую пятую колонну. К лету 1939 г. при прямом вмешательстве из Берлина процесс нацификации руководства немецких национальных меньшинств в странах Юго-Восточной Европы был закончен и они стали мощным орудием воздействия со стороны Германии на правящие круги этих стран.

Другим методом воздействия на балканские страны, которым также не располагали западные державы, была возможность гитлеровской Германии опереться на существовавшие там фашистские партии и течения. В Румынии это была пресловутая «Железная гвардия», в Венгрии — национал-социалисты (организация «Скрещенные стрелы»), в Болгарии — различные фашистские течения и организации (цанковисты, «легионеры», «ратники», «Отец Паисий», группа Лукова и др.) и, наконец, в Югославии — фашистское течение Д. Лётича, хорватские усташи и некоторые другие группы. Все эти экстремистские силы делали открытую ставку на нацистскую Германию и ее поддержку и были связаны с организациями национал-социалистической партии. Со своей стороны Германия сознательно использовала их как средство оказания давления на правящие круги соответствующих стран.

Действия фашистских организаций и их связь с разведками гитлеровской Германии, а также фашистской Италии вынуждали иногда правительства ряда стран предпринимать против них ограничительные, а временами и репрессивные меры, которые подчас выходили за рамки конкурентной борьбы среди реакционных сил. Реакция гитлеровской Германии на такие меры была неодинаковой и колебалась в зависимости не только от

---

³¹ *Tilkowski L. Irridenta niemiecka a Wędry...*, s. 186.

характера принимавшихся мер, но и от общего состояния отношений с данной страной, от степени близости того или иного движения к национал-социалистской партии и от той ставки, которую делали на нее нацистские руководители.

Нацификация немецких меньшинств и активизация фашистских течений служили питательной средой для деятельности фашистских разведок в странах Юго-Восточной Европы. Начавшееся еще задолго до Мюнхена создание разветвленных разведывательных сетей в балканских странах приняло с конца 1938 г. характер массовой и целенаправленной деятельности. Шпионские организации абвера, гестапо и СД проникали во все сферы их государственной и политической жизни. Параллельно с германскими на Балканах действовали и итальянские разведывательные организации, имевшие старые опорные пункты в Греции, Албании и Югославии, а также в Турции и Болгарии. В целом фашистские разведывательные организации были мощной силой, действие которой не сразу бросалось в глаза, но проявлялось в глубинных течениях в недрах государственных аппаратов балканских стран, в процессе принятия решений их правящими кругами, в общей политической ориентации их правительств, а также отдельных политических партий, организаций и лиц.

Германское проникновение в страны Центральной и Юго-Восточной Европы происходило на общем фоне глубоких изменений в военно-стратегическом положении этих государств после Мюнхена. Фактическое исчезновение Чехословакии как военной силы в Европе и франко-чехословацко-советской системы союзов привело к новой стратегической ситуации, характеризовавшейся установлением доминирующего германского влияния в зоне, простирающейся от линии Мажино на западе до границ Советского Союза на востоке. Здесь не было сил, способных противостоять гитлеровскому вермахту, и отсутствовала какая-либо система союзов или двусторонних союзных договоров, обязывавших великие державы или сами страны Центральной и Юго-Восточной Европы прийти на помощь в случае германского или итальянского нападения на одну из них.

Гитлеровская Германия использовала «чехословацкий кризис» для дальнейшего наращивания вооружений и развертывания вооруженных сил. После аншлюса австрийская армия была включена в состав вермахта, а проведенная осенью мобилизация сопровождалась не только формированием резервных дивизий, но и увеличением числа постоянных дивизий (в течение 1938 г. было сформировано восемь новых дивизий и ряд других частей и соединений). К концу 1938 г. резко усилилась мощь германских вооруженных сил, выросла их боеспособность, подвижность, увеличилось вооружение и оснащенность техническими

средствами³². При отсутствии соответствующего роста вооруженных сил западных держав, которые могли бы уравновесить наращивание мощи гитлеровского вермахта и итальянской армии, страны Центральной и Юго-Восточной Европы оказывались практически беззащитными перед лицом «оси». Сотрудничество же с Советским Союзом, способным остановить агрессоров, принципиально отвергалось как странами этого региона, так и западными державами. В создавшихся условиях балканские страны возлагали поэтому надежды лишь на политику лавирования и на свой вариант политики «умиротворения», выражавшийся в полном пресмыкательстве перед фашистскими государствами.

Растущее беспокойство западных держав односторонними действиями стран «оси» проявилось на встрече Чемберлена и Галифакса с Даладьё и Боннэ в Париже 24—25 ноября. Хотя эта встреча началась с рассмотрения вопроса о предстоящем подписании франко-германского соглашения о ненападении, аналогичного соглашению между Англией и Германией от 30 сентября 1938 г., наибольшее внимание стороны уделили обсуждению возможности войны с Германией и организации совместной англо-французской обороны³³. Среди проблем, касавшихся Центральной Европы, значительное внимание привлек вопрос о гарантиях в соответствии с мюнхенским соглашением новых границ Чехословакии, установленных Венским арбитражем. И английские и французские государственные деятели полагали, что гарантии должны быть предоставлены только четырьмя державами, подписавшими мюнхенское соглашение (Чемберлен возражал даже против намерения Франции проконсультироваться с Советским Союзом). И Чемберлен, и Даладьё сошлись во мнении, что их гарантии будут лишены силы, если к ним не присоединятся Германия и Италия. Обсуждение этого вопроса было связано логически с рассмотрением вопроса о возможности германской агрессии против СССР и оккупации Украины. Оно показало, что правительства западных держав всерьез принимали развернувшуюся тогда пропагандистскую кампанию о гитлеровском походе на Украину и шли на поводу у нацистской пропаганды в антисоветском ослеплении. Оба правительства высказались за развитие экономических связей с Центральной Европой (географическое понятие, которое толковалось ими расширительно и включало в себя и Балканы), но не за счет исключения оттуда Германии или Италии³⁴.

³² Zgórdniak M. Zmiany sytuacji militarnej w Europie po Monachium. I.X 1938—1.IX 1939.— Kwartalnik historyczny, 1970, N 4, s. 851—864.

³³ DBFP, Third Series, v. III, doc. N 325, p. 285—331. Протоколы англо-французских переговоров 24 ноября 1938 г. в Париже.

³⁴ Там же.

В конечном итоге оба правительства не приняли никаких обязательств и ограничились простым обменом мнениями. Все их усилия и рекомендации свелись к поискам дальнейших путей для создания «пакта четырех» на антисоветской основе и распределению ролей в новом туре дипломатической игры.

Стремясь к достижению соглашения с фашистскими государствами, западные державы молчаливо предоставляли им полную свободу действий в Центральной и Юго-Восточной Европе. Германский посол в Париже, обобщая свои наблюдения по поводу развития политики Франции после Мюнхена, прямо писал о «начавшейся новой ориентации французской внешней политики в смысле отдаления от Восточной и Центральной Европы»³⁵. К аналогичным выводам приходила и американская дипломатия, считавшая, что «влияние Англии и Франции в Центральной Европе, по крайней мере на время, совершенно исчезло» и что активность английской дипломатии направлена на попытки использовать различия в интересах Италии и Германии с целью создания условий для постепенного ослабления «оси»³⁶. Этот аспект политики западных держав придавал особый смысл их тактической линии на Балканах, которая все более отчетливо строилась на возможности использовать германоталыанские противоречия в этом районе.

Тем временем давно уже ведущиеся германо-французские переговоры, затянувшиеся из-за бурной реакции мирового общественного мнения на еврейские погромы и ожесточенную антисемитскую кампанию в Германии³⁷, подходили к концу. Французская дипломатия, которая вначале плелась вслед за курсом Чемберлена, теперь, казалось, сама решила возглавить политику «умиротворения». Она исходила из сложившейся в Париже оценки дальнейших намерений нацистской Германии, согласно которой Гитлер якобы хотел стабилизировать отношения на Западе, чтобы получить «свободные руки на Востоке»³⁸. Гитлеровская дипломатия поддерживала убеждение в существовании у нее подобных намерений. В беседе с французским послом в Берлине Кулондром 20 ноября Риббентроп советовал отбросить «известный духовный балласт», подразумевая под ним полный отказ Франции от своих старых идей, связанных с французской системой союзов в Восточной Европе. Он рисовал

³⁵ ADAP, Serie D, Bd. IV, Dok. N 387, S. 407. Велчек (Париж) — в Берлин 30 ноября 1938 г.

³⁶ ДА ДСИП, ЛП, 1938, пов. бр. 1245, 1—7. Югославский МИД — о сообщении миссии из Вашингтона по поводу взглядов американских правящих кругов на положение в Европе, 30 ноября 1938 г.

³⁷ Kaul F. K. Der Fall des Herschel Grynszpan. Berlin, 1965.

³⁸ Bussman W. Ein deutsch-französischer Verständigungsversuch vom 6. Dezember 1938. Göttingen, 1953, S. 51.

желанную с его точки зрения картину отношений, согласно которой «европейские государства ограничивались бы своими действительными интересами, так: Франция — своей великой колониальной империей, Англия — своей империей, а Германия — своей собственной сферой интересов, а именно Юго-Восточной Европой»³⁹. Французский посол согласился с ходом рассуждений германского министра.

6 декабря Риббентроп был торжественно принят в Париже⁴⁰. В тот же день была подписана согласованная заранее франко-германская декларация, которая провозглашала принцип мирных и добрососедских отношений двух стран, взаимное признание существующей границы между ними как окончательной и положение о консультациях друг с другом по вопросам, представлявшим интерес для обеих стран⁴¹.

Что касается проходившего обмена мнениями между Риббентропом и Боннэ, то отсутствие официального протокола этих переговоров привело вскоре к значительным разногласиям между германской и французской дипломатией относительно достигнутой в ходе его договоренности, а летом 1939 г. эти расхождения вылились в открытую полемику между ними⁴². Спор вспыхнул по вопросу о том, дал ли Боннэ согласие считать Восточную Европу сферой исключительных германских интересов, как убежденно доказывал германский министр, или не давал, как утверждал министр французский. Запись же переговоров, сделанная немецкой стороной, свидетельствовала о том, что никогда еще ни один германский политик не предъявлял столь откровенно таких исключительных претензий на полную гегемонию в Центральной и Юго-Восточной Европе, как это сделал Риббентроп в беседе с Боннэ. «Германия,— заявил он,— совершенно определенно рассматривает эту часть Европы как область своих интересов». Англия и Франция должны отнестись к указанной сфере германских интересов с «принципиальным уважением». Он обрушился с критикой на отошедшую в прошлое французскую систему союзов, призывая отбросить и ее остатки, советовал Франции «раз и навсегда» признать сферу

³⁹ ADAP, Serie D, Bd. IV, Dok. N 356, S. 398. Запись беседы Риббентропа с Кулондром 20 ноября 1938 г.

⁴⁰ О ходе визита Риббентропа в Париж см.: *Малафеев К. А.* Обострение империалистической борьбы за передел мира после Мюнхенской конференции и франко-германская декларация 1938 г.— Уч. зап. Рязанского гос. пед. ин-та, 1969, т. 90. Вопросы новой и новейшей истории, с. 184—196.

⁴¹ Немецкий и французский тексты см.: ADAP, Serie D, Bd. IV, Dok. N 369, S. 409—410. Русский перевод: СССР в борьбе за мир..., док. № 64, с. 115.

⁴² О ходе полемики, литературе вопроса и источниках расхождений см.: *Bussmann W.* Ein deutsch-französischer Verständigungsversuch..., S. 59—65; *Batowski H.* Kryzys dyplomatyczny w Europie (jesien 1938 — wiosna 1939). Warszawa, 1962, s. 129—135.

германских интересов и ставил в зависимость от этого «возможность принципиального и окончательного урегулирования между Германией и Францией»⁴³.

С тех же позиций подошел Риббентроп к поднятому французской стороной в ходе беседы вопросу о предоставлении гарантий новых границ Чехословакии, которые были обещаны ей по условиям мюнхенского соглашения. Риббентроп высказался решительно против четырехсторонней гарантии, указав на то, что «лучшей гарантией» для Чехословакии будет установление ею дружественных отношений с Германией. Позиция Риббентропа в этом вопросе определялась уже принятым в Берлине еще в конце октября 1938 г. решением ликвидировать Чехословакию в ближайшем будущем. И его усилия были направлены на пресечение каких бы то ни было шагов западных держав, которые могли бы помешать этому новому акту агрессии или затруднить его. Поэтому в самом конце беседы Риббентроп вновь заявил, что «Германия будет рассматривать французские гарантии Чехословакии как вмешательство в сферу наших интересов» и что «идея таких гарантий не будет способствовать взаимопониманию»⁴⁴. Такая позиция нацистского министра находилась в прямом противоречии с буквой мюнхенского соглашения, и тем не менее она не встретила отпора с французской стороны.

Немецкие документы о переговорах Риббентропа в Париже не содержат сведений о возражениях французского министра иностранных дел ни по одному из пунктов германских домогательств, а потому гитлеровская дипломатия была вправе считать, что ее претензии находят молчаливое признание. И хотя впоследствии Боннэ отрицал, что он дал согласие на признание исключительных прав Германии в Центральной и Юго-Восточной Европе (прямого признания от него, кстати сказать, и не требовалось: для Германии было достаточно и неформального согласия), ни тогда, ни после войны французской стороне не удалось привести убедительных доказательств своего отрицательного отношения к германским домогательствам⁴⁵. В целом французские правящие круги пошли в ходе переговоров с Риббентропом в своих уступках гитлеровской Германии даже дальше, чем английские «умиротворители», желавшие все же сохранить за собой хотя бы право совещательного голоса в делах Юго-Восточной Европы.

Таким образом, франко-германская декларация от 6 декабря 1938 г. и парижские переговоры были прямым продолжением мюнхенского курса и новым этапом его развития. Оценивая их

⁴³ ADAP, Serie D, Bd. IV, Dok. N 370, S. 411—415. Запись беседы Риббентропа с Боннэ 6 декабря 1938 г.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ *Batowski H.* Kryzys dyplomatyczny w Europie..., s. 129—136.

итоги, советский посол в Париже Я. З. Суриц с полным основанием считал, что они вбивали «новый клин в систему и принципы коллективной безопасности». Для гитлеровской Германии они были желательны особенно потому, что, совпав по времени с волной негодования против Германии в связи с еврейскими погромами, ослабляли ущерб ее престижу за границей. Несомненным расчетом было также и «намерение вызвать декларацией охлаждение советско-французских отношений». Советский посол указывал, что декларация не будет способствовать и сплочению «демократического фронта», т. е. отношениям Франции с Англией и США. Подводя итог своим рассуждениям, он писал: «Что Боннэ *фактически* взял курс на отход от Востока и центральноевропейских дел, свидетельствует и вся его дипломатическая деятельность за весь последний период. Ни одна из проблем, возникших в этом секторе Европы, не занимала по-настоящему внимания французской дипломатии»⁴⁶.

Оценка франко-германских переговоров и декларации 6 декабря будет неполной без учета того, что период непосредственно перед ними и после них совпал с самым разгаром кампании в западной прессе о предстоящем «походе» гитлеровской Германии на Украину. Эта кампания создавала вполне определенный политический фон, на котором происходило франко-германское сближение, носившее в значительной степени демонстративный характер. Слухи о намерениях гитлеровцев в ближайшее время приступить к «расчленению СССР» наполняли в ноябре — декабре 1938 г. дипломатические и политические кулуары всех без исключения европейских столиц, наводняли страницы прессы и дипломатические документы соответствующими рассуждениями и с готовностью доводились иностранными дипломатами до сведения советских представителей. В конце ноября Г. Вильсон говорил в беседе с советским послом в Лондоне, что Гитлер взял курс на Восток и рассчитывает получить Украину без большой войны⁴⁷. О том же говорили Майскому в начале декабря Ллойд Джордж и главный дипломатический советник Форин оффиса Р. Ванситарт⁴⁸.

Такое широкое распространение слухов выдавало наличие в английских правящих кругах и даже среди части оппозиции своекорыстных расчетов «перевести игру на Восток». Последнее чрезвычайно волновало польскую дипломатию, которая отчетливо видела, что эта кампания включала в себя угрозу для

⁴⁶ СССР в борьбе за мир..., док. № 82, с. 137—141. Суриц (Париж) — Литвинову 27 декабря 1938 г.

⁴⁷ СССР в борьбе за мир..., док. № 56, с. 99. Майский (Лондон) — в Москву 29 ноября 1938 г.

⁴⁸ Там же, док. № 65, с. 115—116. Майский — в Москву 6 декабря 1938 г.; док. № 66, с. 116—117. Майский — в Москву 8 декабря 1938 г.

Польша и заслоняла реальную опасность, создавшуюся для нее со стороны гитлеровской Германии мифическими планами относительно Украины⁴⁹.

Настроения французских правящих кругов были созвучны существовавшим в Лондоне, а выводы французской дипломатии зачастую были даже более циничными. «Стремление третьего рейха к экспансии на Востоке мне кажется столь же очевидным, как и его отказ, по крайней мере в настоящее время, от всяких завоеваний на Западе; одно вытекает из другого», — писал в середине декабря 1938 г. французский посол в Берлине Кулондр, переведенный туда из Москвы. Он полагал, что пропал час реализации гитлеровских планов завоевания «жизненного пространства»⁵⁰.

Советская дипломатия, внимательно следившая за развитием антисоветской пропагандистской кампании, отчетливо видела ее провокационный характер. Отвечая французскому послу в Москве Ж. Пайяру, затронувшему вопрос о германских планах в отношении Украины, советский нарком Литвинов говорил, что «этот вопрос нас совершенно не беспокоит, что мы даже не уверены, что и Гитлер серьезно относится к так называемой украинской акции. Возможно, что мы имеем дело с пропагандистской диверсией, имеющей целью усыпить и успокоить Англию и Францию и под этим прикрытием подготовить новый сюрприз для них»⁵¹. И в самом деле, факты говорят о том, что под прикрытием дымовой завесы относительно существовавших якобы планов похода против СССР, на Украину, еще в течение 1939 г. нацисты стали склоняться к мысли, что первоначальный удар должен быть нанесен по западным державам.

Процесс выработки окончательного решения затянулся на два-три месяца, и в настоящее время представляется возможным проследить его основные этапы. За исходный момент можно условно принять первые недели после Мюнхена и визит Риббентропа в Рим в конце октября 1938 г. Обмен мыслями между Риббентропом, Муссолини и Чиано по этому поводу показал, что основные планы обеих сторон были направлены против западных держав, в первую очередь против Англии⁵².

⁴⁹ Документы и материалы кануна второй мировой войны, т. I. М., 1948, док. № 44. Э. Рачиньский (Лондон) — Беку 16 декабря 1938 г.

⁵⁰ СССР в борьбе за мир..., док. № 74, с. 124—127. Письмо Кулондра (Берлин) — Боннэ 15 декабря 1938 г.

⁵¹ Там же, док. № 78, с. 134. Запись беседы Литвинова с Пайяром 19 декабря 1938 г.

⁵² *Ciano G. L'Europa verso la catastrofe*. Verona, 1948, p. 373—378. Запись беседы Риббентропа с Муссолини 28 октября 1938 г.; ADAP, Serie D, Bd. IV, Dok. N 400, S. 452—456. Запись беседы Риббентропа с Чиано 28 октября 1938 г.

Начало переговоров о превращении Антикоминтерновского пакта с его идеологически заостренной антисоветской направленностью в «треугольник мировой политики», объединявший Германию, Италию и Японию, сразу же выявило угрозу, которую мог представлять такой блок агрессивных фашистских государств для западных держав, а также для США. Первые же появившиеся сообщения о начавшихся переговорах привлекли к себе пристальное внимание. Как сообщал болгарский посланник из Москвы, на эти сообщения нарком иностранных дел М. М. Литвинов обратил внимание английского посла лорда Чилстона на прошальном обеде в его честь 18 ноября 1938 г. Рано или поздно Англия и Франция поймут, к какой пропасти фатально ведет их проводившаяся ими до настоящего времени капитулянтская политика, передавал болгарский дипломат слова Литвинова, и тогда они будут искать другие позиции, опираясь на которые они могут говорить с агрессорами. А эти позиции могут заключаться только в коллективной обороне против коллективной (германито-японской) агрессии⁵³.

Со второй половины ноября 1938 г. английское правительство также стало убеждаться, что германская политика начала принимать все более ярко выраженный антибританский характер. 14 ноября Галифакс констатировал на заседании внешнеполитического комитета правительства, что гитлеровский рейх придерживается «все более антианглийской позиции и что он намерен добиваться развала Британской империи и по возможности установления мирового господства немцев»⁵⁴.

Но и это не могло поколебать основ мюнхенского курса английского правительства, которое по-прежнему стремилось к достижению соглашения с фашистскими державами. Убедившись, что перспективы «умиротворения» в Берлине «не блестящи», как выразился Чемберлен на заседании английского кабинета 30 ноября 1938 г., он решил воздействовать на Германию с другого конца «оси» — через Рим. Цель предстоявшего визита в Италию, как сформулировал он несколько позднее, состояла в том, чтобы «обеспечить услуги Муссолини в Берлине»⁵⁵. Английская дипломатия желала добиться ослабления связей Италии с Германией, но не собиралась делать уступок Муссолини, если он не поможет достигнуть «ослабления напряжения». Еще раньше было решено ратифицировать и ввести в силу англо-итальянское соглашение,

⁵³ ЦДИА, ф. 176, оп. 7, а. е. 645, л. 45—48. Антонов (Москва) — в Софию 19 ноября 1938 г.

⁵⁴ Сиполс В. Я. Советский Союз в борьбе за мир и безопасность. 1933—1939. М., 1974, с. 281.

⁵⁵ *Colvin J.* The Chamberlain Cabinet. How the Meetings in 10 Downing Street, 1937—1939, led to the Second World War.—Told for the first time from Cabinet papers. New York, 1971, p. 176.

заключенное в апреле 1938 г., а также содействовать тому, чтобы «постепенно освободить сеньора Муссолини от давления, которому он подвергается со стороны Берлина»⁵⁶.

В то время как Англия испытывала беспокойство из-за позиции Германии и желала прибегнуть для ее дальнейшего «умиротворения» к помощи Италии, Франция проявляла такое же беспокойство по поводу Италии и была не прочь урезонить ее через посредство Германии. Этот парадокс был одним из многочисленных порождений Мюнхена. После Мюнхена итальянская печать развернула ожесточенную кампанию против Франции, и она достигла своего апогея как раз в период подготовки визита Чемберлена и Галифакса в Рим. Через несколько дней после официального сообщения о предстоящем визите в итальянском парламенте произошла форменная антифранцузская демонстрация. Крики депутатов: «Тунис! Корсика! Ницца! Савойя!» — показывали направленность агрессивных итальянских устремлений⁵⁷.

Расчеты Франции путем сближения с Германией (декларация 6 декабря) уменьшить напряженность в отношениях с Италией не принесли результатов. Напрасно новый французский посол в Риме Франсуа Понсэ вновь и вновь возвращался в беседах с Муссолини и Чиано к идее «директората четырех держав» в Европе⁵⁸. Теперь эти идеи встречали холодный прием, ибо после Мюнхена даже фашистская Италия не рассматривала западные державы как равных партнеров.

Одновременно Италия вела переговоры с Германией о заключении военно-политического союза. 2 января 1939 г. Чиано сообщил Риббентропу о том, что Муссолини принял решение о необходимости заключения пакта между Германией, Италией и Японией в самом ближайшем будущем, желательно до конца января 1939 г. Такой союз должен был изменить соотношение сил в мире. Но даже теперь страны «оси», полагали итальянские фашисты, могут противостоять любой коалиции, если государства, которые обеспечивают их сырьем (а ими в первую очередь являлись Югославия, Венгрия и Румыния), войдут в сферу влияния «оси» и свяжут с ней свою судьбу⁵⁹. 9 января Риббентроп ответил Чиано, что пару дней назад он уже передал проект пакта итальянскому и японскому послам, и полагал, что пакт мог быть подписан в Берлине 28 января, для чего он и приглашал Чиано прибыть в Германию⁶⁰.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ *Стегарь С. А.* Франко-итальянские отношения накануне второй мировой войны. — Новая и новейшая история, 1965, № 5, с. 100.

⁵⁸ *Ciano G.* L'Europa verso la catastrofe, p. 380—387.

⁵⁹ ADAP, Serie D, Bd. IV, Dok. N 421, S. 474—476. Письмо Чиано Риббентропу от 2 января 1939 г.

⁶⁰ Там же, док. № 426, с. 480. Письмо Риббентропа Чиано от 9 января 1939 г.

Быстрая реакция Германии показывала, что итальянское согласие на заключение пакта пришло в период, когда нацистское руководство уже приняло определенные решения относительно своих дальнейших действий. С другой стороны, получение Италией германского ответа в самый канун приезда в Рим Чемберлена и Галифакса создавало определенный политический фон для предстоящих переговоров, заранее обрекало их на бесплодность. Этот визит окончился безрезультатно. На заседании английского правительства Чемберлен должен был признать, что он и Галифакс вернулись с пустыми руками⁶¹.

Однако к тому времени на планы западных держав стали воздействовать другие факторы, из которых в первую очередь следует выделить поступление дополнительных известий об агрессивных намерениях гитлеровской Германии по отношению к Англии и Франции, на что те не могли не реагировать, а затем все более четко определявшуюся линию внешней политики США, где усилились течения против курса на «умиротворение» и за отход от изоляционизма.

Как известно, США полностью разделяли антисоветскую направленность курса западных держав на «умиротворение» агрессоров и внесли свою, причем довольно весомую лепту в заключение мюнхенского соглашения. Однако вскоре после него американские правящие круги начали осознавать, что Мюнхен не только не дает никаких преимуществ самим США, но и ставит их в весьма невыгодное положение. Первоначальная реакция США исходила из завышенной оценки перспектив сотрудничества четырех мюнхенских держав и вытекавших отсюда опасений оказаться если не в изоляции, то по крайней мере перед лицом серьезного снижения заинтересованности в сотрудничестве с ними со стороны остальных держав капиталистического мира.

Американскую дипломатию беспокоило не только развитие событий в Европе, но и в Азии, где она с опаской наблюдала за действиями Японии. Слухи о предстоящем заключении военно-политического союза трех фашистских государств — Германии, Италии и Японии — означали сплочение агрессивных сил, которое имело также и антиамериканскую направленность. При дальнейшем попустительстве со стороны западных держав внешнеполитические позиции США могли оказаться под угрозой. При этом речь шла не о сохранении мира, о чем без усталости твердили политические деятели США и американская пресса, а о месте США в мировой политике. Этим объяснялся и пересмотр стратегических целей и тактических приемов их внешней политики. По-прежнему оставаясь противниками сотрудничества с СССР, они выступили против мюнхенского соглашения, чтобы не

⁶¹ *Colvin J. The Chamberlain Cabinet...*, p. 177.

допустить дальнейшего сговора западных держав с фашистскими странами при исключении из него США и заставить Англию и Францию не просто считаться с США и признать их своим партнером, но и поставить США в положение их старшего партнера. Тактическая же линия строилась на отрицании мюнхенского соглашения, подчеркивании угрозы со стороны агрессивных фашистских держав, прокламировании готовности США оказать им сопротивление, а также готовности поддержать Англию и Францию экономически и политически в случае возникновения для них непосредственной угрозы. Послемюнхенский период оказался чрезвычайно благоприятным для борьбы США за лидерство в капиталистическом мире, причем борьбы, умело прикрытой призывами сплочения против агрессоров.

Внешнеполитический курс, взятый правительством США после мюнхенского сговора, был особенно заметен в сравнении с политикой Англии и Франции, которые продолжали прежнюю линию. Характеризуя позицию США в начале ноября 1938 г., советский поверенный в делах в Вашингтоне писал, что там «послемюнхенское похмелье наступило скорее, чем в Европе, и имело более всеобщий характер». Отмечая сильные антифашистские настроения в стране, советский дипломат подчеркивал сложность обстановки, рост влияния республиканской партии, стоявшей в оппозиции к администрации Рузвельта, что показали перевыборы конгресса и части сената в начале ноября 1938 г. Наблюдался рецидив изоляционизма на фоне его общего преодоления. Среди реакционной части республиканцев были люди (например, бывший президент Г. Гувер), которые стояли на позиции сближения с фашистскими странами и полагали, что их агрессия пойдет против СССР. Все это стесняло внешнеполитическую активность Рузвельта и затрудняло пересмотр законодательства о нейтралитете. «Сейчас альфа и омега его политики — форсирование военного, морского и авиационного строительства», на которое он возлагал и надежды экономического оживления. С другой стороны, не было никаких признаков улучшения отношений с СССР, и пост американского посла в Москве по-прежнему оставался незанятым^{61а}.

Эти события, казалось бы весьма далекие от стран Центральной и Юго-Восточной Европы, встречали там живой отклик среди общественности и учитывались их правящими кругами во внешнеполитических расчетах. Посланники балканских стран в США непрерывно направляли в столицы своих государств в конце 1938 — начале 1939 г. обширные сообщения о повороте во внешней политике США.

^{61а} СССР в борьбе за мир..., док. № 41, с. 76—80. Уманский (Вашингтон) — в Москву 11 ноября 1938 г.

Однако в конкретной ситуации, сложившейся для стран Центральной и Юго-Восточной Европы к началу 1939 г., все эти факты имели скорее теоретическое значение. На практике они означали для них не более как далекую соломинку, к которой обращали свои взоры их правящие круги, упорно не желавшие считаться с существующей реальностью. Такая близорукость, вызванная хроническим антисоветским ослеплением, ставила в тяжелое положение в первую очередь сами эти страны.

Между тем горизонт затягивался новыми тучами. С начала января 1939 г. практически во все европейские столицы начали поступать секретные сведения, говорившие о том, что период ожидания антисоветского похода гитлеровской Германии окончился, но совсем не так, как надеялись мюнхенские круги в западных державах. Сообщения свидетельствовали о том, что нацистские лидеры пришли к решению начать новый тур агрессивных действий, направленных против Англии и Франции и их позиций на континенте. Окончательное решение было принято Гитлером в самом конце 1938 — начале 1939 г., «где-то около рождества», как говорил генеральный секретарь германского общества по изучению Восточной Европы Маркерт, бывший в курсе событий. После длительного пребывания в Оберзальцберге Гитлер пришел к выводу, что, прежде чем приступить к решению «восточного вопроса», «нужно время для его основательной подготовки»⁶². Другими словами, к войне на Востоке гитлеровская Германия не была готова. Но для борьбы с западными державами она чувствовала в себе уже достаточно сил. И эти замыслы стали выстраиваться в планы конкретных действий с установленной очередностью и сроками осуществления.

Разработка конкретных планов после принятия принципиального решения проводилась в течение января — февраля 1939 г. В этих рамках уже давно вынашивавшиеся планы вроде окончательного расчленения и уничтожения Чехословакии приобретали новый смысл. Так, оккупация Чешских земель и образование марионеточной Словакии⁶³ трактовались теперь как первый шаг в борьбе против Англии и Франции. Об этом весьма прозрачно дал понять и сам Гитлер в беседе с Хвалковским 21 января 1939 г. Развивая мысль о тщетности ожидания помощи со стороны западных держав и о полной зависимости Чехословакии от милости Германии, Гитлер с презрением говорил о чехословацких «симптомах надежды на поворот в европейской политике».

⁶² СССР в борьбе за мир..., док. № 95, с. 161—163. Запись беседы германского журналиста с д-ром Маркертом 19 января 1939 г.

⁶³ ADAP, Serie D, Bd. IV, Dok. N 152, S. 163—164. Указания Кейтеля по проведению оккупации Чехословакии от 17 декабря 1938 г.; док. № 168, с. 183—185. Запись беседы Гитлера с лидером словацких сепаратистов В. Тукой 12 февраля 1939 г.

Если такой поворот и наступит, угрожал Гитлер, то он принесет с собой в первую очередь уничтожение самой Чехословакии⁶⁴.

Дальнейшими шагами в этом направлении должен был стать разгром Польши, которую гитлеровская дипломатия старалась усыплять различными «дружескими» предложениями и маскировала агрессивные намерения против нее. Параллельно планировалось полное подчинение стран Юго-Восточной Европы, в первую очередь Венгрии, Румынии и Югославии, обладавших необходимыми Германии сырьевыми ресурсами. Этот план намечалось осуществить в течение ближайшего времени, до 1940 г. Затем должна была наступить очередь Франции, которую предполагалось «стереть с карты Европы», и Англии, богатыми и колониями которой должна была завладеть Германия. В результате весь континент Европы оказался бы под германским господством, что открыло бы ей перспективы для борьбы за мировое господство и против США. Такую перспективу развил Гитлер в качестве реальных планов перед группой нацистских бонз в самом начале марта 1939 г.⁶⁵

Разведка и дипломатия западных держав и США своевременно заметили поворот в германских планах и угрозу, создающуюся для Англии и Франции⁶⁶. В середине января 1939 г. Форин оффис, обобщив полученные разведкой сведения, представил английскому правительству записку о создавшейся угрозе и возможности нанесения гитлеровской Германией решительного удара по западным державам вместо предполагавшегося ими похода на Восток⁶⁷.

Сложившаяся ситуация подверглась рассмотрению 23 января 1939 г. на заседании внешнеполитического комитета правительства, а 25 января — на заседании кабинета министров. 26 января внешнеполитический комитет правительства встретился с начальниками военно-морского, военно-воздушного и заместителем начальника имперского генерального штабов⁶⁸.

Информация о создавшейся для Англии и Франции угрозе была послана английским правительством 24 января 1939 г. для личного сведения президента Рузвельта⁶⁹.

Западные державы вынуждены были срочно принимать хотя бы частичные меры по укреплению своего положения. Непрерывные

⁶⁴ Там же, док. № 158, с. 167—171. Запись беседы Гитлера с Хвалковским 21 января 1939 г.

⁶⁵ СССР в борьбе за мир..., док. № 145, с. 224—225. Запись речи Гитлера на совещании представителей военных, экономических и партийных кругов Германии 8 марта 1939 г.

⁶⁶ *Courcy Kenneth de*. Review of World Affairs, v. I, London, 1941, p. 53.

⁶⁷ *Суполс В. Я.* Советский Союз в борьбе за мир..., с. 282.

⁶⁸ *Colvin J.* The Chamberlain Cabinet..., p. 179—182.

⁶⁹ DBFP, Third Series, v. IV, doc. N 5, p. 4—5; FRUS, 1939, v. I, p. 2—6. Галifax — в Вашингтон 24 января 1939 г.

заседания кабинетов министров Англии и Франции сопровождались обменом мнениями между ними. 6 февраля Чемберлен от имени английского правительства сделал в палате общин заявление, что в случае «любой угрозы жизненным интересам Франции, откуда бы она ни исходила», Великобритания немедленно выступит на ее стороне⁷⁰. Это заявление положило начало процессу формирования англо-французского блока и создало основу для последующей координации их политических и военных планов.

Новая обстановка заставляла Англию и Францию под другим углом зрения оценить перспективы своих отношений со странами Центральной и Юго-Восточной Европы. По отношению к этому региону в их политике начиная с конца января 1939 г. появились новые черты. Первой реагировала на изменение положения Франция, особо остро чувствовавшая создавшуюся для нее угрозу. 26 января французский министр иностранных дел Боннэ, выступая в палате депутатов французского парламента, остановился на франко-польских отношениях, говорил о «присутствии Франции на Востоке Европы» и заявил, что обязательства Франции по отношению к Польше и СССР сохраняют свою силу⁷¹. Недели спустя это заявление было повторено им во французском сенате.

Французская дипломатия сделала все от нее зависящее, чтобы принизить значение этого шага в глазах гитлеровской Германии и уменьшить ее раздражение. За два дня до своего первого выступления Боннэ ознакомил с его содержанием германского посла в Париже И. Велчека. Он говорил о франко-германском соглашении от 6 декабря 1938 г. как основе дальнейшего развития отношений двух стран, а о своем предстоящем выступлении сказал, что многие его аспекты «предназначены для внутреннего употребления»⁷². Тем не менее Риббентроп был крайне раздражен этим заявлением.

Приведенный эпизод можно было бы рассматривать как изолированный и случайный, если бы следующий шаг, предпринятый совместно английской и французской дипломатией, не показывал наличие у них общей линии. 8 февраля послы Англии и Франции вручили в Берлине идентичные ноты по вопросу о предоставлении гарантий послевоенной Чехословакии⁷³. В нотах оба правительства солидаризировались с мнением Муссоли-

⁷⁰ DBFP, Third Series, v. IV, doc. N 94, p. 90—91.

⁷¹ *Mazurowa K. Europejska polityka Francji 1938—1939. Warszawa, 1974, s. 337; Batowski H. Kryzys dyplomatyczny w Europie...*, s. 138.

⁷² ADAP, Serie D, Bd. IV, Dok. N 380, S. 428—429. Велчек (Париж) — в Берлин 24 января 1939 г.

⁷³ DBFP, Third Series, v. IV, doc. N 91, p. 86—87; doc. N 95, p. 91—92; ADAP, Serie D, Bd. IV, Dok. N 164, S. 181.

ни, высказанным тем во время англо-итальянских переговоров в Риме 12 января 1939 г., что такие гарантии могут быть предоставлены только после выполнения трех предварительных условий: внутреннего конституирования самой Чехословакии; утверждения ее нейтралитета; демаркации ее границ в соответствии с уже принятыми решениями. Другими словами, западные державы выражали свою готовность гарантировать даже те границы, которые были установлены Венским арбитражем фашистских государств при отстранении от решения этого вопроса Англии и Франции, и на условиях, которые вели к превращению Чехословакии в германскую марионетку.

Но дело заключалось не в этих обстоятельствах, хотя итальянская сторона рассматривала их как крайне унижительные для престижа западных держав. Главное состояло в том, что впервые после Мюнхена Англия и Франция проявили, хотя бы даже в такой форме и со ссылкой на мюнхенское соглашение, интерес к одной из конкретных проблем, затрагивавших интересы стран Центральной и Юго-Восточной Европы. Идя на этот шаг, они отдавали себе отчет в том, что все балканские государства, в том числе и в особенности Румыния и Югославия, рассматривали вопрос о гарантиях Чехословакии как своего рода лакмусовую бумажку, выявлявшую готовность Англии и Франции оказать им поддержку против политических и экономических домогательств фашистских государств, помочь им избежать угрозы оказаться в односторонней зависимости от «оси». Основным же смысл дипломатического демарша западных держав заключался в желании показать гитлеровской Германии, что ее отказ от сотрудничества с ними повлечет за собой и их отказ от признания германских «естественных прав» в Центральной и Юго-Восточной Европе. Обострение международной обстановки и угроза безопасности самих Англии и Франции заставляли их вновь обратиться к этому региону как объекту торга с Германией и исходным позициям для оказания на нее нажима. Ничего общего с защитой интересов и независимости чешского и словацкого народов этот шаг не имел.

Западные державы были отлично осведомлены, что Германия рассматривала весь регион Юго-Восточной Европы как «свой домен» и расценивала вопрос о гарантиях Чехословакии со стороны Англии и Франции как нарушение своих «прав» и вмешательство во сферу ее исключительного влияния. Поэтому не приходилось гадать о возможном характере германского ответа на ноту западных держав. И действительно, в переданной им вербальной ноте, основное содержание которой было определено Гитлером, что свидетельствовало о придаваемом этому вопросу значении, сама идея гарантии со стороны Англии и Франции была охарактеризована как способная только привести к

обострению отношений Чехословакии с соседними государствами и создать в ней внутренние трудности. «В конечном счете,— говорилось в ноте,— общее развитие в этом европейском регионе относится главным образом к сфере важнейших интересов Германской империи»⁷⁴.

Дипломатические документы западных держав не сохранили никаких следов возмущения или протестов со стороны Англии и Франции, которым германский ответ цинично указывал на их место, хотя к ним непрерывным потоком поступали сведения о готовящейся военной оккупации Чехословакии и подрывных действиях нацистской агентуры в этой стране. Своим демаршем они преследовали все ту же цель — «держать ногу в дверной щели», не допустить их полного вытеснения с континента, добиваться соглашения с Германией на мюнхенской основе. Их действия все более выдавали их надежды «перевести игру» на Восток, толкнуть германскую агрессию против СССР.

Все же опыт послемюнхенских месяцев не прошел для английской дипломатии бесследно. Англия почувствовала острую необходимость укрепить свои позиции на Балканах, чтобы не создалась непосредственная угроза ее интересам в районе Восточного Средиземноморья и на Ближнем Востоке и чтобы иметь реальные козыри в переговорах с гитлеровской Германией.

Тактические изменения в английской политике, которые все так или иначе были связаны с Центральной и Юго-Восточной Европой, пошли не только в направлении демонстрации политического присутствия путем выдвижения вопроса о гарантии Чехословакии (о чем уже говорилось выше), но и в отношении активизации экономических связей и разработки военно-стратегических планов на случай военного конфликта.

Вопросы «экономической помощи дружественным странам в Юго-Восточной Европе» были рассмотрены на заседании внешнеполитического комитета английского правительства 8 февраля 1939 г.⁷⁵ Раскрывая их смысл, «редакторский комитет» группы имперской политики в меморандуме от 18 февраля 1939 г. писал, что сообщения прессы о том, будто Англия хочет включиться в полное экономическое соревнование с Германией в этом регионе, так же ошибочны, как и мнения, что Англия отказывается здесь от всех своих интересов. Она признает, что между Германией и странами Юго-Восточной Европы всегда будет существовать нормальное течение торговли. Но Англия желает сохранить, а если надо — и развить ту долю торговли, которая всегда приходилась на нее, ибо в противном случае эта доля перейдет к Германии и

⁷⁴ ADAP, Serie D, Bd. IV, Dok. N 175, S. 190—191. Вербальная нота германского МИД французскому посольству в Берлине 28 февраля 1939 г.

⁷⁵ *Colvin I. The Chamberlain Cabinet...*, p. 183.

приведет к установлению германского преобладания во всех областях — и в экономической, и в политической, и в военной. В меморандуме предлагалось поддерживать и развивать тот объем торговли, «который обеспечит справедливый баланс интересов между державами»⁷⁶. Иными словами, это был все тот же замысел создания «треугольника мировой торговли» в составе Англии, Юго-Восточной Европы и Германии, развивавшийся английской дипломатией в послемюнхенский период. Только осуществить его теперь предстояло не путем переговоров с Германией, которая не проявила к нему интереса, а, так сказать, явочным порядком, путем укрепления экономических связей с самими странами Юго-Восточной Европы.

Параллельно с обменом мнениями между правительствами Англии и Франции и складыванием военно-политического блока двух держав начались переговоры между их генеральными штабами. Они распространялись на самый широкий круг вопросов, включая «все вероятные районы операций, в особенности Средиземноморье и Ближний Восток», и были направлены на выработку совместных планов⁷⁷. Намечавшиеся планы исходили из предположения, что западные державы будут иметь дело с объединенным выступлением против них одновременно и Германии, и Италии.

Взгляды английского военного командования на военно-стратегическую ситуацию были изложены в феврале 1939 г. в докладе комитета начальников штабов под названием «Оценка обстановки в Европе»⁷⁸. Существовавшие во французских военных кругах мнения получили отражение в меморандуме генерала Брекара, бывшего члена Высшего военного совета Франции и генерального инспектора кавалерии, который он направил «редакторскому комитету» группы имперской политики. Меморандум Брекара преследовал цель доказать английским правящим кругам необходимость создания в Англии массовых сухопутных сил. С другой стороны, он полагал, что с военно-стратегической точки зрения «Средиземное море будет, вероятно, главным центром операций»⁷⁹.

В этом вопросе мнения и английского и французского генеральных штабов полностью совпадали. Концентрация их внимания на районе Средиземного моря выдвигала на передний план вопрос о политическом обеспечении возможных предстоящих операций и ставила перед английской и французской дипломатией сложные задачи, касавшиеся в первую очередь Балкан.

⁷⁶ *Courcy Kenneth de. Review of World Affairs, v. I, p. 35.*

⁷⁷ DBFP, Third Series, v. IV, doc. N 81, p. 79. Галифакс — Фиппсу (Париж) 3 февраля 1939 г.

⁷⁸ *Батлер Дж. Большая стратегия. Сентябрь 1939 — июнь 1941. М., 1959, с. 37.*

⁷⁹ *Courcy Kenneth de. Review of World Affairs, v. I, p. 38—43.*

Для их решения существовали уже известные наметки и планы, положенные под сукно в период Мюнхена. Вновь становился актуальным проект тройственного союза между Англией, Францией и Турцией, выдвинутый еще осенью 1938 г.⁸⁰ и рассчитанный на использование турецких сил и территории для защиты интересов западных держав в Восточном Средиземноморье. К этому союзу уже на первой стадии его обсуждения (сентябрь 1938 г.) намечалось привлечь и Грецию. Связанные с Турцией и Грецией расчеты влекли за собой и делали актуальными все другие проблемы Балканской Антанты, включая ее отношения с Болгарией. В результате Балканы оказывались в центре внешнеполитического и военно-стратегического планирования западных держав. Но чтобы привести в движение весь этот комплекс проблем и задать ему нужное направление развития, необходим был достаточно весомый повод, который затронул бы жизненные интересы всех расположенных здесь стран. К поискам такого повода и изучению форм привлечения балканских стран на сторону западных держав и приступила английская дипломатия.

Превращение балканского региона в важнейший объект деятельности английской и французской дипломатии объяснялось не только необходимостью политического обеспечения возможного средиземноморского театра военных действий, который рассматривался как главный, но и задачей оттянуть с Запада возможно большие силы как Германии, так и Италии. И то, что выполнение обеих задач перекрещивалось на Балканах, чрезвычайно повышало к ним внимание со стороны Англии и Франции. Об удельном весе балканских проблем и интересе к балканским странам свидетельствуют ежемесячные меморандумы «редакторского комитета» группы имперской политики, в которых донесения английской разведки обобщались для конкретного использования в дипломатических и политических целях. Эти меморандумы за январь и февраль 1939 г. были почти целиком посвящены балканским странам, оценкам их действительного положения и внешнеполитической ориентации⁸¹.

Перемещение интересов английской политики и дипломатической активности на Балканы происходило на фоне непрерывавшихся попыток достичь соглашения с Германией и повернуть ее агрессию на Восток. Эти замыслы были предельно ясно сформулированы английским послом в Берлине Н. Гендерсоном, писавшим в Форин оффис: «...будущее Германии на континенте определяется движением на Восток, и, возможно, это не так уж плохо. «Дранг нах Остен» — реальность, но «Дранг нах Вестен» станет таковой только тогда, если Германия обнаружит, что все

⁸⁰ См. гл. III настоящей работы, с. 153, 156--157, 159.

⁸¹ *Courcy Kenneth de. Review of World Affairs, v. I, p. 12--35.*

пути на Восток блокированы, или если сопротивление Запада будет таковым, что Гитлер убедится, что он не может идти в восточном направлении, не обезвредив сначала это сопротивление»⁸².

Закрывать Гитлеру путь на Восток английские правящие круги не собирались. Они не могли примириться с мыслью, что политика «умиротворения» потерпела крушение, и прилагали все силы, чтобы вновь оживить ее. И они были готовы пойти на новое соглашение с гитлеровской Германией типа мюнхенского, но дополненного и исправленного путем получения известных гарантий своей собственной безопасности. Такие гарантии они видели в сохранении своего частичного влияния на Юго-Востоке и рассматривали раздел сфер влияния в этом регионе как проявление склонности Германии к сотрудничеству с ними.

Конкретным проявлением их зондирования намерений Германии была постановка вопроса о предоставлении гарантий послемиюнхенским границам Чехословакии. Однако этим дело не ограничивалось. Неуверенность в будущем заставляла Англию и Францию самим позаботиться об укреплении своих позиций на Балканах. И в начале 1939 г. центр политической борьбы с Германией переместился в страны Центральной и Юго-Восточной Европы, что проявилось в усилиях оказать влияние на направление их внешнеполитического курса и привлечь на свою сторону правящие круги соответствующих стран.

2. Внутриполитические и международные последствия мюнхенского сговора для Югославии

Югославское правительство, возглавляемое М. Стоядиновичем, расценило мюнхенское соглашение как наглядное подтверждение правильности своей внешней политики, как событие, которое позволит ему укрепить свое положение внутри страны. «Чехословацкий кризис» заставил его обратить особое внимание на проблему национальных отношений в стране, в первую очередь на хорватский вопрос. Правящие круги Югославии были полны решимости расправиться с буржуазной оппозицией, а также со всеми прогрессивными силами страны, выступавшими с резкой критикой внешней и внутренней политики правительства. С этой целью предполагалось осуществить концентрацию всех сил, стоявших на позициях югославского унитаризма, а также упрочить положение правительства и использовать методы, уже испытанные фашистскими государствами. В число последних входили и хорошо «организованные» выборы с заранее расчи-

⁸² DBFP, Third Series, v. IV, doc. N 195, p. 210—217. Гендерсон (Берлин) — Галифаксу 9 марта 1939 г.

танным исходом, чтобы придать намеченному курсу видимость «поддержки народа».

Инициатором такого плана выступил М. Стоядинович, по предложению которого правительство в начале сентября 1938 г. рассмотрело вопрос о досрочном проведении выборов в скупщину. Правительство исходило из того, что имеются все предпосылки для осуществления его замысла. Была принята во внимание благоприятная экономическая конъюнктура, прекрасный урожай и хорошие цены на сельскохозяйственные продукты, что должно было расположить в пользу правительства крестьянские массы,— обстоятельство, немаловажное для страны, где крестьяне составляло три четверти населения. Международное же положение, как полагало правительство, укрепляло престиж Югославии и лично премьера М. Стоядиновича, пользовавшегося доверием фашистских держав и не порывавшего с западными странами. Предложение правительства нашло одобрение принца Павла⁸³, и в начале октября было принято решение провести новые выборы в Народную скупщину 11 декабря 1938 г.

В правящих кругах Югославии не было сомнений, что развитие международных событий, приведшее к мюнхенскомуговору, лишило ветра паруса оппозиции. Не сомневались в этом и иностранные наблюдатели. Так, 4 октября в беседе с югославским посланником в Риме Б. Христичем Чиано, только что вернувшийся из Мюнхена, прямо говорил ему о своей убежденности, что в результате развития последних событий в Европе югославская оппозиция оказалась полностью разоруженной в борьбе против политики правительства и «вы,— добавил Чиано,— еще легче сможете теперь ее уничтожить»⁸⁴.

Действительно, положение дел среди югославской буржуазной оппозиции не могло внушать правительство серьезных опасений. В целом оппозиционные партии находились в состоянии растерянности. Политическая платформа оппозиции, зафиксированная в соглашении от 8 октября 1937 г., предусматривала отмену авторитарной конституции 1931 г., восстановление демократических свобод, образование «народного правительства», проведение выборов в Учредительную скупщину по новому избирательному закону и переустройство страны на федеративных началах⁸⁵. Образованный на этой основе Блок народного соглашения, в который вошли Крестьянско-демократическая коалиция (Хорватская крестьянская партия и Независимая демократическая партия) и Объединенная оппозиция (сербские радикальная,

⁸³ *Stojadinović M.* Ni rat, ni pakt. Buenos Aires, 1963, s. 554.

⁸⁴ *Aprilski rat 1941. Zbornik dokumenata*, t. I. Beograd, 1969, dok. N 22, s. 65. Христич (Рим) — Стоядиновичу 4 октября 1938 г.

⁸⁵ *Stojkov T.* O stvaranju bloka Narodnog sporazuma.— *Istorija XX veka*, 1964, t. VI, s. 288.

демократическая партия и Земледельческий союз), не имел конкретной программы действий.

Не решаясь на активные действия, руководство оппозиционных партий ограничивалось пропагандистскими жестами. Самым крупным пропагандистским мероприятием буржуазной оппозиции явился приезд лидера Хорватской крестьянской партии В. Мачека в Белград в середине августа 1938 г. для проведения совместной конференции с сербскими оппозиционными партиями. Принятая там резолюция аргументировала необходимость проведения в жизнь платформы оппозиции ссылками на такой рост международной напряженности в Европе, который может перерасти в военное столкновение⁸⁶. В речи, произнесенной в Белграде, В. Мачек открыто дал понять, что нежелание правительства решить хорватский вопрос может в случае войны привести к отказу хорватов от повиновения. «Положение ныне таково,— сказал он,— что я должен заявить вам, что сегодня никто из хорватов это государство защищать не будет»⁸⁷.

Мюнхенский сговор послужил катализатором давно уже проходившей сложной дифференциации в кругах буржуазной оппозиции. С одной стороны, в некоторых из входивших в нее партиях крепили левые течения, выступавшие за решительные действия и признававшие необходимость сотрудничества с компартией (особенно в демократической партии и сербском Земледельческом союзе). С другой стороны, все более давали себя знать националистические течения, особенно активизировавшиеся в Хорватской крестьянской партии. Дальнейшие пути многих оппозиционных групп и направлений диаметрально расходились. В таких условиях буржуазная оппозиция и представлявший ее Блок народного соглашения все больше принимали облик предвыборной коалиции, основанной не на общности взглядов и единстве программы действий, а на техническом сотрудничестве, необходимом для участия в избирательной кампании из-за особенностей действовавшего в стране избирательного закона.

Германская миссия в Белграде внимательно следила за развитием событий в Югославии и считала, что предстоящие выборы ни в коей мере не повлияют на внешнюю политику правительства и не затронут немецких интересов. Посланник В. Герен придавал особое значение положению немецкого национального меньшинства в Югославии и его отношениям с югославскими властями. Герен доносил, что правительство уже зондировало настроения лидера Культурбунда сенатора д-ра Г. Грассля, который направил правительству меморандум, выдвигага предва-

⁸⁶ *Boban L. Sporazum Svetković — Maček. Beograd, 1965, s. 398—399. Hrvatski dnevnik, 16.VIII 1938; AA (Bonn), Pol. Abt. IV, Po 5 Jugoslawien, Bd. I, Bl. 286—287, Pol. IV 5906/38. Фрейндт (Загреб) — в Берлин 24 августа 1938 г. о поездке Мачека в Белград.*

рительные условия в качестве предпосылки сотрудничества. По мнению посланника, создавались чрезвычайно благоприятные условия для решения проблем, связанных с положением меньшинства, и главные трудности заключались во внутренних раздорах в немецкой национальной группе⁸⁸. Борьба различных политических течений среди немецкого национального меньшинства в Югославии показывала, что захват нацистами руководства национальными меньшинствами за рубежом был не простым делом⁸⁹. Но и здесь, как в других областях, им в огромной степени шла на пользу политика попустительства, проводимая западными державами.

Мюнхенская развязка «чехословацкого кризиса» дала новый толчок процессу нацификации немецкого национального меньшинства в Югославии. Особенно остро чувствовались внутривнутриполитические последствия международных событий в Воеводине (по тогдашнему административному делению — Дунайская бановина), где почти половину населения составляли национальные меньшинства — немецкое и венгерское.

Лидер Культурбунда Г. Грасль в своем меморандуме югославскому правительству предлагал создать единую организацию немецкого меньшинства, которая входила бы в правящий Югославский радикальный союз, но пользовалась бы внутри него политической автономией. Такая организация представляла бы «жизненные интересы» немецкого меньшинства, а касавшиеся этого меньшинства еще не решенные вопросы предлагалось решить до момента официального объявления выборов⁹⁰.

В случае осуществления намеченного в меморандуме Г. Грасля плана немецкое национальное меньшинство получило бы не только права экстерриториальности, но и определенное политическое влияние на государственный аппарат как составная автономная часть правительственной партии. В результате органи-

---

⁸⁸ AA (Bonn), Pol. Abt. IV, Po 5 Jugoslawien, Bd. 2, Bl. 7—12, Pol IV 6348/38. Герен (Белград) — в Берлин 20 сентября 1938 г. о предстоящих выборах в Югославии.

⁸⁹ Деятельность нацистских элементов среди немецкого меньшинства в Югославии (как и в других странах) проходила под прямым руководством из Берлина со стороны организаций национал-социалистической партии. Деятельность этих организаций проходила вначале без ведома германского посольства в Белграде, доставляя ему много хлопот и неприятностей. Руководство фашистской Германии, заинтересованное в позиции Югославии в период «чехословацкого кризиса», сочло необходимым дать указание нацистским элементам не ставить своей политикой немецкое национальное меньшинство в оппозицию правительству Стоядиновича и не предпринимать демонстративных действий (*Biber D. Nacizem in nemci v Jugoslaviji, 1933—1941. Ljubljana, 1966, s. 182—184, 377*).

⁹⁰ AA (Bonn), Pol. Abt. IV, Po 5 Jugoslawien, Bd. 2, Bl. 7—12, Pol IV 6348/38. Герен (Белград) — в Берлин 20 сентября 1938 г.

зация немецкого меньшинства превратилась бы в мощный рычаг воздействия на внутреннюю политику страны.

План Грассля не встретил благожелательного отклика в югославских правящих кругах и не был осуществлен. Однако немецкое меньшинство приняло активное участие в выборах, причем его действия определялись все усиливающимся влиянием на него не только партийных организаций нацистов, но и немецкого посольства. Посланник Герен, отбросив свою прежнюю сдержанность, стал по сути дела вмешиваться в избирательную кампанию⁹¹. Так, по его предложению во второй половине октября Центральное бюро по делам немецких национальных меньшинств направило в Белград своего ответственного сотрудника В. Луига, который на встрече с представителями немецкого национального меньшинства проинструктировал их, что все проживающие в Югославии немцы без различия их политических убеждений должны отдать свои голоса списку кандидатов во главе со Стоядиновичем. Результаты этой встречи вскоре сказались. На широком публичном собрании представителей всех течений немецкого меньшинства, состоявшемся в Белграде 28 октября, было объявлено, что голосование за правительственный список является «национальным долгом всех немецких избирателей»⁹². Эти события показывали, что немецкое национальное меньшинство в послевоенный период становилось все более послушным орудием гитлеровской Германии, превращаясь в «пятую колонну» в Югославии. Руководство же этим меньшинством переходило в руки откровенных нацистов во главе с лидером так называемого обновленческого движения Я. Авендером.

Мюнхенский сговор резко усилил националистические настроения также и среди двух других неславянских национальных меньшинств в Югославии — венгров и албанцев, которые представляли собой в основном мелкобуржуазные крестьянские массы. Однако их положение сильно отличалось от положения немецкого меньшинства. Среди них не существовало таких политических течений, которые отождествляли бы себя с господствовавшими в Венгрии и Албании режимами и считали бы, что такое положение дает им право на объединение национального меньшинства в целом и руководство им. Хотя среди венгерского национального меньшинства заметно возросло влияние течений, которые были представлены в самой Венгрии «Ревизионистской лигой», югославские власти сумели заблаговременно заручиться согласием местных руководств отдельных венгерских организаций, что на выборах венгерские избиратели проголосуют за список правительственных кандидатов.

⁹¹ Там же.

⁹² *Biber D. Nacizem in nemci...*, s. 189.

Сложнее обстояло дело в Косово и Метохии, где проживало албанское меньшинство. Эта чрезвычайно отсталая в экономическом и культурном отношении область Югославии отличалась также отсталыми формами политической борьбы. Среди албанского населения велико было влияние мусульманского духовенства. После мюнхенского сговора активизировалась косовская эмиграция в Албании, а албанское правительство, занимавшее до того пассивную позицию, поддержало ее действия и проводившуюся среди албанского населения в Югославии ирредентистскую пропаганду, которая преследовала цель вызвать там беспорядки⁹³. Недостаточная информация албанской прессы компенсировалась обилием слухов, которые вызывали нервное настроение как у населения, так и у властей. Последним удалось склонить к сотрудничеству в ходе предстоящих выборов представителей албанской социальной верхушки.

Но резкое обострение национальных отношений в Югославии в послемюнхенский период определялось, конечно, не ростом национализма в рядах неславянских национальных меньшинств, составлявших всего 12% населения Югославии, а отношениями между славянскими народами, и в первую очередь между сербами и хорватами.

Хорватский вопрос стал основной внутренней проблемой Югославии накануне второй мировой войны. Внешнеполитические события не только выдвинули его на первый план, но и привели к изменению соотношения сил внутри самого хорватского национального движения. Накануне и в период мюнхенского сговора значительно усилились экстремистские хорватские течения, среди которых на крайнем правом фланге выступали усташско-франковские элементы, группировавшиеся в самой Хорватии вокруг газеты «Независимость». Отдельные примыкавшие и близкие к ней группы выступали как бы самостоятельно, прикрываясь более или менее благовидными программами.

В то же время на политической сцене оформилось новое течение — «Хорватское народное движение», опиравшееся на круги городской, в первую очередь загребской, интеллигенции. Официально оно высказывалось за автономию Хорватии в рамках Югославии и полное участие Хорватии в делах государства⁹⁴. Но после Мюнхена его лидер, бывший профессор Загребского университета Мирко Кошутич⁹⁵, направил 1 октября 1938 г. герман-

⁹³ *Avtromovski Z. Prilog pitanja italijansko-albanske irredentističke propagande na Kosovu i Metohiji u vreme Minhenske krize i okupacije Albanije.*— *Istorijski glasnik*, 1964, N 2-3, s. 127—129.

⁹⁴ AA (Bonn), Pol. Abt. IV, Po 5 Jugoslawien, Bd. 1, Bl. 303—307, Pol IV 6091/38. Фрейндт (Загреб) — в Берлин 31 августа 1938 г.

⁹⁵ Не путать с Августом Кошутичем, одним из ближайших сотрудников В. Мацке, редактором газеты «Хрватски дневник».

скому консулу в Загребе Фрейндту поздравление по случаю «изумительного успеха фюрера и рейхсканцлера», в котором выражал уверенность, что «Великая Германия и ее фюрер» решат в дальнейшем все остальные вопросы Центральной Европы, в числе которых, как комментировал Фрейндт, он «в первую очередь подразумевал, естественно, хорватский вопрос»⁹⁶. В недвусмысленных выражениях М. Кошутич высказывал свое убеждение, что судьба хорватского вопроса неразрывно связана с ростом могущества Германии, и желал фюреру дальнейших успехов.

Крайне правые и националистические силы в Хорватии все более решительно брали на вооружение сепаратистские лозунги. Их умонастроения отразились в листовке, довольно широко распространявшейся в Хорватии в октябре 1938 г.⁹⁷ Сепаратистские настроения получили распространение и у определенной части буржуазной молодежи. В начале ноября, после Венского арбитража, ареной экстремистских выступлений стал Загребский университет. Группа студентов-националистов демонстративно сожгла перед зданием университета югославский государственный флаг и выбросила на улицу портреты короля Александра⁹⁸.

Преобладающим в Хорватии оставалось влияние Хорватской крестьянской партии, выступавшей за предоставление автономии хорватским областям в рамках Югославии. Она все еще составляла основную силу буржуазной оппозиции в Югославии, а потому отношение ее руководства к проблеме дальнейшего развития страны представляет первостепенный интерес. Среди руководства ХКП, как отмечал внимательно наблюдавший за его настроениями германский консул в Загребе А. Фрейндт, после мюнхенского соглашения стали открыто признавать, что «кокетничание с идеей народного фронта и очевидные симпатии к Парижу и Праге были серьезной ошибкой»⁹⁹.

В ходе предвыборной кампании ХКП отказалась от выдвижения каких-либо социальных и демократических требований и сосредоточила все свое внимание на национальном вопросе. Ее пропаганда рисовала предстоящие выборы как национальный плебисцит по вопросу о признании за хорватским народом права на самоопределение. Руководство ХКП подчеркивало, что оно выступает самостоятельно и что его сотрудничество с другими оппозиционными партиями носит технический характер¹⁰⁰. Во

⁹⁶ AA (Bonn), Pol. Abt. IV, Po 5 Jugoslawien, Bd. 2, Bl. 13—14, Pol IV 7336/38. Фрейндт (Загреб) — в Берлин 10 октября 1938 г.

⁹⁷ AA (Bonn), Pol. Abt. IV, Po 5 Jugoslawien, Bd. 2, Bl. 32—34, Pol IV 7828/38. Фрейндт (Загреб) — в Берлин 25 октября 1938 г.

⁹⁸ AA (Bonn), Pol. Abt. IV, Po 5 Jugoslawien, Bd. 2, Bl. 50, Pol IV 8577/38. Фрейндт (Загреб) — в Берлин 16 ноября 1938 г.

⁹⁹ Там же, Bl. 32, Pol 7828/38. Фрейндт (Загреб) — в Берлин 25 октября 1938 г.

¹⁰⁰ *Boban L. Sporazum Cvetković — Maček*, s. 52—53.

внешнеполитической области ХКП стремилась заинтересовать хорватским вопросом фашистскую Италию. Однако это не увенчалось тогда успехом¹⁰¹. В тот момент ни фашистские государства, ни западные державы, хотя и по разным причинам, не желали изменений в Югославии, не проявляли стремления поддержать хорватское движение и повлиять на решение хорватского вопроса.

Взятый ХКП курс встречал поддержку со стороны Независимой демократической партии, вместе с которой они составляли так называемую Крестьянско-демократическую коалицию. Совместно обе партии располагали подавляющим влиянием в хорватских землях, а противостоявшая им здесь оппозиция была слаба и подвергала их критике преимущественно с националистических позиций.

Сербская часть оппозиции находилась в несравненно более сложных условиях. Ее сотрудничество с Крестьянско-демократической коалицией строилось на основе устной договоренности, что они будут придерживаться принципов, изложенных в ранее заключенных соглашениях и резолюции от 15 августа 1938 г. Общая политическая платформа, вокруг которой могли бы объединиться все оппозиционные и прогрессивные силы в стране, отсутствовала, хотя все буржуазные оппозиционные партии представляли по всем избирательным округам своих кандидатов по общему списку, формально возглавлявшемуся В. Мачеком. Была также достигнута договоренность, что Крестьянско-демократическая коалиция будет строить тактику предвыборной борьбы на требовании решения хорватского вопроса, а сербские партии, входившие в Объединенную оппозицию, сосредоточат внимание на проблеме демократизации общественной жизни страны.

Решение последней задачи встречалось с гораздо большими трудностями. Реальный путь к ее достижению мог открыться только в случае создания народного фронта, идеи которого развивали югославские коммунисты. Но именно по этому пути решительно отказывались идти сербские оппозиционные партии. Еще весной 1938 г. они исключили из своих рядов группу политических деятелей во главе с И. Рибаром, Ч. Плечевичем и Др. Смиляничем¹⁰² (так называемая Демократическая левица), которая выступала за сотрудничество с КПЮ.

После мюнхенского сговора партии Объединенной оппозиции еще более решительно отрешивались от какого-либо сотрудничества с коммунистами. Чтобы подчеркнуть, что они не двигаются влево, и заслужить расположение правящих кругов страны,

¹⁰¹ *Boban L. Oko Mačekovih pregovora s grofom Ciano.— Istorija XX veka, 1964, t. VI, s. 316—320.*

¹⁰² *Ribar I. Politički zapisi, t. III. Beograd, 1951, s. 179—182.*

они вступили в предвыборную коалицию с одной из наиболее реакционных партий в стране — Югославской национальной партией во главе с П. Живковичем и Б. Ефтичем, с именами которых были неразрывно связаны государственный переворот 6 января 1929 г. и диктатура короля Александра.

Отказ всей югославской буржуазной оппозиции от идей народного фронта сопровождался также существенным пересмотром внешнеполитических взглядов и концепций. В ходе предвыборной кампании оппозиция прекратила какую-либо критику внешнеполитического курса правительства Стоядиновича. Более того, лидер словенской части Югославской национальной партии, бывший министр А. Крамер, по поручению всех оппозиционных партий посетил в конце октября 1938 г. германского посланника Герена и сообщил ему, что в случае победы оппозиции на выборах никаких изменений во внешней политике Югославии не произойдет. Он подчеркнул, что вся оппозиция принимает нынешний внешнеполитический статус Югославии и отдает себе отчет в том, что в будущем для Югославии возможна только политика дружбы с германским соседом¹⁰³.

После мюнхенского сговора КПЮ осталась единственной партией в стране, которая продолжала разоблачать внешнеполитический курс правительства Стоядиновича, раскрывая его губительность для югославских народов. В принятой накануне выборов в декабре 1938 г. резолюции ЦК КПЮ видел основную задачу партии в том, чтобы организовать народы Югославии на борьбу за сохранение единства и независимости страны против фашистских агрессоров и их пособников. Необходимой предпосылкой решения этой задачи КПЮ считала свержение антинародного правительства Стоядиновича и образование правительства народной обороны. Последнее, опираясь на рабочий класс и все демократические и национальные силы Югославии, должно было решительно улучшить материальные условия жизни народа, восстановить демократические свободы, укрепить братские отношения между народами Югославии на основе их национального равноправия, установить дружественные отношения Югославии со всеми странами, готовыми бороться против фашистской агрессии, в первую очередь с СССР и соседними балканскими странами. Считая, что в конкретных югославских условиях оппозиционный блок в составе Крестьянско-демократической коалиции и Объединенной оппозиции охватывает основные демократические силы страны, КПЮ высказывала свою готовность поддержать его и считала, что всякая попытка создать народный фронт

¹⁰³ AA (Bonn), Pol. Abt. IV, Po 5 Jugoslawien, Bd. 2, Bl. 28—30, Pol IV 7774/38. Герен (Белград) — в Берлин 25 октября 1938 г.

вне рамок этого блока поведет лишь к расколу демократических сил¹⁰⁴.

В резолюции высказывалась также мысль о возможности сотрудничества со всеми партиями и организациями, которые готовы защищать независимость Югославии от фашистских Германии и Италии, в том числе и с политическими течениями, возглавляемыми П. Живковичем и А. Корошецем, если последние пойдут по пути борьбы с фашистскими агрессорами и их пособниками. Вместе с тем в резолюции подчеркивалось, что КПЮ, проводя свою линию, должна остерегаться ошибок, которые могут вылиться в попытки приспособления к национальной и классовой идеологии буржуазии. Наоборот, КПЮ должна сохранять свое лицо и критически относиться к буржуазным партиям и течениям, которые хотели бы ограничить широкое демократическое движение народных масс узкими национальными рамками. В целях укрепления роли рабочего класса и КПЮ среди демократических сил в резолюции ставилась задача борьбы за единый фронт рабочего класса, объединения всех его организаций, усиления работы среди молодежи и т. д.¹⁰⁵

Конкретная деятельность КПЮ в период предвыборной кампании показала, однако, что перспективы создания широкого демократического фронта в стране ухудшились. Попытки КПЮ добиться сотрудничества с оппозиционными течениями встречали возраставшее сопротивление со стороны руководств буржуазных партий. Несмотря на рост антифашистских настроений в Югославии, буржуазные оппозиционные партии все дальше уходили от мысли образовать единый блок на антифашистской основе, который выступил бы альтернативной силой правящим кругам как во внутренней, так и во внешней политике.

Правительство Стоядиновича, правильно определив слабое место оппозиции, было преисполнено намерений в полной мере использовать это обстоятельство. Прикрываясь лозунгом «Одно государство — один народ», оно взяло курс на объединение всех унитаристских и антидемократических сил. На этой основе к правящему Югославскому радикальному союзу (ЮРС), в который входили часть сербских радикалов во главе со Стоядиновичем, словенская клерикальная партия А. Корошеца и мусульманская организация под руководством М. Спахо, в предвыборной кампании присоединилась Югославская народная партия («борбаши») во главе с С. Ходжерой, а ее представители были введены в правительство. Эта партия, игравшая роль «официальной оппозиции» во времена диктатуры короля Александра, была близка

¹⁰⁴ Aprilski rat 1941, t. I, dok. N 29, s. 123—133. Резолюция ЦК КПЮ от декабря 1938 г.

¹⁰⁵ Там же.

по идеологии к Югославской национальной партии П. Живковича и Б. Ефтича, но с еще более сильными националистическими и унитаристскими тенденциями. Вместе с группой земледельцев, возглавлявшейся министром В. Джорджевичем, все они составили правительственную коалицию, выдвинувшую единый список кандидатов во главе с М. Стоядиновичем.

В ходе предвыборной борьбы правительственная коалиция развила безудержную демагогию, восхваляя достижения правительства во всех областях его деятельности. Важное место в правительственной пропаганде занимали вопросы внешней политики. В выпущенной в ходе предвыборной кампании специальной брошюре «Мир на границах» внешняя политика Югославии в последние годы представлялась как единственно возможная, а все ее достижения приписывались самому Стоядиновичу. Если до прихода к власти правительства Стоядиновича, говорилось в брошюре, у Югославии из семи соседей было пять врагов, то теперь у нее больше друзей и совсем нет врагов¹⁰⁶. В брошюре утверждалось, что Стоядинович сумел высоко поднять престиж страны. В ней восхвалялся «независимый курс» Югославии во внешней политике и приводилось высказывание Стоядиновича «о старых политиках с предвоенным образом мышления», которые не могут понять, что Югославия теперь не маленькая Сербия. «Югославия вошла теперь в число великих держав в Европе», — говорилось в брошюре, что свидетельствовало об окончательном разрыве ее авторов с действительностью.

Большое внимание вопросам внешней политики было уделено и на крупнейшем мероприятии за весь период предвыборной кампании — грандиозном 80-тысячном митинге, состоявшемся 13 ноября в Нови-Саде. Сюда были приглашены все аккредитованные в Югославии иностранные журналисты. Митинг был снят кинохроникой, а сделанный на этой основе пропагандистский фильм широко демонстрировался затем по всей стране, что было новинкой для Югославии. Организационная сторона проведения митинга впервые наглядно продемонстрировала авторитарный характер правительственной партии, доносил германский посланник, отметив также, что Стоядинович копирует «образцы в авторитарных государствах»¹⁰⁷. Действительно, всем наблюдателям бросилась в глаза впервые открыто выступившая «партийная охрана» — отряды в формах и на мотоциклах, а также большое число одетых в синюю и зеленую форму членов правительственного рабочего союза «Югорас» и организации «Югославская радикальная молодежь». Сам Стоядинович прибыл на

¹⁰⁶ Мир на границах. Београд, 1938, с. 19.

¹⁰⁷ AA (Bonn), Pol. Abt. IV, Po 5 Jugoslawien, Bd. 2, Bl. 45—46, Pol IV 8488/38 Герен (Белград) — в Берлин 17 ноября 1938 г. о выступлении Стоядиновича в Нови-Саде.

митинг стоя в машине, приветствуя собравшихся правой поднятой рукой на манер Гитлера или Муссолини¹⁰⁸. Присутствовавшие встретили его возгласами «Вождь! Вождь!» Никогда еще прежде фюрерские амбиции Стоядиновича не проявлялись так явно и откровенно.

В речи в Нови-Саде Стоядинович остановился на отношениях с соседними государствами и особенно подчеркнул значение дружественных отношений с Германией, которые он охарактеризовал как «важный фактор мира в этой части Европы». В области международных отношений, гордо заявил Стоядинович, Югославия не стремится приобрести ничего чужого, но и «своей земли не отдаст ни пяди»¹⁰⁹.

Правительство не ограничивалось одной лишь демагогией и отнюдь не пренебрегало репрессиями против тех своих противников, которых оно считало опасными. Так, был арестован один из лидеров сербского Земледельческого союза, руководитель левого крыла сербской Объединенной оппозиции Д. Иованович. Характерно, что правительство применило репрессии не только к левым течениям, но и к своим «оппонентам» справа. В конце октября в Белграде были арестованы лидер сербской профашистской организации «Сбор» Д. Лётич и группа его ближайших сотрудников. Это течение, располагавшееся на крайне правом фланге политической жизни Югославии, пользовалось поддержкой гитлеровцев и имело связи с некоторыми армейскими кругами (генерал Милан Недич). Оно выдвинуло свой особый список кандидатов и намеревалось принять активное участие в предвыборной борьбе¹¹⁰. Отдачей Д. Лётича под суд за распространение им ранее брошюр правительство намеревалось сорвать его участие в выборах и заполучить себе значительную часть тех избирателей, которые могли бы отдать ему голоса.

Тем не менее правительство опасалось, что выборы и их последствия могут привести к «беспорядкам». Поэтому 8 декабря военный министр издал приказ о введении состояния повышенной боеготовности для всех войск и военных учреждений на период с 10 декабря 1938 по 12 марта 1939 г.¹¹¹

Беспрецедентным явлением в ходе предвыборной кампании было давление, оказывавшееся германским посольством на югославское министерство внутренних дел. Посланник Герен доби-

¹⁰⁸ ЦДИА, ф. 176, оп. 7, а. е. 817, л. 29—31. Болгарская миссия в Белграде — в Софию 14 ноября 1938 г. о новосадской речи Стоядиновича.

¹⁰⁹ Политика, 17.XI 1938.

¹¹⁰ ЦДИА, ф. 176, оп. 7, а. е. 804, лл. 19—22. Болгарская миссия в Белграде—в Софию 9 декабря 1938 г. о предстоящих выборах и предвыборной агитации в Югославии.

¹¹¹ Arhiv Vojno-istorijskog instituta (Beograd). Приказ военного министра от 8 декабря 1938 г.

вался от Корошеца снятия каких-либо ограничений деятельности немецкого национального меньшинства. Он явно стремился превратить отношение югославских властей к немецкому меньшинству в своего рода пробный камень отношения югославского правительства к Германии и шантажировал Стоядиновича своими «опасениями», что действия югославских властей могут вызвать недовольство в Берлине, которое он пока сдерживает¹¹². Расценивая Корошеца как человека, враждебно настроенного к немецкому меньшинству, германский посланник в Белграде взял курс на удаление его из правительства, подталкивая к этому и Стоядиновича¹¹³. Германская дипломатия откровенно рассматривала в послевоенный период Югославию как страну, с которой можно уже не особенно церемониться и ставить ей свои условия по таким вопросам, как положение немецкого меньшинства и состав правительства.

Незадолго до выборов, 19 ноября, принц-регент Павел отправился с неофициальным визитом в Англию. В оппозиционных кругах распространились слухи, что поездка Павла связана с желанием проконсультироваться в Лондоне относительно изменения внутренней и внешней политики страны.

Результаты выборов 11 декабря оказались неожиданными для большинства наблюдателей. Из общего числа 3039 тыс. принявших участие в голосовании (что составляло 74,5% всех избирателей) правительственный список кандидатов во главе со Стоядиновичем получил 1643 тыс. голосов (54%), т. е. на 112 тыс. меньше, чем в 1935 г., а список оппозиционных кандидатов во главе с В. Мачеком — 1364 тыс. голосов (44,9%), т. е. на 288 тыс. больше, чем в 1935 г. Список кандидатов, выставленный лётичевским «Сбором», собрал всего 30 тыс. голосов (1%)¹¹⁴.

Сравнение количества голосов, поданных за правительственных кандидатов и оппозицию, показывало, что государственный аппарат, несмотря на все его усилия, сумел обеспечить себе перевес над оппозицией всего в 279 тыс. голосов. Однако в соответствии с избирательным законом, построенным на мажоритарной системе, правительственный список получил 306 мандатов, а оппозиция — 67, из которых на долю Крестьянско-демократической коалиции, представлявшей хорватские земли, пришлось 45.

Сразу же после того как стали известны результаты голосования, лидеры Объединенной оппозиции — А. Станоевич, Л. Давидович и Й. Йованович выступили с воззванием «Правда о выборах», в котором обвинили правительство в применении

¹¹² *Aprilski rat 1941*, t. I, dok. N 26, str. 96—97. Запись Стоядиновича о беседе с Гереном 22 ноября 1938 г.

¹¹³ *Biber D. Nazizm in nemci...*, s. 152—154; *Hoptner J. B. Jugoslavia in crisis, 1934—1941*. New York, 1962, p. 122.

¹¹⁴ *Culinović F. Jugoslavija izmedju dva rata*, t. II. Zagreb, 1961, s. 131.

методов насилия, в обмане и коррупции избирателей и фальсификации итогов голосования. Действия властей, говорилось в воззвании, подрывают основы государственного порядка и представляют собой серьезное нарушение жизненных интересов государства и народа ¹¹⁵.

Итоги голосования совсем не соответствовали ожиданиям правительства Стоядиновича. Правительственная печать сохраняла бодрый тон и лишь подчеркивала, что выборы дают правительству на четырехлетний срок мандат для продолжения его прежнего курса.

Давая оценку итогам выборов, германский посланник Герен считал, что они хуже, чем можно было предполагать. И это при условии, что голосование было открытым, правительству противостояла разрозненная оппозиция, а национальные меньшинства (немцы, венгры, албанцы) отдали ему более 300 тыс. голосов. Расчет правительства на внешнеполитические события, казавшийся таким правильным, оказался ошибочным. Изменение умонастроений в Югославии под влиянием этих событий не улучшило, а, наоборот, ухудшило положение Стоядиновича. И хотя каждый теперь видит, что его политика была правильной, продолжал посланник, имея в виду заверения лидеров оппозиции, сильнее разума оказалась эмоциональная реакция «на ставший очевидным факт, что Югославия превратилась в вассала оси Берлин — Рим». Смешно было бы ставить Стоядиновичу это в вину, рассуждал Герен, но подозрения, что его политика способствовала такому положению, получили распространение главным образом в сербских областях ¹¹⁶.

Отвечая на вопрос, какие политические следствия повлекут за собой итоги выборов, Герен отмечал, что позиции правительства Стоядиновича оказались ослабленными по крайней мере морально. Связанные с выборами события обострили хорватский вопрос, что «таит в себе опасность для будущего». В качестве условия, подтверждающего готовность правительства вести переговоры по этому вопросу, лидер ХКП В. Мачек выдвигает требование устранения Стоядиновича. В таком случае взоры принца Павла могут обратиться на другого, а это, писал Герен, с немецкой точки зрения достойно сожаления ¹¹⁷.

Германская дипломатия рассматривала Стоядиновича как политическую фигуру, отвечающую германским интересам. «Стоядинович остается по-прежнему самой значительной политической личностью на Балканах», — писал 15 декабря 1938 г. германский

¹¹⁵ Ribar I. Politički zapisi, t. IV. Beograd, 1952, s. 38; Boban L. Sporazum Svetković — Maček, s. 53—54.

¹¹⁶ AA (Bonn), Pol. Abt. IV, Po 5 Jugoslawien, Bd. 2, Bl. 94—100, Pol IV 9356/38. Герен (Белград) — в Берлин 15 декабря 1938 г.

¹¹⁷ Там же.

военный атташе в Белграде в своем полугодовом отчете о положении в Югославии¹¹⁸. Но, добавлял германский атташе, несмотря на это, Стоядинович будет отныне представлять для великих держав меньший интерес, поскольку само географическое положение Югославии неизбежно будет побуждать ее занимать по отношению к «оси» Берлин — Рим недвусмысленно выраженную позицию. И в дальнейшем только от позиции самого югославского правительства будет зависеть, придется ли применять к нему средства давления, которых до сих пор избегали¹¹⁹. Как видно, и германский военный атташе в Белграде пришел к выводу, что после Мюнхена свобода дипломатического маневра Югославии оказалась ограниченной, а ее международное значение, которым так гордился Стоядинович в ходе предвыборной кампании, резко упало.

Свои констатации германская дипломатия постаралась перевести на язык практических действий. 16 декабря, встретившись со Стоядиновичем, посланник Герен завел разговор о политической позиции министра внутренних дел А. Корошеца, против которого он уже давно плел интриги. Он высказал мнение, что Корошец во время выборов вел такую линию, чтобы укрепить свои позиции и ослабить позиции Стоядиновича. Только этим, полагал посланник, можно объяснить бросающуюся в глаза пассивность властей при проведении выборов в хорватских областях страны. Стоядинович сразу же согласился с Гереном. Он заявил посланнику, что считает свое дальнейшее сотрудничество с Корошецем невозможным и удалит его из правительства. Сообщая об этом в Берлин, Герен отметил, что предстоящее отстранение Корошеца серьезно сузит политическую базу правительства и только от дальнейшего развития хорватского вопроса будет зависеть, повлияет ли это на положение самого премьер-министра¹²⁰.

Стоядинович постарался сделать Корошеца козлом отпущения за фактическое поражение правительственной партии на выборах. Заручившись согласием принца Павла¹²¹, он 21 декабря произвел реорганизацию правительства, введя в него новых лиц. Основным изменением было назначение на пост министра

¹¹⁸ Archiv des Instituts für Zeitgeschichte (München), MA-275, N 3403-5. Bericht der Lage Jugoslawiens in der Zeit vom. 1. Juli bis Ende Dezember 1938. Beograd, 15.XII 1938.

¹¹⁹ Там же.

¹²⁰ AA (Bonn), Pol. Abt. IV, Po 5 Jugoslawien, Bd. 2, Bl. 93, Pol IV 9342/38. Герен (Белград) — в Берлин 16 декабря 1938 г.

¹²¹ Стоядинович направил письмо принцу Павлу, требуя отставки Корошеца, сразу же после беседы с Гереном 16 декабря 1938 г. Корошец же, не дожидаясь дальнейшего развития событий и с одобрения Павла, с которым он поддерживал тесные связи, подал в отставку (Hoptner J. B. Jugoslavia in crisis..., p. 123—124).

внутренних дел М. Ачимовича. Место последнего как главы белградской полиции и шефа югославской службы безопасности занял Д. Лазич, помощником же его стал германский агент Д. Йованович¹²². Новый состав правительства должен был обеспечить проведение курса, который Стоядинович публично сформулировал в середине января 1939 г. на заседании фракции депутатов ЮРС в скупшине: политика «твердой руки» в хорватском вопросе, укрепление авторитарного режима в стране, а во внешней политике — дальнейшее сближение с Германией и Италией¹²³.

Вместе с тем Стоядинович не решался окончательно поворачивать с Корошцем, а вернее ставить под угрозу целостность ЮРС, в который руководимая тем словенская клерикальная партия входила в качестве составной части. Поэтому сразу же после реорганизации кабинета он предложил Корошецу занять место председателя сената (Корошец был выбран на этот пост 16 января 1939 г., в день открытия новой скупщины) и продолжить сотрудничество в рамках ЮРС. Этот эпизод представлял интерес главным образом в том отношении, что показывал обострение в правящих кругах глубоких противоречий по вопросам дальнейших форм и методов правления.

Если в ходе предвыборной кампании в Югославии буржуазная оппозиция поддерживала видимость единства, то после выборов пути ее сербской и хорватской частей расходились все больше. Хорватская крестьянская партия и поддерживавшая ее Независимая демократическая партия встали на путь решения хорватского вопроса любым способом, не взирая на внутренние и внешнеполитические последствия и не связывая его с вопросом демократизации общественной жизни страны. Экстремистские элементы стремились истолковать итоги выборов как проявление воли хорватского народа к самоопределению и оказывали серьезное давление на руководство ХКП. Усташско-франковские элементы сознательно распространяли слухи о скором созыве собрания всех избранных хорватских депутатов (Хорватское народное представительство), которое провозгласит себя верховным органом — Сабором, возьмет на себя всю полноту власти и объявит о независимости Хорватии.

Идея созыва Хорватского народного представительства разделялась и руководством ХКП, но идти на сепаратистские действия оно не собиралось. Его действия после выборов в значительной степени преследовали цель избежать нежелательных инци-

¹²² О проникновении германской агентуры в югославский государственный аппарат см.: *Ланковић М.* Пета колона, вып. 1—35.— Политика, 9.XI—23.XII 1972.

¹²³ *Boban L.* Sporazum Cvetković — Maček, s. 57.

дентов и дальнейшего обострения обстановки. Но это было не так-то просто. С одной стороны, правительство и новый министр внутренних дел М. Ачимович взяли курс на проведение «жесткой линии» в Хорватии и начали репрессии против вооруженных формирований ХКП — «Крестьянской стражи» и «Городской стражи», в которых были сильны экстремистские элементы. С другой стороны, в самом руководстве ХКП не было единства и в нем все более усиливались сторонники крайних националистических течений, что отражалось на действиях организаций и вело к столкновениям с властями. Поэтому В. Мачек и его сторонники были заинтересованы в скорейшем решении хорватского вопроса, дабы дело не дошло до раскола в ХКП, но продолжали сохранять свои взгляды на характер его решения¹²⁴.

Согласно донесению советника германского посольства в Белграде Файне, один из ближайших сотрудников Мачека — Август Кошутич, выражая мнение руководства ХКП, говорил, что целью ХКП продолжает оставаться автономия Хорватии в составе Югославии. Однако руководство ХКП решительно отклоняет Стоядиновича как возможного партнера при решении хорватского вопроса. Относительно ближайших планов Кошутич сказал, что ХКП намерена созвать собрание хорватских депутатов в Загребе в день открытия скупщины в Белграде и выступить с заявлением, в котором будут сформулированы хорватские требования. Он упрекал Германию за «одностороннюю политику дружбы» по отношению к Белграду и за поддержку «великосербской гегемонии». Упомянув о том, что в прошлой мировой войне хорваты сражались плечом к плечу в одних рядах с немцами (аргумент из арсенала геббельсовской пропаганды), Кошутич добавил, что было бы хорошо, если бы Германия проявляла интерес к Хорватии по крайней мере в области культуры, тем более что Германии не будет безразлично, на какую державу будут ориентироваться хорваты, учитывая также большой интерес, проявляемый Италией к этому району¹²⁵.

15 января 1939 г., за день до открытия скупщины в Белграде, в Загребе собралось так называемое Хорватское народное представительство, в котором приняли участие не только те депутаты, которые были избраны в скупщину согласно избирательскому закону, но и все другие хорватские кандидаты в депутаты, получившие в своих округах на выборах абсолютное большинство (всего 91 человек). В принятой на собрании резо-

¹²⁴ *Boban L. Sporazum Cvetković — Maček, s. 65—68.*

¹²⁵ AA (Bonn), Pol. Abt. IV, Po 5 Jugoslawien, Bd. 2, Bl. 126—129, Pol IV 250/39. Файне (Белград) — в Берлин 11 января 1939 г. о позиции хорватского руководства.

люции Хорватское народное представительство объявлялось единственным законным представительством хорватского народа¹²⁶. Оно отрицало югославскую конституцию как навязанную хорватскому народу силой. Хорватское народное представительство отвергало любое сотрудничество со скупщиной. Не признавалось законным и правительство, а его решения и заключенные им договоры объявлялись недействительными для хорватского народа. Ссылаясь на право наций на самоопределение, а также на хорватское государственное право, в резолюции содержалось требование решения хорватского вопроса в духе полного равноправия хорватов с сербами и оценка его как самой трудной внутриюгославской проблемы, которую необходимо решить во имя спасения целостности государства. Хорватское народное представительство считало своим долгом обратить внимание правящих верхов как югославского государства, так и всех европейских государств, особенно великих держав, на невозможность и опасность сохранения нынешнего положения. Оно предоставляло В. Мачеку неограниченные полномочия и полную свободу для решения хорватского кризиса.

Сам факт принятия резолюции имел крупное внутривнутриполитическое значение. Давая оценку этому документу, германский посланник Герен считал, что суть хорватских требований — устранение сербской гегемонии в государстве. Но проведение в жизнь этого требования практически будет означать конец авторитарного правления в виде режима Стоядиновича. Преобразование же страны на федеративных началах невозможно без серьезного внешнеполитического и военного ослабления Югославии вследствие политической незрелости населения. А потому, подытоживал свои мысли Герен, несмотря на симпатии к хорватам, все те, кто заинтересован в сильном югославском государстве, должны признать необходимость сохранения сербской гегемонии¹²⁷.

Размышления германского посланника шли, однако, не по единственно возможному пути. Резолюция Хорватского народного представительства и положение дел в стране побуждали часть югославских правящих кругов думать и об альтернативных решениях. Под влиянием международной обстановки и вызванного выборами оживления внутривнутриполитической жизни развитие событий стало принимать направление, ведущее к кризису государственной системы. В стране вновь начало складываться

¹²⁶ Полный текст резолюции см.: *Boban L. Sporazum Cvetković — Maček*, s. 399—400.

¹²⁷ AA (Bonn), Pol. Abt. IV, Po 5 Jugoslawien, Bd. 2, Bl. 157—159, Pol IV 584/39. Герен (Белград) — в Берлин 21 января 1939 г. о решениях Хорватского народного представительства от 15 января 1939 г.

положение, аналогичное ситуации накануне произведенного королем Александром государственного переворота 6 января 1929 г. Линия, взятая правительством Стоядиновича после выборов, по сути дела имитировала в новых условиях тот курс, который однажды уже показал свою бесперспективность и окончился крахом. В той же международной обстановке, которая сложилась в Европе после мюнхенского совора, вряд ли можно было ожидать успеха в действиях по старым рецептам. В «лучшем» случае это привело бы к временной консервации состояния скрытого государственного кризиса ценой полного подчинения Югославии гитлеровской Германии. Такая перспектива не обладала достаточной привлекательностью для правящих кругов страны. Поиски же реальной альтернативы могли идти только по пути соглашения с ХКП на базе предоставления Хорватии автономии в рамках Югославии. Непременным же условием для осуществления такой возможности становилось устранение правительства Стоядиновича.

Проследить процесс выработки такого решения той частью югославских правящих кругов, которая склонялась к компромиссу с руководством ХКП, чрезвычайно трудно из-за отсутствия документальных данных. Можно лишь условно утверждать, что до середины января 1939 г. все находилось еще в стадии размышлений и обдумывания. На такой вывод наводит, в частности, беседа принца Павла 16 января 1939 г. с английским посланником Р. Кэмпбеллом, от которого он не имел привычки держать что-либо в секрете. В ходе беседы Кэмпбелл впервые отметил для себя, что доверие Павла к Стоядиновичу сильно поколеблено. И хотя Павел находился в нервном и подавленном состоянии как из-за хорватского вопроса, так и из-за внешнеполитического положения Югославии, которая оказалась зажатой между Германией и Италией¹²⁸, речи об отставке Стоядиновича еще не было.

Однако через три дня, 19 января 1939 г., когда Кэмпбелл вновь был приглашен на беседу, Павел сообщил ему о своем решении устранить Стоядиновича из правительства¹²⁹. Что же произошло за эти три дня? В области внутренней политики видимых событий, которые могли бы объяснить причину принятия такого решения, за период с 16 по 19 января не было. Но в международных делах такое событие произошло, и, по-видимому, оно окончательно склонило чашу весов в пользу решения как можно быстрее устранить Стоядиновича. А именно — в Белграде было получено посланное 16 января 1939 г. югослав-

¹²⁸ Бибер Д. Краљевина Југославија на раскршу 1939 године, вып. 41— Политика, 9.X 1971.

¹²⁹ Бибер Д. Краљевина Југославија..., вып. 42.—Политика, 10.X 1971.

ским посланником в Риме Б. Христичем письмо с изложением вопросов, которые хотел бы обсудить Чиано во время своего предстоящего визита в Югославию. В их числе было и предложение о разделе Албании между Италией и Югославией. Обсуждение этого предложения вскрыло противоположный подход к нему со стороны Стоядиновича, который нашел его привлекательным, и Павла, который считал его неприемлемым. И хотя Стоядинович немедленно заявил Павлу, что не даст Чиано никакого ответа и предложит тому обсудить этот вопрос с принцем-регентом, Павел подозревал, что Италия проводит в жизнь гораздо более широкий план, в котором Албания — лишь одна из его составных частей¹³⁰. В таких условиях дальнейшее пребывание Стоядиновича во главе правительства было чревато серьезными последствиями как для самой Югославии, так и для всех балканских государств.

В беседе с Кэмпбеллом 19 января 1939 г. Павел сказал, что он решил привлечь в новое правительство лидера ХКП В. Мачека и трех его сторонников и сумел получить их согласие; что новым министром иностранных дел станет человек, против которого Германия не сможет возражать, но не назвал имени будущего премьер-министра¹³¹. Слова Павла показывали наличие у него достаточно четкой программы действий и плана ее осуществления. Формой же ее проведения в жизнь мог быть только дворцовый мини-заговор, руководимый сверху.

Курьезность положения, в котором оказалась часть правящих кругов Югославии, стремившаяся к изменению ее внутриполитического курса, заключалась не только в ее постоянных оглядках на Германию, но и в отсутствии в авторитарно управляемой стране демократического механизма смены власти. С формальной точки зрения Стоядинович и руководимая им правительственная партия Югославский радикальный союз вышли победителями на выборах, располагали подавляющим большинством мест в скупищине и, казалось бы, по праву занимали свои места. Фактически же авторитарный режим был лишь прикрыт фиговым листком ложного парламентаризма, а его официальный фасад не соответствовал действительному положению дел и расстановке сил как внутри всей страны в целом, так и в правительственном лагере. В таких условиях сам глава государства должен был прибегать к закулисным действиям против им же самим назначенного главы правительства, составлять заговор и прикрывать его своим авторитетом, чтобы хоть как-нибудь сохранить видимость законности. И хотя неудобство таких действий было очевидно, менять порядки и возвращаться к демо-

¹³⁰ Бибер Д. Краљевина Југославија., вып. 42.

¹³¹ Там же.

кратическим формам политической жизни правящие круги не собирались.

Так по прошествии трех с половиной месяцев после мюнхенского сговора Югославия оказалась в состоянии кризиса государственной системы, находилась накануне смены правительства, что в силу антидемократических порядков в стране можно было осуществить только путем руководимого сверху кулуарного заговора и дворцового переворота. Внешнеполитическое значение Югославии резко упало, и страна лишилась той свободы маневра, которой она отличалась в домюнхенский период и благодаря которой пользовалась вниманием великих держав.

3. Маневрирование Румынии между странами «оси» и западными державами

С конца 1938 г. особое внимание начала привлекать к себе Румыния, оказавшаяся после Мюнхена в самой гуще международных противоречий на Балканах. Это объяснялось многими причинами внутреннего и внешнего порядка, складывавшимися во взаимопереплетенный комплекс. Среди внутренних причин выделялись такие, как утверждение королевской диктатуры и становление авторитарного режима, деятельность в стране немецкого меньшинства и фашистской «Железной гвардии», а из внешних — наличие у Румынии противоречий с Венгрией и Болгарией, состояние польско-румынских отношений в период усилий Польши и Венгрии установить совместную границу в районе Закарпатья, а также постепенное нарастание германского нажима на страну. Особое место принадлежало Румынии в развернувшейся на Западе пропагандистской кампании в связи с якобы предстоявшим гитлеровским походом на Украину. В рамках этой кампании Румыния рассматривалась либо как очередной объект германской экспансии, либо как возможный плацдарм антисоветской агрессии.

Как и в других балканских странах, внутривнутриполитическое развитие Румынии в конце 30-х годов характеризовалось наступлением реакции, сдвигом буржуазных политических партий вправо, усилением фашистских тенденций, что было ответом правящих кругов на активизацию борьбы трудящихся масс за свои права и обострение социальных противоречий. На состоявшихся 20 декабря 1937 г. выборах наибольшее количество голосов (35,9%) получила национал-либеральная партия, возглавлявшаяся Д. Братиану и Г. Татареску, 20,4% голосов было подано за национал-царанистскую партию во главе с Ю. Маниу и 15,6% за фашистскую «Железную гвардию», а остальные голоса пришлись на другие многочисленные буржуазные партии и группы

(всего в выборах участвовали 13 политических партий и 53 политические группировки)¹³². Итоги выборов свидетельствовали о кризисе парламентаризма. Ни одна партия не получила даже относительного большинства, необходимого для формирования правительства, а возможные парламентские блокировки также не вели к выходу из тупика: крупнейшие партии — национал-либеральная и национал-царанистская — раздирались внутренними противоречиями и враждовали между собой.

Кризисное состояние политического строя Румынии было сознательно усилено королем и окружавшей его реакционной верхушкой. Предоставление права сформировать новое правительство фашистской национал-христианской партии во главе с О. Гогой в конце декабря 1937 г. было заранее рассчитанным шагом, который должен был открыть путь к установлению авторитарного режима, о чем уже давно помышляли в реакционных кругах. За 44 дня своего пребывания у власти правительство О. Гоги, включавшее лиц, стоявших на фашистских позициях, вызвало хаос в правительственном аппарате. Само правительство и силы, поддерживавшие его, отличились невиданным казнокрадством и произволом. Его фашистская демагогия напугала своей псевдонародной видимостью буржуазно-помещичьи слои. Не удалось правительству заручиться и поддержкой «Железной гвардии», видевшей в нем своего конкурента.

В то же время Коммунистическая партия Румынии выступила инициатором создания широкого фронта борьбы против фашизма, в котором кроме коммунистов приняли бы участие радикал-царанистская партия, Фронт земледельцев, социал-демократическая и социалистическая партии, с возможным привлечением в случае ее согласия также и национал-царанистской партии¹³³. В стране возник политический кризис, выход из которого румынская буржуазия и руководство «исторических партий» в создавшихся условиях видели в установлении королевской диктатуры.

10 февраля 1938 г. правительство О. Гоги было отстранено от власти декретом короля, который назначил свое «личное правительство» во главе с патриархом Мироном Крестя. Министром внутренних дел в новом правительстве остался доверенный короля А. Калинеску, военным министром — будущий диктатор И. Антонеску. Формирование нового правительства означало установление королевской диктатуры, приступившей к «умиротворению» страны и ликвидации буржуазно-демократических

¹³² История Румынии. 1918—1970. М., 1971, с. 226; *Лебедев Н. И.* «Железная гвардия», Кароль II и Гитлер. М., 1968, с. 154; *Jonița Gh. J. P. C. R. și masele populare* (1934—1938). București, 1971, p. 293.

¹³³ *Лебедев Н. И.* «Железная гвардия»..., с. 165.

свобод. Избранный в декабре 1937 г. парламент так и не успел собраться даже на первое заседание¹³⁴.

Быстрое развитие событий в последующие дни показывало, что установление королевской диктатуры было заранее подготовленным актом, которому правящие верхи хотели придать хоть некоторую видимость законности. 20 февраля 1938 г. был опубликован проект новой октроированной конституции, а 23 февраля состоялся «плебисцит», показавший под «отеческим надзором» полиции трогательную картину «всенародного одобрения». 27 февраля 1938 г. конституция вступила в силу. Вся полнота власти и законодательной, и исполнительной сосредоточивалась в руках главы государства (короля)¹³⁵. В развитие положений конституции вскоре были изданы дополнительные законы и декреты, достраивавшие юридический каркас диктатуры. 31 марта королевским указом все политические партии и организации объявлялись распущенными, а их деятельность впредь запрещалась. 15 апреля был издан закон «О защите порядка в государстве», устанавливавший полицейский надзор над всей общественной и политической жизнью в стране¹³⁶.

Параллельно шло укрепление центральных органов государственного аппарата и их приспособление к нуждам королевской диктатуры. 30 марта была произведена реорганизация правительства. Из него были выведены декоративные фигуры прежних семи премьер-министров, входивших в правительство в качестве министров без портфеля, а также военный министр И. Антонеску. Центральной фигурой в новом составе правительства стал министр внутренних дел А. Калинеску, занявший также посты военного министра и заместителя премьер-министра¹³⁷. Портфель министра иностранных дел получил Н. Петреску-Комнен, который до того был посланником в Берлине.

Характерной чертой политического развития Румынии в первые месяцы королевской диктатуры было ее столкновение с фашистской «Железной гвардией». Причины конфликта лежали в разном понимании характера авторитарного режима, к которому стремилась та и другая сторона, а также соперничество в борьбе за власть. Национал-социалистская модель фашизма, являвшаяся идеалом «Железной гвардии», в случае ее торжества сводила с политической сцены королевскую камарилью и

¹³⁴ Язькова А. А. Румыния накануне второй мировой войны. 1934—1939 гг. М., 1963, с. 223—224.

¹³⁵ Nedelcu F. P. C. R. în fruntea forțelor democratice potrivnice fascismului și instaurării dictaturii regale (1937—1938).— In: P. C. R. în viața social-politică a României 1921—1944. București, 1971, p. 178—180.

¹³⁶ Лебедев Н. И. Крах фашизма в Румынии. М., 1976, с. 192—194.

¹³⁷ Hillgruber A. Hitler, König Carol und Marschal Antonescu. Wiesbaden, 1954, S. 17.

превращала бы ее в лучшем случае в марионетку в руках фашистской власти, как это имело место в Италии. Попытки королевской диктатуры подчинить себе «Железную гвардию» и сделать из нее свою послушную опору не увенчались успехом. «Железная гвардия» становилась опасной для королевской диктатуры, и противоречия между ними приняли форму открытого конфликта¹³⁸.

Установление королевской диктатуры не встретило сопротивления со стороны буржуазных «исторических партий», которые и после их запрещения продолжали существовать, хотя и свернули свою деятельность¹³⁹. Королевской диктатуре удалось предотвратить образование политического оппозиционного блока буржуазных партий, которые в Румынии не смогли объединиться даже в таких пределах, как это имело место в Болгарии и Югославии. Результатом было то, что правительство сумело быстро овладеть ситуацией, стать хозяином положения в стране и развернуть наступление на действительно прогрессивные силы, в первую очередь против коммунистической партии¹⁴⁰.

Королевская диктатура в Румынии широко использовала опыт уже устоявшихся авторитарных режимов в других балканских странах. Следы несомненного влияния югославского образца носил, например, принятый 15 августа 1938 г. закон о новом делении страны на десять административных единиц, получивших наименования по названиям рек. Смысл реформы заключался в том, чтобы обеспечить в каждой административной области большинство румынскому населению. В условиях буржуазной Румынии, где треть населения страны составляли национальные меньшинства, меры правительства вылились в шовинистическое преследование перумынского населения и политику насильственной румынизации. Лозунг «Румыния для румын» лежал в основе принятого в июне 1938 г. закона о проверке гражданства и преимуществах для лиц румынской национальности¹⁴¹.

¹³⁸ Арест К. Кодряну и других лидеров «Железной гвардии» во второй половине апреля 1938 г. (его осудили на 6 месяцев тюремного заключения за якобы нанесенное оскорбление министру Н. Йорге) и произведенные обыски дали в руки правительства обширные материалы о связях организации с гитлеровской Германией, о стремлении железногвардейцев к установлению своей власти по примеру национал-социалистской «революции», о ее террористической деятельности и проникновении в государственный аппарат, особенно в армию.— ДА ДСИП, ЛП, 1938, пов. бр. 494, 1—14. Месечни извештај МИП-а за април 1938 г. (Румунија).

¹³⁹ ДА ДСИП, ЛП, 1938, пов. бр. 494, 1—14. Месечни извештај МИП-а за април 1938 г. (Румунија).

¹⁴⁰ Последовали массовые расправы над активистами румынского рабочего движения. Примером может служить крупный процесс в июне 1938 г. над 113 коммунистами. Военный трибунал осудил их на длительные сроки тюремного заключения и каторжных работ.— ДА ДСИП, ЛП, 1938, пов. бр. 692, 1—14. Месечни извештај МИП-а за јуни 1938 г. (Румунија).

¹⁴¹ История Румынии. 1918—1970, с. 234.

Становление и утверждение королевской диктатуры происходило на фоне обострения международных отношений в Европе, которое правительство использовало во внутривнутриполитических целях как доказательство необходимости установления твердой власти на случай неожиданного поворота событий и в интересах укрепления обороноспособности страны. Во внешней политике Румыния продолжала курс ориентации на западные державы, одновременно заверяя гитлеровскую Германию в желаний постепенного, но прочного сближения с ней¹⁴².

Позиция фашистской Германии в отношении Румынии в течение всего периода «чехословацкого кризиса» определялась расчетами на поддержание с ней таких отношений, которые содействовали бы изоляции Чехословакии. Усилия нацистской дипломатии вкупе с курсом «умиротворения» западных держав принесли желанные плоды. В мюнхенские дни, по констатации югославской дипломатии, «лозунгом румынского правительства было скрыто проявлять симпатии к Чехословакии и одновременно ни единым жестом не обижать Германию и Италию... С первого же момента было ясно, что Румыния не желает конкретизировать свою позицию, чтобы в случае возможного военного столкновения, по крайней мере на первое время, остаться нейтральной»¹⁴³.

Мюнхенский сговор положил начало в Румынии, как и в других балканских странах, глубокой переоценке ценностей и пересмотру проблем внешнеполитической ориентации. Любопытное свидетельство о сдвигах в социально-политическом климате в стране после мюнхенского сговора оставил польский посол в Бухаресте Р. Рачиньский. Он констатировал, что весь упадок престижа Франции здесь психологически пошел на пользу Германии. Рост ее влияния наблюдался повсеместно. Все чаще слышались фразы, что после аншлюса и захвата Судетской области Дунай стал немецким бульваром, что Румыния не может противодействовать создавшемуся положению, но зато получает возможность лучшего удовлетворения своих интересов. «После чехословацких событий как в политических, так и в экономических кругах усилились настроения, которые можно было бы определить как своего рода готовность продать себя Германии», — сформулировал польский посол¹⁴⁴. Его наблюдения, несмотря на известный налет раздражения, имевшийся у польской дипломатии из-за позиции Румынии в вопросе о польско-венгерской границе, все же правильно отражали политические настроения в сре-

¹⁴² Hillgruber A. Hitler, König Carol..., S. 16—17.

¹⁴³ Да ДСИП, ЛП, 1938, пов. бр. 1078, 1—14. Месечни извештај МИП-а за септембар 1938 г. (Румунија).

¹⁴⁴ ИДА, ф. 15, оп. 1, д. 166, л. 1—4. Р. Рачиньский (Бухарест) — в Варшаву 31 октября 1938 г. о германо-румынских отношениях.

де румынских буржуазно-помещичьих слоев и представлявших их политиков и политиканов.

Мюнхен потряс прежние внешнеполитические концепции буржуазно-помещичьего лагеря и представлявших его «исторических партий». Преобладавшие среди них ранее стремления к ориентации на западные державы, в первую очередь на Францию, также отходили теперь в прошлое. Усилились тенденции к отходу от прежних связей, к занятию таких позиций в международных отношениях, которые позволили бы маневрировать между западными державами и фашистскими государствами. Конкретно новые веяния стали проявляться в желании сблизиться с Германией, заручиться ее поддержкой против возможных венгерских притязаний, усилить с ней экономические связи. По свидетельству Г. Братиану, часть либеральной партии во главе с Д. Братиану пережила горькое разочарование позицией Франции в мюнхенские дни и отвернулась от нее. Аналогичная эволюция наблюдалась и в рядах национал-царанистской партии, возглавляемой Ю. Маниу. Пересмотрев свои прежние позиции, оба политических лидера — Д. Братиану и Ю. Маниу — направили королю совместный меморандум, в котором подчеркивали необходимость сближения с Берлином. Лагерь, который ориентировался до того исключительно на Францию, теперь не стоял во внешнеполитическом плане в оппозиции к королю¹⁴⁵. Во внутренней же политике Ю. Маниу отказался от всех возражений против монархо-фашистских методов правления как антидемократических и выступал теперь за сотрудничество с Германией также и с точки зрения своих изменившихся позиций во внутриполитических вопросах¹⁴⁶.

Поворот курса крупнейших буржуазных партий в главных вопросах внутренней и внешней политики страны перечеркивал возможность широкого объединения демократических и прогрессивных сил под лозунгами защиты демократии, отпора фашизму и сопротивления агрессорам, т. е. под лозунгами, лежавшими в основе принципов создания народного фронта, которые отстаивала Коммунистическая партия Румынии¹⁴⁷.

¹⁴⁵ ADAP, Serie D, Bd. V, Dok. N 239, S. 270—271. Фабрициус (Бухарест) — в Берлин 28 октября 1938 г.

¹⁴⁶ Там же.

¹⁴⁷ Еще в мае 1938 г. Коммунистическая партия Румынии выдвинула состоявшую из семи пунктов программу борьбы за сохранение независимости страны, восстановление демократических свобод, ликвидацию реакционной королевской диктатуры, за социальные права и повышение жизненного уровня трудящихся, предоставление равных прав национальным меньшинствам. В программе говорилось о необходимости борьбы против фашистских течений в стране, в первую очередь против «Железной гвардии», а в области внешней политики высказывалась идея союза между Францией, Англией и СССР и ориентации Румынии на этот союз, против компромиссов с гит-

Венский арбитраж вызвал тревогу в правящих кругах Румынии, породил серьезные опасения попасть в состояние односторонней зависимости от Германии. Стремясь избежать такого положения, румынская дипломатия предпринимала разнообразные шаги. Не отказываясь от сближения с Германией и идя на него, она одновременно стремилась к укреплению отношений с Югославией и Польшей, но главную ставку делала на заинтересованность Англии в сохранении ее позиций на Балканах. Курс румынской внешней политики приобретал поэтому характер маневрирования между Германией и Англией и испытывал значительные колебания в зависимости от общего развития международной ситуации.

Все отмеченные выше особенности румынской внешней политики нашли проявление в дипломатическом турне короля Кароля II в ноябре 1938 г. по европейским столицам. Его визиты в Лондон, Париж, Брюссель и Берлин должны были стать не только значительным событием для самой румынской дипломатии. Они могли выявить все существовавшие нюансы в политике ведущих империалистических держав по отношению к Юго-Восточной Европе вообще, по отношению к Румынии в частности. Они приковали к себе внимание правящих кругов стран Центральной и Юго-Восточной Европы, которые из итогов визитов короля Кароля делали соответствующие выводы для своей политики. Особенно внимательно следили за всеми перипетиями его поездки дипломаты Югославии, Болгарии и Польши. Поэтому общие итоги поездки короля Кароля и связанные с нею события вышли по своему значению за рамки интересов одной страны и стали своеобразной лакмусовой бумажкой для выявления всего спектра оттенков в политике великих держав в проблемах, связанных в то время с балканским регионом.

Политические события осени 1938 г. вносили коррективы не только в сроки визита короля Кароля в Англию (первоначально он планировался на август), но и в связанные с ним замыслы. Мюнхенское соглашение породило желание превратить его в информационную поездку с целью выяснения позиций основных держав в отношении Румынии, а Венский арбитраж заставил задуматься над более широким кругом проблем: куда идет развитие международных событий? Что несет оно для Румынии и других стран Юго-Восточной Европы? Вопросы, которые предстояло выяснить Каролю в Лондоне, Париже и Берлине (договоренность о посещении двух последних была достигнута в те-

---

леровской Германией (*Savu Al. Gh. Activitatea Partidului Communist Român în vederea coalizării forțelor naționale antifasciste și antihitleriste în preajma celui de-al doilea război mondial.*— In: P. C. R. în viața social-politică a României 1921—1944, p. 193—294).

чение октября), он обсудил предварительно с принцем Павлом во время их встречи в Синае 4—5 ноября¹⁴⁸.

Одновременно велась также подготовка визита Кароля в Германию, куда был направлен с дипломатической миссией лидер младолибералов Г. Братиану, известный своими прогерманскими настроениями. Из нацистских лидеров он был принят только Герингом, который заверил его, что позиция Германии в отношении венгерских территориальных притязаний не изменилась и что Германия не заинтересована в изменении границ в Юго-Восточной Европе¹⁴⁹. Согласно германским документам, Г. Братиану был удовлетворен итогами своего визита и покинул Берлин 12 ноября, чтобы успеть доложить королю о своих впечатлениях до отъезда того в Лондон¹⁵⁰.

Кароль выехал из Бухареста 13 ноября сразу же по получении сведений из Берлина. Покидая Бухарест, Кароль не без театральности заявил, что отправляется в поездку как «посол моего народа»¹⁵¹. О его настроениях в то время имеется свидетельство критически относившегося к нему генерального секретаря румынского МИД А. Крецяну, который отмечал, что тогда в беседах с ним Кароль выражал убеждение, что «Англия и Франция в конечном счете одержат триумф над Гитлером», но «мы должны избежать того, чтобы наша страна была тем временем разрушена»¹⁵².

Румынская печать еще с начала ноября начала обработку общественного мнения, внушая мысль, что поездка короля имеет огромное международное значение и является событием общеевропейского масштаба. И в последующие дни, освещая ход визита, она особенно стремилась создать впечатление, что Румыния не изолирована на международной арене и пользуется поддержкой «самой великой и богатой державы в мире». Официальная пропаганда настойчиво подчеркивала, что внимание к поездке короля Кароля прямо вытекает из веры в прочность установившегося в стране авторитарного режима. Сообщая о позиции румынской печати, югославский посланник в Бухаресте отмечал, что в оппозиционных кругах, наоборот, расценивают поездку как носящую чисто династический характер и считают, что о ее политическом успехе можно будет говорить только в том случае, если Кароль сумеет получить в Англии крупный заем для оздо-

¹⁴⁸ См. главу I, § 3 настоящей работы.

¹⁴⁹ Hillgruber A. Hitler, König Carol..., S. 25.

¹⁵⁰ ADAP, Serie D, Bd. V, Dok. N 249, S. 277—278. Германский МИД — миссии в Бухаресте 14 ноября 1938 г.

¹⁵¹ Easterman A. L. King Carol, Hitler and Lupescu. London, 1942, p. 118.

¹⁵² Cretzianu A. The Lost Opportunity. London, 1957, p. 21—22.

рождения тяжелого экономического положения страны и вооружения армии современным оружием¹⁵³.

Английские правящие круги организовали королю Каролю торжественную встречу. На французской стороне Ла-Манша, в Кале, его ожидал крейсер «Сикх», на котором под эскортом миноносцев и военных самолетов 15 ноября в Дувр прибыл король и сопровождавшие его лица: наследник престола Михай, министр иностранных дел Н. Комнен, министр двора Урдаряну и др. На вокзале «Виктория-стейшн» в Лондоне его встречали король Георг VI, Чемберлен, Галифакс и другие члены английского правительства. На время пребывания в Лондоне Каролю был предоставлен Букингемский дворец. Все дни с 15 по 18 ноября были заполнены приемами, банкетам, речи на которых транслировались по радио, а также политическими встречами и беседами¹⁵⁴. Относительно последних мы располагаем английскими документами о беседах Чемберлена и Галифакса с королем Каролем 16 ноября, а также подробным изложением в мемуарах Н. Комнена беседы с Галифаксом 17 ноября, в которой приняли участие А. Кадоган, Ф. Лейт-Росс и другие видные чиновники Форин оффиса, а с румынской стороны — посланник в Лондоне В. Григорча. Вместе с сообщениями аккредитованных в Лондоне дипломатов других стран (Югославии, Чехословакии, Болгарии и Польши) они дают достаточную источниковедческую базу для воссоздания подробной картины переговоров.

Внешняя сторона визита была тщательно подготовлена. Английская пресса приложила немало усилий, чтобы обелить авторитарный режим в Румынии и представить его чуть ли не как «имитацию демократического управления» в своеобразных румынских условиях.

В английских дипломатических кругах, как сообщал болгарский посланник, в связи с визитом проявились два следующих политических соображения: во-первых, Англия не желала, чтобы Румыния попала под слишком сильное влияние Германии либо Советского Союза; во-вторых, признавалось значение Румынии как опорной точки, важность которой заключалась в выходе по Дунаю в Черное море и, следовательно, как своего рода дальнего морского стража Дарданелл¹⁵⁵. Что касается румынской стороны, то здесь, как сообщал румынский посланник в Лондоне Григорча своему югославскому коллеге, главным было желание Кароля самому убедиться в отношении Великобрита-

¹⁵³ ДА ДСИП, ЛП, 1938, пов. бр. 1110, 1—5. Дучич (Бухарест) — министру двора Античу в Лондон 17 ноября 1938 г.

¹⁵⁴ ИДА, ф. 15, оп. 1, д. 142, л. 13—21. Письмо Э. Рачиньского (Лондон) — в Варшаву 29 ноября 1938 г. о визите в Англию короля Кароля.

¹⁵⁵ ЦДИА, ф. 176, оп. 7, а. е. 656, л. 222—225. Момчилов (Лондон) — в Софию 15 ноября 1938 г. о подготовке к встрече короля Кароля.

нии к Румынии и узнать, готова ли она оказать последней помощь против германского проникновения. Далее, король желал решить вопрос об экономических связях с Англией, и если последняя не окажет помощи, это может повлечь за собой переориентацию всей румынской политики. Для сохранения независимости Румынии необходима английская и французская поддержка. Наконец, стоял вопрос получения кредита для размещения заказов на вооружение у фирмы Викерс, что являлось основной конкретной целью визита короля. Благоприятное решение этого вопроса могло служить показателем готовности английского правительства хотя бы косвенно противодействовать германской экспансии на Юго-Востоке Европы¹⁵⁶.

Указанные выше вопросы и стали предметом обсуждения. Переговоры Кароля в Лондоне пришлось на те дни после Венского арбитража, которые характеризовались новыми усилиями Венгрии и Польши захватить Закарпатье и установить общую границу. Эти события накладывали отпечаток на ход переговоров и придавали им особую остроту.

Какова степень политической заинтересованности Англии в Румынии и вообще в странах Центральной и Юго-Восточной Европы? Как обстоит дело с предоставлением гарантий Чехословакии? Какие державы примут в них участие? Этим градом вопросов Кароля началась его беседа с Чемберленом и Галифаксом вечером 16 ноября¹⁵⁷. Они отражали не только интересовавшие его проблемы, но и раскрывали тактику румынской дипломатии, превратившей вопрос о предоставлении гарантий Чехословакии в пробный камень истинных намерений Англии. Но английские государственные деятели постарались в своих ответах расчленить эту группу связанных между собой вопросов и давали уклончивые ответы по каждому из них. До консультации с Францией и другими правительствами, включая и румынское, говорил Галифакс, никакое окончательное решение относительно гарантий Чехословакии принято не будет. Желая заведомо осложнить вопрос, он высказал мнение, что в гарантиях должны принять участие помимо четырех держав, участников мюнхенского сговора, также Советский Союз и соседи Чехословакии. Включение в число предполагаемых гарантов также Советского Союза не соответствовало действительным целям английской политики и отражало скорее намерение воздействовать на собеседника. Действительно, Кароль тут же отметил,

¹⁵⁶ ДА ДСИП, ЛП, 1938, пов. бр. 1048, 1—5. Касидолац (Лондон) — в Белград 2 ноября 1938 г.

¹⁵⁷ Полный записи беседы Кароля с Чемберленом и Галифаксом 16 ноября не опубликовано. Ее содержание передается в письме Галифакса английскому посланнику в Бухаресте Пэлереу от 17 ноября, которое не полностью отражает ход беседы (DBFP. Third Series, v. III, doc. N 262, p. 231—233).

что, по его мнению, Германия, равно как и Польша, не примет предложения об участии Советского Союза и что при выборе между Германией и Россией следует отдать решительное предпочтение первой. Но Галифакс стоял на своем, выдвигая в качестве аргумента, что такая схема содержалась в англо-французском плане, который был принят мюнхенской конференцией. Он указал на необходимость считаться с возможной внутренней оппозицией, если не будет предпринята попытка предоставить СССР возможность присоединиться к гарантиям¹⁵⁸.

Позиция Англии особенно ярко выявилась при обсуждении вопроса о гарантиях Чехословакии в ходе беседы 17 ноября между Галифаксом и Комненом. Начав беседу с этого вопроса, Комнен подчеркнул, что манифестации в Будапеште и военные приготовления к захвату Закарпатья несовместимы как с духом мюнхенского соглашения, так и с рекомендациями Венского арбитража. Поэтому декларация о гарантиях, настаивал румынский министр иностранных дел, должна быть дана без промедления и содержать недвусмысленные положения с целью создать необходимую разрядку в Дунайском регионе. Любая затяжка и колебания могут стать приглашением в адрес неудовлетворенных соседей Чехословакии открыть новый кризис в Центральной Европе¹⁵⁹. Слова Комнена раскрывали достаточно ясно, что румынская дипломатия рассматривала гарантии как инструмент пресечения дальнейших венгерских территориальных требований, в первую очередь против самой Румынии.

Уклончивые ответы Галифакса и ссылки на необходимость предварительных консультаций с французским правительством разочаровали Комнена, который стремился более детально выяснить позицию Англии в вопросе о гарантиях Чехословакии, чем это было сделано в беседе короля с Чемберленом и Галифаксом. Несмотря на попытку Галифакса переменить тему разговора, Комнен решил подойти к ней с другой стороны и поставил вопрос, считает ли Галифакс, что Малая Антанта может продолжать существовать и после предоставления гарантий Чехословакии. Посоветовавшись с А. Кадоганом, присутствовавшим на беседе, Галифакс дал отрицательный ответ: в этом случае Чехословакия должна будет соблюдать полный нейтралитет, который несовместим с обязательствами по Малой Антанте¹⁶⁰. Из его ответов Комнен сделал вывод, что Англия не намерена придерживаться даже своих обязательств по мюнхенскому соглашению. Не получил он прямого ответа и на вопрос, будут ли Англия и Франция считать себя свободными от обязательств в отношении Чехословакии, если хотя бы один из участ-

¹⁵⁸ Там же.

¹⁵⁹ *Comnène N. P. Preludi del grande dramma. Roma, 1947, p. 383.*

¹⁶⁰ Там же, с. 384.

ников мюнхенского соглашения откажется от предоставления гарантий.

Усилия Румынии добиться ясности в вопросе о гарантиях Чехословакии преследовали цель не оказания помощи своей бывшей союзнице по Малой Антанте, а косвенного получения таким путем гарантий великих держав самой Румынии против венгерских притязаний. Эта сторона особенно ясно проявилась при обсуждении того же вопроса королем Каролом в Париже, где он заявил о готовности Румынии принять участие в гарантиях, но ограничил ее долю участия лишь гарантией одной только чехословацко-венгерской границы¹⁶¹. Следовательно, в случае нападения Германии или Польши на Чехословакию позиция Румынии свелась бы к роли стороннего наблюдателя.

Не увенчались успехом и попытки Комнена добиться от английских правящих кругов хотя бы слова осуждения Венского арбитража. Комнен убеждал Галифакса, что Венский арбитраж был «произвольным расчленением» Чехословакии, что его решения нарушали национальный принцип, который, по его мнению, лежал в основе всего европейского порядка, что Венгрии были переданы славянские территории и Румыния будет энергично выступать против присоединения к Венгрии Закарпатья по этническому, экономическому, политическому и стратегическому мотивам. Однако Галифакс сразу же отклонил мнение Комнена, характеризовавшее Венский арбитраж как безответственный. Отметив лишь, что его итоги «не являются наиболее удачным решением», он одновременно настойчиво подчеркнул, что Англия и Франция не могли вмешаться в него, поскольку не были приглашены спорящими сторонами. Из хода беседы вытекало с полной очевидностью, что английское правительство не собиралось вмешиваться и в ситуацию, сложившуюся в районе Закарпатья в связи с происками хортистской Венгрии и «санационной» Польши. Интерес Англии к Чехословакии, сделал для себя вывод Комнен, чрезвычайно мал, и самое важное заключается в том, что она не желает вступать ни в какие противоречия с Берлином. «Если до этого я еще мог сохранять веру в будущее Чехословакии, то после этого любая надежда становилась химерой», — писал впоследствии Комнен в своих мемуарах¹⁶².

Сравнение мемуаров Комнена (он излагал свою беседу с Галифаксом по имевшимся в его распоряжении документальным записям) с изложением беседы Чемберлена и Галифакса с королем Каролом в английских дипломатических документах показывает полное совпадение принципиальных моментов, хотя в

¹⁶¹ Об этом говорил Даладь в Париже Чемберлену 24 ноября 1938 г. (DBFP. Third Series, v. III, doc. N 325, p. 301).

¹⁶² *Comnène N. P. Preludi del grande dramma*, p. 387.

английском документе позиция Англии обрисована очень сдержанно. Нет оснований возражать против вывода Комнена. Бросается, однако, в глаза, что его суждения, изложенные в мемуарах, вышедших в свет в 1947 г., не совпадали с теми заверениями, которые давались тогда румынской дипломатией чехословацкому правительству. В ноябрьские дни 1938 г. и король Кароль, и Комнен пытались убедить Чехословакию не только в том, что вопрос о предоставлении ей гарантий был чуть ли не главной целью их визита в Лондон, но и в том, что им удалось якобы благоприятно решить его. Перед отъездом из Англии Кароль в беседе с чехословацким послом Я. Масариком утверждал, что «он и Комнен здесь очень решительно заявили, что Чехословакия должна быть жизнеспособной, а потому необходимо, чтобы Англия поддержала нас (т. е. Чехословакию.— В. В.) морально, финансово и политически. Чемберлен и Галифакс заверили его в своем самом искреннем желании это исполнить»¹⁶³. Такое заявление Кароля было по меньшей мере явным преувеличением и не находит соответствующего подтверждения в документах. Выводы румынского министра иностранных дел свидетельствовали об обратном. Из той же беседы Комнена с Галифаксом было видно, что не удалось заручиться даже определенным мнением английского правительства относительно гарантии чехословацких границ. И Кароль, и Комнен говорили Масарику о необходимости и далее напоминать и в Лондоне, и в Париже, чтобы западные державы выполнили лежавшие на них обязательства¹⁶⁴. Это также косвенно свидетельствовало о том, что сами они не получили достаточно ясных заверений.

Второй круг проблем, обсуждавшихся в Лондоне, относился к общим принципам английской политики в Центральной и Юго-Восточной Европе. Но и здесь английские государственные деятели в ответ на желание румынской стороны выяснить степень заинтересованности Англии в этом регионе постарались расчленить вопрос на экономические и политические аспекты, уделив основное внимание первым. Чемберлен высказал Каролю свое убеждение, что Германия неизбежно должна иметь в этом районе преобладающие экономические позиции, но опровергал слухи, будто он в Мюнхене дал согласие Гитлеру рассматривать Центральную и Юго-Восточную Европу как сферу германского монопольного влияния. Кароль согласился с ним, что любая попытка окружения Германии или «неестественные попытки воспрепятствовать ее законной торговой экспансии» не отличались бы политической мудростью и принесли бы гораздо больше серьез-

¹⁶³ AMZV, Telegramy došlé, č. 1293/1938. Я. Масарик (Лондон) — в Прагу 18 ноября 1938 г.

¹⁶⁴ Там же.

ного ущерба, чем выгод¹⁶⁵. Эта констатация была прямо связана с обсуждением вопроса о перспективах англо-румынских экономических отношений и нашла подробное освещение в беседе Галифакса с Комненом на следующий день.

Комнен начал обсуждение состояния англо-румынских экономических отношений с показа серьезного уменьшения торговых оборотов двух стран. Если в 1937 г. румынский экспорт в Англию составил 2401 млн. лей, то за 8 месяцев 1938 г.— всего 919 млн. лей, причем румынский дефицит в торговле с Англией достиг 123 млн. лей. Отсюда следовало, что Румыния не могла оплачивать английские товары в твердой валюте, а следовательно, не могла и покупать их и вынуждена обращаться к другим рынкам, где она в состоянии сбыть свою продукцию и закупить необходимые ей товары. Конкретно она будет вынуждена обратиться к Германии, а та, не сталкиваясь с конкуренцией, заняла бы монопольное положение в румынской торговле. «Представляя вам эту ситуацию,— подчеркивал Комнен Галифаксу,— я говорю не только как представитель румынских интересов, но и как представитель одного из европейских регионов в целом, которому серьезно угрожает установление германской экономической гегемонии»¹⁶⁶.

Далее Комнен представил план, разработанный двумя румынскими министерствами — финансов и экономики, который содержал следующие положения: 1) Англия по примеру Германии предоставляет Румынии кредиты на покупку товаров, которые оплачиваются поставками румынских продуктов; 2) Англия предоставляет частной румынской торговле долгосрочные кредиты с низкой процентной ставкой; 3) Англия участвует в освоении природных богатств Румынии и в осуществлении наиболее важных общественных работ (строительство портов, путей сообщения, элеваторов, ирригационных сооружений, электрификация и т. д.), что уже давно предлагает Германия, но Румыния пока отклоняла ее предложения из-за боязни полного подчинения ей своей экономической жизни.

Ответ Галифакса развивал мысли, высказанные уже Чемберленом королю Каролю, и конкретизировал их. По мнению английских экономических экспертов, говорил он, торговля между двумя странами должна вестись на здоровой, т. е. нормальной и естественной, основе. А для этого Румыния должна согласовать цены своего внутреннего рынка с ценами, существующими на мировом рынке. Он согласился с тем, что настало время послать в Бухарест специальную исследовательскую комиссию для изучения положения. Но тут же поспешил оговориться, что во всех действиях следует соблюдать большую осторожность и из-

¹⁶⁵ DBFP, Third Series, v. III, doc. N 262, p. 231—233.

¹⁶⁶ *Comnène N. P. Preludi del grande dramma*, p. 388.

бегать создания даже хотя бы отдаленного впечатления, будто Англия стремится поставить преграду на пути германской экономической экспансии на Востоке¹⁶⁷.

Значительное место в ходе лондонских переговоров заняло обсуждение вопроса о гипотетических планах нападения Германии на Советский Союз. Помимо «украинского вопроса» в ходе переговоров в Лондоне между Галифаксом и Комненом была обсуждена также позиция Великобритании в отношении Балканской Антанты¹⁶⁸. Подробности их неизвестны. Косвенные данные говорят о том, что в последнем вопросе позиция Румынии была согласована с другими входившими в Балканскую Антанту странами. По сообщению польского посла Э. Рачиньского, в Лондоне король Кароль встретился 17 ноября с находившимся там инкогнито греческим королем Георгом¹⁶⁹. Их встреча, несомненно, оказала какое-то влияние на состоявшиеся сразу же вслед за этим беседы Кароля с английскими государственными деятелями. Во всяком случае, по информации болгарской миссии в Лондоне, во время пребывания в Англии король Кароль «подтвердил высказанные также и греческим королем опасения, что, если великие державы не выступят энергично за сохранение нынешнего положения на Балканах, могут возникнуть осложнения, которые затронули бы не только Румынию»¹⁷⁰.

В период пребывания в Англии король Кароль широко использовал антисоветские настроения в английских правящих кругах. Во время приема у лорда-мэра Лондона в речи, которая транслировалась по радио и была опубликована во всей английской прессе, Кароль подчеркнул роль Румынии как «стража западной цивилизации» на ее дальних границах с Востоком¹⁷¹.

Каковы же были действительные результаты визита короля Кароля и сопровождавших его лиц в Лондон? Все наблюдатели обратили внимание на то, что никакого официального коммюнике по завершении визита издано не было, и все сходилось на том, что с точки зрения личного успеха и соблюдения протокола визит Кароля был чрезвычайно успешным, но не принес ожидавшихся политических и экономических результатов. Польский посол считал даже, ссылаясь и на мнение самих румын, что визит на 90% принял личный характер, и только на 10% — политический¹⁷².

¹⁶⁷ Там же, с. 389.

¹⁶⁸ DBFP, Third Series, v. III, doc. N 262, p. 231—233; *Comnène N. P. Preludi del grande dramma*, p. 387.

¹⁶⁹ ИДА, ф. 15, оп. 1, д. 142, ч. I, л. 13—21. Э. Рачиньский (Лондон) — в Варшаву 29 ноября 1938 г.

¹⁷⁰ ЦДИА, ф. 176, оп. 7, а. е. 656, л. 243—245. Момчилов (Лондон) — в Софию 17 ноября 1938 г.

¹⁷¹ Там же.

¹⁷² ИДА, ф. 15, оп. 1, д. 142, ч. I, л. 13—21. Э. Рачиньский (Лондон) — в Варшаву 29 ноября 1938 г.

Аналогично высказывался и югославский посланник, имевший прямые и подробные сведения от своего румынского коллеги Григорчи. Он отмечал, что с точки зрения экономических связей никаких конкретных результатов достигнуто не было. Не сдвинулся с места и вопрос о поставках английских вооружений Румынии. «Характерно, что с английской стороны королю был дан совет, чтобы Румыния не прерывала и даже не ослабляла экономических связей с Германией. В этом совете румынский посланник видел и политическую сторону: Чемберлен хотел избежать всего, что могло бы быть истолковано Гитлером как направленное против Германии». Коснувшись вопроса о Закарпатье и нежелании Германии дать согласие на гарантию чехословацких границ, югославский посланник так обрисовал намерения Германии: «Ее тенденция состоит в установлении своего рода доктрины Монро для Центральной Европы, и Чемберлен склонен согласиться с этой точкой зрения. Король получил ясное представление, что здешнее правительство считает, что центр, определяющий решение этого вопроса, находится в Берлине». По мнению самого румынского посольства, сообщал югославский дипломат, визит короля Кароля и Комнена в Лондон способствовал преодолению чрезмерных иллюзий, которые питали в Румынии известные круги относительно заинтересованности Великобритании в делах Центральной Европы¹⁷³.

Сообщения дипломатов стран Центральной и Юго-Восточной Европы о визите короля Кароля в Лондон и его итогах раскрывали также особенности их реакции и сложившегося среди них психологического климата. Все они рассматривали ослабление заинтересованности Англии в делах Центральной и Юго-Восточной Европы под углом зрения англо-германских отношений и видели в этом угрозу независимости своих стран, подпавших под одностороннее влияние Германии.

19—21 ноября король Кароль находился с визитом в Париже, где продолжил свои усилия заинтересовать французское правительство в участии в делах Центральной Европы. По сообщению польского посла Лукасевича, он вновь высказался против общей венгеро-польской границы и выражал беспокойство в связи с концентрацией венгерских войск на границе с Закарпатьем. Как видно, вопрос о Венгрии и целях ее политики находился в центре его внимания и в Париже, хотя он и высказал в беседе с Боннэ мнение, что не считает вопрос о гарантии румыно-венгерской границы актуальным в данный момент¹⁷⁴. Особые

¹⁷³ ДА ДСИП, ЛП, 1938, пов. бр. 1169, 1—5. Касидолац (Лондон) — в Белград 26 ноября 1938 г.

¹⁷⁴ ИДА, ф. 2-е, оп. 4, л. 13, ч. 1, л. 256 и 259. Две телеграммы Лукасевича (Париж) — в Варшаву от 23 ноября 1938 г.; л. 255. Шембек — посольствам в Берлин и Бухарест 26 ноября 1938 г. о визите Кароля в Париж.

усилия он сосредоточил на попытках побудить французское правительство высказаться за четырехсторонние гарантии участников мюнхенского соглашения новых границ Чехословакии, дабы тем самым подтвердить окончательно статус-кво в Центральной Европе¹⁷⁵. По сведениям польской дипломатии, его предложения встретили холодно. Единственный вопрос, который ему удалось решить в Париже, был вопрос о преобразовании миссий в посольства и об обмене послами между Францией и Румынией.

Скучные результаты дипломатического зондажа в столицах западных держав были очевидны для румынской дипломатии, которая тем не менее старалась представить их как целиком укладывающиеся в принципы ее внешней политики. Формулируя их после возвращения из Лондона и в связи с этим визитом, Комнен в беседе с польским послом в Бухаресте Р. Рачиньским 25 ноября говорил: «Румыния не хочет и не будет связывать себя ни с каким идеологическим или политическим блоком, а стремится к нормализации и добрым отношениям со всеми соседями и к позитивному сотрудничеству со всеми великими державами, которые могли бы развивать отношения с Румынией в условиях свободной торговой конкуренции». Румыния особенно заинтересована в сохранении мира и улучшении экономической конъюнктуры. Поэтому у Румынии нет намерений противопоставлять себя Германии или уничтожать ее экономическое влияние. Она хочет развивать свои отношения с другими государствами «в рамках равновесия»¹⁷⁶.

Но именно «равновесия сил» между западными державами и фашистскими государствами не было в Юго-Восточной Европе после Мюнхена. Визиты в Лондон и Париж убедили румынскую правящую верхушку, что в этом «силовом поле» преобладает теперь влияние Германии. И румынский внешнеполитический курс стал ориентироваться на новый центр притяжения, стараясь все же сохранить связи с западными державами. Отсюда — дипломатическая «игра на двух столах», столь характерная для румынской политики, равно как и политики других балканских государств.

Визит короля Кароля в Берлин вызвал живейший интерес в правящих кругах всех стран Центральной и Юго-Восточной Европы и всевозможные толки среди их дипломатических представителей, которые стремились выяснить намерения Германии относительно этого региона в целом и их стран в частности. В германской же политике все более отчетливо проступала цель — навязать всем мнение, что только Германия является арбитром ситуации, что только от ее отношения будет зависеть

¹⁷⁵ Там же.

¹⁷⁶ ИДА, ф. 2-е, оп. 4, ед. хр. 13, ч. 1, л. 318—324. Р. Рачиньский (Бухарест) — в Варшаву 26 ноября 1938 г.

в будущем судьба отдельных государств этого региона. Наиболее актуальными в тот период для Румынии были отношения с Венгрией. На встрече с королем Каролом 24 ноября 1938 г. Гитлер продемонстрировал тактику, которая позволяла нацистам, по словам Риббентропа, держать «оба утюга (т. е. Румынию и Венгрию.— В. В.) в раскаленном состоянии»¹⁷⁷.

Ни на один из интересовавших Кароля вопросов Гитлер не дал окончательного и удовлетворительного ответа. Каково отношение Германии к венгерским территориальным притязаниям к Румынии? Фюрер всегда, оказывается, призывал венгров к сдержанности. Но венгеро-румынский конфликт, если он возникнет, не затрагивает непосредственно Германию, а следовательно, у нее нет необходимости заранее занимать какую-либо позицию. Вопрос о Закарпатье? Германия опять-таки не заинтересована в нем, и она не против совместной польско-венгерской границы. Но поскольку Германия подписала Венский арбитраж, она желает, чтобы с ее подписью считались. Проблема прямой связи Румынии с Германией через Чехословакию и, следовательно, через Закарпатье? Постройка автомагистрали обойдется в миллиарды и не скоро окупится. К тому же она может представить угрозу для самой Германии в случае «русской агрессии». Заверения Кароля, что он всегда был против России и что только страх удерживал его от соответствующих открытых заявлений, были лишь молча выслушаны. Дальнейшие намерения Германии? Самые мирные. Она установила свои этнические границы, и дальнейшие ее цели лежат в области экономики. В частности, она хочет развивать торговлю со всеми странами Юго-Восточной Европы, включая и Румынию. Что касается Чехословакии, то лишь от нее самой зависит характер ее будущих отношений с Германией¹⁷⁸.

Король Кароль был явно сбит с толку. Тягаться по части лицемерия с фюрером ему было явно не по плечу. Затронув еще раз вкось вопрос о Закарпатье, а также пожаловавшись на помехи со стороны некоторых лиц, мешавших ему развивать хорошие отношения между Германией и Румынией (по его просьбе Гитлер тут же распорядился отозвать из Румынии одного из руководителей германского национального меньшинства — некоего Конради), Кароль умолк, хотя Гитлер прочитал ему еще пару нравоучений относительно внутривосточного положения Франции и указал на «коммунистическую угрозу» на примере Испании.

Только через два дня, в беседе с Герингом, король Кароль смог вернуться к некоторым интересовавшим его проблемам.

¹⁷⁷ ADAP, Serie D, Bd. V, Dok. N 254, S. 282—286. Запись Риббентропа о беседе Гитлера с королем Каролом в Берхтесгадене 24 ноября 1938 г.

¹⁷⁸ Там же.

Подняв вопрос об Украине, он услышал от Геринга слова о намерении Германии решить его и создать украинское «государство», независимое от «большевистского режима в Москве»¹⁷⁹. Он не задумался над чисто пропагандистскими оборотами речи своего собеседника и вслух стал размышлять о том, насколько большим будет такое государство и что оно будет означать для Румынии. Кароль высказал пожелание, чтобы Румыния могла в будущем сохранить свои нынешние границы, подтвердил свое отрицательное отношение к идее совместной венгеро-польской границы в районе Закарпатья (конечно, подкрепив его вновь соображениями о транспортной связи Румынии с Германией) и высказал мнение, что в целом для него безразлично, кто даст гарантии Чехословакии — четыре ли европейские державы или одна только Германия. В ходе беседы были подробно обсуждены вопросы положения немецкого национального меньшинства в Румынии (Кароль обещал предоставить немцам те же права и возможности, которыми пользовались и граждане румынского происхождения) и перспективы развития германо-румынских экономических отношений, причем Геринг проявил особый интерес к румынской нефти и рудным богатствам.

Несмотря на более чем скудные итоги визита короля Кароля в Берлин, румынская дипломатия в последующие дни давала им завышенные оценки, как это было и в отношении визита в Лондон. В начале декабря Комнен говорил польскому послу в Бухаресте, что Румыния получила от Гитлера заверения относительно невмешательства во внутренние румынские дела и уважения территориального статус-кво¹⁸⁰. Чехословацкому посланнику Веверке Комнен дополнительно сообщил, что Румыния получила особое предупреждение, чтобы она ничего не предпринимала совместно с Россией против Германии, причем Гитлер якобы сказал: «Мы нападём на вас и разделим»¹⁸¹.

Общие итоги визита короля Кароля в Берлин не могут быть поняты в полной мере без учета двух дополнительных обстоятельств. Первое из них касалось оценки румынскими правящими верхами и королем Каролем ближайших перспектив развития международных отношений и делавшихся ими отсюда соответствующих практических выводов, а второе — реакции в Германии на внутрисполитические события в Румынии. Рассмотрим оба эти вопроса.

Визиты в Лондон, Париж и Берлин вызвали сумбур в представлениях румынской дипломатии относительно возможных со-

¹⁷⁹ ADAP, Serie D, Bd. V, Dok. N 257, S. 288—290. Запись Вольтата о беседе Геринга с Каролем в Лейпциге 26 ноября 1938 г.

¹⁸⁰ ИДА, ф. 2-е, оп. 4, ед. хр. 13, ч. II, л. 302. Р. Рачиньский (Бухарест) — в Варшаву 4 декабря 1938 г.

¹⁸¹ AMZV, Telegramy došlé, č. 1639/1938. Веверка (Бухарест) — в Прагу 9 декабря 1938 г.

бытий на международной арене в ближайшем будущем. Король Кароль и его ближайшее окружение восприняли как реальность убеждение английских правящих кругов, будто нацистская Германия намерена в качестве своей следующей задачи приступить к расчленению Советского Союза, а обмен мнениями в Берлине еще более укрепил их в этой мысли. Кароль, как и многие другие буржуазные политические деятели того времени, стал жертвой пропагандистской кампании, стремившейся подтолкнуть Германию к агрессии против СССР, и широкое распространение вводящих в заблуждение мнений оказалось для него важнее здравого смысла. Румынские политики приняли свои собственные умозаключения за действительность, тем более что такие выводы совпадали с их антисоветскими установками и тайными надеждами на возможность территориального увеличения Румынии за счет Советского Союза, хотя объективно СССР в тех конкретных условиях был единственной державой, располагавшей реальными возможностями и желанием оказать Румынии поддержку в сохранении ею своей независимости.

Какова должна быть роль Румынии в случае германской агрессии против Советского Союза? Этот вопрос чрезвычайно волновал Кароля и Комнена, и они подробно обсуждали «украинскую проблему», возвращаясь из Лондона. По получении первых сведений из Берлина о беседах Кароля с нацистскими лидерами Комнен пригласил к себе 25 ноября польского посла Р. Рачиньского. И король Кароль, и правительство, говорил он послу, склоняются к точке зрения, что соседство с русским колоссом, каким бы он ни был, представляет большую угрозу, чем расчленение России и возникновение даже большого украинского государства¹⁸². Польский посол согласился с общим ходом рассуждений Комнена, хотя и полагал, что это вопрос далекого будущего. Одновременно Комнен высказал мысль о необходимости организовать визит румынской правительственной делегации в Польшу для углубления сотрудничества двух государств. Пытаясь открыть новую перспективу румыно-польского сотрудничества на антисоветской основе, румынская дипломатия старалась переключить внимание с имевшихся между двумя странами разногласий в вопросе венгеро-польской границы в районе Закарпатья на другой объект, где она рассчитывала встретить взаимопонимание.

Однако министр иностранных дел Польши Ю. Бек ответил, что Закарпатье имеет очень малое значение по сравнению с «действительной украинской проблемой». Сейчас это «скорее объект интриг между разными государствами, чем конкретное

¹⁸² ИДА, ф. 2-е, оп. 4, ед. хр. 13, ч. II, л. 318—324. Р. Рачиньский (Бухарест) — в Варшаву 26 ноября 1938 г. о беседе с Комненом 25 ноября.

явление». Данных о конкретных подходах к нему мало, да и об отношении румынского правительства к различным комбинациям других государств Польша ничего не знает,—говорил Бек¹⁸³. Это был отказ, причем Бек проявил гораздо большее понимание истинного смысла пропагандистской шумихи, чем румынские политические деятели.

Вообще обсуждение «украинского вопроса» не способствовало улучшению румыно-польских отношений, которые продолжали оставаться натянутыми. В Бухаресте неодобрительно наблюдали за улучшением польско-советских отношений, что нашло отражение в коммюнике о переговорах советского наркома иностранных дел с польским послом в Москве, которое было опубликовано в советской и польской прессе соответственно 27 и 28 ноября¹⁸⁴. По сведениям югославской дипломатии, румынское правительство не было предварительно информировано Польшей об этих переговорах¹⁸⁵.

Между тем в самой Румынии назревал новый конфликт между королевской диктатурой и фашистской «Железной гвардией». Во время турне короля Кароля по европейским столицам железногвардейцы активизировали террористическую деятельность, организовав ряд покушений в Клууже, Черновицах и Темишваре¹⁸⁶. По наблюдениям германского посланника в Бухаресте Фабрициуса, «Железная гвардия» всегда прибегала к террористическим актам против представителей власти в те моменты, когда румынское правительство делало шаги в сторону сближения с Германией в обход этой организации¹⁸⁷. Такие парадоксальные на первый взгляд действия были проявлением ее конкурентной борьбы с правительством, представляли собой своеобразные ревнивые усилия сохранить за собой монопольное право на сближение с нацистской Германией.

Но на этот раз правящие круги решили использовать террористические акты как повод для расправы над лидерами «Железной гвардии», полагая, что король Кароль получил от Германии достаточные заверения о невмешательстве во внутренние дела страны. Два дня спустя после возвращения Кароля в страну, 30 ноября, К. Кодряну и еще 13 лидеров «Железной гвардии» были убиты при «попытке к бегству». В стране прошли также массовые аресты активных железногвардейцев и многочислен-

¹⁸³ ИДА, ф. 2-е, оп. 4, ед. хр. 13, ч. II, л. 522—523. Запись беседы Бека с румынским послом Франасовичи 29 ноября 1938 г.

¹⁸⁴ Документы и материалы по истории советско-польских отношений, т. VI. М., 1969, док. № 267, с. 371.

¹⁸⁵ ДА ДСИП, ЛП, 1938, пов. бр. 1240, 1—6. Стоядинович — миссии в Лондоне 30 ноября 1938 г. о сообщении из Бухареста.

¹⁸⁶ ДА ДСИП, ЛП, 1939, пов. бр. 42, 1—14. Месечни извештај МИП-а за новембар 1938 г. (Румунија).

¹⁸⁷ Hillgruber A. Hitler, König Carol..., S. 276, Fussnote 96.

ные перемещения в государственном аппарате сочувствующих им лиц.

Однако времена изменились. Если весной 1938 г. нацистские лидеры обошли молчанием репрессии против «Железной гвардии», то теперь они могли себе позволить не сдерживать своих чувств. Гитлер распорядился дать полную свободу фашистской прессе для критики действий румынского правительства, и она в развязном тоне открыла антирумынскую кампанию. Он дал также приказ вернуть все румынские ордена, которые король Кароль щедро раздавал германским официальным лицам во время пребывания в Берлине¹⁸⁸. Попытки румынского министра иностранных дел Комнена воздействовать через дипломатические каналы и добиться хотя бы смягчения тона германской печати были отвергнуты германской стороной¹⁸⁹. Болгарский посланник в Берлине сообщал о «большом раздражении» против Румынии, вызванном преследованиями «Железной гвардии». В официальных кругах эти преследования рассматривали «как политику, направленную против национал-социализма». Вызывала недовольство и затяжка торговых переговоров в Бухаресте. Болгарский посланник полагаал, что указанные факты могут привести к резкому ухудшению германо-румынских отношений¹⁹⁰.

Однако возникшая в начале декабря политическая напряженность между Германией и Румынией, как констатировал глава германской экономической делегации Клодиус, ведший переговоры о товарообороте с Румынией на 1939 г., скорее помогла, чем помешала достижению соглашения. Румынское правительство явно избегало возникновения несогласий в экономической области. Создавшиеся условия Клодиус считал «чрезвычайно благоприятными». Согласно подписанному 10 декабря в Бухаресте соглашению торговля с Германией должна была возрасти до 250 млн. рейхсмарок (10 млрд. лей), значительно превысив уровень 1938 г. и достигнув примерно 45% всей внешней торговли Румынии (в 1937 г. эта доля равнялась 28%). Примерно четверть всего объема румынского импорта по стоимости составляла нефть, что соответствовало пожеланиям и нуждам Германии¹⁹¹.

¹⁸⁸ Nagy-Talavera N. M. The green Shirts and the Others. A History of the Fascism in Hungary and Rumania. Stanford (Calif.), 1970, p. 301—302.

¹⁸⁹ ADAP, Serie D, Bd. V, Dok. N 260, S. 291. Германская миссия в Бухаресте — в Берлин 4 декабря 1938 г.; там же, док. № 261, с. 292. Директор департамента прессы и информации МИД Ашманн — миссии в Бухаресте 5 декабря 1938 г.

¹⁹⁰ ИДА, ф. 176, оп. 7, а. е. 943, л. 77. Драганов (Берлин) — в Софию 7 декабря 1938 г.

¹⁹¹ ADAP, Serie D, Bd. V, Dok. N 264, S. 294—296. Меморандум Клодиуса от 13 декабря 1938 г. об экономических переговорах с Румынией и политических впечатлениях от пребывания в Бухаресте.

Клодиус нашел политическую обстановку в Румынии чрезвычайно изменившейся. Даже лица, которые раньше не скрывали своего отрицательного отношения к Германии, теперь говорили совсем другим языком. Клодиус не строил иллюзий относительно истинных причин изменения их позиции. «Нет сомнения, что в большинстве случаев это изменение вызвано не симпатиями к Германии, а исключительно только реалистическими политическими соображениями, зачастую даже страхом перед Германией. Тем не менее не следует рассматривать из-за этих мотивов менее серьезно намерение достичь соглашения с Германией»¹⁹².

Между тем, несмотря на подписание торгового соглашения на 1939 г., антирумынская кампания в германской прессе продолжалась. Более того, она нашла неожиданный резонанс в печати западных стран, причем в некоторых английских газетах и журналах стали проскальзывать прямо-таки провокационные нотки в отношении Румынии. Многие газеты связывали в один узел события в Румынии с «украинским вопросом» и прямо писали об «исключительно деликатном географическом положении Румынии» с точки зрения германских целей в Восточной и Юго-Восточной Европе. Примером может служить статья в декабрьском номере журнала «Великобритания и Восток» под характерным названием «Румыния — ключ к восточноевропейским проблемам»¹⁹³. В ней убийство Кодряну трактовалось как устранение «возможного основателя фашистского режима» и явно преувеличивались масштабы преследований «Железной гвардии» (было арестовано якобы в течение ряда дней более 15 тыс. чел.).

Вся эта шумиха вызывала острое беспокойство в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. Антисоветская кампания в западной прессе и антирумынская кампания в германской печати оценивались в них на фоне политической реакции, вызванной заключением франко-германской декларации 6 декабря. В Румынии эта декларация была расценена правящими кругами как событие, перечеркивавшее последнюю надежду на возможное получение эффективной помощи со стороны западных держав¹⁹⁴. В таких условиях германский нажим на Румынию ставил ее в положение политической изоляции, чего, собственно, и добивалась германская дипломатия.

Антирумынская кампания приняла в фашистской прессе беспрецедентные формы, а по безудержности выражений оставила далеко позади даже кампанию против Чехословакии в мюнхенские дни¹⁹⁵. Сообщения представителя Германского информационного агентства (DNB) в Бухаресте Шуккерта были, на-

¹⁹² Там же.

¹⁹³ Great Britain and the East, 15.XII 1938, p. 647—648.

¹⁹⁴ Pavel P. Why Rumania failed. London, s. a., p. 160.

¹⁹⁵ Easterman A. L. King Carol..., p. 155.

пример, выдержаны в таком тоне, что румынские власти, несмотря на искреннее желание избежать каких-либо новых осложнений с Германией, не могли пройти мимо его выпадов и были вынуждены сообщить германской миссии о невозможности его дальнейшего пребывания в стране¹⁹⁶.

Наряду с кампанией в прессе Германия прибегла и к дипломатическому нажиму. Посланник в Бухаресте Фабрициус, вызванный в начале декабря для доклада в Берлин, вернулся на короткий срок, чтобы объяснить Комнену причину недовольства Гитлера, и сразу же отбыл в продолжительный отпуск¹⁹⁷. О причине его отъезда сообщено не было, и в результате создалось впечатление, что Германия стоит на пороге разрыва дипломатических отношений с Румынией.

Нападки на Румынию помимо германской прессы раздавались также в итальянской и венгерской печати. Венгерская дипломатия попыталась использовать такой поворот событий для откола Югославии от Румынии и обеспечения югославского нейтралитета в случае венгеро-румынского вооруженного конфликта. Но Югославия держалась осторожно, а Стоядинович, затронув в середине декабря эту тему в беседе с германским посланником в Белграде, ссылаясь на какой-то «старый союзный договор с Румынией» и подчеркивал, что «трудность дистанцирования от Румынии» заключалась главным образом в родственных отношениях югославской и румынской династий¹⁹⁸.

Отгораживаясь от антирумынских действий, югославское правительство в то же время пристально наблюдало за поворотом внимания великих держав и их «большой политики» в Юго-Восточной Европе к Румынии. По наблюдениям германского военного атташе в Белграде, Стоядинович надеялся, что такое развитие событий выгодно для Югославии, ибо отвлекает от нее взоры великих держав, не причиняя, однако, ущерба югославским позициям на Балканах. Югославское правительство, хотя и поддерживало тесные отношения с Румынией, ограничивалось во взаимных отношениях главным образом советами¹⁹⁹.

В этих обстоятельствах само румынское правительство думало не о защите своей страны, а о средствах заинтересовать Германию в сотрудничестве с Румынией, расположить ее в свою пользу. Под влиянием германской политической тактики правящие круги страны соскальзывали на тот путь, на который их

¹⁹⁶ ADAP, Serie D, Bd. V, Dok. N 280, S. 317, Fussnote 1.

¹⁹⁷ Hillgruber A. Hitler, König Carol..., S. 29—30.

¹⁹⁸ AA (Bonn), Pol. Abt. IV, Po 3 Bulgarien—Jugoslawien, Bl. 189, Pol IV 9343/38. Германская миссия в Белграде — в Берлин 16 декабря 1938 г.

¹⁹⁹ Archiv des Instituts für Zeitgeschichte (München), MA-275, N 3403—3405. Bericht der Lage Jugoslawiens in der Zeit vom 1. Juli bis Ende Dezember 1938. Германский военный атташе в Белграде — в Берлин 15 декабря 1938 г.

подталкивала германская дипломатия, используя венгеро-румынские противоречия: Румыния втягивалась в соперничество с Венгрией за приобретение благорасположения Германии. Поощряя это своеобразное соревнование, германская дипломатия побуждала обе стороны делать «дополнительные взносы» в германскую политику установления гегемонии в Юго-Восточной Европе²⁰⁰. Таков был непосредственный итог «кризиса» в германо-румынских отношениях, вызванного и искусно разыгранного германской дипломатией.

14 декабря в Бухаресте состоялось заседание коронного совета, который принял решения, задуманные как «жесты умиротворения» Германии, но в то же время рассчитанные на сохранение связей с западными державами²⁰¹. В правящих кругах уже поговаривали некоторое время о необходимости смены министра иностранных дел Комнена на другое лицо, которое пользовалось бы доверием и Германии, и западных держав. Но прежде чем менять главу внешнеполитического ведомства, было решено произвести замену дипломатических представителей в главных европейских столицах, где они поднимались в ранг послов. Коронный совет решил назначить послом в Париже Г. Татареску, а в Лондоне — В. Тилиа. Оба они придерживались прозападной ориентации. Вызывала споры кандидатура посланника в Берлине, но несколько позднее было принято решение назначить на это место германофила Р. Круцеску²⁰².

15 декабря, на следующий день после заседания коронного совета, было обнародовано решение о создании единой политической партии — фронта национального возрождения. Его председателем был назначен министр внутренних дел А. Калинеску. Одновременно подтверждался запрет других политических партий, участие в них приравнивалось к уголовно наказуемому преступлению²⁰³. Создание фронта национального возрождения сопровождалось демагогической кампанией, в которой он противопоставлялся старым политическим партиям, изображался в виде надклассовой и общенациональной силы, призванной служить делу «защиты отечества». Это был еще один шаг на пути дальнейшей фашизации общественной жизни страны и усиления королевской диктатуры.

Несколько дней спустя, 20 декабря, последовала смена министра иностранных дел, что вызвало интерес политических на-

²⁰⁰ Broszat M. Deutschland, Ungarn, Rumänien. Entwicklung und Grundfaktoren nationalsozialistischer Hegemonial- und Bündnispolitik 1938—1941.— *Historische Zeitschrift* (München), 1968, (Jg. 206), N 1, S. 61.

²⁰¹ Лебедев Н. И. «Железная гвардия»..., с. 217.

²⁰² Да ДСИП, ЛП, 1939, пов. бр. 96, 1—14. Месечни извештај МИП-а за децембар 1938 г. (Румунија).

²⁰³ История Румынии. 1918—1970, с. 235.

блюдателей и соседей Румынии. Югославская дипломатия без колебаний расценила назначение нового министра Г. Гафенку как проявление желания королевского режима в Румынии держать ориентир во внешней политике на «ось» Рим — Берлин или по крайней мере на сближение с ней²⁰⁴.

29 декабря Г. Гафенку выступил по радио с программной речью, в которой изложил принципы внешней политики страны. Он говорил о стремлении Румынии к безопасности и миру. «Поэтому Румыния с интересом следит за любым усилием к сближению или взаимопониманию между великими державами Западной и Центральной Европы. Прежде всего на этих державах после встречи в Мюнхене лежит ответственная задача защиты и спасения европейской цивилизации». Желанием поддерживать тесные отношения со всеми этими государствами он объяснял поездку короля по европейским странам. Коснувшись в этой связи Германии, Гафенку подчеркнул, что она приобрела для Румынии «новое значение» и «вызвала воспоминания о старом и плодотворном сотрудничестве». Он отметил также желание Румынии видеть вклад Италии в «мирное развитие» на Востоке Европы²⁰⁵. В целом эта часть его речи выдавала надежды правящих кругов страны на возможный сговор западных держав с фашистскими государствами, что могло бы открыть для Румынии перспективу лавирования между ними.

Гораздо большей конкретностью отличалась та часть речи Гафенку, где он говорил о восточноевропейских государствах, сознательно закрывая глаза на то, что главная угроза всем этим странам исходит со стороны гитлеровской Германии. Развивая свои мысли, Гафенку декларировал верность Румынии союзу с Польшей, в котором он видел «фактор мира», а его действенность ставил в прямую зависимость от его непоколебимости. Отношения «традиционной дружбы с Чехословакией» и «тесного сотрудничества во всех областях с союзной Югославией» он видел покоившимися на интересах «поддержания и развития мира в Дунайском бассейне». Такая формулировка содержала в себе скрытое антивенгерское острие. Аналогичной была трактовка Балканского пакта, который связывал Румынию, как отмечал Гафенку, с двумя другими государствами — Турцией и Грецией, и обеспечивал «поддержание существующего положения и порядка в Юго-Восточной Европе». Хотя в речи Гафенку Венгрия и Болгария не были прямо упомянуты, приведенные выше высказывания были направлены против них. Слова о готовности Румынии к «достижению полного взаимопонимания с

²⁰⁴ ДА ДСИП, ЛП, 1938, пов. бр. 1307, 1—6. Стоядинович — в миссию в Лондон 24 декабря 1938 г. о сообщении из Бухареста от 20 декабря 1938 г.

²⁰⁵ DZA (Potsdam), Präsidialkanzlei, N 736/1, Bl. 202—203. Запись речи Г. Гафенку по Бухарестскому радио 29 декабря 1938 г.

остальными соседними государствами в Дунайском бассейне» сопровождалась оговорками о необходимости с их стороны учитывать «законность общих интересов»²⁰⁶. Заявив о желании Румынии поддерживать добрососедские отношения с Советским Союзом, Гафенку выдвинул такие оговорки, которые фактически свидетельствовали об обратном.

Отказ от сотрудничества с СССР делал все усилия румынского правительства добиться хотя бы сравнительной безопасности положения и ее внешнеполитическую программу в послевоенных условиях нереальными. Сохранение мира в Европе было возможно лишь на основе системы коллективной безопасности, которая не могла быть действенной без участия СССР. Иллюзорными были также надежды на сохранение статус-кво при опоре на рассыпавшиеся союзы между странами Центральной и Юго-Восточной Европы. Каждое из входивших в них государств предпринимало сложные маневры, не желая противопоставлять себя фашистской агрессии и не надеясь на помощь извне. Все более проблематичными становились и отношения между западными державами и фашистскими государствами. Нежелание Германии считаться с интересами Англии и Франции не создавало основы для длительного сотрудничества между ними, на что все еще надеялись правящие круги как Румынии, так и других балканских стран.

Между тем состояние германо-румынских отношений не улучшалось, хотя назначение Г. Гафенку, а также нового министра экономики было встречено в Германии благожелательно²⁰⁷. В конце декабря 1938 г. шеф протокольного отдела германского МИД фон Дёрнберг демонстративно возвратил румынскому посланнику в Берлине Р. Джуваре румынские ордена, врученные ранее германским официальным лицам²⁰⁸. В ответ Джувара смог только выразить надежду румынского правительства, что на том весь этот «мучительно неприятный случай» следует теперь считать исчерпанным²⁰⁹. Но гитлеровская дипломатия смотрела на дело иначе. Кампания в прессе продолжалась, принимая все более откровенно форму шантажа с целью заставить Румынию отказаться от политики балансирования и взять однозначный курс ориентации на Германию. Поэтому газетная шумиха продолжала сознательно нагнетать напряженность, используя любой повод.

Поддаваясь этому нажиму, румынские правящие круги были заняты мыслью о том, как бы лучше довести до сведения Берлина свои «добрые намерения». В беседе с поверенным в

²⁰⁶ Там же.

²⁰⁷ Broszat M. Deutschland, Ungarn, Rumänien..., S. 69.

²⁰⁸ Hillgruber A. Hitler, König Carol..., S. 29.

²⁰⁹ ADAP, Serie D, Bd. V, Dok. N 261, S. 292, Fussnote 2.

делах германской миссии в Бухаресте 19 января 1939 г. Гафенку заверял, что никакой связи между визитом короля Кароля в Берлин и событиями 30 ноября (убийство Кодряну) не существовало. Он подчеркивал серьезность ситуации и готовность Румынии сделать все от нее зависящее для нормализации отношений с Германией²¹⁰. К концу января в Берлин вновь был послан Г. Братиану, который, минуя дипломатические каналы, старался войти в контакт с Герингом и заинтересовать его перспективами широкого экономического сотрудничества с Румынией²¹¹. Гафенку намеревался прибегнуть также к югославскому посредничеству для улучшения германо-румынских отношений и намечал встречу со Стоядиновичем. Все эти меры были реакцией на дальнейшее сближение Венгрии со странами «оси», что было продемонстрировано во время визита венгерского министра иностранных дел И. Чаки в Берлин в середине января 1939 г. в связи с предстоящим присоединением Венгрии к Антикоминтерновскому пакту. В результате германской дипломатии удалось добиться задуманной цели — вызвать румыно-венгерское соперничество за германское благорасположение.

Антирумынская кампания в германской прессе прекратилась в конце января 1939 г. так же неожиданно, как и началась. Возвращение 30 января в Бухарест германского посланника было встречено румынским правительством с нескрываемым облегчением. Румыния как бы получала временную внешнеполитическую передышку. Перемена германской тактики была вызвана обстоятельствами, лежавшими за пределами германо-румынских отношений. Основная причина прекращения открытого нажима на Румынию заключалась в решении Гитлера приступить к конкретной подготовке окончательного расчленения Чехословакии и захвата Чешских земель, и этой цели были подчинены все остальные замыслы, в том числе и в отношении Румынии. Тем не менее весь эпизод с германской газетной кампанией и дипломатическим шантажом показал уязвимость внешнеполитического положения Румынии в условиях отказа от сотрудничества с СССР, ее готовность пойти на далеко идущие уступки гитлеровской Германии и на сближение с «осью», что объяснялось также отсутствием поддержки со стороны западных держав. Субъективное желание румынских правящих кругов балансировать между западными державами и фашистскими государствами не могло быть осуществлено в послевоенных условиях. Румыния медленно, но неуклонно гравитировала в сторону фашистской «оси». Западные державы теряли свое влияние на политику Румынии, как и на другие балканские государства.

²¹⁰ ADAP, Serie D, Bd. V, Dok. N 275, S. 311—312.

²¹¹ Там же, док. № 279, с. 315—316. Вёрманн — Фабрициусу 31 января 1939 г.

БАЛКАНСКИЕ СТРАНЫ В ПЕРИОД НАЗРЕВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО КРИЗИСА В ЕВРОПЕ

1. Попытки Италии и Германии зимой 1938/39 г. сколотить профашистский блок на Балканах

Сразу же после мюнхенского сговора нацистская Германия начала борьбу за установление своей гегемонии на Балканах. Но ее дипломатия не торопилась раскрывать свои планы и была вынуждена действовать осмотрительно из-за ревнивого отношения Италии ко всем германским замыслам на Балканах. В условиях начавшихся переговоров о создании военно-политического союза Германии, Италии и Японии германская дипломатия старалась проявлять своего рода «деликатность» и избирать такие формы своих действий, которые не затронули бы чувств итальянских фашистов, рассматривавших Балканы как сферу своего влияния, с чем на словах соглашались и нацисты.

Переговоры о заключении тройственного союза сопровождались обменом мнениями между командованием вермахта и итальянским генеральным штабом. Представленный 30 ноября 1938 г. верховным командованием вермахта (ОКВ) в МИД меморандум для военных переговоров с Италией исходил из предпосылки совместных действий двух стран против Англии и Франции. Что касается оценки политической обстановки, то ОКВ исходил из предположения, что страны «оси» могут рассчитывать на «благожелательный нейтралитет» Венгрии и Испании, тогда как балканские страны и Польша займут «сомнительную позицию»¹.

Перспектива заключения военно-политического союза фашистских держав заставила Италию серьезно задуматься над своим местом в будущем блоке. В ее фашистской верхушке все больше укреплялись настроения, что «ось» дает односторонние преимущества Германии. Внешнеполитическая программа итальянских фашистов, направленная на воссоздание «Римской средиземноморской империи»², исходила из концепции, что укреп-

¹ ADAP, Serie D, Bd. IV, Dok. N 411, S. 463—465. Кейтель — Риббентропу 30 ноября 1938 г. Меморандум ОКВ для военных переговоров с Италией от 26 ноября 1938 г.

² Stebert F. Italiens Weg in den Zweiten Weltkrieg. Frankfurt a. M.—Bonn, 1962, S. 89.

ление позиций Италии в мировой политике как великой державы связано с Юго-Восточной Европой, с Балканами. Именно здесь после аншлюса Австрии и развала «римского треугольника» Италия пыталась компенсировать ущерб, нанесенный ее положению, развивая планы создания «горизонтальной оси» Рим — Варшава. Но в конце ноября из-за противодействия Германии сорвалась и эта попытка, что вызвало в Италии большое раздражение политикой Германии, которая, пользуясь своим значительным и все возрастающим военно-экономическим превосходством, легко одерживала верх над своей союзницей³. Италия ничего не могла противопоставить и германским возможностям политического нажима и таким формам германского вмешательства на Балканах, как использование немецкого национального меньшинства, а также фашистских течений и групп, которые, за малым исключением, давно уже переориентировались с Рима на Берлин. После Венского арбитража правящие круги Венгрии, Румынии, Югославии и Болгарии попадали во все большую зависимость от Германии. Поэтому итальянской дипломатии, с одной стороны, оставалось лишь играть на страхе отдельных государств перед односторонней зависимостью от Германии. С другой стороны, фашистская Италия видела в территориальных приобретениях на Балканах возможность усиления там своего влияния.

Планы итальянских фашистов были нацелены на захват Албании. 30 ноября 1938 г., выступая перед Большим фашистским советом, Муссолини заявил, что «Албания станет итальянской», оговорив, что пока он не может сказать, «когда и каким образом это произойдет»⁴.

Балканские планы Италии зрели в более широких рамках обсуждавшегося проекта тройственного пакта с Германией и Японией, решение подписать который было принято одновременно с решением оккупировать Албанию, что было не случайным совпадением по времени, а указывало на глубинную взаимосвязь обоих вопросов. Обсуждение этих проблем велось в едином комплексе. Намечая контуры этих планов и действий по их осуществлению, Чиано так записал в своем дневнике 8 января 1939 г. порядок обсуждавшихся вопросов: «Тройственный пакт о союзе. Более тесные отношения с Югославией, Венгрией и Румынией и, возможно, с Польшей в целях обеспечения нас сырьем... Ликвидация Албании по соглашению с Белградом, содействуя, возможно, походу сербов на Салоники»⁵. Характерно,

³ Гроссман А. С. Германо-итальянские отношения в 1939 г. — Вопросы истории, 1967, № 5, с. 53—54, 56—57.

⁴ Смирнова Н. Д. Балканская политика фашистской Италии. Очерк дипломатической истории (1936—1941). М., 1969, с. 80.

⁵ СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны. М., 1971, док. № 89, с. 153—154. Запись в дневнике Чиано 8 января 1939 г.

однако, что в полном виде эти планы не нашли отражения ни в одном итальянском документе. Стремление сохранить их в секрете и от Германии, и от Англии «уберегло» их в значительной степени и от историков, хотя ныне представляется возможным реконструировать первоначальные планы и замыслы на более широком круге источников. В этом контексте антифранцузская кампания в итальянской прессе в конце 1938 — начале 1939 г., привлекавшая так много внимания за рубежом, оказывалась своего рода прикрытием для итальянских замыслов относительно Юго-Восточной Европы.

О том, что Юго-Восточная и Центральная Европа стали в конце 1938 — начале 1939 г. в центре внешнеполитических планов фашистской Италии, свидетельствовали визиты ее министра иностранных дел Чиано в Венгрию (19—22 декабря 1938 г.), Югославию (19—23 января 1939 г.) и Польшу (25 февраля — 1 марта 1939 г.). Они были запланированы еще в течение ноября 1938 г., т. е. после начала обсуждения предложения о заключении тройственного союза между Германией, Италией и Японией. События вносили, однако, коррективы в их сроки, а главное — в проблемы, которые подлежали обсуждению во время намечавшихся переговоров.

Визит Чиано в Венгрию подтвердил, что Италия все больше теряет свои позиции в Дунайском бассейне, где ее вытесняло германское влияние. Накануне его приезда в Будапешт произошла реорганизация кабинета Имреди, где место занимавшего много лет пост министра иностранных дел К. Каня занял И. Чаки, на которого выбор пал главным образом из-за его тесных связей с Берлином⁶. Обсуждение вопроса о присоединении Венгрии к Антикоминтерновскому пакту велось уже после принятия в Будапеште принципиального решения, о чем дважды сообщалось в посланиях в Берлин. Чиано оставалось лишь добиваться согласия Венгрии на выход из Лиги Наций, что ему и удалось⁷. Однако и это решение играло скорее на руку Германии. Венгрия твердо придерживалась, как сообщил Чаки германскому посланнику, желания установить «самое тесное сотрудничество с *обеими* державами «оси»⁸.

Большое внимание во время визита Чиано в Венгрию было уделено обсуждению ее отношений с Югославией, которые в Будапеште рассматривали, по наблюдению югославской мис-

⁶ *Kis A.* Die Aussenpolitik der Imrédy-Regierung (November 1938 — Februar 1939). — *Annales Universitatis Scientiarum Budapestinensis. Sectio Historie*, 1961, t. III, S. 247.

⁷ ADAP, Serie D, Bd. V, Dok. N 265, S. 296—297. Эрдмансдорф (Будапешт) — в Берлин 20 декабря 1938 г.

⁸ Там же, док. № 266, с. 297. Эрдмансдорф (Будапешт) — в Берлин 22 декабря 1938 г.

сии, «как существенный элемент и для политической стабильности самой Венгрии». Этот вопрос обсуждался с перспективой образования профашистского блока в Юго-Восточной Европе. «В системе, которая должна возникнуть,— сообщила югославская миссия,— наша страна будет играть одну из главных ролей, которая является тем более важной, что ожидается присоединение и других государств к этой системе»⁹. Чиано обещал Чаки поставить вопрос о венгеро-югославских отношениях во время своего предстоящего визита в Белград и постараться увенчать отношения двух стран заключением соглашения¹⁰, которое охватывало бы гарантию существующих венгеро-югославских границ и содержало бы известные декларативные заявления о положении венгерских национальных меньшинств.

Переговоры Чиано в Будапеште вызвали беспокойство нацистской Германии. В частности, германскую дипломатию насторожил слух о планировавшемся Италией сближении Венгрии с Югославией и образовании ими блока под сенью «оси», но с проитальянской направленностью. Германский поверенный в делах в Белграде Файне в осторожной форме справился у заместителя югославского министра иностранных дел И. Андрича о том, будет ли присутствовать во время предстоящего визита Чиано в Югославию также и венгерские государственные деятели. Андрич прекрасно понял намек и причину беспокойства германского дипломата и поспешил заверить его в беспочвенности подобных подозрений. Югославия, сказал он, не думает о том, чтобы образовать вместе с Италией и Венгрией «треугольник» или еще вместе с каким-либо государством иную геометрическую фигуру. «В центре внимания югославской внешней политики стоит Германия, и, так как Италия овязана с ней «осью», ей также уделяется особое внимание». Он постарался принизить значение предстоявшего визита Чиано. Хотя тот и обсудит со Стоядиновичем все интересующие их проблемы, говорил Андрич, никакого соглашения заключать не предусматривается¹¹.

Между тем итальянская дипломатия развила большую активность, чтобы ускорить присоединение Венгрии к Антикоминтерновскому пакту. 28 декабря итальянский посланник Л. Винчи передал Чаки личное послание Чиано, в котором выражалось пожелание, чтобы присоединение состоялось до 14 января 1939 г., т. е. до окончания визита Чемберлена и Гали-

⁹ ДА ДСИП, ЛП, 1939, пов. бр. 96, 1—14. Месечни извештај МИП-а за децембар 1938 г. (Мађарска).

¹⁰ ADAP, Serie D, Bd. V, Dok. N 266, S. 297. Эрдмансдорф (Будапешт) — в Берлин 22 декабря 1939 г.

¹¹ AA (Bonn), Pol. Abt. IV, Po 3 Italien — Jugoslawien, Bd. 2, Bl. 119—120. Pol IV 25/1939. Файне (Белград) — в Берлине 31 декабря 1938 г.

факса в Рим. Чаки не возражал, чтобы Чиано сообщил им о предстоящем присоединении Венгрии к пакту «в обозримое время», но занял уклончивую позицию в отношении определения точного срока, ссылаясь на необходимость соблюдения лояльности к Германии¹².

Сдержанность венгерского правительства вызывалась, конечно, не позицией Германии, которая ожидала этого шага, а опасениями реакции западных держав. 27 декабря 1938 г. венгерским миссиям в Вашингтоне, Париже и Лондоне были направлены инструкции выяснить в конфиденциальном порядке, какую реакцию вызовет этот шаг в США, Англии и Франции¹³. Последовавшие ответы весьма ободрили венгерское правительство. Посланник в Лондоне сообщал, что в Англии правительственные круги отдают отчет в положении Венгрии и «намечаемые шаги не повлияют на существующие в этих кругах симпатии к нам»¹⁴. Ответ из Вашингтона в общих чертах повторял те же мысли¹⁵. Из Парижа венгерский посланник сообщал, что реакция политических кругов будет зависеть от того, какое значение будет придано этому шагу. «Если наше присоединение будет рассматриваться как антисоветская демонстрация на стороне германо-итальянской оси, то, по моему мнению, оно не нанесет здесь большого ущерба нашим интересам...»¹⁶

Реакция западных держав еще раз подчеркнула их решимость не препятствовать Германии в развитии ее агрессивных устремлений на Восток. Естественно, что СССР не мог пройти мимо этого факта. 9 января 1939 г. Литвинов пригласил временного поверенного в делах Венгрии в СССР и вручил ему ноту, в которой подчеркивалось, что Антикоминтерновский пакт является политическим соглашением, преследующим агрессивные цели. Запрашивая о намерениях венгерского правительства, нота предупреждала, что «присоединение Венгрии к названному пакту не сможет не оказать весьма серьезного и немедленного влияния на отношения СССР с Венгрией»¹⁷.

Все страны Центральной и Юго-Восточной Европы со жгучим интересом наблюдали за дипломатической подготовкой

¹² *Allianz Hitler — Horthy — Mussolini*. Budapest, 1966, Dok. N 49, S. 211—212.

¹³ Венгрия и вторая мировая война..., док. № 79, с. 147. Письмо Чаки венгерским миссиям в Вашингтоне, Париже и Лондоне от 27 декабря 1938 г.

¹⁴ Там же, док. № 81, с. 148—149. Мароши (Лондон) — Чаки 3 января 1939 г.

¹⁵ *Kis A. Die Aussenpolitik der Imrédy-Regierung...*, S. 249.

¹⁶ Венгрия и вторая мировая война..., док. № 80, с. 148. Куэн-Хедервари (Париж) — Чаки 3 января 1939 г.

¹⁷ Там же, док. № 82, с. 149—150. Михалкович (Москва) — в Будапешт 9 января 1939 г.

присоединения Венгрии к Антикоминтерновскому пакту и прикидывали возможные последствия этого шага для самих себя. Большинство из них испытывало беспокойство, что действия Венгрии дадут повод Германии и Италии оказывать на них все возрастающий нажим, выставляя Венгрию как образец для подражания. Особое раздражение вызывали намерения венгерского правительства в Польше, которая расценивала их как отказ от совместных планов установления общей границы в районе Закарпатья. Венгерский посланник в Варшаве сообщал в начале января 1939 г., что дружественный по отношению Венгрии тон польской прессы разом изменился, а настроения общественности и правящих кругов резко ухудшились¹⁸.

Румынская дипломатия с тревогой наблюдала за действиями Венгрии, связывая с ними возможность усиления венгерских притязаний к Румынии. Ее опасения были обоснованными. 9 января 1939 г. Чаки в беседе с румынским посланником Р. Босси поставил вопрос о положении венгерских национальных меньшинств в Румынии и высказал сомнение в искренности намерений румынского правительства удовлетворительно решить его¹⁹.

Югославия отнеслась к предстоящему венгерскому шагу более спокойно и строила планы заключения с ней соглашения. Это соглашение, естественно, затрагивало интересы Румынии, и, по сведениям венгерского МИД, югославская дипломатия размышляла над возможностью получения румынского согласия на венгеро-югославский договор²⁰. Сама югославская сторона не предвидела больших затруднений в этом вопросе. Тем не менее И. Андрич подчеркнул в беседе с венгерским посланником, что позицию Румынии следует учесть, и выражал надежду, что при содействии венгерского правительства можно будет найти такое решение, которое позволит Румынии примириться с идеей венгеро-югославского сближения²¹.

В свою очередь итальянская дипломатия, патронировавшая это сближение, также полагала, что Венгрии пока следует щадить «чувствительность Румынии». Италия, сообщал Чиано венгерскому посланнику, занимает в отношении нее сдержанную позицию. После же заключения соглашения между Венгрией и Югославией она не будет больше заинтересована в

¹⁸ DIMK, t. III, N 173, 295—296 old. Криштоффи (Варшава) — в Будапешт 2 января 1939 г.

¹⁹ Там же, док. № 197, с. 318—321. Чаки — венгерской миссии в Бухаресте 9 января 1939 г.

²⁰ Там же, док. № 203, с. 326. Чаки — венгерской миссии в Белграде 10 января 1939 г.

²¹ Там же, док. № 227, с. 353. Бешеньен (Белград) — в Будапешт 15 января 1939 г.

«румынском вопросе»²². Чиано заверял венгерское правительство, что урегулирование венгеро-югославских отношений будет главной целью его предстоящего визита в Югославию.

Таким образом, вопрос о присоединении Венгрии к Антикоминтерновскому пакту сразу же повлек за собой крупные проблемы для стран Юго-Восточной Европы и значительно обострил обстановку в этом регионе.

На первом этапе переговоров основную активность в отношении Венгрии проявляла итальянская дипломатия, беспрестанно напоминая ей о необходимости ускорить присоединение к этому пакту, в то время как германская дипломатия была более сдержанной и предоставила Италии играть роль загонщика. Именно под нажимом Италии 12 января Чаки выступил с официальным заявлением в парламенте о предстоящем присоединении Венгрии к пакту, которое произойдет после получения ею официального приглашения от подписавших его держав²³. Последнее не заставило себя долго ждать. На следующий день посланники Германии, Италии и Японии посетили венгерского министра иностранных дел, и итальянский посланник Винчи от имени трех стран передал правительству Венгрии официальное приглашение.

16 января Чаки отправился в Берлин для переговоров с нацистскими лидерами. Гитлер прочитал ему длинное нравоучение, подчеркивая необходимость действовать «плечом к плечу» и впредь «выступать дружно, как футбольная команда»²⁴. Конкретные проблемы, интересовавшие Венгрию, были затронуты в беседе Чаки с Риббентропом. Последний предостерегал Венгрию от односторонних действий в решении венгеро-чехословацких пограничных проблем. Чаки информировал Риббентропа о намерении заключить с Югославией договор наподобие югославо-болгарского. Он обещал, прежде чем принять окончательное решение, проконсультироваться с Берлином²⁵.

Оглашение решения Венгрии присоединиться к Антикоминтерновскому пакту вызвало разную реакцию в мире. Правительства западных держав молча приняли к сведению это известие²⁶. Советский Союз расценил действия Венгрии как враждебный

²² Там же, док. № 219, с. 343. Телеграмма Виллани (Рим) — в Будапешт 14 января 1939 г.; № 225, с. 350—351. Сообщение Виллани в Будапешт 14 января 1939 г.

²³ *Kis A. Die Aussenpolitik der Imrédy-Regierung...*, S. 254.

²⁴ Венгрия и вторая мировая война..., док. № 83, с. 150—155. Запись беседы Гитлера с Чаки 16 января 1939 г.

²⁵ ADAP, Serie D, Bd. V, Dok. N 273, S. 306—309. Запись беседы Риббентропа с Чаки 16 января 1939 г.

²⁶ DIMK, t. III, N 239, 369 old. Мароши (Лондон) — в Будапешт 19 января 1939 г.

ему шаг, а также свидетельство того, что Венгрия «в значительной степени утратила свою независимость», ибо присоединение к Антикоминтерновскому пакту не может быть оправдано «интересами самого венгерского государства». В связи с этим Советское правительство довело до сведения Венгрии о закрытии своей миссии в Будапеште и предложило закрыть венгерскую миссию в Москве²⁷.

Действия Венгрии вызвали большое раздражение у польской дипломатии. В политическом отчете польского посланника в Будапеште Л. Орловского подчеркивалось, что после визита Чиано в Венгрию венгерской прессе было запрещено писать о Закарпатье, а также о венгеро-польской дружбе исходя из посылки, что дружба с Польшей компрометирует венгров в глазах немцев. Вопрос о присоединении к Антикоминтерновскому пакту Венгрия не обсудила с Польшей даже в предварительном порядке, хотя в свое время Чаки обещал это сделать. «Присоединение к Антикоминтерновскому пакту,— писал посланник,— должно было принести Венгрии, несомненно, реальные политические выгоды, между тем, говоря с известной иронией, можно сказать, что это была цена, которую граф Чаки заплатил за лишний обед в Берлине»²⁸.

Несмотря на явное охлаждение венгеро-польских отношений, румынская дипломатия попыталась прибегнуть к посредничеству Польши в целях урегулирования своих отношений с Венгрией. Румынский посол в Варшаве Г. Франасовичи в беседе с начальником кабинета министра иностранных дел Польши М. Лубеньским сообщил о решении румынского правительства пересмотреть свою прежнюю позицию по вопросу о Закарпатье в благожелательном для Польши и Венгрии смысле²⁹. Но последнее уже не имело значения. Решение вопроса о Закарпатье находилось теперь целиком в руках Германии, и Венгрия не нуждалась больше в польском сотрудничестве.

Присоединение Венгрии к Антикоминтерновскому пакту дало повод для слухов, что вслед за этим последует нажим стран «оси» на другие государства с тем, чтобы создать под своей эгидой «среднеевропейский антикоминтерновский блок». Ожидалось, что Германия потребует такого шага от Чехословакии, а Риббентроп сделает аналогичное предложение Польше во время предстоящего в конце января визита в Варшаву, тогда

²⁷ СССР в борьбе за мир..., док. № 110, с. 183—184. Заявление ТАСС от 2 февраля 1939 г.

²⁸ ИДА, ф. 2-е, оп. 4, ед. хр. 19, л. 226—231. Политический отчет Л. Орловского (Буданешт) о внешней политике правительства Имреди — Чаки от 10 февраля 1939 г.

²⁹ Там же, л. 145. Запись беседы Лубеньского с румынским послом Франасовичи 18 января 1939 г.

как Чиано постарается добиться того же от Югославии³⁰. Однако со стороны Германии таких предложений не последовало³¹. В отношении Чехословакии у нее существовали другие намерения. В Варшаве Риббентроп хотя и затронул этот сюжет в беседе с Беком³², однако, поскольку отношения с Польшей определялись уже строившимися в Германии планами нападения на нее, постольку в дальнейшем германская дипломатия к нему не возвращалась. Для Польши же принятие такого предложения автоматически влекло бы за собой принятие всех других германских домогательств, и она не рассматривала этот вопрос как актуальную проблему своей внешней политики.

По-инициативе дело с Югославией дипломатия предложила Италии выступить инициатором постановки перед Югославией этого вопроса. В самый канун отъезда Чиано в Югославию его посетил германский посол Макензен и от имени Риббентропа выдвинул предложение, чтобы тот обсудил эту проблему со Стоядиновичем³³. Характерно, что сам Чиано до того времени не собирался этого делать, полагая, что внутреннее положение правительства Стоядиновича не позволяет ему пойти на такой шаг. Но он взял на себя эту миссию.

Официально итальянская дипломатия представляла поездку Чиано в Югославию как имевшую главной целью привести к венгеро-югославскому сближению, о чем делались заверения в Будапеште и Берлине. Этот вопрос действительно подвергся обсуждению между Чиано и Стоядиновичем, но итоги его обсуждения оказались несколько неожиданными: вместо оказываемого на Югославию итальянской дипломатией давления сама приблизилась к точке зрения, что планируемый венгеро-югославский договор о дружбе должен был сопровождаться аналогичным договором между Венгрией и Румынией³⁴. После возвращения в Рим Чиано заверял венгерского посланника Виллани (как раньше в Белграде посланника Бешшенъи), что в Югославии наблюдаются большая готовность и желание к сближению с Венгрией, но формальное соглашение не может быть подписано из-за необходимости учитывать позицию Румынии. Он сообщил также, что Стоядинович готов посредничать в

³⁰ ЦГАОР, ф. 4459, оп. 28/2, ед. хр. 335, л. 43—44. Сообщение ТАСС из Праги 19 января 1939 г.

³¹ Das Abkommen von München 1938. Tschechoslowakische diplomatische Dokumente 1937—1939. Praha, 1968, Dok. N 287, S. 337—338.

³² Документы и материалы по истории советско-польских отношений, т. VII М., 1973, док. № 8, с. 29—30. Запись беседы Риббентропа с Беком 26 января 1939 г.

³³ ADAP, Serie D, Bd. IV, Dok. N 434, S. 487. Макензен (Рим) — в Берлин 18 января 1939 г.

³⁴ DIMK, t. III, N 256, 384—385 old. Бешшенъи (Белград) — в Будапешт 24 января 1939 г.

Бухаресте, если Венгрия откажется от притязаний к Румынии³⁵.

Венгерская дипломатия расценила югославскую позицию как желание Стоядиновича проводить в треугольнике Венгрия — Югославия — Румыния политику, направленную на создание блока этих стран, и Чаки поспешил заверить Берлин, что он против такого плана без участия Германии и Италии³⁶. Однако венгерский министр иностранных дел либо действительно не понял, либо сделал вид, будто не догадался, что на деле за Югославией в этом вопросе стояла Италия, желавшая добиться осуществления своих планов в Дунайском бассейне югославскими руками. Итальянские замыслы довольно прозрачно просвечивали в сообщении Чиано германскому послу в Риме о результатах своего визита в Югославию. Чиано высказал мнение, что соглашение между Будапештом и Бухарестом было бы желательно для стран «оси». Румыния, сказал он, представляет для этих стран по различным причинам важный фактор, и в их интересах было бы добиваться ее постепенного сближения с ними³⁷.

В Берлине без труда разгадали замысел Италии. В Рим последовал уклончивый ответ, в котором выражалось согласие с тем, что постепенное сближение с Румынией в интересах «оси», но выдвигались две оговорки: во-первых, вначале следует выждать развития неустойчивого внутреннего положения в самой Румынии, а во-вторых, указывалось на существующую якобы неясность относительно того, к каким формам соглашения с Румынией стремится сама Венгрия³⁸. Если первая оговорка сулила по меньшей мере серьезную оттяжку решения проблемы, то вторая показывала средство, на которое германская дипломатия возлагала надежды в деле краха итальянских планов. Подобно тому как итальянская сторона хотела осуществить свои замыслы при посредничестве Югославии, скрываясь за ее спиной, германская сторона рассчитывала сорвать их венгерскими руками.

При обсуждении вопроса о присоединении Югославии к Антикоминтерновскому пакту Чиано не проявил большой настойчивости, полагая, что его решение в тех условиях пошло бы больше на пользу Германии. Согласно версии Чиано, и Стояди-

³⁵ DIMK, t. III, N 259, 386—387 old. Виллани (Рим)—в Будапешт 25 января 1939 г.

³⁶ Там же, док. № 260, с. 387—388. Чаки—венгерской миссии в Берлине 25 января 1939 г.; ADAP, Serie D, Bd. V, Dok. N 277, S. 313—314. Запись беседы Верманна с венгерским поверенным в делах 27 января 1939 г.

³⁷ ADAP, Serie D, Bd. IV, Dok. N 441, S. 494. Макензен (Рим)—в Берлин 25 января 1939 г.

³⁸ Там же, док. № 443, с. 495. Вайцеккер—германскому посольству в Риме 28 января 1939 г.

нович, и принц-регент Павел отнеслись к этому предложению в принципе положительно. Стоядинович полагал, однако, что время для такого шага еще не пришло³⁹. Еще более уклончивую позицию он занял по «связанному с этим вопросу о выходе из Лиги Наций, говоря о необходимости постепенного и не бросающегося в глаза отхода от нее»⁴⁰.

В целом германская дипломатия расценила югославскую позицию как нежелание присоединиться к Антиконтинентальному пакту. Этот вывод подтвердил и Андрич в беседе с венгерским посланником в Белграде: Югославия учитывает последствия, вытекающие из существования «оси» Берлин — Рим, сказал он, но она не склонна отказываться от своей свободы и формально⁴¹. Югославия могла позволить себе такое проявление «независимости», учитывая борьбу, которая велась за влияние на нее между Германией и Италией. Для дипломатических кругов в Европе того времени это было «секретом Полишинеля» и часто выплывало даже на страницы прессы⁴².

Центральным моментом переговоров Чиано в Югославии было обсуждение предложения о разделе Албании, что и итальянская, и югославская стороны постарались скрыть от Германии. В беседе со Стоядиновичем Чиано рисовал ему возможные выгоды, которые получит Югославия от такого предприятия. Помимо демилитаризованной границы с Албанией, территориальных приобретений и ликвидации «албанского национального центра, который непрерывно разжигает волнения в Косово», он обращал внимание на следующее. Во-первых, после захвата Албании между Югославией и Италией может быть заключен военный союз, «который в тот момент станет возможным и оправданным в отношении Германии тем фактом, что мы (т. е. Италия.— В. В.) тоже станем балканской державой»⁴³.

³⁹ ADAP, Serie D, Bd. IV, Dok. N 440, s. 493—494. Макензен (Рим) — в Берлин 25 января 1939 г.

⁴⁰ DIMK, t. III, N 262, 389—390 old. Венгерская миссия в Берлине — в Будапешт 25 января 1939 г. об обмене информацией с Верманном о переговорах Чиано в Белграде.

⁴¹ Там же, док. № 264, с. 392—394. Бешшенъей (Белград) — в Будапешт 26 января 1939 г.

⁴² Так, в январском номере за 1939 г. английского журнала «Экономист» в статье, обсуждавшей проблемы Дунайского бассейна, говорилось: «Длительное сотрудничество Италии с Германией обусловлено воздержанием Германии от агрессии в сторону Адриатического моря. Поскольку это необходимое условие должно соблюдаться, постольку Югославия должна быть буферным государством» (подчеркнуто мною.— В. В.)— ЦГАОР, ф. 4459, оп. 28/2, ед. хр. 335, л. 50—55. Сообщение ТАСС из Лондона 25 января 1939 г.

⁴³ *Ciano G. L'Europa verso la catastrofe*. Verona, 1948, p. 405—412. Запись Чиано о беседах со Стоядиновичем 19—23 января 1939 г. Частичный перевод на русский язык см.: «СССР в борьбе за мир...», док. № 99, с. 167—169.

Предложение военного союза было весьма важным пунктом в общем итальянском плане относительно Балкан. И, судя по записи Чиано, Италия планировала его заключение вне рамок «оси» Берлин — Рим и без подключения к нему Германии. Во-вторых, в качестве компенсации Югославии Чиано высказывал «обещание итальянской поддержки в тот день, когда Югославия решит обеспечить себе выход в Средиземное море путем занятия Салоник»⁴⁴, т. е. подталкивал ее к агрессии против Греции, что должно было полностью опрокинуть Балканскую Антанту, членами которой обе они являлись.

Обсуждение внешнеполитических аспектов ликвидации Албании сосредоточилось на рассмотрении возможной реакции великих держав, что вызывало у Стоядиновича озабоченность. Однако «в конце концов он признал, что если Германия не выдвинет возражений... то операция окажется сравнительно легкой». Все прочие детали обе стороны решили уточнить позднее через доверенных лиц. Этим планам Чиано придавал огромное значение. «Основное для нас,— полагал он,— является окончательное занятие прежде всего стратегической позиции на Балканском полуострове»⁴⁵.

На итало-югославские переговоры и последующие события наложили отпечаток два обстоятельства. Первое заключалось в том, что переговоры шли на фоне обострения внутривнутриполитического положения Югославии, скрытого кризиса верхов и подготовки к смене правительства Стоядиновича, тайком проводившейся принцем Павлом. Второе вытекало из того, что дни пребывания Чиано в Югославии (19—23 января 1939 г.) совпали с началом военной тревоги в Лондоне и Париже, связанной с выявившейся угрозой западным державам со стороны стран «оси». Оба обстоятельства превратили на время Белград в важный центр политических интриг на континенте и место противоборства между западными державами и фашистской «осью», а также самих партнеров по «оси».

Постановка итальянской дипломатией вопроса об Албании обнаружила глубокий раскол в югославских правящих кругах относительно дальнейшей внешнеполитической ориентации страны и его неразрывную связь с внутривнутриполитическим положением. Действия Стоядиновича и его положительная реакция на итальянские предложения показывали готовность возглавлявшейся им группировки продолжать курс на сближение с «осью» и попытаться укрепить пошатнувшееся внутривнутриполитическое положение правительства за счет внешнеполитических авантур, а внутри страны опереться на великосербские элементы с

⁴⁴ *Ciano G. L'Europa verso la catastrofe*, p. 405—412.

⁴⁵ Там же.

перспективой усиления авторитарных форм правления, фашизации общественной жизни и подавления национального движения хорватского и других народов Югославии. Другая часть правящих кругов, интересы которых представлял принц Павел, хотела избежать односторонней ориентации на «ось» Берлин — Рим и, не противопоставляя ей Югославию, поддерживать тесные связи с западными державами, а в области внутренней политики — попытаться достичь компромиссного решения хорватского вопроса при сохранении основ авторитарного режима в стране.

Получив от югославского посланника в Риме Б. Христича сообщение о предложениях, которые Чиано намеревался сделать в Югославии, Павел поделился с английским посланником Кэмпбеллом своими подозрениями о существовании обширного итальянского плана в отношении Балкан, который охватывал также Болгарию и включал вопрос о болгарском выходе в Эгейское море. Павел сразу же обсудил возникшие у него подозрения со Стоядиновичем, однако тот нашел итальянский проект «привлекательным». «Вы, должно быть, с ума сошли», — ответил ему Павел, передавший содержание разговора Кэмпбеллу. Павел опасался, что, если Болгария получит выход к Эгейскому морю, Италия сможет снабжать ее оружием непосредственно, морским путем. Сообщая о беседе с принцем Павлом, Кэмпбелл писал: «Он раскрыл географическую карту и показал мне, что Югославия была бы зажата в клещи между Болгарией и Италией, а в случае одновременного захвата итальянцами Албании оказалась бы географически и стратегически полностью изолированной». Павел предупредил его, что такие проекты грозят опрокинуть Балканскую Антанту, а в случае ее распада у Югославии не будет иного выхода, кроме как «броситься в объятия Германии»⁴⁶. Кэмпбелл постарался разуверить Павла в возникших у того подозрениях, будто Англия поддерживает стремление Болгарии получить выход к Эгейскому морю.

В беседе 21 января с Кэмпбеллом принц Павел подтвердил свое намерение отстранить Стоядиновича от власти, а также подчеркнул необходимость хранить в строжайшей тайне как его сообщение о предложениях Чиано, так и его внутривнутриполитические планы⁴⁷. Сам Павел в беседе с Чиано по поводу раздела Албании заметил только, что «у нас уже столько албанцев в пределах наших границ и они доставляют нам столько беспокойства, что я не чувствую никакого желания увеличивать их

⁴⁶ Бибер Д. Краљевина Југославија на раскршћу 1939 године, вып. 41.— Политика, 9.X 1971.

⁴⁷ Бибер Д. Краљевина Југославија..., вып. 42.— Политика, 10.X 1971.

число»⁴⁸. Чиано расценил этот ответ как благоприятный для итальянских целей, поскольку он показывал незаинтересованность Югославии в получении албанской территории и, следовательно, югославская сторона не будет выдвигать чрезмерных претензий⁴⁹.

В свою очередь Стоядинович расценил предложения Чиано как показатель наличия у Италии плана, выходящего далеко за пределы одной Албании. Через день после отъезда Чиано из Югославии Стоядинович приступил к зондированию позиций Турции и Греции по вопросу о предоставлении Болгарии выхода к Эгейскому морю. 25 января он в беседе с греческим посланником в Белграде Р. Бибика-Розетти упомянул о существовавших якобы известиях, будто Англия и Турция намерены оказать помощь Болгарии в получении выхода в Эгейское море. Греческий дипломат решительно опроверг такие слухи. Он сообщил, что его правительство запрашивало Лондон по этому поводу и английское правительство подтвердило их полную беспочвенность. Что касается Турции, заметил он, то она, пожалуй, заинтересована в еще большей мере, чем сама Греция, в том, чтобы не допустить Болгарию к Эгейскому морю. «Это не только греческий, но скорее турецко-греческий вопрос»⁵⁰. Турецкий же посол Хайдар в тот же день высказал свое мнение по тем же вопросам в гораздо более резкой и твердой форме: «Мы с оружием в руках воспротивимся таким стремлениям. У Турции нет другой цели, кроме сохранения территориального статус-кво. Наш союз с Грецией обязывает нас всеми силами оказать сопротивление болгарскому желанию получить выход к (Эгейскому.— В. В.) морю»⁵¹.

Мы не располагаем сведениями, сообщил ли Стоядинович об этом болгарскому правительству и был ли упомянутый выше зондаж произведен им по согласованию с болгарской дипломатией или по собственной инициативе. Однако время проведения этого зондирования указывало на его прямую связь с визитом Чиано и развивавшимися им планами, относительно которых у югославского правительства существовали не просто подозрения, но и значительная доля уверенности, что они распространяются на весь Балканский полуостров.

Сказанное выше дает основание для попытки реконструировать в целом весь итальянский план создания блока в Юго-

⁴⁸ *Ciano G. L'Europa verso la catastrofe*, p. 411. Запись Чиано о переговорах в Югославии 19—23 января 1939 г.

⁴⁹ *Смирнова Н. Д.* Балканская политика фашистской Италии..., с. 85.

⁵⁰ Архив Югославије, фонд М. Стоядиновића, F-37. Рукописные заметки Стоядиновича о беседе с Бибика-Розетти 25 января 1939 г.

⁵¹ Там же. Рукописные заметки Стоядиновича о беседе с турецким послом А. Хайдар Актаем 25 января 1939 г.

Восточной Европе в конце 1938— начале 1939 г. Этот блок должен был представлять собой не единое целое, а состоять из двух групп стран: «треугольника» Венгрия — Югославия — Румыния и системы Югославия — Болгария — Албания, причем эта система должна была быть скреплена итальянской военной оккупацией Албании, что превращало последнюю в стратегический плацдарм Италии на Балканах и делало бы ее залогом устойчивости и прочности итальянского влияния на балканские страны. Привлечь Югославию и Болгарию в итальянскую сферу влияния предполагалось обещанием территориальных приобретений за счет Греции. Такой план включал в себя замысел полностью развалить Балканскую Антанту. Согласие же Румынии на него предполагалось, вероятно, получить путем заверений в неизменности ее границ с Венгрией и Болгарией, последняя из которых подталкивалась к экспансии на юг. Отсюда вытекало внимание к Румынии и усилия достигнуть известного соглашения между нею и Венгрией.

Реализация итальянского замысла всецело зависела от позиции Югославии, без которой он был неосуществим в обеих его частях. Поэтому ей уделялось особое внимание и планировалось даже заключение военного союза между Италией и Югославией независимо от Германии. Такой союз не только скрепил бы обе внешнеполитические конструкции в единый блок, но и позволял бы Италии осуществлять над ним контроль, степень которого была бы различной в двух его составных частях. В «треугольнике» Югославия — Венгрия — Румыния итальянской дипломатии приходилось бы считаться с необходимостью делить влияние с Германией, предоставляя ей преимущественное влияние на Венгрию и, возможно, Румынию, тогда как система в составе Югославия — Болгария — Албания попадала бы в сферу исключительно итальянского влияния.

Итальянский план неминуемо влек за собой серьезную перекройку политической карты Балкан, а в военно-стратегическом аспекте создавал угрозу позициям западных держав в наиболее важном и уязвимом для них пункте. Не удивительно, что английская дипломатия забила тревогу. О степени ее нервозности свидетельствует тот факт, что сведения об итальянских замыслах, которые Павел умолял сохранять в глубочайшей тайне, были сообщены Форин оффисом английским представителям в Риме, Афинах и Дурресе, хотя им и было предписано немедленно уничтожить полученные шифровки сразу же по ознакомлении с их содержанием⁵².

Был приведен в действие весь аппарат английской дипломатии и секретных служб. Английский посланник в Белграде под-

⁵² Бибер Д. Краљевина Југославија..., вып. 42.— Политика, 10.X 1971.

держивал постоянные контакты с принцем-регентом Павлом, готовившим устранение правительства Стоядиновича. Одновременно были установлены контакты с царем Борисом⁵³. Были предприняты также попытки воздействовать на общественное мнение Турции и Греции путем опубликования в английской печати во второй половине января карты итальянской империи, которая якобы висела в кабинете Муссолини и на которой значительные территории Турции и Греции были отмечены как входящие в состав этой «новой римской империи». Эта карта была перепечатана турецкой и греческой прессой, вызвав серьезную антиитальянскую реакцию среди общественности двух стран⁵⁴.

Не собиравшись содействовать реализации итальянских замыслов и германская дипломатия. Хотя в циркуляре германского МИД повторялись сведения, сообщенные Чиано германскому послу Макензену в Риме и Стоядиновичем посланнику Герену в Белграде, и подчеркнуто выражалось удовлетворение, что переговоры Чиано в Югославии проходили на почве «оси» Рим — Берлин⁵⁵, действительная цена солидарности партнеров по «оси» была невелика.

Германская дипломатия старалась повернуть итальянскую активность в Юго-Восточной Европе себе на пользу. Так, она сумела придать вопросу о присоединении малых европейских государств к Анतिकоминтерновскому пакту такую форму, что фактически заставила Италию выступать в роли их загонщика в лагерь «оси», где они сразу же и неминуемо попадали под влияние Германии в силу ее политического, экономического и военного преобладания в этом блоке. Сама же она старалась оставаться пока в стороне от разрешения конфликтов между странами Дунайского бассейна и Балканского полуострова, поскольку их сохранение открывало ей возможность для широкого маневрирования и нажима на них в зависимости от обстановки и конкретных целей германской политики на том или ином этапе.

Однако итальянские проекты, в частности ясно выплывший на поверхность замысел создания «треугольника» Венгрия — Югославия — Румыния, заставили германскую дипломатию насторожиться и принять некоторые превентивные меры. Она приняла к сведению заверения венгерского правительства об отсутствии у него желания вступать в подобную комбинацию, но не ограничилась этим. Сразу же после визита Чиано в Юго-

⁵³ *Courcy Kenneth de. Review of World Affairs, v. I. London, 1941, p. 57.*

⁵⁴ *Живкова Л. Англо-турските отношения. 1933—1939. София, 1971, с. 134.*

⁵⁵ AA (Bonn), Pol. Abt. IV, Po 5 Jugoslawien, Bd. 2, Pol IV 524/39. Циркуляр германского МИД о переговорах Чиано в Югославии от 27 января 1939 г.

славию в германской прессе стихла антирумынская кампания, а вскоре германский посланник вернулся на свой пост в Бухаресте. С внешней стороны такие действия могли быть расценены как учет итальянских пожеланий улучшить отношения с Румынией. На деле же они временно ослабили напряженность в венгеро-румынских отношениях, а вместе с тем и заинтересованность Румынии в срочном достижении более тесного взаимопонимания с Италией. Все факты внешнеполитического курса Румынии зимой 1938/39 г. указывали на правильность такого расчета.

Сознательно вызванная Германией напряженность в отношениях с Румынией обнаружила у последней большую податливость к германским домогательствам. Румынская дипломатия заметалась в поисках путей урегулирования отношений с Венгрией. После решения Венгрии о присоединении к Антикоминтерновскому пакту и получения известий о предстоящем визите Чиано в Белград у нее возникли серьезные опасения оказаться в положении, когда Германия станет арбитром в отношениях между ней и Венгрией. Поэтому встреча 10—11 января 1939 г. принца Павла и короля Кароля «на охоте» в Румынии имела целью, во-первых, создание единого румыно-югославского фронта против притязаний Венгрии и Болгарии, а во-вторых, сближение с Италией при югославском посредничестве⁵⁶. Король Кароль выдвинул даже предложение заключить между Югославией и Румынией военный союз и объявить о нем до начала визита Чиано в Белград, сообщил принц Павел английскому посланнику Кэмпбеллу, добавив, что он отклонил это предложение⁵⁷. Трудно определить, в какой степени румынская сторона сама серьезно отнеслась к нему. Во всяком случае комментариисты прессы указывали на готовность в этот момент Румынии пойти на создание «треугольника» Венгрия — Югославия — Румыния под итальянской эгидой и при югославском посредничестве⁵⁸. Предпосылкой же являлось урегулирование румыно-венгерских отношений, к чему были направлены основные усилия румынской внешней политики.

Неожиданное возвращение в Бухарест германского посланника Фабрициуса было встречено румынским правительством с огромным облегчением как признак окончания периода политической напряженности между двумя странами. В тот же день, 30 января 1939 г., сразу же по прибытии Фабрициуса в Бухарест, Гафенку пригласил его к себе. Описывая эту встречу, Фабрициус сообщал, что Гафенку почти что обнял его, говорил об

⁵⁶ AMZV, Telegramy došlé, č. 23/1939. Веверка (Бухарест) — в Прагу 12 января 1939 г.

⁵⁷ Бибер Д. Краљевина Југославија..., вып. 41.

⁵⁸ DZA (Potsdam), AA, Nachrichten- und Presseabteilung, N 58362.

огромном облегчении, которое принесло ему возвращение посланника, и заверял в искренности желаний короля Кароля и румынского правительства сотрудничать с Германией. Нацистский дипломат вновь повторил ставшие уже стереотипными германские претензии к румынскому правительству: гонения на «Железную гвардию», «еврейское засилье», вопрос об одном из руководителей немецкого национального меньшинства — Конради, против которого румынские власти якобы плели интриги, и т. д. Однако он закончил «примирительной» нотой, сказав, что положительное решение указанных им вопросов было бы шагом вперед к взаимному сближению двух стран и инициатива должна исходить от Румынии⁵⁹. Короче говоря, германская дипломатия собиралась теперь пожать плоды пропагандистского и политического нажима на Румынию.

Намерения Германии были ясны румынской дипломатии. Настроения Гафенку, собиравшегося посетить Белград, проявились в его беседе с польским послом Р. Рачиньским, которого он принял сразу же после германского посланника. Гафенку откровенно говорил о том, что Берлин повел против румынского двора и правительства «своего рода шантаж, требуя ряда экономических и политических уступок, за которые он в нормальных условиях заплатил бы дороже»⁶⁰. Гафенку понимал, что основной козырь — венгерские притязания к Румынии — Германия пока что держала про запас. Он намеревался превентивными действиями ослабить действенность этого средства нажима. И поэтому, «отправляясь в Белград, он хочет искать помощи и поддержки своим намерениям в направлении нормализации отношений с Венгрией»⁶¹. Откровенные высказывания румынского министра иностранных дел в беседе с польским послом свидетельствовали также и о том, что Гафенку хотел бы также использовать и посредничество Польши. Польский дипломат отметил также, что Гафенку явно нервничал, ожидая речи Гитлера, которую тот должен был произнести вечером того же дня⁶².

Однако к удовольствию наблюдателей как в западных странах, так и в балканских государствах речь Гитлера 30 января была выдержана в «умеренных» тонах. Говоря о балканском регионе, Гитлер специально выделил Югославию, подчеркнув тем самым особое значение этой страны в нацистских планах.

⁵⁹ ADAP, Serie D, Bd. V, Dok. N 280, S. 379—381. Фабрициус (Бухарест)—Риббентропу 2 февраля 1939 г.; док. № 281, с. 381. Фабрициус — Верману 3 февраля 1939 г.

⁶⁰ ИДА, ф. 15, оп. 1, ед. хр. 190. л. 72—74. Рачиньский (Бухарест) — в Варшаву 31 января 1939 г.

⁶¹ Там же.

⁶² Там же.

В его речи нашло отражение стремление к созданию сферы германского влияния на Балканах и в Дунайском бассейне, прикрытое обычными словами об экономической заинтересованности.

Румынские правящие круги отметили для себя, что Гитлер не коснулся напряженных отношений с Румынией и что она была упомянута в таком контексте, который подчеркивал германское желание сотрудничества, особенно в экономической области. В целом они расценили эту речь, наряду с одновременным возвращением германского посланника в Бухарест, как окончание «кризиса» в германо-румынских отношениях⁶³. Такой вывод вносил существенные коррективы в замыслы, связанные с предстоящим визитом Гафенку в Белград, поскольку создавал впечатление, что у Румынии еще есть время для решения ее внешнеполитических проблем.

Во время визита в Белград, состоявшегося 1—2 февраля 1939 г., Гафенку имел две продолжительные встречи со Стоядиновичем, а также был принят принцем-регентом Павлом⁶⁴. Обе стороны достигли соглашения о координации их политики в отношении Венгрии и необходимости параллельных действий. Они установили полную идентичность их позиций по отношению к Германии⁶⁵. Было зафиксировано совпадение взглядов Югославии и Румынии на общеевропейское положение, равно как и схожесть их интересов. Помимо прочего подчеркивалось значение династических связей в дружественных и союзных отношениях двух стран. Обсуждение отношений с другими дунайскими и балканскими государствами привело обе стороны к решению следовать примирительной политике с тем, чтобы укрепить и улучшить отношения со всеми соседними государствами. Этот момент нашел отражение и в официальном коммюнике, изданном в связи с визитом Гафенку в Белград⁶⁶.

Однако достигнутая договоренность и наметившееся сближение Югославии и Румынии, гравитировавших в новом силовом поле в Европе в сторону фашистской «оси», не стали основой для совместных действий двух государств ни по отношению к своим соседям, ни по отношению к великим державам. На дальнейшую линию их внешней политики повлияли и усиле-

⁶³ Hillgruber A. Hitler, König Carol und Marschal Antonescu. Wiesbaden, 1954, S. 30.

⁶⁴ AMZV. Vyslanectví v Bělehradě, PZ, č. j. 104/dův., г. 1939, z. b. č. 3. Я. Липа (Белград) — в Прагу 3 февраля 1939 г.

⁶⁵ ADAP, Serie D, Bd. V, Dok. N 286, S. 321—322. Фабрициус (Бухарест) — в Берлин 7 февраля 1939 г.

⁶⁶ Архив Југославије, ф. М. Стојадиновића, F-37, Текст официјалног комјунуике о переговорах Стојадиновића с Гафенку 1—2 фебруара 1939 г. в Белграде.

ние внутриполитической борьбы, которая в Югославии привела к смене правительства, и другие факторы. Оказалось, что задача создания профашистского блока на Балканах представляла собой проблему, труднорешимую для держав «оси», тем более что ее решение отягощалось их взаимным соперничеством.

В целом германские планы не представляли секрета ни для западных держав, ни для самих балканских стран. Коснувшись их в беседе с американским послом У. Буллитом 30 января 1939 г., французский министр иностранных дел Бонне высказал мнение, что Германия намерена в ближайшее время поставить под свой полный контроль Венгрию и Румынию⁶⁷. Однако на этом пути Германии противостояли многочисленные трудности. Излагая мнение английского «наблюдателя» на Балканах, «редакторский комитет» группы имперской политики писал в своем меморандуме за январь 1939 г.: «Не следует полагать, будто германский путь будет легким. На бумаге ее позиция представляется значительно лучшей, чем она есть на деле»⁶⁸. Такая точка зрения вытекала из анализа сложного переплетения противоречий балканских государств и несовместимых интересов их правящих кругов, что затрудняло действия как стран «оси», так и западных держав.

2. Усиление внутриполитической борьбы в балканских странах в связи с обострением международной обстановки и проблемой дальнейшей внешнеполитической ориентации

В начале 1939 г., по наблюдению английской разведывательной службы, по Балканам пробежал «легкий ветерок» сопротивления германским планам полного подчинения расположенных здесь государств.

Наиболее важным, но не единственным событием этого рода явилась смена правительства в Югославии и отстранение от власти М. Стоядиновича⁶⁹. Давно уже назревавший там скрытый внутриполитический кризис был ускорен международными событиями. После визита Чиано в Белград в правящей верхушке Югославии по вопросу итальянского предложения о разделе Албании произошел раскол. Выявились отрицательное отноше-

⁶⁷ FRUS, 1939, v. 1, p. 7. Буллит (Париж) — в Вашингтон 30 января 1939 г.

⁶⁸ *Courcy Kenneth de*. Review of World Affairs, v. I, p. 19.

⁶⁹ Английский историк Х. Сетон-Уотсон, крупный знаток истории Юго-Восточной и Центральной Европы в межвоенный период, оценивая значение этого факта, считал его «первым важным событием в Юго-Восточной Европе» в течение года, прошедшего между мюнхенским соглашением и началом второй мировой войны (*Seton-Watson H. The East European Revolution*. London, 1950, p. 54).

ние к нему со стороны военных кругов (военный министр генерал М. Недич и начальник генерального штаба генерал Д. Симович)⁷⁰. Отрицательную позицию заняли также многие другие лица, среди которых находился принц-регент Павел, заместитель министра иностранных дел И. Андрич и ряд членов правительства. Параллельно за спиной премьер-министра шла тихая, скрытая политическая возня, о которой, как часто бывает в подобных случаях, сам Стоядинович не подозревал.

Заговор против Стоядиновича зрел в его собственном лагере. К началу февраля были созданы все условия для его успешного осуществления. В области внутренней политики решающее значение имело получение министром социальной политики Д. Цветковичем, вступившим в доверительный контакт с лидером Хорватской крестьянской партии В. Мачеком, сообщения из Загреба, что руководство ХКП одобряет сделанное ему предложение о создании комиссии по изучению условий будущего сербохорватского соглашения и готово после заключения такого соглашения принять участие в правительстве⁷¹. Обе стороны исходили при этом из предположения, что отстранение Стоядиновича от власти будет непременным условием начала переговоров.

В тот же день, 2 февраля 1939 г., английский министр иностранных дел Галифакс направил посланнику Кэмпбеллу в Белград письмо, содержание которого было немедленно доведено до сведения принца Павла. По поводу намерений отстранить Стоядиновича от власти Галифакс в осторожных выражениях дал понять, что вмешиваться в решение этого вопроса не будет, считая его внутренним делом. Нарочитая сдержанность в этом вопросе компенсировалась четкостью трактовки международных аспектов. Англия, сообщил Галифакс, не поддерживает ревизионистских требований Болгарии. Раздел Албании между Италией и Югославией противоречил бы соглашению Италии и Великобритании о сохранении статус-кво на Средиземном море. В письме выражалась надежда, что принц Павел не будет иметь ничего общего с такими действиями. Галифакс высказывал также убеждение, что Югославия сделает все от нее зависящее, чтобы не дать осуществиться итальянским и германским замыслам развалить Балканский пакт⁷². Осторожные формулировки английского послания не оставляли никаких сомнений в действительной позиции английского правительства.

⁷⁰ *Avramovski Z.* Pitanje podele Albanije u razgovorima Stojadinović — Čano januara 1939 i stav nekih diplomatskih i vojnih ličnosti.— *Godišnjak Pokrajinskog državnog arhiva (Priština)*, 1965, s. 151—155.

⁷¹ *Hoptner J. B.* Yugoslavia in crisis, 1934—1941, p. 132. Автор ссылается на письмо Д. Цветковича принцу Павлу от 2 февраля 1939 г.

⁷² *Бибер Д.* Краљевина Југославија..., вып. 42.

Дальнейшие события развивались со стремительной быстротой. Воспользовавшись как предлогом упоминанием хорватского вопроса в Скупшине, группа из пяти министров в ночь с 3 на 4 февраля вручила Стоядиновичу заявление об отставке, вызвав правительственный кризис⁷³. Когда утром 4 февраля Стоядинович в соответствии с установленной процедурой заявил принцу-регенту об отставке правительства, он был твердо убежден, что формирование нового кабинета будет поручено ему. Но эта задача была возложена на Д. Цветковича. В новый кабинет вошли практически те же лица, за исключением самого Стоядиновича и министра внутренних дел Ачимовича⁷⁴.

Отстранение Стоядиновича и образование нового правительства были полной неожиданностью для заграницы (за исключением Англии). Внутри страны это событие было встречено положительно. В Сербии его приветствовала буржуазная оппозиция, и уже вечером 4 февраля в Белграде ходили группы демонстрантов, выкрикивавших «Долой Стоядиновича» и требовавших достижения соглашения с хорватами, причем полиция не выступала против них⁷⁵. В Хорватии наряду с чувством известного облегчения это событие вызвало настроения ожидания скорого решения хорватского вопроса. В Словении в буржуазных кругах значительно возросла популярность Корошеца, одного из главных действующих лиц политического переворота⁷⁶.

Попытки Стоядиновича предпринять некоторые политические действия в свою защиту окончились неудачей. Так, например, на его предложение созвать 5 февраля в скупшине фракцию депутатов правительственной партии с целью информирования их о положении вещей откликнулось менее одной трети депутатов и сенаторов. В те дни особенно проявилась непопулярность руководимого им правительства и всей его политики.

Успех верхушечного заговора объяснялся отсутствием у Стоядиновича социальной опоры в стране. В то же время чрезвычайно узкий круг посвященных в заговор лиц, строжайшее соблюдение секретности и даже перенесение решительных действий с пятницы на субботу, что напоминало нацистскую манеру действий «в конце недели», — все это позволило сохранить организационную сторону заговора в тайне. Больше всего заговорщики опасались неблагоприятной реакции со стороны фашистских держав — Германии и Италии, у которых Стоядинович

⁷³ *Stojadinović M.* Ni rat, ni pakt. Buenos Aires, 1963, s. 576.

⁷⁴ *Čulinović F.* Jugoslavija između dva rata, t. II. Zagreb, 1961, s. 308.

⁷⁵ AMZV, Vyslanectví v Bělehradě, PZ, č. j. 119/dův., г. 1939, z. b. č. 4. Я. Липа (Белград) — в Прагу 5 февраля 1939 г.

⁷⁶ Там же, ч. j. 179/dův., г. 1939, z. b. č. 10. Я. Липа (Белград) — в Прагу 25 февраля 1939 г.

пользовался доверием. Но противоречия и взаимная подозрительность Германии и Италии в балканских делах не поставили Югославию перед их общим фронтом.

Однако фашистская Италия испытывала глубокое разочарование. Вместе с падением Стоядиновича рушились все ее дипломатические конструкции, и в частности надежды на создание «треугольника» Югославия — Венгрия — Румыния. Планы совместной итало-югославской интервенции в Албании также стали нереальными.

Чувства итальянских фашистов выразил Чиано, записав в своем дневнике 7 февраля 1939 г.: «С уходом Стоядиновича югославская карта теряет для нас 90% своего значения. Поскольку дело будет завершено не с Югославией, а без нее и, возможно, против нее, мы не должны дать ей времени усилить контакты с Францией и Англией в политической, дипломатической и военной областях»⁷⁷. В этот же день было принято окончательное решение совершить нападение на Албанию в период с 1 по 9 апреля 1939 г.⁷⁸

Югославские правящие круги стремились не допустить враждебной реакции итальянских фашистов. Они приложили немало усилий, чтобы заверить их в неизменности югославской политики. «Регент,— записал Чиано в своем дневнике,— чрезвычайно старается оправдать себя в наших глазах за отстранение Стоядиновича. Во всяком случае его заверения в продолжении хороших отношений с осью обильны и такого рода, что мы не можем игнорировать их»⁷⁹. В целом югославской дипломатии удалось «смягчить итальянскую реакцию. Поэтому Италия воздержалась от официальных шагов и заняла выжидательную позицию.

Отставка Стоядиновича не менее глубокое беспокойство породила и в нацистской верхушке. Причины отставки Стоядиновича «чисто внутривосточные», телеграфировал Герен в Берлин 6 февраля⁸⁰. В подробном донесении от 8 февраля он писал, что отстранение Стоядиновича от власти произошло «в старых белградских заговорщических традициях». На поверхности событий действовал Д. Цветкович, а в действительности нити заговора находились в руках у Корошеца. Далее следовали успокоительные заявления: внешняя политика Югославии впредь в еще большей степени, чем раньше, будет находиться в руках принца-регента, что является для Германии «известной гарантией от неприятных неожиданностей». Серьезного ущерба

⁷⁷ The Ciano's Diaries, 1939—1943. New York, 1946, p. 24.

⁷⁸ Там же.

⁷⁹ Там же, с. 30.

⁸⁰ AA (Wonn), Pol. Abt. IV, Po 5 Jugoslawien, Bd. 2, Bl. 186—187, Pol IV 745. Герен (Белград) — в Берлин 6 февраля 1939 г.

германским интересам ныне ожидать не приходится, заканчивал свое донесение Герен⁸¹.

Другое сообщение принадлежит штурмбанфюреру СС Э. Веезенмайеру, посланному со специальной миссией в Белград. Однако в нем лишь подтверждались основные выводы посланника: отмечалась полная неожиданность правительственного кризиса, ведущая роль Корошеца в подготовке смены правительства и содержалось утверждение, что в Белграде «полностью поглощены личными и чисто внутренними вопросами». Как и Герен, Веезенмайер не ожидал перемены внешнеполитического курса Югославии, подчеркивая лишь, что в сложившейся ситуации помимо прочего возрастает значение ее экономических связей с Германией⁸².

Донесение агента «Разведывательного комитета Гамбург — Бремен» не добавляло практически ничего нового к сообщениям Герена и Веезенмайера и было выдержано в том же духе⁸³. Подозрительное единодушие всех трех германских экспертов проистекало скорее всего из типичной для тоталитарного фашистского государства попытки принизить значение собственного промаха, выразившегося в неспособности своевременно проникнуть за кулисы готовившегося заговора. Все это побуждало преуменьшить значение событий, а тем самым и свою долю ответственности.

Любопытной чертой всех указанных сообщений, также свидетельствующей о согласованности действий их авторов, явилось отсутствие в них каких-либо упоминаний о повсеместно циркулировавших как в Белграде, так и в других балканских столицах слухах о причастности Великобритании к падению Стоядиновича. Лишь в сообщении Веезенмайера вскользь упоминается о таких слухах. Между тем донесения дипломатических представителей других стран наполнены ими. О них, например, подробно сообщал из Белграда чехословацкий посланник Я. Липа, ссылавшийся на «очень хорошо информированный и серьезный источник» и ставивший это событие в связь с визитом герцогини Кентской в Югославию, прибывшей якобы с особой миссией к принцу-регенту Павлу⁸⁴. Такие слухи, разумеется, не могли пройти мимо германской дипломатии и разведки. Однако в германских документах внимание на них не фиксируется.

⁸¹ Там же, Вл. 201—204, Pol IV 857. Герен — в Берлин 8 февраля 1939 г.

⁸² Там же, Вл. 195—198, Pol IV 853/39. «Сообщение о Югославии» Веезенмайера от 7 февраля 1939 г.

⁸³ Там же, Вл. 220—224, Pol IV 993/39. Агентурное сообщение о падении правительства Стоядиновича от 10 февраля 1939 г.

⁸⁴ AMZV. Vyslanectví v Bělehradě, PZ, č. j. 119/dův., г. 1939, z. b. č. 4. Я. Липа (Белград) — в Прагу 5 февраля 1939 г.

Между тем внешнеполитические мотивы отстранения Стоядиновича от власти были очевидны. Несколько позднее, когда вызванный этим событием ажиотаж несколько улегся, а внимание переключилось на другие объекты, сам принц Павел в беседах с рядом политических и общественных деятелей (И. Йованович, М. Трифунович, И. Мештрович и др.) прямо указывал на то, что внешнеполитические причины сыграли главную роль в его отстранении⁸⁵. Таково же было и убеждение ведущих югославских политических деятелей того времени — как из правительственного лагеря, так и из оппозиции. Много позднее, уже после войны, лидер ХКП В. Мачек писал в своих мемуарах, что причиной неожиданной отставки Стоядиновича был не хорватский вопрос и не внутренние дела вообще, а «исключительно его внешняя политика»⁸⁶.

Смена правительства в Югославии и отстранение Стоядиновича от власти были расценены во всех балканских странах как событие первостепенной важности. Обширный материал об откликах в балканских странах на падение правительства Стоядиновича содержится в архиве нацистского МИД. Так, 6 февраля германский посланник в Софии Рюмелин доносил в Берлин, что, по мнению болгарского премьера Кьосеиванова, новое правительство не удержится долго у власти. Во внутриполитическом плане Югославию ожидают тяжелые времена, а в области внешней политики ей явно будет не хватать Стоядиновича. Переориентация югославской внешней политики на западные державы исключена, считал Кьосеиванов⁸⁷. Было совершенно очевидно, что отстранение Стоядиновича от власти расценивалось Кьосеивановым как удар по его собственным внешнеполитическим планам.

Для правящих кругов Румынии отстранение Стоядиновича было также неожиданным. Румынский министр иностранных дел Гафенку, как сообщал Фабрициус, был явно озадачен этими событиями и задавался вопросом, останется ли в силе договоренность, достигнутая им со Стоядиновичем и принцем Павлом, о параллельных действиях Румынии и Югославии по отношению к Венгрии⁸⁸.

В Анкаре падение Стоядиновича, по свидетельству германского поверенного в делах, устраняло возникшие в результате

⁸⁵ Подробный обзор высказываний принца Павла и других югославских политических деятелей о внутренних и внешнеполитических причинах отставки правительства Стоядиновича содержится в работе Л. Бобана (*Boban L. Spogazum Cvetković — Maček. Beograd, 1965. s. 80—89*).

⁸⁶ *Maček V. In the Struggle for Freedom. New York, 1957, p. 187, 202—203.*

⁸⁷ AA (Bonn), Pol. Abt. IV, Po 5 Jugoslawien, Bd. 2, Bl. 189, Pol IV 759/39. Рюмелин (София) — в Берлин 6 февраля 1939 г.

⁸⁸ ADAP, Scie D, Bd. V, Dok. N 286, S. 321—322. Фабрициус (Бухарест) — в Берлин 7 февраля 1939 г.

визита Чиано в Белград опасения Турции, что Югославия будет проводить проитальянский курс и потеряет интерес к Балканской Антанте. С другой стороны, за сменой правительства, как полагали, последует период серьезной внутривнутриполитической борьбы и снижения внешнеполитической активности Югославии, что рассматривалось турецкой прессой как «большое неудобство»⁸⁹.

В венгерских правящих кругах смена югославского правительства вызвала чувство известного злорадства. В венгерском МИД, как сообщало германское посольство из Будапешта, оценивали политику Стоядиновича как «кокетничание с «осью»⁹⁰. Такая оценка явно носила конкурентный характер и говорила о ревнивном отношении хортистских кругов к Югославии, которая пользовалась большим вниманием со стороны Берлина и Рима.

В свою очередь венгерская дипломатия внимательно следила за реакцией стран «оси» на события в Югославии. Венгерский посланник в Риме доносил о глубоком сожалении Чиано в связи с падением Стоядиновича. В отношении нового югославского правительства Чиано рекомендовал Венгрии занять весьма сдержанную позицию⁹¹.

По словам венгерского посланника в Берлине, там были поражены и разочарованы сменой правительства в Югославии и опасались усиления влияния на нее западных держав. В отношении нового правительства придерживались выжидательной позиции, хотя с личностью нового министра иностранных дел А. Цинцар-Марковича, занимавшего до последнего времени пост посланника в Берлине, связывались надежды на сохранение прежнего внешнеполитического курса⁹².

Югославская дипломатия со своей стороны стремилась всячески успокоить возникшие в Берлине опасения. По инструкциям из Белграда на прощальных приемах в Берлине Цинцар-Маркович заверял нацистских главарей в желании Югославии проводить прежний курс и клялся, что сам принц Павел является гарантом югославской политики дружбы с Германией и Италией. Он обещал даже Риббентропу рассмотреть вопрос о присоединении Югославии к Антикоминтерновскому пакту⁹³.

⁸⁹ AA (Bonn), Pol. Abt. IV, Po 3 Jugoslawien — Türkei, Bd. 48, Pol IV 856/39. Кроль (Анкара) — в Берлин 9 февраля 1939 г.

⁹⁰ AA (Bonn), Pol. Abt. IV, Po 5 Jugoslawien, Bd. 2, Bl. 210—211. Pol IV 885/39. Веркмайстер (Будапешт) — в Берлин 7 февраля 1939 г.

⁹¹ ДИМК, т. III, N 309, 448 old. Виллани (Рим) — в Будапешт 9 февраля 1939 г.

⁹² Там же, док. № 323, с. 467—468. Стояи (Берлин) — в Будапешт 16 февраля 1939 г.

⁹³ ADAP, Serie D, Bd. V, Dok. N 285, S. 321. Запись беседы Риббентропа с Цинцар-Марковичем 7 февраля 1939 г.

Цинцар-Маркович был принят также Гитлером, которого он нашел «спокойным»⁹⁴.

В высказываниях нового премьер-министра Д. Цветковича также сквозило стремление успокоить нацистскую Германию. 11 февраля он принял германского посланника и заверил его в своих дружественных чувствах по отношению к Германии и в неизменности югославской внешней политики⁹⁵. Прекрасным актером на дипломатической сцене показал себя и принц Павел, — без сомнения, главное действующее лицо в свержении Стоядиновича. Во время своей встречи с германским посланником Гереном он говорил о большом сожалении, с которым он вынужден был расстаться со Стоядиновичем. Единственная причина, заставившая его пойти на такой шаг, говорил Павел, это желание проложить «новые пути к консолидации страны»⁹⁶. Подобные высказывания должны были вызвать у нацистов убеждение в возможности дальнейшего сближения Югославии с «осью».

Параллельно с югославской стороны делались заверения в дружбе, адресованные западным державам. Так, 7 февраля 1939 г. начальник югославского генерального штаба генерал Д. Симович в беседе с английским военным атташе сказал, что в случае большой европейской войны симпатии югославской армии и большинства населения страны будут на стороне Англии и Франции. Конечно, Югославия постарается остаться как можно дольше нейтральной, но в конечном счете она выступит на стороне старых союзников. Это заявление он просил рассматривать как строго конфиденциальное⁹⁷. В свою очередь английское правительство откликнулось на просьбу принца Павла сдержать прессу от комментариев и не дать ей возможности трубить об отстранении Стоядиновича от власти как об ударе по планам «оси». Действительно, отклики в английской

⁹⁴ *Бибер Д.* Краљевина Југославија..., вып. 45.— Политика, 13.X 1971 г. «Спокойствие» фюрера было явно показным. На деле нацистские бонзы были раздражены отставкой Стоядиновича. О ней Гитлер упомянул в речи 6 апреля 1941 г., в день нападения Германии на Югославию, и об этом же говорилось в официальном германском заявлении (*Dokumente zum Konflikt mit Jugoslawien und Griechenland*. Berlin, 1941, S. 5). После оккупации Белграда летом 1941 г. была создана специальная комиссия, работавшая под немецким надзором, для выяснения обстоятельств отстранения Стоядиновича от власти (*Бибер Д.* Краљевина Југославија..., вып. 2.— Политика, 31.VIII 1971).

⁹⁵ ADAP, Serie D, Bd. V, Dok. N 291, S. 325. Герен (Белград) — в Берлин 11 февраля 1939 г.

⁹⁶ AA (Bonn), Pol. Abt. IV, Po 5 Jugoslawien, Bd. 2, Bl. 227, Pol. IV 1065/39. Герен (Белград) — в Берлин 19 февраля 1939 г.

⁹⁷ DBFP, Third Series, v. IV, doc. N 100, p. 102—4. Кэмпбелл (Белград) — Галлифаксу 10 февраля 1939 г. о беседе подполковника Стронга с генералом Д. Симовичем 7 февраля 1939 г.

печати были скудны и расценивали отставку Стоядиновича как чисто внутреннее дело Югославии. Вообще это событие получило в мировой прессе неадекватное освещение, причем каждая сторона воздерживалась от выражения мнений по своим особым причинам.

Между тем события в Югославии имели крупное международное значение. Их несомненным следствием было усиление английского влияния в Югославии, тогда как перспективы втягивания страны в итальянские авантюры и нацистские проекты на Балканах сократились. Следует, однако, отметить, что отсутствие каких-либо демонстративных жестов, подчеркивание исключительно внутреннего значения происшедшей смены правительства и заверения в неизменности прежнего внешнеполитического курса позволили правящим кругам Югославии на известное время замаскировать действительную сущность событий.

Как и в Югославии, внутривнутриполитическая борьба обострилась также и в Венгрии, где в течение января — первой половины февраля поднялась политическая кампания против правительства Имреди. Диктаторские устремления венгерского премьер-министра и его явное желание усилить свои политические позиции путем тесного сближения с Германией и Италией вызывали тревогу не только в прогрессивных слоях венгерского общества, но и в хортистском лагере⁹⁸. Ставшая в оппозицию к Имреди часть правящих кругов использовала для борьбы против него введенное им же самим антисемитское законодательство: были разысканы и извлечены на свет документы, свидетельствовавшие о еврейском происхождении прабабушки Имреди, что привело 14 февраля к его отставке. Новым премьером был назначен граф Пал Телеки.

Сохранив в силе все мероприятия, усиливавшие авторитарные черты хортистского режима, правительство Телеки постаралось избавиться от конкурентов в борьбе за власть. В области внешней политики правительство Телеки сохранило курс на территориальную экспансию и создание «Великой Венгрии». Первой и непосредственной его целью оставался захват Закарпатья. Не помышляло оно пересматривать и сложившиеся отношения с Германией. Однако общие внешнеполитические концепции П. Телеки значительно отличались от взглядов его предшественника. Так, выступая за сотрудничество с «осью», он хотел избежать односторонней зависимости Венгрии от Германии и был сторонником плана создания «горизонтальной оси», которая охватила бы Польшу, Венгрию, Югославию

---

⁹⁸ Пушкаш А. И. Венгрия в годы второй мировой войны. М., 1966, с. 82.

и Италию⁹⁹. С этой точки зрения захват Закарпатья представлялся ему также шагом вперед в осуществлении данного плана.

Но главное, Телеки не хотел порывать связей с западными державами. Видимо, он решил любой ценой рассеять у них подозрения, будто Венгрия стала слепым орудием и сателлитом Германии. Сразу же после своего прихода к власти он послал венгерскому посланнику в Лондоне Барче инструкцию заверить Форин оффис, что «хотя географическое и политическое положение Венгрии вынуждает ее лояльно сотрудничать с Германией до известного предела, он полон решимости вести дело так, дабы такое сотрудничество никогда не заходило настолько далеко, чтобы нанести ущерб, а тем более принести в жертву венгерский суверенитет, независимость или честь. Правительство придает огромное значение взаимопониманию с британским правительством и его поддержке и никогда не предпримет ничего, что принесло бы вред интересам Великобритании»¹⁰⁰. Подобные заверения Телеки были типичным проявлением той «политики качелей», которая становится начиная с этого времени характерной чертой венгерского внешнеполитического курса вплоть до присоединения к гитлеровскому блоку в конце 1940 г.

Гитлеровская Германия, имевшая в Венгрии разветвленную агентуру, которая проникала во все сферы государственного аппарата, подметила основные тенденции политического направления правительства Телеки. Не удивительно поэтому, что смена главы кабинета вызвала у гитлеровцев недоверие и недовольство¹⁰¹.

В Румынии параллельно с внешнеполитическими уступками гитлеровской Германии продолжался процесс укрепления королевской диктатуры. 1 февраля был образован новый кабинет — первое правительство Фронта национального возрождения. Наибольшую власть в нем сосредоточил в своих руках А. Калинеску, ставший заместителем премьер-министра и прибавивший к своему посту министра внутренних дел также и пост военного министра. Это назначение состоялось, несмотря на предупреждение, сделанное в конце января 1939 г. «частным образом» поверенным в делах германского посольства Штельцером и отражавшее мнение влиятельных нацистских бонз, не

⁹⁹ *Koźmiński M.* Polska i Węgry przeł drugą wojną światową (październik 1938—wrzesień 1939). *Z dziejów dyplomacji i irrydenty.* Wrocław — Warszawa — Kraków, 1970.

¹⁰⁰ *Macartney C. A.* October fifteenth. A history of Modern Hungary 1929—1945, part I. Edinburgh, 1957, p. 331.

¹⁰¹ Венгрия и вторая мировая война, с. 125.

назначать его премьер-министром¹⁰². Правда, формально премьер-министром остался престарелый патриарх Мирон Кристя, но практически руководил правительством А. Калинеску¹⁰³, которого гитлеровцы считали антигермански настроенным и ответственным за расправу с лидерами «Железной гвардии». Внимание наблюдателей привлек тот факт, что в кабинет вошли пять министров из числа трансильванцев, что было новым явлением в политической жизни страны¹⁰⁴. Министром иностранных дел остался Г. Гафенку. Заметную роль в новом правительстве играли министр финансов М. Константинуеску и министр национальной экономики И. Бужой. Заодно был назначен новый начальник генерального штаба — генерал Ценеску, — шестой на этом посту за последние два года.

Румынское правительство предприняло попытки стабилизировать положение в государстве, укрепить его вооруженные силы и предохранить от вмешательства извне, в том числе и решить вопрос о национальных меньшинствах в рамках существующих порядков. Так, организациям немецкого, венгерского и болгарского меньшинств были предоставлены места во Фронте национального возрождения. Однако организация немецкого меньшинства, руководимая из Берлина, отказывалась в первое время войти в совет Фронта, требуя предвзятого удаления оттуда всех евреев¹⁰⁵, что свидетельствовало скорее о позиции нацистской Германии в отношении нового правительства Румынии.

В то же время само румынское правительство готово было идти на значительные уступки Германии, особенно в экономической области. Приехавший в Бухарест в середине февраля 1939 г. для ведения переговоров об экономическом договоре Г. Вольфат был немедленно принят королем Каролом и встретил с румынской стороны готовность идти навстречу всем германским пожеланиям. В беседе с ним Гафенку и Бужой выразили надежду на долгосрочное сотрудничество двух стран, рассчитывая, что «Германия в целом восстановит позиции экономического преобладания в Румынии, которыми она располагала до 1914 г.» Выдвинутые ими конкретные предложения

¹⁰² ADAP, Serie D, Bd. V, Dok. N 279, S. 315—316. Вёрманн — Фабрициусу 31 января 1939 г.; док. № 281, с. 317—318. Фабрициус (Бухарест) — Вёрманну 3 февраля 1939 г.

¹⁰³ После смерти М. Кристи 6 марта 1939 г. А. Калинеску официально стал премьер-министром.

¹⁰⁴ ЦДИА, ф. 176, оп. 7, а. е. 1084, л. 80—81. Траянов (Варшава) — в Софию 4 февраля 1939 г. о беседе с румынским послом Франасовичи 6 февраля 1939 г.

¹⁰⁵ Enemy within. German Minorities as a weapon of German Policy. London, s. a., p. 63; Iredenta niemiecka w Europie środkowej i południowo-wschodniej przed II wojną światową. Katowice — Kraków, 1971, s. 224.

(германские инвестиции в румынские нефтяные промыслы; предложение о совместной эксплуатации минеральных ресурсов и лесных массивов; промышленная кооперация, унификация технических стандартов, сотрудничество в развитии транспортной сети и т. д.) шли даже дальше германских предложений и пожеланий¹⁰⁶. Германская дипломатия, с удовлетворением констатировав румынскую готовность к тесному экономическому сотрудничеству, в то же время была вынуждена дать совет Вольтату не спешить с переговорами, избегать окончательного согласования текста договора и отложить его подписание, пока он не побывает с докладом в Берлине¹⁰⁷.

Неторопливость германской дипломатии имела по крайней мере два объяснения. Во-первых, она считала, что румынские предложения вряд ли приведут к дальнейшему развитию торговых отношений двух стран, поскольку к тому времени на Германию и так уже приходилось более 50% всего румынского экспорта и она не располагала свободными капиталами для инвестиций в румынскую промышленность¹⁰⁸. Поэтому она решила принять румынские предложения в принципе, но вести переговоры так, чтобы добиться максимальных экономических выгод, «не беря политических обязательств»¹⁰⁹. Последнее соображение смыкалось уже со второй причиной германской тактики не спешить с подписанием договора: если румынское правительство торопилось с его заключением, чтобы опередить по срокам официальное присоединение Венгрии к Антикоминтерновскому пакту, то германская дипломатия по тем же причинам оттягивала подписание договора с Румынией. По сути дела действия румынского правительства были румынским вариантом политики «умиротворения агрессора».

Внутреннее же положение страны продолжало оставаться напряженным. Английская разведка, отмечавшая решимость короля Кароля отстаивать независимость страны, некоторое улучшение деятельности местного управления и судопроизводства, считала, что «при условии, если бы Румыния была предоставлена самой себе, ее положение, вероятно, постепенно улучшилось бы, но угрожающие ей опасности являются внешними»¹¹⁰.

Характерно, что румынскому правительству удавалось сохранять доверие как Великобритании, которая высоко оценива-

¹⁰⁶ ADAP, Serie D, Bd. V, Dok. N 293, S. 327. Вольтат и Фабрициус (Бухарест) — в Берлин 14 февраля 1939 г.

¹⁰⁷ Там же, док. № 298, с. 331. Виль — Вольтату (Бухарест) 18 февраля 1939 г.

¹⁰⁸ Там же, док. № 294, с. 328—329. Меморандум Клодиуса от 15 февраля 1939 г.

¹⁰⁹ Там же, док. № 298, с. 331. Виль — Вольтату (Бухарест) 18 февраля 1939 г.

¹¹⁰ *Courcy Kenneth de. Review of World Affairs, v. I, p. 33—34.*

ла способности и энергию А. Калинеску и Г. Гафенку¹¹¹, так и Германии. Дипломатические представители последней были убеждены, что румынское правительство, включавшее Гафенку, Бужоя и министра вооружений Славеску, представляло благоприятную персональную комбинацию, которая должна рассматриваться как дружественная по отношению к экономической кооперации с Германией¹¹².

События того времени также способствовали и дальнейшей поляризации политических сил в Болгарии, где в борьбе между оппозицией и правительством широко использовались вопросы внешней политики. Это особенно проявилось во время дебатов в Народном собрании 27—28 января 1939 г., в ходе которых оппозиция выступила в соответствии с заранее согласованным планом и ее представители дружно требовали от правительства Кюсеиванова активизации внешней политики и открытого выдвижения требований к Румынии и Греции¹¹³. Эти требования были поддержаны и некоторыми правительственными депутатами.

Выдвижение на передний план внешнеполитических проблем объяснялось в значительной степени также желанием оппозиционных депутатов подчеркнуть свое враждебное отношение к монархо-фашистскому режиму. Ряд оппозиционных депутатов подверг этот режим резкой критике, охарактеризовав его как «личный режим» царя, не имеющий связи с народом и чуждый ему. Эта критика создавала для правящих кругов значительные трудности. Помимо усиления борьбы народных масс внутри страны против монархо-фашистского режима, к чему власти не могли относиться равнодушно, их беспокоил внешнеполитический резонанс выступлений, поскольку в глазах правящих кругов такие выступления вели не только к уменьшению внешнеполитического авторитета правительства и царя Бориса, но и вызывали осложнения в отношениях с соседними государствами. Среди последних особое беспокойство проявляла Греция, где и в официальных кругах, и среди общественности распространилось мнение, что Болгария собирается поставить в качестве своей первоочередной цели требование получения выхода к Эгейскому морю¹¹⁴.

Чтобы избежать внешнеполитических осложнений, в своей ответной речи Г. Кюсеиванов предупредил критиков правитель-

¹¹¹ *Courcy Kenneth de*. Review of World Affairs, v. I, p. 56.

¹¹² ADAP, Serie D, Bd. V, Dok. N 294, S. 328—329. Меморандум Клодиуса от 15 февраля 1939 г.

¹¹³ Стенографски дневници на XXIV ОНС, I ред. сесия, кн. II, с. 1296—1335 (выступления Р. Маджарова, П. Стайнова и др.).

¹¹⁴ ДА ДСИП, ЛП, 1939, пов. бр. 249, 1—14. Месечни извештај МИП-а за јануар 1939 г. (Бугарска).

ства, что «в эти тревожные времена стрелы, пущенные в правительство, рискуют пройти мимо цели и попасть в тело Болгарии». Поэтому правительство, даже опасаясь оказаться непопулярным, будет продолжать свою прежнюю миролюбивую политику, направленную на сотрудничество с соседними государствами, в уверенности, что такой курс служит лучшей защитой болгарских интересов. Болгарская политика, заключил он, чужда увлечений и авантюр. И правительство будет и впредь проводить самостоятельную линию, не связывая страну политически с какой-либо великой державой, чтобы Болгария могла быть хозяйкой своей собственной судьбы¹¹⁵.

Наряду с этим среди отдельных политических течений, оппозиционных режиму, постепенно наступало отрезвление от националистического опьянения, охватившего буржуазные и мелкобуржуазные слои сразу же вслед за Мюнхеном. Стало изменяться отношение к самому мюнхенскому соглашению: оно становилось не только сдержанным, но и критичным, причем критике подвергались действия как фашистских государств, так и западных держав. Эти настроения усилились среди левых течений БЗНС, социал-демократов и других политических партий, входивших в так называемую «пятерку»¹¹⁶. В отдельных кругах (например, группировка вокруг газеты «Мир») усиливались тенденции к нейтралитету на международной арене, и не одной только Болгарии, а всей группы балканских стран на основе общеполитической солидарности¹¹⁷. Вместе с тем усилились и стремления к установлению сотрудничества с СССР, к возможной опоре на него во внешней политике для защиты национальных интересов страны. В целом же болгарская буржуазная оппозиция продолжала вращаться в прежнем круге своих идей и оказалась не в состоянии выйти за его пределы.

Исключение составила политическая группа «Звено», в которой переоценка собственного прошлого и новые веяния привели к качественным изменениям ее ориентации как во внутренней, так и во внешней политике. В начале 1939 г. это течение выступило с резким осуждением мюнхенского сговора как события, которое привело к решительному изменению политического положения в Европе в пользу фашистских держав. «Звено» заня-

¹¹⁵ Стенографски дневници на XXIV ОНС, I ред. сесия, кн. II, с. 1335—1336. Характерно, что английская дипломатия и разведка в то время видели в царе Борисе препятствие для попыток вовлечения Болгарии в орбиту «оси». Политика же правительства Г. Кьосеванова расценивалась ими как «умеренная» и встречала явное одобрение (*Courcy Kenneth de. Review of World Affairs*, v. 1, p. 56—57).

¹¹⁶ *Георгиев В.* Буржоазните и дребнобуржоазните партии в България, 1934—1939. София, 1971, с. 439—440.

¹¹⁷ Там же, с. 440—441.

ло положительную позицию по отношению к Советскому Союзу, призывало к сотрудничеству с ним. В феврале оно высказалось за объединение всех славянских народов для обеспечения их безопасности, что было реакцией на участь Чехословакии и нацистские расовые теории, объявлявшие славянские народы низшей расой. «Звено» выступало за сотрудничество с другими балканскими странами и требовало от правительства, чтобы его официальный лозунг «мира и нейтралитета» был подкреплен соответствующими практическими действиями¹¹⁸.

Что же касается Турции и Греции, то события начала 1939 г. там не отличались столь прямой связью с политическими переменами в Центральной Европе и продолжавшейся напряженностью в международных отношениях. В конце января 1939 г. реорганизацией турецкого правительства и образованием нового кабинета Р. Сайдама завершилось укрепление власти возглавляемой Исметом Иненю группы, пришедшей после смерти Ататюрка к управлению государством.

В Греции выступления оппозиционных сил также не смогли привести к падению монархо-фашистской диктатуры и правительства Метаксаса, которому удалось сохранить и даже несколько стабилизировать свое положение. Правящие круги использовали международную напряженность, вопросы обороны страны и принятие программы вооружения греческой армии почти исключительно для оказания сильного психологического нажима на население в целях консолидации своей власти¹¹⁹.

Таким образом, положение в странах Юго-Восточной Европы в самом начале 1939 г. имело ряд общих черт.

Во-первых, повсюду обострение международной обстановки привело к усилению внутривнутриполитической борьбы, которая в тех условиях имела самую непосредственную связь с проблемой дальнейшей внешнеполитической ориентации.

Во-вторых, активизация в послемюнхенских условиях крайне правых фашистских течений, выступавших за открытый союз с гитлеровской Германией, привела к столкновению их праворадикальных программ с концепциями господствовавших монархо-фашистских и реакционных режимов. Принятие репрессивных мер со стороны правящих кругов против крайних фашистских течений отражало их желание сохранить старый социальный базис и соответствующий ему политический строй, а не следовать прямо нацистскому образцу.

¹¹⁸ Славчева Г. Еволюция на политическия кръг «Звено» към антифашистско сътрудничество с БКП в навечерието на втора световна война.— Известия на Института по история на БКП, 1971, т. 25, с. 108—110.

¹¹⁹ ДА ДСИП, ЛП, 1939, пов. бр. 293, 1—14. Месечни извештај МИП-а за февруар 1939 г. (Грчка).

В-третьих, во всех странах Юго-Восточной Европы в деятельности буржуазной оппозиции, уровень активности которой был неодинаков в различных странах, наблюдалось отрезвление от националистического опьянения, вызванного мюнхенским сговором, влияние которого было особенно заметно в Болгарии и Венгрии, а также сказывалось на деятельности политических течений в Словакии, Хорватии и Закарпатье.

Общая картина складывавшейся на юго-востоке Европы политической обстановки хотя и облегчала происки гитлеровской Германии в этом районе, но не давала ей все же той гегемонии, к установлению которой она стремилась. Серьезным препятствием для нацистских замыслов все в большей мере становились антифашистские настроения народов балканских стран, которые формировались под непосредственным влиянием событий и при активной роли их коммунистических партий.

В послемюнхенский период в деятельности всех компартий балканских стран на передний план стала выдвигаться задача борьбы за защиту национальной независимости своих народов. Этот поворот в их политической линии соответствовал новому направлению в работе всего международного коммунистического движения. Он проходил в неблагоприятных для рабочего класса и его коммунистического авангарда условиях, сложившихся после Мюнхена. Поворот наступил не сразу, был затруднен нелегальными условиями деятельности коммунистических партий в балканских странах, а также отдельными сектантскими установками и отрицательным отношением к некоторым организациям и партиям, с которыми коммунисты раньше сотрудничали¹²⁰. Новые цели и условия борьбы заставляли отказываться от устаревших положений и выработать курс, соответствовавший реальной обстановке. Главная же цель состояла в сплочении всех национальных сил под лозунгом отпора фашистским агрессорам. Отсюда вытекала необходимость по-новому подойти к вопросу о союзниках, сформулировать платформу для самого широкого объединения всех политических течений — от революционных рабочих организаций до буржуазных партий, которые выступали против капитулянтской линии своих правительств и готовы были защищать независимость страны от угрозы со стороны фашистских государств¹²¹.

Начальные шаги в этом направлении были сделаны компартиями балканских стран на рубеже 1938—1939 гг. В декабре 1938 г. Коммунистическая партия Югославии выступила с воззванием, в котором выдвигалась задача образования «прави-

¹²⁰ Коммунистический Интернационал. Краткий исторический очерк. М., 1969, с. 471—473.

¹²¹ Там же, с. 471.

тельства национальной обороны» на основе широкого объединения всех антифашистских и антигерманских сил¹²². Этот курс был положен в основу деятельности КПЮ и уже в начале 1939 г. принес первые результаты. Коммунисты умело воспользовались политическими переменами в стране и оживлением общественной жизни после падения правительства Стоядиновича¹²³. Они развернули широкую пропагандистскую работу, в которой связывали необходимость борьбы за социальные и политические права с задачей борьбы против фашизма, империализма и войны. Их деятельность чрезвычайно обеспокоила правящие круги, и в начале марта 1939 г., выступая с политической речью перед финансовым комитетом Народной скупщины, премьер-министр Д. Цветкович обращал внимание буржуазных политических лидеров на широкое проникновение коммунистов в политические, национальные и культурные организации. Коммунисты, говорил он, приспосабливаются к социально-экономическим и политическим условиям, существующим в отдельных областях государства, и в соответствии с ними ведут свою работу¹²⁴.

Внешнеполитические концепции Коммунистической партии Румынии, как и других компартий, также исходили из неразрывной связи внутренних и международных факторов¹²⁵. Она выступала за свержение королевской диктатуры, за образование народного антифашистского и антигитлеровского фронта. Указывая, что главная опасность для независимости Румынии исходит от гитлеровской Германии, она поддерживала идею объединения всех сил на международной арене, которые могли преградить путь нацистской агрессии. КПП резко критиковала шовинистическую и антисоветскую линию румынской буржуазии и правящих кругов и выступала против их союза с буржуазно-помещичьей Польшей, который способствовал усилению этих черт во внешней политике страны. Она отстаивала курс на сотрудничество со всеми балканскими странами и подчеркивала, что без опоры на Советский Союз будет невозможно отстоять их независимость перед лицом фашистской угрозы¹²⁶.

В начале 1939 г. КПП развернула активную пропагандистскую кампанию, указывая на угрозу, исходившую для независимости страны от «Железной гвардии», а также предупреждая от

¹²² См. главу IV, § 2 настоящей работы.

¹²³ См.: *Broz Tito J. Sabrana djela*, t. IV. Beograd, 1977, s. 158—160, 161—163.

¹²⁴ Архив Војно-историјског института (Београд), бр. 19, фасц. I, л. 1. Речь Д. Цветковича в финансовом комитете Народной скупщины 9 марта 1939 г.

¹²⁵ *Moisuc V., Matei G. Concepția Partidului Communist Român în problemele politicii externe a României (1938 — septembrie 1939)*. — In: P. C. R. în viața social-politică a României 1921—1944. București, 1971, p. 334—340.

¹²⁶ Борьба КПП против королевской монархо-фашистской диктатуры. Бухарест, 1956, с. 20, 30—32.

односторонней экономической ориентации на Германию. В материалах подпольной коммунистической печати все громче звучал мотив о необходимости сплочения всех балканских народов для оказания отпора агрессивным действиям фашистских держав и установления дружественных отношений с СССР. В то же время КПП недооценивала опасность, которую представлял собой Фронт национального возрождения, созданный королевской диктатурой, для общественной жизни страны. Это затрудняло ее деятельность по сплочению тех политических течений и партий, которые готовы были отстаивать независимость страны и боролись против капитулянтских настроений правящих кругов перед лицом нажима со стороны гитлеровской Германии¹²⁷.

Сходство политических линий коммунистических партий балканских стран и единство их точек зрения объяснялись помимо их идеологической общности близостью проблем, которые вставали перед ними в рамках своих национальных государств, а также координирующей ролью Коммунистического Интернационала, нацеливавшего их на борьбу с фашистской угрозой¹²⁸. Однако каждая из коммунистических партий воплощала этот общий курс в различных организационных формах, применяя его к конкретным условиям своей страны. В этой связи характерна деятельность Болгарской коммунистической партии. В феврале она обратилась ко всем политическим партиям, группам и течениям в стране с призывом образовать «широкий национальный демократический фронт болгарского народа» для спасения страны от гитлеровской опасности. В болгарской исторической литературе отмечается, что с начала 1939 г. в документах БКП постепенно понятие «национальный демократический фронт» вытесняет употреблявшийся до того времени термин «народный фронт»¹²⁹. Такое объединение в национальный фронт должно было произойти на платформе, основными целями которой являлись: «восстановление парламентарного демократического режима; союз балканских народов, самоопределение народов и равноправие национальных меньшинств»¹³⁰. Таким образом, и в этой программе внутривнутриполитические цели были неразрывно связаны с внешнеполитическими задачами.

Для пропаганды своих взглядов и идей БКП организовала радиопередачи с территории республиканской Испании. Работавшая с декабря 1938 по 5 марта 1939 г. радиостанция «Демократическая Болгария» с беспокойством отмечала усиление завысности Болгарии от нацистской Германии и подчеркивала

¹²⁷ Там же, с. 30.

¹²⁸ Коммунистический Интернационал, с. 472.

¹²⁹ *Георгиев В.* Буржоазните и дребнобуржоазните партии в България, 1934—1939, с. 388.

¹³⁰ Там же.

необходимость ориентации страны на Советский Союз. Она выступала за свержение монархо-фашистского режима и создание нового правительства, которое было бы способно спасти страну от приближавшейся катастрофы. Хотя слабые связи редакции со страной не позволяли радиостанции откликаться на текущие события политической жизни Болгарии, ее передачи получили известность и популярность в народе¹³¹. Ухудшение положения Испанской республики и осада Мадрида привели в начале марта 1939 г. к прекращению этих радиопередач.

В документах и пропагандистских материалах БКП в начале 1939 г. все четче звучал мотив, что не осуществление «национальных идеалов», о чем трубили все буржуазные политические партии страны, должно являться главным смыслом внешней политики Болгарии в сложившихся условиях, а борьба за сохранение ее независимости, которая была поставлена под угрозу агрессивными действиями гитлеровской Германии. В соответствии с определением основной задачи в области внешней политики БКП изменилась и тактика в национальном вопросе: после мюнхенского сговора она временно сняла требование об урегулировании положения болгарских меньшинств за рубежом, хотя и не пересматривала своих взглядов по этому вопросу, считая его важным моментом в борьбе за союзников¹³². Такая позиция отражала и стремление снять любые возможные препятствия на пути объединения всех балканских государств для сопротивления общей угрозе со стороны фашистских держав.

Идея общевосточного сотрудничества также претерпевала изменения и конкретизировалась. До мюнхенского соглашения все компартии балканских стран полагали, что основой для него может послужить Балканский пакт,— естественно, при условии его реорганизации на демократических началах. БКП считала даже, что в этом случае Болгария могла бы стать его равноправным членом, однако без увековечивания несправедливостей Нейского мирного договора¹³³.

После мюнхенского соглашения положение изменилось. События показали, что Балканский пакт не может в будущем играть определенной роли в борьбе против гитлеровской агрессии. Не проявив себя как инструмент защиты национальной незави-

¹³¹ Сирков Д. Радио «Демократична България» (декември 1938 — март 1939 г.).— Исторически преглед, 1965, № 1, с. 49—55.

¹³² См.: Радлов Ст. Националният въпрос — важен момент в стратегията и тактика на БКП за победа на социалистическата революция.— Научни трудове на Академията за обществени науки и социално управление при ЦК на БКП. Отдел «История», 1971, с. 55—56.

¹³³ Арсов П. Борбата на Българската комунистическа партия за общобалканско сътрудничество, против въвличането на Балканите във втората световна война. 1934—1940.— Годишник на катедрите по марксизъм-ленинизъм при висшите учебни заведения, 1962, година II, книга III, с. 145—146.

симости балканских стран, он вполне определенно обнаружил тенденцию к превращению в проводника английского влияния на Балканах¹³⁴. Последнее же толкало его в сторону нейтралистской позиции в случае развязывания гитлеровской агрессии против СССР и отводило ему роль форпоста в защите английских интересов в районе Восточного Средиземноморья и Ближнего Востока. Такая линия совпадала с антисоветскими установками правящих кругов балканских стран и препятствовала объединению балканских народов для борьбы с фашистской угрозой. Поэтому коммунистические партии балканских стран отходят от прежней позиции поддержки Балканского пакта и не считают его более подходящей основой для объединения балканских стран с целью отпора фашистской агрессии и развития сотрудничества с СССР. Новые идеи по организации общепалканского сотрудничества начали развиваться в направлении необходимости таких действий, которые привели бы к сплочению балканских стран для защиты своей независимости в единый оборонительный блок, который опирался бы на поддержку Советского Союза и всех демократических государств, выступавших за пресечение фашистской агрессии.

Проблема дальнейшей внешнеполитической ориентации не только каждого отдельного балканского государства, но и всего Балканского пакта в целом выходила в начале 1939 г. на передний план политической борьбы как внутри отдельных стран, так и между великими державами на мировой арене. От решения этого вопроса зависело как будущее самих балканских народов, так и в значительной степени развитие международных отношений и соотношение сил в Европе.

3. Балканская Антанта и ее место в международных отношениях в начале 1939 г. Сессия Постоянного совета Балканского пакта в Бухаресте в феврале 1939 г.

Балканский пакт после распада Малой Антанты был единственным политическим блоком в Центральной и Юго-Восточной Европе, оставшимся с домюнхенских времен. В начале 1939 г. он находился в состоянии дезориентации. Мюнхенский стговор оказал неравное по интенсивности, хотя и однозначное по направлению воздействие на всех его участников, усилив среди них тенденцию к нейтрализму.

Правда, у членов Балканской Антанты по-прежнему отмечалось значительное сходство их внешнеполитических установок и совпадение в оценках международного положения: все они стре-

¹³⁴ Там же, с. 165.

мились к сохранению своей территориальной неприкосновенности, с подозрением и страхом относились к внешнеполитическим планам фашистских государств и видели в них угрозу для себя; верили в конечную победу западных держав и стоявших за их спиной США, но не были убеждены в их готовности оказать им помощь; отрицательно относились к Советскому Союзу и отвергали возможность сотрудничества с ним. Все это оставляло в силе те факторы, которые привели в свое время к образованию блока между ними и определяли их заинтересованность в продолжении сотрудничества.

Однако их различное политическое и военно-стратегическое положение ставило перед ними в качестве первоочередных разные внешнеполитические задачи и побуждало их проявлять различную степень активности и по отношению к конкретным международным проблемам. Это вносило дезинтегрирующие моменты в функционирование Балканского пакта, затрудняло выработку совместной политической линии в сложной международной обстановке того времени, порождало противоречия между его участниками.

Дееспособность любого политического блока зависит от прочности внутреннего положения каждого из его членов, от их сплоченности и готовности без колебаний выступить в защиту целей, ради которых он был создан. Ни в одном из этих моментов Балканский пакт не представлял обнадеживающей картины. Но даже и в таком виде он продолжал расцениваться дипломатией фашистских держав как помеха для осуществления их замыслов полного подчинения государств Юго-Восточной Европы. Разложение Балканского пакта и его распад должны были стать промежуточным этапом на пути к такой цели.

Как же оценивали обстановку, сложившуюся на Балканах в начале 1939 г., основные претенденты и соперники за влияние в этом районе — гитлеровская Германия и Англия?

В доверительной беседе с германским журналистом в начале марта 1939 г. один из ведущих сотрудников бюро Риббентропа, Э. Клейст, отражая мнение нацистской правящей верхушки, подчеркивал: «Политическая ситуация в Восточной и Центральной Европе после мюнхенского соглашения показала, что позиция Германии в этом географическом районе далеко не так обеспечена, как это желали бы видеть в Берлине. Выяснилось, что политический вес Великогермании недостаточен для того, чтобы соседние Германии на востоке и юго-востоке государства добровольно и автоматически поставили под командование Берлина»¹³⁵.

¹³⁵ СССР в борьбе за мир..., док. № 149, с. 233—235. Запись беседы германского журналиста с Э. Клейстом, 13 марта 1939 г.

Планируя захват и расчленение Чехословакии и образование марионеточной Словакии, нацисты рассчитывали, по словам Клейста, что в результате будет создано такое новое положение, при котором Германия получит «в свои руки Венгрию, Румынию и Югославию», лишит их и другие государства возможности проводить антигерманскую политику в какой-либо форме. Эти меры должны были служить «делу подготовки акции против Запада»¹³⁶.

В приведенных выше высказываниях Э. Клейста совершенно не упоминались Турция и Греция, а также Болгария. Это не означало, конечно, что Германия не проявляла к ним интереса. Наоборот, в начале 1939 г. германская дипломатия и разведка удвоили свои усилия, чтобы усилить в них германское влияние. Особенно большое внимание уделялось Турции. Германская дипломатия не считала политику Турции окончательно predeterminedенной¹³⁷. Отсюда вытекала установка на активное воздействие на турецкий политический курс. По отношению к турецким государственным деятелям, посещавшим Германию, проявлялась величайшая предупредительность, а турецкие пожелания учитывались в максимальной степени. Когда в начале января 1939 г. государственный секретарь турецкого МИД во время пребывания в Берлине пожаловался на некоторые трудности с поставками германского вооружения, последовали заверения, что возникшие препятствия будут немедленно устранены¹³⁸. 16 января было подписано соглашение об условиях предоставления Турции кредита в 150 млн. золотых марок, из которых 60 млн. марок шло на поставки оружия¹³⁹.

В мировой прессе начала 1939 г. раздавались громкие голоса, указывавшие на широкое проникновение Германии в Турцию и подчеркивавшие его политические последствия. Недостатка в подобных предостережениях не было и в английской печати, а среди английской общественности наблюдалось беспокойство по этому поводу. Однако английская дипломатия не разделяла такого беспокойства и спокойно наблюдала за германской активностью в Турции. В меморандуме группы имперской политики за февраль 1939 г. на основании оценки сведений, полученных из дипломатических и разведывательных источников, говорилось: «Сообщения прессы, предполагавшие, что Германия приобрела в Турции значительное влияние, не следует принимать

¹³⁶ Там же, с. 234.

¹³⁷ AA (Bonn), Pol. Abt. VII, Po 2 Türkei, Bl. 252—254, Pol. VII 227/39 Кролл (Анкара) — в Берлин 7 февраля 1939 г.

¹³⁸ AA (Bonn), Büro des Staatssekretärs, Türkei, Bd. I, St. S. N. 9. Запись беседы Вайцеккера с Н. Менеменджюглу 3 января 1939 г.

¹³⁹ ADAP, Serie D, Bd. V, Dok. N 557, S. 623—624. Меморандум Мората от 20 января 1939 г.

во внимание; эти сообщения — по своему характеру алармистские, а по существу совершенно необоснованные». В меморандуме сквозила абсолютная убежденность в прочности английских позиций, которые не идут ни в какое сравнение с позициями других стран. Даже о значении германо-турецких экономических отношений в нем говорилось с пренебрежительным оттенком: им, согласно меморандуму, не следовало придавать «никакого значения», а торговля двух стран рассматривалась как «чистая потеря» для рейха и «немалая выгода для Турции»¹⁴⁰. Хвастливый тон меморандума не оставлял и тени сомнения в убежденности английских правящих кругов, что они способны оказать решающее воздействие на политику Турции в нужный им момент.

Повышенное внимание к Турции со стороны различных держав объяснялось не только ее перворазрядным стратегическим положением и большим значением в международных отношениях на Балканах, но и ее активной ролью в Балканском пакте и среди стран Юго-Восточной Европы. Но каждая из великих держав по-своему оценивала будущую позицию Турции и перспективы своих отношений с ней.

Политика Турции имела огромное значение для Советского Союза и обеспечения его безопасности с юга, со стороны Черного моря. Поэтому советская дипломатия уделяла большое внимание позиции Турции на международной арене и развитию с ней добрососедских отношений. Естественно, что особое беспокойство вызывали у советской стороны германские происки в Турции. В то же время она принимала во внимание заверения турецких государственных деятелей — президента И. Иненю, министра иностранных дел Ш. Сараджоглу и др. — об их намерении проводить политику дружбы с СССР¹⁴¹. Они позволяли надеяться на упрочение отношений двух стран и открывали перспективу для проявления инициативы по укреплению безопасности в районе Черного моря и Балкан, которые стали полем ожесточенной борьбы между империалистическими державами. Конкретно эта инициатива выразилась в зондировании возможности заключения Черноморского пакта, которое велось советской дипломатией с начала 1939 г.

Действия советской дипломатии учитывали предложения, делавшиеся ранее Турцией. В свое время само турецкое правительство выдвигало идею о заключении советско-турецкого соглашения для защиты района проливов¹⁴², но затем под нажимом Англии само же от нее отказалось. В новых условиях широковещ-

¹⁴⁰ *Courcy Kenneth de. Review of World Affairs...*, v. I, p. 35.

¹⁴¹ История дипломатии, т. III. М., 1965, с. 704.

¹⁴² См.: *Живкова Л. Англо-турские отношения...*, с. 79—86, 194.

щательные заявления президента И. Иненю дали основание полагать, что турецкое правительство вновь возвращается к таким планам. Советская дипломатия развила эту идею до размеров регионального оборонительного соглашения, которое должно было охватить все черноморские государства (СССР, Румынию, Болгарию и Турцию) и эвентуально тесно связанную с Турцией Грецию. Имеющиеся публикации советских документов позволяют прийти к заключению, что турецкое правительство открыто не отвергло это предложение и проявило готовность обсуждать его¹⁴³.

О действительном же отношении турецких правящих кругов к идее Черноморского пакта свидетельствовал тот факт, что, по-видимому, не случайно сведения об этом проекте просочились в печать и в феврале обсуждались на страницах газет разных стран, обрастая фантастическими деталями¹⁴⁴. В то же время находившийся в Берлине Н. Менеменджиоглу, навестив 10 февраля государственного секретаря германского МИД Вайцзеккера, по собственному почину поднял вопрос о слухах относительно Черноморского пакта. Он представил дело так, будто официально ему ничего об этом неизвестно, но он убежден, что вряд ли за ним стоит что-либо серьезное. Попутно он заверял, что Турция, безусловно, не заключит такого соглашения, которое входило бы в противоречие с германскими интересами¹⁴⁵. Фактически демарш Н. Менеменджиоглу был заверением, данным Германии, что Турция не примет советское предложение.

В начале 1939 г. в Турции наблюдалась новая вспышка беспокойства в связи с агрессивными намерениями Италии. Поводом послужила кампания в итальянской прессе, обвинявшей Англию и Францию в том, что те не выполнили договора, заключенного с Италией в апреле 1915 г. о признании за ней права на овладение южной частью Анатолии¹⁴⁶. В свою очередь английская газета «Ньюс ревью» опубликовала 19 января карту с обозначением итальянских территориальных претензий, где наряду

¹⁴³ Вопрос о Черноморском пакте подвергся обсуждению в беседе турецкого президента И. Иненю с советским заместителем наркома иностранных дел В. П. Потемкиным 5 мая 1939 г. И. Иненю отметил тогда, что на пути его осуществления стоят по крайней мере две трудности. Во-первых, необходимо примирить Румынию с Болгарией и, во-вторых, согласовать проект Черноморского пакта с Балканской Антантой (СССР в борьбе за мир..., док. № 273, с. 372—375).

¹⁴⁴ ЦГАОР, ф. 4459, оп. 28/2, ед. хр. 308, л. 14. Сообщение ТАСС из Варшавы 16 февраля 1939 г.; там же, л. 15. Сообщение ТАСС из Лондона 17 февраля 1939 г.

¹⁴⁵ ADAP, Serie D, Bd. V, Dok. N 560, S. 625. Запись Вайцзеккера о беседе с Н. Менеменджиоглу 10 февраля 1939 г.

¹⁴⁶ AMZV, Vyslanectví v Ankaře, PZ, č. j. 46/dův., г. 1939, z. b. č. 5/1. В. Корец (Анкара) — в Прагу 28 февраля 1939 г.

с территориями других стран были включены и девять вилайетов юго-западной Турции¹⁴⁷. В феврале эта карта была перепечатана турецкой прессой, и стамбульские газеты развернули антиитальянскую кампанию. Характерно, что правительственные газеты в Анкаре отмежевались от этой кампании, однако власти не запретили обсуждение поднятых вопросов в печати, ожидая, по мнению наблюдателей, реакции итальянской стороны.

Опасения за собственную безопасность побуждали Турцию к укреплению своих позиций на Балканах и сотрудничеству с западными державами, которые в свою очередь стремились к усилению своего влияния в районе Восточного Средиземноморья и на Балканах. В частности, Турция выступила выразительницей интересов западных держав при подготовке очередной сессии Постоянного совета Балканского пакта, намеченного на вторую половину февраля 1939 г.

Турецкий курс, умело направлявшийся из-за кулис Англией, сводился к решению двух проблем, тесно связанных между собой. Во-первых, она стремилась укрепить Балканскую Антанту, для чего была выдвинута мысль о досрочном продлении дальнейшего срока действия пакта и расширении обязательств его членов. Во-вторых, турецкая дипломатия предприняла активный зондаж возможностей урегулирования болгаро-румынских и болгаро-греческих отношений, хотя она подходила к ним весьма дифференцированно.

Однако усилия Турции встретились с большими трудностями, порожденными новыми условиями, сложившимися к тому времени в Юго-Восточной Европе. Среди них особо выделялись такие явления, как резкое падение политической активности Югославии, новые моменты в венгеро-румынских отношениях и позиция Болгарии.

Ослабление внешнеполитической активности Югославии, начавшееся вскоре после мюнхенского сговора, резко усилилось в начале 1939 г. Отстранение от власти Стоядиновича наложило печать на отношения со странами «оси», что в свою очередь повлекло за собой превращение хорватского вопроса из внутривнутриполитической проблемы Югославии в актуальную международную проблему. После ухода Стоядиновича, который пользовался доверием нацистов, те пришли к выводу о необходимости пересмотреть прежние отношения Германии к хорватскому вопросу. Если поддержка как федералистских, так и сепаратистских течений в Хорватии прежде считалась несовместимой со ставкой на авторитарный режим великосербского пошиба во главе со Стоядиновичем, то теперь, как полагало германское посольство в Белграде, следовало отбросить былую сдержанность и вер-

¹⁴⁷ Живкова Л. Англо-турские отношения..., с. 134.

нуть себе свободу действий в хорватском вопросе, чтобы направлять его будущее развитие в интересах Германии¹⁴⁸.

Еще в начале февраля 1939 г. Э. Веезенмайер в сообщении о положении, сложившемся в Югославии в результате отставки Стоядиновича, ставил вопрос, решится ли руководство ХКП и ее лидер В. Мачек на какие-либо решительные действия. Веезенмайер полагал, что они чувствуют себя недостаточно сильными, чтобы попытаться разыграть большую ставку. Одновременно он ссылался на агентурные данные, согласно которым Мачек выражал намерение заинтересовать за границу хорватским вопросом, а потому, добавлял он в своем сообщении, следует ожидать соответствующих зондажей и в Германии¹⁴⁹.

И действительно, вскоре в Берлине появились хорватские эмиссары. Первый из них, имени которого германские документы сознательно не называют, имел 12 февраля длительную беседу с одним из приближенных Гесса. Хорватский эмиссар особо оговаривал, что он располагает соответствующими полномочиями, и вел беседу как бы от имени Мачека. При этом развивалась следующая система взглядов: цель хорватского движения — образование независимого хорватского государства, и в борьбу за него готовы вступить 400 тыс. членов вооруженной хорватской крестьянской стражи. Независимое хорватское государство будет готово вступить в военный, экономический и политический союз с Германией на вечные времена, войти в систему «оси» и присоединиться к Антикоминтерновскому пакту. Со стороны Германии оно ожидает моральной поддержки, готовности гарантировать национальные границы как государственные (куда вошли бы собственно Хорватия, Славония, Далмация, Босния и Герцеговина) и согласия взять на себя в решительный момент вместе с Италией роль арбитражных судей в споре между хорватами и сербами¹⁵⁰.

Изложенная программа носила явно выраженный сепаратистский характер и была в своих основных чертах усташской. Создание независимого хорватского государства не входило в тот период в намерения ХКП. Неясно, давал ли действительно Мачек полномочия говорившему от его имени лицу, или же тот просто воспользовался его именем для того, чтобы вступить в контакт с официальными германскими представителями и про-

¹⁴⁸ ADAP, Serie D, Dok. N 310, Bd. V, S. 341—342. Герен (Белград) — в Берлине 7 марта 1939 г. о новом курсе внутренней политики в Югославии и ее влиянии на изменение германской позиции в хорватском вопросе.

¹⁴⁹ AA (Bonn), Pol. Abt. IV, Po 5 Jugoslawien, Bd. 2, Bl. 195—198, Pol IV 853/39. Сообщение Веезенмайера «О положении в Югославии» от 7 февраля 1939 г.

¹⁵⁰ Там же, Bl. 242—243, Pol IV 1286/39. Письмо штаба заместителя фюрера в МИД от 14 февраля 1939 г.

зондировать позицию нацистской верхушки. В пользу последнего предположения говорит и сдержанная реакция нацистского чиновника, который не выразил каких-либо мнений насчет сообщенной ему программы. Однако, согласно польским источникам информации, существовавший в Вене так называемый конгресс национальных меньшинств, созданный нацистской партией и занимавшийся подрывной работой среди украинцев, словаков, словенцев и других народов, стал проявлять теперь усиленное внимание также к хорватам. На созываемых «конгрессом» собраниях помимо прежних тем о необходимости организации «независимых» словацкого и украинского государств стали говорить о национальных правах хорватов и необходимости применить мюнхенские принципы для урегулирования хорватского вопроса в Югославии¹⁵¹.

Деятельность германской агентуры среди хорватского национального движения была зафиксирована практически всеми заинтересованными сторонами. Помимо Югославии, которая особенно пристально следила за этими действиями, очень взволнована была фашистская Италия, увидевшая в них посягательства на ее «преимущественные права» в этом регионе.

Наряду с заигрыванием с фашистской Германией представители ХКП зондировали в Лондоне и Париже позицию Англии и Франции в хорватском вопросе, и оттуда в Белград шли советы поторопиться с его решением. Хорватский вопрос превращался, таким образом, в крупную международную проблему, в которую были прямо замешаны все великие державы и за развитием которой со жгучим интересом наблюдали все малые и средние государства Центральной и Юго-Восточной Европы.

Во внутривластной жизни самой Югославии хорватский вопрос также получил новое звучание. Правительство Д. Цветковича в своей программной декларации от 16 февраля объявило решение хорватского вопроса своей особой миссией. В декларации, отличавшейся неопределенностью и расплывчатостью, ни слова не говорилось о концепции государственного и национального единства, что по югославским политическим понятиям было равноценно отказу от концепции унитаризма, которой руководствовались все прежние правительства¹⁵².

Хорватская крестьянская партия и ее руководство встретили правительственную декларацию без энтузиазма, но констатировали, что она все же представляет собой «полоборота в лучшую сторону». Сам Мачек считал, что она важна не тем, что в ней сказано, а тем, о чем в ней не говорилось, а именно отсутствием

¹⁵¹ ИДА, ф. 2-е, оп. 1, ед. хр. 19, л. 65—66. Донесение ПАТ из Вены 22 февраля 1939 г.

¹⁵² *Boban L. Sporazum Cvetković — Maček*, s. 121—122.

«банальных фраз о национальном и государственном единстве»¹⁵³. Пресса ХКП подчеркивала, что соглашение может быть достигнуто только на базе признания полного равноправия хорватов, а смысл соглашения должен заключаться в решении вопроса об организации государственной власти, т. е. в предоставлении хорватскому народу автономии.

Но правящие круги не торопились делать конкретные шаги и продолжали выжидать развития событий. Нерешительное во внутренних делах, правительство Д. Цветковича проявляло еще большую сдержанность во внешней политике. Оно опасалось делать любые шаги, которые могли вызвать недовольство Германии или Италии. Именно такие опасения определили его отрицательное отношение к турецкому предложению о досрочном продлении Балканского пакта и дискуссии о расширении обязательств его членов в случае нападения на одного из них со стороны небалканского государства, которые предполагалось поставить в повестку дня предстоявшей в Бухаресте сессии Постоянного совета Балканской Антанты.

Но Югославия отнюдь не была равнодушна к судьбе Балканского пакта. Она считала его полезным инструментом, дающим Югославии возможность балансировать между фашистскими государствами и западными державами. Поэтому она была заинтересована как в дальнейшем существовании Балканского пакта, так и в утверждении его на международной арене в виде группировки малых стран, придерживавшихся политики нейтралитета. Ее позиция находила поддержку и разделялась Румынией, которая также желала избежать противопоставления фашистским государствам и хотела балансировать между ними и западными державами.

У Югославии и Румынии было совпадение взглядов также и в вопросе, связанном с оценкой политики Венгрии и перспектив развития отношений с нею. Однако этот вопрос выходил за рамки проблем, которые попадали в сферу интересов Балканского пакта как политического блока, что усиливало в нем расхождения позиций двух группировок: румыно-югославской и турецко-греческой. Между тем отношения с Венгрией не становились менее актуальными. Их развитие определялось по-прежнему Германией. Готовясь к окончательной ликвидации Чехословакии, она стремилась усилить ее международную изоляцию и одновременно смягчить реакцию во всем мире на исчезновение с политической карты целого европейского государства. Германская тактика по общему рисунку напоминала старую мюнхенскую: инсценировка с помощью словацких сепаратистов внутреннего распада страны и участие Венгрии в агрессивных действи-

¹⁵³ Там же, с. 123.

ях с целью переложить на нее часть возмущения мировой общественности.

Подготовка германской дипломатией благоприятных условий для ликвидации Чехословакии сводилась на юго-востоке Европы к устранению помех, которые могли возникнуть для Венгрии при захвате ею Закарпатья со стороны Югославии и Румынии. Поэтому Германия с удовлетворением приняла к сведению заявление Румынии об изменении ее прежней позиции в закарпатском вопросе и полной незаинтересованности в дальнейшей судьбе Закарпатья. Гафенку даже просил, в случае если Германия задумает «изменить режим этой территории» (!!!), поставить его заранее в известность, дабы Румыния могла действовать в соответствии с германскими планами и заранее подготовить общественное мнение страны к предстоящим переменам¹⁵⁴. С другой стороны, Риббентроп резко реагировал на намерение Гафенку добиваться соглашения с Венгрией на основе декларации в Бледе, усмотрев в этом попытку возрождения Малой Антанты. Она была им расценена как «не лишенная юмористического аспекта»¹⁵⁵. Уклонившись от посредничества, германская дипломатия встала в позу наблюдателя и довела до сведения Будапешта, что смотрит на предложенные Бухарестом венгеро-румынские переговоры как на дело, касающееся только этих двух стран, равно как и венгеро-югославские переговоры¹⁵⁶.

Румыния расценила германскую позицию как ярко выраженное стремление помешать консолидации положения в Дунайском бассейне. Потерпев неудачу в попытках решить эти проблемы вместе с Югославией при опоре на Италию и встретив нежелание Германии способствовать урегулированию румыно-венгерских отношений, она продолжала поиски других путей соглашения с Венгрией, но уже при польском посредничестве. В беседе с польским поверенным в делах Пониньским Гафенку указывал на германскую угрозу как на причину, побуждавшую к спешному урегулированию отношений Венгрии и Румынии. По словам польского дипломата, он считал, что Италия отказалась от попыток сблизить Югославию и Румынию с Венгрией в рамках единого блока. Такая инициатива, по мнению Гафенку, могла в дальнейшем исходить только от Польши и он надеялся на соответствующую инициативу со стороны Бека¹⁵⁷.

¹⁵⁴ ADAP, Serie D, Bd. V, Dok. N 289, S. 323—324. Фабрициус (Бухарест) — в Берлин 10 февраля 1939 г.

¹⁵⁵ Там же, док. № 287, с. 322. Риббентроп — миссии в Румынии 8 февраля 1939 г.

¹⁵⁶ DIMK, t. III, N 332, 477 old. Стоян (Берлин) — в Будапешт 18 февраля 1939 г.; № 337, old. 480. Стоян — в Будапешт 20 февраля 1939 г.

¹⁵⁷ ИДА, ф. 2-е, оп. 4, ед. хр. 19, л. 232. Телеграмма Пониньского (Бухарест) — в Варшаву 17 февраля 1939 г.

Все помыслы румынской дипломатии накануне сессии Балканского пакта в Бухаресте были направлены не на дела этого блока, а на проблемы урегулирования отношений с Венгрией и стоявшей за ее спиной Германией. Тем не менее Румыния не теряла интереса к этому региональному блоку, который продолжал сохранять немалое значение для ее внешней политики. Балканский пакт играл для нее двоякую роль: с одной стороны, как и для Югославии, членство в Балканском пакте давало ей аргументы для проведения политики лавирования между западными державами и фашистскими государствами, а с другой — что объединяло ее с Грецией — она видела в Балканском пакте страховку от болгарских притязаний. И то и другое соображение побуждало ее стремиться к упрочению этого пакта.

Непрекращавшаяся ревизионистская пропаганда в Болгарии вызывала особое беспокойство в Греции, где внешнеполитические факторы играли большую роль во внутривосточной борьбе. Оппозиция ссылалась на международное положение как на дополнительный аргумент, говоривший о необходимости ухода правительства Метаксаса в отставку, а правящие круги видели в нем доказательство правильности своего курса на усиление авторитарного режима и быстрое наращивание вооружений. При этом правительственная пресса не скрывала, что принимаемые меры направлены против Болгарии, и начавшееся строительство оборонительных сооружений вдоль греко-болгарской границы (так называемая «линия Метаксаса») было тому подтверждением. Накануне совещания Постоянного совета Балканского пакта в Бухаресте в феврале 1939 г. участие Греции в этом пакте, а также ее тесные отношения с Турцией являлись лейтмотивом всех материалов греческой прессы.

Кампания в болгарской прессе, получившая четкую направленность по отношению к Румынии и Греции, возбуждала беспокойство не только в этих странах, но и в Турции. Большое внимание уделяла ей и английская дипломатия. В январе 1939 г. Софию посетил член английской палаты общин, секретарь группы имперской политики Кеннет де Курси. Расточая в официальных заявлениях похвалы «мудрой позиции Болгарии», которая оставляет якобы «прекрасное впечатление за границей, в частности в Англии»¹⁵⁸, он внимательно изучал внутривосточную борьбу в стране и ее отношения с соседями, в особенности с Румынией.

Вопрос о болгарских притязаниях к Румынии особенно усиленно обсуждался и в мировой печати, и в болгарской прессе в канун сессии Балканского пакта в Бухаресте, что заставляло

¹⁵⁸ DA ДСИП, ЛП, 1939, пов. бр. 249, 1—14. Месечни извештај МИП-а за јануар 1939 г. (Бугарска).

предполагать умелую режиссуру, уводившую болгарское общественное мнение в заданном направлении, в сторону от вопроса о выходе в Эгейское море. По наблюдению югославской дипломатии, такая направленность объяснялась двумя причинами: во-первых, требования относительно Южной Добруджи были наиболее бесспорными с этнической точки зрения; во-вторых, существовали мнения, что Венгрия при поддержке Германии и Италии выступит с инициативой решения проблемы меньшинств в Румынии¹⁵⁹.

19 февраля 1939 г., когда турецкий министр иностранных дел Сараджоглу проезжал через Болгарию, между ним и болгарским премьер-министром состоялась беседа, во время которой Сараджоглу поднял вопрос о возможности присоединения Болгарии к Балканскому пакту. В ответ Кьосеиванов разъяснил позицию Болгарии: она не может отказаться от своих «национальных аспираций», хотя и намерена добиваться их мирным путем. Присоединение Болгарии к Балканскому пакту в том виде, в каком он существовал в тот момент, означало бы, что она гарантировала границы своих соседей и отказалась от притязаний к Румынии и Греции¹⁶⁰. Такая позиция не была чем-то новым и неоднократно подчеркивалась в официальных заявлениях болгарских государственных деятелей. Новыми, однако, были два момента: во-первых, были точно указаны притязания к Румынии и Греции, о чем до того времени ни одно официальное лицо не упоминало прямо как о цели болгарской политики. Во-вторых, что было особенно важно, Кьосеиванов заявил, что даже в случае частичного удовлетворения болгарских пожеланий (имелось в виду возвращение Южной Добруджи) можно было бы вести речь о присоединении Болгарии к Балканскому пакту¹⁶¹. Другими словами, дальнейший курс болгарской внешней политики ставился в прямую зависимость от решения указанных вопросов.

Параллельно со встречей Сараджоглу с Кьосеивановым состоялся визит греческого премьер-министра Метаксаса в Белград, где он имел встречи с Цветковичем, Цинцар-Марковичем и был принят принцем-регентом Павлом¹⁶². Документов о его переговорах с югославскими государственными деятелями в распоряжении исследователей нет. Однако можно не сомневаться, что обсуждению подверглись многие из тех вопросов, которые стояли в повестке дня предстоявшей сессии Балканского пакта.

¹⁵⁹ ДА ДСИП, ЛП, 1939, пов. бр. 309, 1—3. Циркулярное письмо югославского МИД от 28 марта 1939 г. об отношении Болгарии к Балканскому пакту.

¹⁶⁰ ДА ДСИП, ЛП, 1939, пов. бр. 309, 1—3. Циркулярное письмо югославского МИД от 28 марта 1939 г.

¹⁶¹ Там же.

¹⁶² ДА ДСИП, ЛП, 1939, пов. бр. 293, 1—14. Месечни извештај МИП-а за фебруар 1939 г. (Грчка).

Сложность международного положения и боязнь утечки информации привели к тому, что открывшаяся 20 февраля в Бухаресте сессия Постоянного совета Балканского пакта проходила в обстановке, отличавшейся от прежних конференций. Как всегда, ей сопутствовала серия приемов, обедов, официальных встреч с речами и политическими тостами, однако рабочие заседания проводились только четырьмя министрами, которые заседали одни и лишь в редких случаях привлекали к обсуждению отдельных вопросов сопровождавших их лиц. Поэтому кулуарные разговоры, служившие прежде источником информации, на этот раз не содержали ничего интересного. Действительные сведения можно было получить только от одного из министров иностранных дел четырех стран Балканского пакта или от короля Кароля, который постоянно беседовал с ними¹⁶³.

Наиболее сложным и в то же время показательным для состояния Балканского пакта явилось обсуждение вопроса о его досрочном продлении на дальнейшие 5 лет. В соответствии с § 8 Дополнительного протокола к Балканскому пакту, подписанному 9 февраля 1934 г., тот действовал в течение 7 лет, до 9 февраля 1941 г., и подлежал автоматическому продлению на следующий срок, если за год до окончания его действия не последует его денонсация. Вместе с тем протокол предусматривал возможность досрочного продления пакта. Эту возможность и хотели использовать дипломатия Турции, Греции и Румынии. Однако против такого предложения решительно выступила Югославия, мотивировавшая свою позицию тем, что подобный шаг мог бы создать «впечатление, что государства Балканского пакта занимают какую-то демонстративную позицию»¹⁶⁴. При этом югославская дипломатия не скрывала, что она хотела избежать таких шагов, которые дали бы повод Германии и Италии истолковать их как демонстрацию по отношению к ним или как политику погони за двумя зайцами¹⁶⁵, а также были бы расценены и как антиболгарский выпад.

¹⁶³ AA (Bonn), Pol. Abt. IV, Po 4 Balkan, Bd. 2, Pol IV 1265/39. Фабрициус (Бухарест) — в Берлин 24 февраля 1939 г.

¹⁶⁴ ДА ДСИП, ЛП, 1939, пов. бр. 263, 1—5. Циркулярное письмо югославского МИД 25 февраля 1939 г. об итогах сессии Постоянного совета Балканского пакта в Бухаресте 20—23 февраля 1939 г. В беседах с германскими дипломатами, в частности с германским посланником в Белграде Гереном, югославский министр иностранных дел Цицар-Маркович прямо ставил себе в заслугу, что ему удалось помешать намерениям других участников Балканского пакта, в частности Румынии, придать конференции Балканской Антанты демонстративный характер и что он с самого начала стремился к тому, чтобы конференция носила характер чисто рабочего заседания с ограниченным кругом вопросов.— AA (Bonn), Pol. Abt. IV, Po 4 Balkan, Bd. 2, Pol IV 1368/39. Герен (Белград) — в Берлин 2 марта 1939 г.

¹⁶⁵ AMZV, Telegramy došlé, č. 168/1939. Ф. Веверка (Бухарест) — в Прагу 22 февраля 1939 г.

Позиция Югославии вызвала недовольство у остальных членов Балканского пакта. Среди них появились даже голоса, что она подыгрывает странам «оси» и желает сохранить за собой такую же свободу рук, какой она добилась ранее в Малой Антанте¹⁶⁶. Хотя обсуждение вопроса о досрочном продлении Балканского пакта выявило особую точку зрения Югославии, ее позиция не отличалась так уж сильно от мнения Румынии. Несколько дней спустя после окончания конференции Балканского пакта румынский министр иностранных дел Гафенку заверял германского посланника, что, как они условились с Цинцар-Марковичем, «Балканская Антанта ни в коем случае не должна стать инструментом, направленным против Германии»¹⁶⁷. Близость взглядов Югославии и Румынии в этом вопросе показывала возраставший отход этих стран от Турции и Греции в проведении согласованной линии Балканского пакта как единого блока на международной арене.

Обсуждение вопроса о досрочном продлении Балканского пакта закончилось по предложению Югославии принятием решения действовать далее в соответствии с буквой Дополнительного протокола от 9 февраля 1934 г., т. е. считать Балканский пакт продленным автоматически на последующие 7 лет, если до 9 февраля 1940 г. не последует отказов от него его членов.

Министры иностранных дел стран Балканского пакта рассмотрели также широкий круг вопросов, касавшихся международного положения и позиции Балканской Антанты на мировой арене. Был обсужден вопрос об отношении Балканской Антанты к Антикоминтерновскому пакту. Конференция пришла к выводу, что страны Балканской Антанты не должны присоединяться к «идеологическим группировкам», которые были бы направлены против одной или нескольких держав¹⁶⁸. Такое решение свидетельствовало о понимании, что под ширмой Антикоминтерновского пакта на деле скрывалась группировка фашистских держав, направленная также и против западных держав и США. В то же время единственное конкретное решение, принятое на конференции о признании де-юре правительства Франко в Испании¹⁶⁹, свидетельствовало о том, что Балканская Антанта готова идти на сотрудничество с фашистскими режимами и не безраз-

¹⁶⁶ AMZV. Vyslanectví v Bukurešti, PZ, č. j. 180/dův., г. 1939, z. b. č. 9/1. Веверка (Бухарест) — в Прагу 25 февраля 1939 г.

¹⁶⁷ ADAP, Serie D, Bd. V, Dok. N 304, S. 335. Фабрициус (Бухарест) — в Берлин 27 февраля 1939 г.

¹⁶⁸ Да ДСИП, ЛП, 1939, пов. бр. 263, 1—5. Циркулярное письмо югославского МИД от 25 февраля 1939 г.

¹⁶⁹ Там же. В решении конференции отмечалось, что каждая страна Балканского пакта сама решит, когда и в какой форме она установит свои отношения с франкистским правительством в Испании.

лично к событиям в Испании, отношение к которым выявляло в тот период весь спектр политических настроений в мире.

Обсуждались на конференции и отношения с Советским Союзом. Однако документы донесли только один штрих, впрочем достаточно ясно характеризовавший умонастроения участников сессии. Так, по сообщению Цинцар-Марковича германскому посланнику в Белграде сразу же по возвращении из Бухареста, конференция рассмотрела советское предложение о заключении Черноморского пакта и решительно отклонила его¹⁷⁰. Румынский же министр иностранных дел Гафенку в беседе с германским посланником в Бухаресте, наоборот, утверждал, что советское предложение о Черноморском пакте даже не упоминалось на конференции и что ни Румыния, ни Турция не имеют ни малейшего желания обсуждать его¹⁷¹. И хотя оставался открытым вопрос, откуда ему были известны намерения Турции, если такое предложение даже не обсуждалось, было все же ясно, что те страны Балканского пакта, которых оно непосредственно касалось, были настроены отрицательно к советской инициативе.

Все перечисленные выше моменты однозначно указывали на то, что Балканский пакт как политический блок значительно ослабел, что его действительность упала, а рост тенденций к занятию нейтральной позиции в международных делах сопровождался усилением если не прямо антисоветской направленности, то во всяком случае укреплением нежелания сотрудничать с Советским Союзом.

Значительное место в работе конференции заняло обсуждение вопросов, связанных с отношением к Болгарии. Этот пункт нашел частичное отражение и в заключительном коммюнике. В нем говорилось, что члены Постоянного совета Балканского пакта вновь приветствовали заключение Салоникского соглашения от 31 июля 1938 г. как проявление воли к сотрудничеству на Балканском полуострове, основанном на «доверии, полнейшем равенстве и абсолютном уважении их границ». Формулировка об абсолютном уважении границ была ответом конференции на кампанию в болгарской прессе и среди общественности против Нейского договора и его территориальных положений. Особую нервозность в этом вопросе проявляла греческая делегация. Возглавлявший ее премьер-министр и министр иностранных дел Метакас, разъясняя греческую позицию германскому посланнику Фабрициусу, говорил, что Греция по-прежнему готова предоставить Болгарии экономическую свободную зону в Дедеагаче и Салониках, но выступает решительно против territori-

¹⁷⁰ AA (Bonn), Pol. Abt. IV, Po 4 Balkan, Bd. 2, Pol IV 1191/39. Герен (Белград) — в Берлин 24 февраля 1939 г.

¹⁷¹ ADAP, Seric D, Bd. V, Dok. N 304, S. 335. Фабрициус (Бухарест) — в Берлин 27 февраля 1939 г.

альных уступок. Точно такую же позицию в этом вопросе занимает и Турция, которая не желает к тому же быть отделенной от Греции болгарским коридором¹⁷².

Германский посланник в Бухаресте, внимательно следивший за ходом конференции, полагал также, что Румыния не может быть принуждена к территориальным уступкам в пользу Болгарии, тем более в период стабилизации королевской диктатуры. Однако союзники Румынии по Балканской Антанте, особенно Югославия, не возражали бы против уступки Южной Добруджи. По сведениям германской дипломатии, Цинцар-Маркович, например, считал, что таким путем можно было бы хоть что-нибудь сделать для Болгарии. Но он не настаивал перед румынским правительством на таком шаге, а отметил только необходимость проявить уступчивость по отношению к болгарскому национальному меньшинству в Румынии¹⁷³. Конференция приняла решение сохранить прежнюю точку зрения Балканского пакта на болгарские притязания¹⁷⁴.

Характеризуя общие итоги конференции Балканской Антанты в Бухаресте, чехословацкий посланник Веверка отмечал, что она оставила положение вещей в прежнем виде, «что само по себе является достижением»¹⁷⁵. Признать такие результаты «достижением» можно было только на фоне глубоких изменений, вызванных в международной политике мюнхенским сговором, который привел к крушению многих прежних союзов и соглашений, к падению роли малых и средних государств в международных делах и распаду их блоков, как это случилось, например, с Малой Антантой.

Но значение конференции в Бухаресте не исчерпывалось только решениями, принятыми всеми четырьмя членами Балканского пакта. Во время работы конференции состоялись также двусторонние встречи, например обмен мнениями между Румынией и Югославией по вопросу об отношении к Германии. Если судить по заявлениям Цинцар-Марковича германским посланникам в Бухаресте и Белграде, то он не упускал в ходе работы конференции ни одного подходящего случая, чтобы подчеркнуть румынским государственным деятелям, что при развитии отношений с Германией они должны брать за образец югославскую политику¹⁷⁶. Он полагал, что Румыния оценивает сложившееся

¹⁷² AA (Bonn), Pol. Abt. IV, Po 4 Balkan, Bd. 2, Pol. IV, 1265/39. Фабрициус (Бухарест) — в Берлин 24 февраля 1939 г.

¹⁷³ Там же.

¹⁷⁴ ДА ДСИП, ЛП, 1939, пов. бр. 263, 1—5. Циркулярное письмо югославского МИД от 25 февраля 1939 г.

¹⁷⁵ AMZV, Telegramy došlé, č. 168/1939. Веверка (Бухарест) — в Прагу 22 февраля 1939 г.

¹⁷⁶ ADAP, Serie D, Bd. V, Dok. N 299, S. 331—332. Фабрициус (Бухарест) — в Берлин 21 февраля 1939 г.

соотношение сил исключительно реалистически, и эти настроения вскоре найдут свое проявление в формировании новых экономических отношений с Германией. И тогда, как это имело ранее место в Югославии, экономические отношения скоро пойдут на пользу и политическим¹⁷⁷.

На конференции в Бухаресте Цинцар-Маркович и Гафенку обсудили также вопрос об отношении их стран с Венгрией. Коснувшись этого аспекта в беседе с Фабрициусом, Цинцар-Маркович отметил только, что, насколько ему известно, Германия непосредственно не заинтересована в этом вопросе. И поскольку для Румынии в настоящее время не представляется возможным обсуждать территориальные проблемы, то следует спокойно выждать дальнейшего развития событий¹⁷⁸. Другие страны Балканского пакта не участвовали в обсуждении этого вопроса. Греция, как говорил Фабрициусу греческий посланник в Бухаресте К. Коллас, стоит, как известно, на точке зрения, что внебалканские конфликты не касаются Балканской Антанты¹⁷⁹.

Со своей стороны фашистские государства постарались усилить расхождения между участниками Балканского пакта в этом вопросе. 23 февраля, в день опубликования заключительного коммюнике о сессии Постоянного совета Балканского пакта, состоялась официальная церемония присоединения Венгрии к Антикоминтерновскому пакту. Зная пристрастие фашистской дипломатии к символическим жестам и демонстративным поступкам, вряд ли можно считать такое совпадение в датах случайным стечением обстоятельств.

Если Румыния и Югославия в ходе работы самой конференции показали наличие у них ряда интересующих их проблем, выходящих за рамки общих интересов Балканского пакта, то Турция и Греция сразу же после окончания работы конференции продемонстрировали существование между ними особо тесных связей.

Греческие правящие круги постарались представить итоги бухарестской конференции Балканской Антанты как большое достижение греческой дипломатии. При возвращении из Бухареста власти организовали Метакасу торжественную встречу в Салониках. Выступая в Килкисе (возле Салоник), Метакас особенно подчеркивал значение фразы о нерушимости границ в заключительном коммюнике конференции Балканской Антанты. Для слушателей не представляло секрета, что пафос его речи

¹⁷⁷ AA (Bonn), Pol. Abt. IV, Po 4 Balkan, Bd. 2, Pol IV 1368/39. Герен (Белград) — в Берлин 2 марта 1939 г.

¹⁷⁸ ADAP, Serie D, Bd. V, Dok. N 299, S. 331—332. Фабрициус (Бухарест) — в Берлин 21 февраля 1939 г.

¹⁷⁹ AA (Bonn), Pol. Abt. IV, Po 4 Balkan, Bd. 2, Pol IV 1265/39. Фабрициус (Бухарест) — в Берлин 24 февраля 1939 г.

был направлен против болгарских требований. Он утверждал, что единство Балканской Антанты ныне окрепло, как никогда прежде. В адрес Болгарии, не назвав ее, однако, прямо, Метаксас сказал: «Глубоко преданные идее мира почетного и справедливого, мы надеемся, что и другие балканские народы примкнут к нашим рядам на условиях, на которых была образована наша Антанта». Другими словами, Болгарии предлагалось отказаться от своих претензий и гарантировать границы всех своих соседей.

Метаксас задержался в Салониках, чтобы встретить здесь турецкого министра иностранных дел Ш. Сараджоглу, визит которого вылился в манифестацию турецко-греческой дружбы. В Афинах на обеде, устроенном в его честь Метаксасом, Сараджоглу говорил: «Полное единство связывает наш народ с вашим, и эти связи настолько сильны, что и счастье, и несчастье будут для нас общими»¹⁸⁰⁻¹⁸¹.

Для греческих официальных лиц союз с Турцией олицетворял безопасность самой Греции и залог прочности Балканской Антанты, что в сумме должно было представлять достаточные гарантии от притязаний правителей монархо-фашистской Болгарии¹⁸². Демонстрация дружбы с Турцией не только смягчала внешнеполитическую озабоченность Греции, но и представляла оружие против противников авторитарного режима, т. е. играла немалую внутривластную роль¹⁸³. В оппозиционных же кругах господствовали скептические нотки в оценках прочности греко-турецкого союза. На общественное мнение, особенно переселенцев из Турции, оказывало значительное влияние обращение турецких властей с оставшимися там греками, которые побуждались различными способами к переселению¹⁸⁴.

Чем же являлся греко-турецкий союз на деле? Чехословацкий поверенный в делах в Афинах считал, что дружественные отношения двух стран поддерживались, во-первых, стремлением противостоять выходу балканских славян к Эгейскому морю; во-вторых, экспансионистской политикой Италии в районе Средиземного моря и, в-третьих, несомненными проанглийскими политическими симпатиями греческих и турецких правителей при их обоюдном желании остаться в стороне от конфликта великих держав. Такой союз, полагал чехословацкий дипломат, нельзя называть союзом на жизнь и на смерть. Он является скорее друж-

¹⁸⁰⁻¹⁸¹ ДА ДСИП, ЛП, 1939, пов. бр. 293, 1—14. Месечни извештај МИП-а за фебруар 1939 г. (Грчка).

¹⁸² Там же.

¹⁸³ АА (Bonn), Pol. Abt. IV, Po 4 Balkan, Bd. 2, Pol. IV 1436/39. Германская миссия в Афинах — в Берлин 4 марта 1939 г.

¹⁸⁴ AMZV, Vyslanectví v Athénách, PZ, č. j. 76/dův., г. 1939, z. b. č. 3/1. А. Берка (Афины) — в Прагу 3 марта 1939 г.

бой по расчету, причем дружбой, не прошедшей через тяжелые испытания¹⁸⁵.

Что же касается турецкой дипломатии, то и она не могла похвастать большими успехами: в частности, ей не удалось ни склонить Болгарию к присоединению к Балканской Антанте, ни добиться досрочного продления Балканского пакта, ни тем более расширить обязательства входивших в него государств и распространить их на случай совместной обороны при нападении со стороны небалканского государства. О последнем как о цели внешней политики Турции откровенно писала накануне сессии Балканского пакта в Бухаресте турецкая правительственная пресса, подчеркивая, что в этом случае Балканская Антанта превратилась бы в блок, располагающий силой и влиянием великой державы¹⁸⁶.

Все планы турецкой внешней политики были направлены на обеспечение безопасности страны перед лицом агрессивной итальянской политики. Неудавшаяся попытка заручиться поддержкой своих союзников по Балканскому пакту в этом вопросе, отрицательное отношение к советскому предложению о заключении Черноморского пакта и обстановка неуверенности в дальнейшем развитии международного положения усиливали зависимость Турции от Англии, со стороны которой она не получала, однако, никаких конкретных обещаний.

В целом бухарестская сессия Балканской Антанты показала рост дезинтегрирующих элементов внутри этого союза, выявила как никогда ранее четкую тенденцию к обособлению греко-турецкой и румыно-югославской групп и дала возможность проявиться особой позиции Югославии, которая желала сохранить в рамках Балканского пакта свободу рук в политике по отношению к Германии и Италии. Все это превращало Балканскую Антанту в рыхлое политическое объединение с сомнительной способностью к активным действиям, сохранявшую свое значение только в сфере страховки от стремлений к пересмотру границ Болгарии, установленных Нейским договором.

Итоги и решения бухарестской сессии Балканской Антанты не оказали сколько-нибудь заметного влияния на международные отношения. Их влияние сказалось в наибольшей мере на внутривнутриполитическом положении Болгарии.

Официальное коммюнике сессии Балканского пакта, которое было перепечатано всей болгарской прессой, вызвало разочарование в буржуазных политических кругах. По общему убеждению этих кругов тезис о неизменности границ на Балканах был

¹⁸⁵ Там же.

¹⁸⁶ AMZV, Vyslanectví v Ankaře, PZ, č. j. 46/dův., г. 1939, z. b. č. 5/1. В. Корен (Анкара) — в Прагу 28 февраля 1939 г.

внесен в текст коммюнике по настоянию Румынии и Греции. По сообщению чехословацкого посланника в Софии, в кулуарах Народного собрания, которое после десятидневного перерыва возобновило свои заседания, решение сессии Постоянного совета Балканского пакта подвергалось острой критике. К ней присоединился, например, и правительственный депутат, председатель внешнеполитической комиссии Народного собрания Говедаров¹⁸⁷. Депутат П. Стайнов внес запрос, какую трактовку дает правительство принятому конференцией Балканского пакта коммюнике¹⁸⁸. Однако правительство не торопилось с ответом на него, как, впрочем, и с ответом на другие запросы внешнеполитического характера.

Настроения болгарских правящих кругов отчетливо проявились во время двухдневного пребывания царя Бориса в Белграде 28 февраля — 1 марта 1939 г. В беседе с принцем-регентом Павлом и А. Цинцар-Марковичем царь Борис подчеркнул возбужденное состояние болгарского общественного мнения и указал на то, что он не может понять, почему при «реорганизации» Юго-Восточной Европы Болгария одна должна остаться с пустыми руками¹⁸⁹.

Оценивая положение Болгарии после бухарестской сессии Балканского пакта, германский посланник в Софии отмечал, что никогда еще среди болгарской общественности не была так заметна разграничительная черта, отделявшая Болгарию от Балканского пакта. Отрицательный внешнеполитический баланс подрывал позиции правительства, противопоставлял его осторожную политику националистическим настроениям буржуазных слоев в стране. «Я не могу представить себе, что это состояние продлится еще долго», — заключал свои раздумья германский посланник¹⁹⁰.

В этой связи германские военные и политические круги сочли своевременным поставить перед Болгарией в конце февраля вопрос о присоединении к Антикоминтерновскому пакту, обещая взамен предоставить кредит на вооружение на сумму в 45 млн. марок¹⁹¹. Но Болгария отклонила это предложение. Болгарский

¹⁸⁷ AMZV, Vyslanectví v Sofii, PZ, č. j. 127/dův., r. 1939, z. b. č. 9/1. П. Макса (София) — в Прагу 24 февраля 1939 г.

¹⁸⁸ Стенографски дневници на XXIV ОНС, I редовна сесия, кн. II, с. 1753.

¹⁸⁹ AA (Bonn), Pol. Abt. IV, Po 3 Bulgarien — Jugoslawien, Bl. 191, Pol IV 1337/39. Герен (Белград) — в Берлин 2 марта 1939 г.

¹⁹⁰ AA (Bonn), Pol. Abt. IV, Po 4 Balkan, Pol IV 1245/39. Рюмелин (София) — в Берлин 24 февраля 1939 г.

¹⁹¹ ADAP, Serie D, Bd. V, Dok. N 301, S. 333—334. Письмо Вайцзеккера в Верховное командование военно-воздушных сил 23 февраля 1939 г.; там же, док. № 302, с. 402. Меморандум Вайцзеккера от 24 февраля 1939 г.; см. также: *Михова Хр., Живкова Л.* Политиката на Германия и Англия спрямо България в навечерието на втората световна война. — Първи конгрес на Българското историческо дружество, т. I. София, 1972, с. 642—643.

посланник в Берлине Драганов дал на него ответ, что Болгария — слишком слабая страна и она не может позволить себе проводить активную внешнюю политику¹⁹².

Столкнувшись с уклончивой позицией Болгарии, германская дипломатия изменила тактику. Вайцеккер заявил болгарскому посланнику, что он не желал, конечно же, устанавливать причинную связь между предоставлением кредита и присоединением Болгарии к Антикоминтерновскому пакту. Однако в случае предоставления кредита Германия должна иметь гарантии, что политический курс Болгарии не будет идти вразрез с германской политикой¹⁹³. Уже сама постановка вопроса свидетельствовала о том, что Германия была намерена усилить свой нажим на Болгарию, добиваясь от нее перехода на сторону «оси» и высказывая пожелания зафиксировать этот переход в той или иной форме, чтобы получить прочную опору на Балканах и рычаг для воздействия на Балканскую Антанту с целью ее развала.

После бухарестской сессии Балканского пакта в мировой прессе появилось много материалов о болгарских притязаниях к ее соседям. Об этой проблеме начали открыто писать в болгарской печати, прямо называя территории, на которые выдвигались претензии — Южная Добруджа и выход к Эгейскому морю, и выражались надежды, что наступит время, когда «потерянные территории» будут возвращены Болгарии¹⁹⁴. Превращение болгарских территориальных проблем из скрытого вопроса в актуальную международную проблему было одним из поздних следствий мюнхенского сговора и вылилось на поверхность в период бухарестской сессии Балканской Антанты и сразу же после нее.

¹⁹² Генчев Н. Външнполитическата ориентация на Болгария..., с. 160—161.

¹⁹³ АДАР, Serie D, Bd. V, Dok. N 303, S. 334—335. Меморандум Вайцеккера от 24 февраля 1939 г.

¹⁹⁴ ДА ДСИП, ЛП, 1939, пов. бр. 293, 1—14. Месечни извештај МИП-а за февруар 1939 г. (Бугарска).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мюнхенский сговор и события периода «чехословацкого кризиса» затронули все без исключения европейские государства. Велико было их воздействие и на балканские страны. Без учета их позиции и роли в истории мюнхенского предательства, без учета воздействия этого империалистического сговора на балканские страны невозможно воссоздать полную картину событий того времени, представить всю глубину изменений, происшедших на мировой арене, а также проследить непримиримость противоречий между западными державами и фашистскими государствами, одним из важнейших узлов которых были Балканы. Вместе с тем изучение международных отношений в Юго-Восточной Европе того времени проливает дополнительный свет на мюнхенский сговор, открывший фашистским странам путь к войне.

На предмюнхенской стадии конфликта балканские страны следовали в основном за курсом западных держав, проводивших политику умиротворения фашистских агрессоров. Внесли они и свою лепту в процесс ревизии мирных договоров, заключив два соглашения об отказе от ограничительных положений в области вооружений и в вопросе о демилитаризованных зонах. При прямой поддержке западных держав и благожелательном отношении фашистских государств такие соглашения были заключены странами Балканского пакта с Болгарией 31 июля 1938 г. (Салоникское соглашение) и странами Малой Антанты с Венгрией 22 августа 1938 г. (соглашение в Бледе).

Сама мюнхенская конференция стала кульминационным моментом, но не завершением того международного конфликта, который вошел в историю дипломатии также под наименованием «чехословацкого кризиса». Сознательный отход от него западных держав на заключительной, послемюнхенской фазе привел к изменению содержания конфликта, придал ему форму борьбы нацистской Германии за утверждение своей гегемонии в Центральной и Юго-Восточной Европе, что должно было, по расчетам Англии и Франции, привести к столкновению Германии и СССР. В результате сюда, на восток Европы, переместился центр конфликта на его втором этапе, а страны этого региона, находившиеся ранее на «периферии» конфликта, оказались в его

эпицентре. Балканские страны в той или иной мере оказались либо в сфере влияния этого международного конфликта, либо прямо втянутыми в него на отдельных его этапах.

Мюнхенское соглашение, вызвав ломку договорно-правовой системы в Европе, непосредственно затронуло балканские страны. Диктат четырех империалистических держав покончил с Малой Антантой, в результате чего Румыния и Югославия пришли к выводу о прекращении действия их союзнических обязательств по отношению к Чехословакии. Поскольку эти две страны являлись одновременно членами Балканского пакта, последний также не остался в стороне от этих событий, ибо и он, как и Малая Антанта, ориентировался в своей региональной политике на западные страны. Одним же из следствий Мюнхена был подрыв веры в союзническую надежность западных держав, что особенно затрагивало малые и средние европейские государства, в том числе и балканские.

Проведенное исследование показывает, что наиболее драматичные события на Балканах разыгрались в послемюнхенский период. Такие балканские страны, как Румыния и Югославия, оказались прямо втянутыми в «чехословацкий кризис» на его заключительном этапе и сыграли активную роль в ходе подготовки Венского арбитража и срыве венгерской попытки оккупации Закарпатья в конце ноября 1938 г. И хотя обе эти страны продолжали отстаивать свои прежние доводы и лозунги, изменившаяся обстановка привела к парадоксальному изменению их смысла, к фактической смычке их позиции в этих вопросах с действиями гитлеровской Германии. Несмотря на то что с конца 1938 г. международная напряженность, вызванная «чехословацким кризисом», временно спала, конфликтная ситуация продолжала существовать в скрытой форме, а воздействие последствий мюнхенскогоговора усилилось в такой мере, что дает основание для постановки вопроса о степени обратного влияния международных событий на внутривнутриполитическое развитие отдельных стран. Это влияние сказывалось с нарастающей силой особенно на малых европейских государствах. Анализ конкретных политических событий того времени в балканских странах дает обильный материал для таких выводов. Внешнеполитический фактор властно вторгся в политическую жизнь всех балканских государств, заставил все существовавшие там общественно-политические силы и течения по-новому оценить свои цели и продумать пути их достижения, привести в соответствие со своими прогнозами дальнейшего развития событий, по-новому поставить вопрос о возможных внутренних и внешних союзниках.

Мюнхенскийговор и вызванные им сдвиги на международной арене и внутри отдельных государств были на руку реакционным силам. В балканских странах укрепились стоявшие там

у власти антинародные диктаторские и монархо-фашистские режимы. Активизировалась деятельность тех фашистских течений, которые ориентировались на германский фашизм. Правда, конкурентная борьба за власть и различия в тех моделях фашистского строя, к которому тяготели эти силы, привела почти повсеместно к обострению отношений между ними, а местами — даже к репрессиям со стороны правящих кругов против крайних фашистских течений (против «Железной гвардии» в Румынии, цанковистов и др. в Болгарии, лётичевцев в Югославии). В Румынии и Югославии, где существовали значительные немецкие меньшинства, начался быстрый процесс их нацификации и превращения в германскую «пятую колонну», прямо следовавшую указаниям из Берлина. Наконец, гитлеровская Германия приступила в послевоенный период к развертыванию массовой шпионско-агентурной сети во всех балканских странах, для чего раньше она не располагала ни средствами, ни благоприятными возможностями. Все эти явления создали определенный политический климат в балканских странах, оказали мощное влияние на направление их дальнейшего развития.

Обратной стороной этих изменений было ослабление позиций буржуазно-демократических оппозиционных сил, которые под влиянием событий размывались. Повсеместный рост националистических настроений охватил и эти течения, превращая их в резерв реакционных и военно-монархических режимов, с которыми они все больше и больше смыкались в вопросах дальнейшей внешнеполитической ориентации.

Наоборот, в народных массах балканских стран широкое распространение получили антифашистские настроения, которые формировались под влиянием событий и при активной роли коммунистических партий. В послевоенных условиях лозунги компартий об отпоре фашистским агрессорам встречали все большее понимание в массах, а конкретная программа создания правительств «национальной обороны» находила отклик у некоторых политических течений, выступавших против капитулянтской линии своих правительств на международной арене. Но в целом деятельность коммунистических партий развивалась в послевоенный период в неблагоприятных для рабочего класса условиях. Мюнхенский сговор явился тяжелым ударом по международному рабочему движению и проводившейся компартиями работе по созданию народного фронта.

Если сравнить положение, сложившееся после Мюнхена, с существовавшим до него, то невольно складывается впечатление, будто в промежутке между этими двумя периодами над Европой пронесся ураган, который резко изменил соотношение сил на континенте, разорвал старые политические связи, задал новое направление развитию событий, положил начало глубокому

пересмотру взглядов современников на все основные вопросы международного положения, сдвинул их представления об иерархии политических ценностей.

Наряду с обострением внутривосточной борьбы Мюнхен принес балканскому региону огромный рост межнациональных и межгосударственных противоречий. Все конфликтные ситуации, существовавшие ранее в скрытой форме, становились отныне актуальными проблемами как в политической жизни отдельных стран, так и в международных отношениях. Резкое повышение уровня конфликтности превращало балканский регион в удобное поле для интриг фашистских государств, поставивших перед собой цель полного подчинения балканских стран.

Военно-стратегическое, политическое и экономическое значение Балкан превратило их в один из важнейших узлов империалистических противоречий, поскольку преобладающее влияние в этом регионе влекло за собой гегемонию на континенте. Попытки западных держав создать «треугольник мировой торговли» (стерлинговский блок — Юго-Восточная Европа — Германия) в рамках антисоветского сотрудничества с фашистскими государствами на мюнхенской основе наталкивались на упорное нежелание нацистов идти на раздел сфер влияния, на их стремление к установлению полной гегемонии на Балканах.

Такой поворот событий не был случайным явлением. Напротив, он был закономерным следствием политики империалистических держав, дипломатия которых прямо способствовала обострению отношений между странами Центральной и Юго-Восточной Европы. Особенно усердствовала в разжигании их взаимных претензий нацистская Германия, видевшая в стравливании малых и средних государств между собой одно из условий осуществления своих экспансионистских замыслов. На предмюнхенской фазе она усиленно раздувала существовавшие в правящих кругах хортистской Венгрии и «санационной» Польши захватнические замыслы в отношении Чехословакии. Мюнхенский сговор и первый Венский арбитраж, положив начало фашистской перекройке политической карты мира, способствовали дальнейшему росту взаимных подозрений между странами Юго-Восточной Европы. Резко обострились венгеро-румынские отношения, ухудшились отношения Болгарии с Румынией и Грецией. В свою очередь и западные державы — Англия и Франция — включились в политическую игру, связанную с существовавшими территориальными проблемами на Балканах. Они поддерживали и фаворизировали одни страны в ущерб другим, руководствуясь лишь своими корыстными интересами. Так, заинтересованные в позиции Турции и Греции для обеспечения своих стратегических интересов в районе Восточного Средиземноморья, они особенно опекали эти страны, внося дополнительные элементы разлада в деятельность

Балканского пакта. При этом западные державы были не прочь поговорить об удовлетворении болгарских пожеланий, чем считывали повысить свое влияние среди правящих кругов как Болгарии, так и других стран, выступая в роли их показных «друзей». На деле же их курс также способствовал обострению обстановки на Балканах, превратившихся в поле империалистической борьбы за влияние.

Оказавшись в положении объекта борьбы между западными державами и фашистскими государствами, балканские страны в послеюнхенских условиях встали на скользкий путь лавирования между двумя складывавшимися группировками империалистических держав и отказывались от любых форм сотрудничества с СССР. Балканский пакт как региональная организация проявил тенденцию к занятию нейтралистской позиции в борьбе между двумя империалистическими блоками и в то же время показал, что в дальнейшем рассчитывать на него как на инструмент защиты против фашистской агрессии нельзя. Новые тенденции указывали на серьезную модификацию внешнеполитических концепций балканских государств, их приспособление к новым условиям. В то же время стремление балканских стран избежать в тот период односторонней ориентации на Германию свидетельствовало о большой устойчивости факторов, лежавших в основе формирования их внешней политики.

Нейтралитет, который хотели бы сохранить и о котором заявляли после мюнхенского сговора правительства всех балканских стран, отличался рядом специфических черт. В его основе лежали отказ от любых коллективных действий по предотвращению агрессии и желание занять промежуточную позицию между двумя империалистическими группировками. Распространенный в то время лозунг «Подальше от конфликтов великих держав» был показателем процесса становления такого «нейтралистского» курса и как бы ставил знак равенства между западными державами и фашистскими государствами. В послеюнхенских условиях такой курс становился своеобразной формой политики «умиротворения» агрессоров, который проводили малые европейские страны. Обратной стороной подобного курса были антисоветские установки придерживавшихся его малых и средних европейских стран, что на практике выражалось в отказе сотрудничать с Советским Союзом, который рассматривался ими как ближайшая возможная жертва фашистской агрессии.

Анализ конкретной обстановки, сложившейся в послеюнхенский период в Юго-Восточной Европе, показал, что поставленная перед собой нацистской Германией задача установления своего полного контроля над этим регионом сталкивалась с большими трудностями. Предпринятые дипломатией фашистских государств зимой 1938—1939 гг. попытки создать профашистский блок на

Балканах закончились неудачей. Но нацистская дипломатия продолжала упорно следовать по намеченному пути. Готовя расчленение и окончательную ликвидацию Чехословакии, гитлеровцы рассчитывали, что их новый агрессивный акт будет одновременно содействовать установлению германской гегемонии на Балканах. В то же время планирование захвата Чехословакии исходило из более обширного плана развертывания агрессивных действий против западных держав. Частью этого плана были переговоры между Германией, Италией и Японией о заключении между ними военно-политического союза. Параллельно с ведущимися переговорами в Германии и Италии разрабатывались замыслы подчинения балканских стран.

«Военная тревога», вспыхнувшая в Лондоне и Париже во второй половине января 1939 г. в связи с выявившейся угрозой со стороны фашистских государств, заставила западные державы подойти к проблемам своей балканской политики под новым углом зрения. Не отказываясь от политики «умиротворения» и рассчитывая на заключение нового соглашения с Германией по мюнхенскому образцу, Англия и Франция хотели бы получить для себя известные гарантии, застраховаться на случай неудачи. Такие гарантии они видели в укреплении своего влияния на Балканах, чтобы использовать его не только как рычаг для нового сговора с фашистскими государствами, но и для того, чтобы отвести агрессивные намерения гитлеровской Германии с Запада на Восток. И в начале 1939 г., до захвата нацистами Праги, дипломатия западных держав, в первую очередь английская, изыскивала способы усиления своего влияния в этом регионе, чтобы в случае нового обострения международной обстановки ввести в политическую игру страны Центральной и Юго-Восточной Европы с дальним прицелом столкнуть между собой Германию и Советский Союз. Для реализации указанных замыслов существенное значение приобретало направление внешней политики балканских стран.

Между тем проблема дальнейшей внешнеполитической ориентации стала в начале 1939 г. выходить на передний план политической борьбы внутри каждой балканской страны. Показателем обострения этих противоречий стала смена правительства в Югославии. Особое значение для отстаивания балканскими странами национальной независимости имело их отношение к СССР, без сотрудничества с которым невозможно было создать эффективную систему защиты против фашистской экспансии. Однако упорное нежелание западных держав идти на сотрудничество с ним закрывало эту перспективу. Такое упорство объяснялось существовавшими в правящих кругах западных держав надеждами на новый антисоветский сговор с фашистскими государствами.

Анализ международной обстановки и внешнеполитического положения СССР был дан в Отчетном докладе ЦК ВКП(б), представленном XVIII съезду партии 10 марта 1939 г. В тех условиях он играл роль документа, призванного активно воздействовать на дальнейшее развитие ситуации. В нем содержалась резкая критика политики попустительства агрессорам, цель которой заключалась в натравливании фашистских держав против СССР. Сторонники этой политики квалифицировались как «провокаторы войны, привыкшие загребать жар чужими руками». Констатируя, что мюнхенский период умиротворения мертв, ЦК ВКП(б) высказал серьезное предупреждение в адрес западных держав: «...большая и опасная политическая игра, начатая сторонниками политики невмешательства, может окончиться для них серьезным провалом»¹.

В докладе сурово осуждались действия фашистских государств, объединившихся в «блок трех агрессивных держав», «военный блок агрессоров» и своими действиями фактически начавших новую мировую войну. ЦК ВКП(б) отмечал: «Мы не боимся угроз со стороны агрессоров и готовы ответить двойным ударом на удар поджигателей войны, пытающихся нарушить неприкосновенность Советских границ». Одновременно подчеркивалась принципиальная позиция Советского Союза, который стоит «за поддержку народов, ставших жертвами агрессии и борющихся за независимость своей родины»².

Вместе с тем в Отчетном докладе ЦК ВКП(б) содержались положения, направленные на срыв замыслов империалистических держав изолировать СССР на международной арене, сковать его свободу действий и навязать ему линию поведения, отвечающую их пожеланиям и расчетам. В докладе, учитывавшем такие настроения в политических кругах западных держав, ставилась задача соблюдать осторожность в области внешней политики и не дать возможности «провокаторам войны» втянуть СССР в конфликты. ЦК ВКП(б) заявлял: «Мы стоим за мир и укрепление деловых связей со всеми странами, стоим и будем стоять на этой позиции, поскольку эти страны будут держаться таких же отношений с Советским Союзом, поскольку они не попытаются нарушить интересы нашей страны»³.

Большое практическое значение имело заявление ЦК ВКП(б) о желании СССР продолжать политику мирных, близких и добрососедских отношений со всеми государствами, имеющими с ним общую границу, при условии, что они будут придерживаться таких же отношений с СССР и не попытаются прямо или кос-

¹ XVIII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Стенографический отчет. М., 1939, с. 14.

² Там же, с. 15.

³ Там же, с. 15.

венно нарушить его интересы. Такое заявление встретило, в числе прочих стран, положительный отклик в Румынии, о чем сообщил румынский посланник в Лондоне В. Тия советскому послу⁴.

Оценки, данные международному положению в материалах XVIII съезда ВКП(б), нашли свое подтверждение буквально через несколько дней после их обнародования. Новый агрессивный акт гитлеровской Германии — захват Праги и Чешских земель 15 марта 1939 г., образование марионеточного Словацкого государства и его оккупация германскими войсками — все это не только фактически, но и формально подвело черту под всем послемиюнхенским периодом с его политическими двусмысленностями. Демонстративно нарушив мюнхенское соглашение, гитлеровская Германия открыто бросила вызов западным державам, поставила под угрозу независимость и свободу европейских народов, подвела человечество к грани новой мировой войны.

События 15 марта 1939 г. поставили все балканские страны перед дилеммой — куда и с кем идти дальше? Станет ли вся Юго-Восточная Европа сферой исключительного германского влияния, а расположенные здесь государства — германскими сателлитами и марионетками, или же им удастся отстоять свою независимость, опираясь на поддержку других великих держав? Сам факт, что такая дилемма встала во весь рост после захвата гитлеровцами Праги, свидетельствовал о начале нового и еще более глубокого кризиса в международных отношениях: Европа вступила в период предвоенного политического кризиса.

---

⁴ СССР в борьбе за мир..., док. № 151, с. 236—237. Майский (Лондон) — в Москву 15 марта 1939 г.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Авендер Я. 211
Аджемович Б. 129, 134
Александр, король 100, 213, 215, 216, 225
Андрич И. 37, 39, 66, 258, 260, 265, 275
Антонеску И. 228, 229
Антонов Н. 76, 77, 127, 145
Арас Р. 73, 76, 79, 85, 130, 133, 134, 137, 138, 146—148, 153, 156, 157, 159, 161, 164, 165
Арпаг Х. 136, 137, 144
Ататюрк К. 92, 128, 142, 143, 165, 172, 288
Аттолико 65, 85
Ачимович М. 222, 223, 276
- Багрянов И. 117, 127
Бардоши 25
Барту Л. 100
Барча 283
Батлер 153, 156, 157
Баяр Д. 79, 130, 137, 138, 140, 165
Бек Ю. 18, 20, 21, 38, 47, 50—52, 246, 247, 263, 302
Бенеш 23, 24, 28, 47, 53, 105
Бетман-Гольвег 106
Бешшенъен 263
Бибика-Розетти Р. 268
Бивербрук 183
Бобан Л. 279
Боннэ Ж. 143, 178, 190, 192—194, 202, 274
Борис, царь 78, 79, 84, 86—88, 92, 93, 99, 102, 104—107, 109, 112, 114—116, 118, 121, 123, 126, 142, 270, 286, 287, 312
Босси Р. 260
Братиану Г. 60, 232, 234, 254
Братиану Д. 227, 232
Брекар 205
Бриан 4, 26, 96
Бужой И. 284, 286
Буллит У. 274
Буров А. 108
Бюлов фон 114
- Вайцсеккер Э. 85, 123, 171, 297, 313
Ванситтарт Р. 194
Веверка Ф. 51, 245, 308
Веззенмайер Э. 278, 299
Велчек И. 202
Вендт Б.-Ю. 182, 186
Виллачи 31, 263
Вильгельм II 178
Вильсон Г. 179, 181, 194
Винке 186
Винчи Л. 258, 261
Вольтат Г. 284, 285
- Галифакс 33, 104, 140, 153, 156, 157, 159, 164, 184, 186, 190, 196—198, 235—241, 258, 275
Гафенку Г. 57, 252—254, 271—273, 279, 284, 286, 302, 306, 307, 309
Гаха Э. 47
Геббельс 103
Геблеску Д. 34, 35
Гендерсон Н. 23, 24, 206
Генлейн 148
Генов Г. П. 125
Генчев Н. 111
Георг II 92, 241
Георг VI 235
Георгиев К. 111
Герен 43, 45, 67, 121, 209, 211, 215, 218, 220, 221, 224, 270, 277, 278, 281, 305
Геринг В. 40, 51, 58, 75, 105, 107, 186, 234, 244, 245, 254
Гесс 299
Гитлер 29, 30, 32—34, 36, 49, 60, 78, 102, 104—107, 123, 158, 159, 171, 181, 182, 184, 191, 194, 195, 200, 201, 207, 218, 234, 239, 242, 244, 245, 248, 250, 254, 261, 272, 273, 281
Гичев Д. 116
Говедаров 312
Гога О. 228
Грассль Г. 209—211
Григорча В. 235, 242
Гувер Г. 199

- Давидович Л. 219
 Давиз С. 143
 Даладьё Э. 178, 190, 238
 Дамаскинос 168
 Данаилов Г. 116
 Дараньи К. 48, 49
 Даскалов Т. 117
 Дафнис Г. 11
 Де ла Уарр 31, 35
 Дембицкий Р. 18, 34, 41, 151
 Дёрнберг фон 253
 Джорджевич В. 217
 Джуvara P. 39, 253
 Димов В. 103
 Дирксен Г. 185, 186
 Драганов 123, 124, 313

 Ефтич Б. 215, 217

 Жданов А. А. 174
 Живкова Л. 11
 Живкович П. 215—217

 Замфиреску А. 31

 Иден А. 102
 Имреди Б. 22, 28, 257, 282
 Иненю И. 130, 165—167, 170, 172, 288, 296, 297
 Иванович Д. 218
 Йованович Д. 222
 Йованович И. 219, 279
 Йорга Н. 230

 Кадоган А. 104, 186, 235, 237
 Калинеску А. 228, 229, 251, 283, 284, 286
 Канчиков М. 33
 Кая К. 27, 63, 257
 Кароль II 16, 24, 31, 35, 42, 43, 50, 51, 59—61, 90, 92, 123, 142, 233—236, 238—248, 254, 271, 272, 284, 285, 305
 Касдолац Д. 33
 Кая Ш. 149, 165
 Келлер А. 141, 146, 172
 Келлог 4, 26, 96
 Кеннеди Д. 184
 Кеннет де Курси 303
 Кентская, герцогиня 278
 Кирилл, принц 110
 Киров С. 90, 111
 Клейст Э. 294, 295
 Клодиус К. 75, 248, 249
 Кодряну К. 230, 247, 249, 254
 Козма М. 63
 Коллас К. 309
 Комарницкий Т. 31

 Комнен Н. 24, 25, 27, 31, 33—35, 37—39, 42, 44, 48, 51, 54, 55, 57, 59—61, 63, 67, 156, 229, 235, 237—243, 245, 246, 248, 250, 251
 Конради 244, 272
 Константинеску А. 60
 Константинеску М. 284
 Кордт Т. 179, 181
 Корошеч А. 216, 219, 221, 222, 276—278
 Кошутич А. 212, 223
 Кошугич М. 212, 213
 Крал В. 53
 Крамер А. 215
 Крецяну А. 234
 Кристя М. 228, 284
 Кролль Г. 86, 141, 153, 162, 172, 173
 Кросфилд Д. 78
 Крофта К. 24, 27, 28, 45
 Крупка 33
 Круцеску Р. 55, 251
 Кулондр Р. 77, 145, 175, 191, 195
 Кьосеянован Г. 70, 71, 74, 78, 79, 85, 88—91, 98, 101—103, 108, 109, 112, 114, 117—121, 123—127, 279, 286, 287, 304
 Кэмпбелл Р. 122, 225, 226, 267, 271, 275

 Лазаревич Б. 150
 Лазаревич М. 138, 167
 Лазич Д. 222
 Лауфер 114
 Лей 112
 Лейт-Росс Ф. 185, 186, 235
 Лётич Д. 188, 218
 Линардатос С. 11
 Липа Я. 28, 33, 37, 58, 278
 Липский 51
 Литвинов М. М. 36, 76, 127, 175, 195, 196, 259
 Ллойд Джордж 194
 Лорэн П. 78, 94, 130, 153, 172
 Лубеньский М. 50—52, 262
 Луиг В. 211
 Лукасевич 242
 Луков 110, 113, 114, 188

 Маврудис 94, 159
 Майский И. 181, 194
 Макензен 263, 270
 Макс Гогенлое 186
 Макса П. 87, 101, 103, 108, 109, 112, 121
 Маниу Ю. 227, 232
 Маркерт 200
 Масарик Т. 102

- Масарик Я. 239
 Массильи Р. 172
 Мацанкиев 103, 111
 Мачек В. 209, 212, 214, 219, 220, 223, 224, 226, 275, 279, 299, 300
 Менеменджюглу Н. 141, 144, 146, 147, 161, 171, 297
 Меркати 170
 Метакас И. 80, 91, 132, 135, 136, 138, 142, 148, 154, 157—160, 164, 167—170, 288, 304, 307, 309, 310
 Мештрович И. 279
 Михай, принц 235
 Михайлов И. 100, 134, 149—152
 Молотов В. М. 174
 Момчилов Н. 183
 Моиро 242
 Москов А. 116
 Мосанов С. 75, 117
 Муссолини 24, 48, 59, 64, 104, 130, 195—197, 202, 218, 256, 270
 Мушанов Н. 98, 108, 116

Наполеон 106, 178
 Натчбулл-Хьюджесен Х. 172
 Недич Милан 218
 Недич Милутин 275
 Неофит 108
 Николаев 101
 Николов 111
 Никольсон Г. 78

Орловский Л. 262

Павел, принц-регент 28, 30, 53, 59—61, 64, 92, 122, 151, 208, 219—221, 225, 226, 234, 265—267, 269—271, 273, 275, 278—281, 304, 312
 Пайяр Ж. 195
 Папагос 169
 Пападимас 160
 Папен фон 129
 Пастухов К. 116
 Пеев Й. 110, 111
 Петков Н. 111
 Петреску-Комнен см. Комнен Н.
 Пипинелс П. 11
 Пластирас 168
 Плечевич Ч. 214
 Понинский 302
 Понсо А. 172
 Понсэ Ф. 197
 Попцвятков Г. 110
 Потемкин В. П. 165, 166, 297
 Протич В. 17, 45, 53

Радев С. 150

 Рачинский Р. 35, 38, 63, 231, 243, 246, 272
 Рачинский Э. 241
 Рашич 64
 Рендель Д. 78—84, 104—109, 113, 118, 168
 Ренсимен 23, 26, 29, 30, 186
 Рибар И. 214
 Риббентроп 26, 27, 39, 52, 55, 56, 65, 105, 195, 197, 202, 244, 261—263, 280, 106, 136, 137, 144, 146, 191—193, 294, 302
 Росс 100
 Рузвельт 199, 201
 Рюмелин 74, 86, 87, 102, 114, 123, 279

Сайдам Р. 165, 172, 288
 Сараджоглу Ш. 165, 167, 296, 304, 310
 Сетон-Уотсон Х. 274
 Симович Д. 275, 281
 Славеску 286
 Смилов Б. 116
 Смилянич Д. 214
 Смирнова Н. Д. 12
 Спахо М. 216
 Стайнов П. 89, 312
 Станоевич А. 219
 Стефан, митрополит 103
 Стоядинович М. 16, 17, 27, 28, 30, 33, 34, 37—39, 41, 43, 45, 46, 53, 59, 61, 63, 67, 68, 73, 74, 86, 87, 100, 103, 119—122, 151, 207, 208, 210, 211, 215—226, 250, 254, 258, 263—268, 270, 273—282, 290, 298
 Субботич И. 30, 156
 Суриц Я. З. 194
 Сыровы Я. 47

Таламо 86, 87
 Тарновский А. 150
 Татареску Г. 18, 25, 227, 251
 Телеки П. 282, 283
 Телемак 172
 Тилья В. 251, 319
 Тисо И. 47
 Тодоров К. 103, 111
 Трифунович М. 279

Уотерлоу С. 138, 159, 164, 168
 Урдаряну Э. 35, 235

Фабрициус 24, 39, 43, 48, 51, 90, 93, 147, 148, 247, 250, 271, 279, 307, 309
 Файне 223, 258
 Фейчер Р. 172
 Филов Б. 108, 117

- Франко 59, 136, 306
Франасовичи Р. 262
Фрейндт А. 213
Фрич 103
Функ В. 112, 127, 148, 162, 163, 180,
181, 184
- Хайдар 268
Ханджиев 107
Хвалковский Ф. 47, 53, 54, 200
Хейяш 63
Хогган Д. 7
Ходжера С. 216
Хор С. 185
Хорти 62
Христич Б. 30, 31, 45, 208, 226, 267
Христов Т. 86, 149
- Цанков А. 108, 113, 116
Цветкович Д. 275—277, 281, 290, 300,
301, 304
Ценеску 284
- Цинцар-Маркович А. 40, 280, 281,
304—309, 312
- Чаки И. 47—49, 254, 257—262, 264
Чакмак 169
Чемберлен 32, 36, 104, 105, 107, 155,
158, 159, 179, 181—183, 185, 186,
190, 191, 196—198, 202, 235—239,
242, 258
Чиано 21, 24, 30, 31, 45, 46, 48, 137,
195, 197, 208, 225, 226, 256—268,
270, 271, 274, 277, 280
Чилстон 196
- Шахт 163
Шоун 30
Штельцер 283
Шуккерт 250
- Эрбах 135, 136, 167, 169, 170
Эсмер А. 11
Эштон-Гуэткин Ф. 185, 186
- Юришич М. 83, 103, 119, 121

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
--------------------	---

Глава первая

«ЧЕХОСЛОВАЦКИЙ КРИЗИС» И ПОЗИЦИЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА ЮГОСЛАВИИ И РУМЫНИИ

1. На пути к Мюнхену. Соглашение в Бледе	16
2. Мюнхенское соглашение и распад Малой Антанты	29
3. Послемюнхенская дипломатическая борьба в Дунайском бассейне и Венский арбитраж	43
4. Хортистская попытка нападения на Чехословакию в ноябре 1938 г. и особенности политической тактики Румынии и Югославию	57

Глава вторая

МЮНХЕН И ВОПРОС О ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ ОРИЕНТАЦИИ БОЛГАРИИ

1. Кризис монархо-фашистского режима и внешнеполитические маневры болгарского правительства	70
2. Ориентация Болгарии на мирный пересмотр Нейиского договора. Салоникское соглашение	77
3. Внешняя политика Болгарии накануне и в период мюнхенского сговора	1
4. Обострение политической борьбы в Болгарии по вопросам внешнеполитической ориентации	112

Глава третья

ПРОБЛЕМЫ БАЛКАНСКОЙ ПОЛИТИКИ ТУРЦИИ И ГРЕЦИИ И МЮНХЕНСКОЕ СОГЛАШЕНИЕ

1. Турция и Греция в системе международных отношений на Балканах в первой половине 1938 г.	129
2. Особенности политической линии турецкой и греческой дипломатии в связи с обострением положения в Европе летом 1938 г.	142
3. Позиция Турции и Греции в период подготовки и проведения мюнхенской конференции. Усиление германского нажима на них	153
4. Смена политического руководства в Турции. Положение Греции в послемюнхенский период	165

Глава четвертая

**БАЛКАНСКАЯ ПОЛИТИКА
ЗАПАДНЫХ ДЕРЖАВ И СТРАН «ОСИ» ПОСЛЕ МЮНХЕНА
И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА ПОЛОЖЕНИЕ В ЮГОСЛАВИИ И РУМЫНИИ**

1. Политика западных держав и борьба гитлеровской Германии за гегемонию на Балканах	174
2. Внутривполитические и международные последствия мюнхенского сговора для Югославии	207
3. Маневрирование Румынии между странами «оси» и западными державами	227

Глава пятая

**БАЛКАНСКИЕ СТРАНЫ
В ПЕРИОД НАЗРЕВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО КРИЗИСА
В ЕВРОПЕ**

1. Попытки Италии и Германии зимой 1938/39 г. сколотить профашистский блок на Балканах	255
2. Усиление внутривполитической борьбы в балканских странах в связи с обострением международной обстановки и проблемой дальнейшей внешнеполитической ориентации	274
3. Балканская Антанта и ее место в международных отношениях в начале 1939 г. Сессия Постоянного совета Балканского пакта в Бухаресте в феврале 1939 г.	293
Заключение	314
Указатель имен	322

Владимир Константинович Волков
МЮНХЕНСКИЙ СГОВОР
И БАЛКАНСКИЕ СТРАНЫ

Утверждено к печати
Институтом славяноведения и балканистики
АН СССР

Редактор издательства **Г. В. Моисеенко**
Художник **А. А. Иванов**
Технический редактор **Л. Н. Золотухина**
Корректоры **Ю. Л. Косорыгин, Е. В. Шевченко**

ИБ № 5238

Сдано в набор 12.04.78
Подписано к печати 27.06.78. Т-09274
Формат 60×90^{1/16}. Бумага типографская № 2
Гарнитура литературная. Печать высокая
Усл. печ. л. 20,5. Уч.-изд. л. 22,7
Тираж 4500 экз. Тип. зак. 4121
Цена 2 р. 50 к.

Издательство «Наука»
117485, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 94а
2-я типография издательства «Наука»
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

